1 abl. J II 753

А. И. ЗАОЗЕРСКІЙ.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

ВЪ СВОЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Научное Дѣло". Загородный пр., 74.
1917.

ЗАПИСКИ

Историко-филологическаго факультета

ИМПЕРАТОРСКАГО

Петроградскаго Университета

ЧАСТЬ CXXXV.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

J II 753. 5dl
T 135

А. И. ЗАОЗЕРСКІЙ.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

ВЪ СВОЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

19053
1938 № 2199
Проверка 2007
ЛЕН. ГОС. УНИВЕРСИТЕТ НАУЧН. БИБЛИОТЕКА им. М. ГОРЬКОГО
сверено 2000

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Научное Дѣло". Загородный пр., 74.
1917.

Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Петроградскаго Университета.

14 февраля 1917. Деканъ *Ѳ. Браунъ.*

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 22 февраля 1917 г. № 1153.

Предлагаемая книга выходитъ не въ томъ объемѣ, въ какомъ была задумана. Вопросы, изучаемые въ послѣдней главѣ, должны были, по первоначальному плану, получить самостоятельное значеніе и образовать содержаніе второй половины книги; однако, по обстоятельствамъ, авторъ вынужденъ былъ сократить ихъ изложеніе, придавъ этой части характеръ заключительной главы. Тема работы допускаетъ такое сокращеніе, и книга, можетъ быть, даже выиграла отъ этого въ цѣльности; но, конечно, самый предметъ послѣдней части остался неисчерпаннымъ.

Выпуская въ свѣтъ свою книгу, авторъ съ чувствомъ глубокой признательности можетъ сказать, что его работа выполнена и появляется въ печати благодаря счастливой для него возможности непосредственнаго общенія съ Университетомъ и поддержкѣ, какую оказалъ ему Историко-Филологическій Факультетъ, давши ей мѣсто въ своихъ Запискахъ. Онъ навсегда останется благодарнымъ своему учителю по Университету, С. Ѳ. Платонову, который привлекъ его къ научному труду и ввелъ въ университетскую среду. Равнымъ образомъ для него будетъ дорого вспомнить участливое отношеніе къ его работѣ, какое онъ неизмѣнно встрѣчалъ со стороны своихъ знакомыхъ и друзей. Онъ считаетъ также

пріятнымъ долгомъ высказать свою благодарность администраціи и служащимъ тѣхъ учрежденій, гдѣ ему приходилось заниматься, — Государственнаго Архива, Архива Министерства Юстиціи, М. Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Общества [1]), Археографической Комиссіи и М. Архива Императорскаго Двора.

30 янв. 1917 г Петроградъ.

---

[1]) Въ библіотекѣ М. С.-Х. О. хранятся два важные для избраннаго авторомъ предмета рукописные памятника 17 в.: Приходо-расходная книга с. Измайлова за 185 г. и Хозяйственное описаніе с. Измайлова отъ 189 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Вскорѣ послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича его преемникомъ были изданы, въ одинъ и тотъ же день—18 февр. 1676 г., два указа, тѣсно связанные между собою: согласно одному изъ нихъ, передавались въ вѣдомство Приказа Большого Дворца „Оптекарской дворъ съ каменнымъ и з деревяннымъ строеньемъ, и иные покупные и взятые дворы, ...да волости і села“ въ разныхъ уѣздахъ, „что вѣдомо было при отцѣ ево государеве (т.) въ Приказе ево государевыхъ Тайныхъ Дѣлъ“ [1]); согласно другому, должны были поступить въ вѣдѣніе Стрѣлецкаго приказа „Хлѣбный приказъ і въ немъ всякие дѣла, ...и городы, которые вѣдомы въ томъ же приказѣ..., да волости и села розныхъ уѣздовъ“ [2]). При жизни Алексѣя Михайловича, Хлѣбный приказъ и подчиненная ему территорія также „вѣдомы“ были въ Тайномъ приказѣ, и этимъ объясняется одновременность обоихъ актовъ: тотъ и другой были вызваны послѣдовавшимъ за смертью царя Алексѣя упраздненіемъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ и необходимостью опредѣлить положеніе территоріи, состоявшей въ завѣдываніи — частью непосредственномъ, частью посредственномъ—упраздненнаго учрежденія.

Указы 18 февраля, перечисляя города, волости и села, рядомъ съ ними отмѣчаютъ въ качествѣ предметовъ, подлежавшихъ передачѣ въ новыя вѣдомства, „хлѣбъ молоченой и немолоченой“, „хлѣбные и лѣсные запасы“, дворы конюшенные, скотные и птичьи, заводы соляные, желѣзные и поташные, промыслы „рыбной и насадной“, давая такимъ образомъ понять, что ликвидація застала въ предѣлахъ очерченной въ нихъ тер-

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 191—5.
[2]) Ib., ст. 280—2.

ріторіи хозяйственную жизнь въ полномъ ходу. Болѣе наглядное представленіе объ этомъ хозяйствѣ помогаетъ составить произведенная тогда же опись владѣній, бывшихъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ Тайнаго приказа. Опись подробно перечисляетъ хозяйственныя „статьи", оказавшіяся на лицо въ разныхъ селахъ, и уже по тому, что она занимаетъ собой болѣе 80 столбцовъ печатнаго текста [1]), можно догадываться, какъ полно были обставлены въ хозяйственномъ отношеніи описываемыя въ ней владѣнія. И на самомъ дѣлѣ, какъ ни бѣдно красками ея содержаніе,—при послѣдовательномъ ея чтеніи за разнообразными хозяйственными терминами и рядами цифръ отчетливо вырисовывается рядъ благоустроенныхъ имѣній, слагавшихся въ рукахъ дѣятельнаго и заботливаго хозяина въ обширную культурно-хозяйственную организацію. Другіе документы вводятъ насъ въ исторію и повседневную жизнь этой организаціи, изображаютъ образованіе и ростъ территоріи, административный строй, техническіе пріемы и результаты хозяйственной работы, составъ и положеніе рабочаго населенія. И каждая подробность, попадающая въ поле зрѣнія наблюдателя, подтверждаетъ первое впечатлѣніе, а всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ очевидными наличность обдуманнаго плана и большія затраты энергіи и матеріальныхъ средствъ на его осуществленіе.

Любитель старины можетъ закрѣпить вынесенное имъ изъ документовъ представленіе съ помощью и нѣкоторыхъ матеріальныхъ слѣдовъ этого культурно-хозяйственнаго предпріятія, сохраняющихся по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ пунктовъ бывшаго вѣдомства Тайнаго приказа. За Москвой, въ 2—3 верстахъ отъ города, неподалеку отъ шоссе, которое идетъ отъ Преображенской заставы, ему укажутъ Николаевскую военную богадѣльню. Съ перваго же взгляда онъ замѣтитъ, что это благотворительное учрежденіе помѣстилось въ необычной обстановкѣ. За ровнымъ, слегка покатымъ къ шоссе, обширнымъ лугомъ протекаетъ рѣчка (Серебрянка), огибая поднимающуюся за ней, на подобіе острова, площадь и ниже образуя, благодаря плотинѣ, дов. большой прудъ. На площади, за рѣчкой,—солидное трехъэтажное зданіе Николаевскаго стиля, съ возвышающимися посрединѣ пятью главами: это и есть богадѣльня,—она прежде всего бросается въ глаза. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, частью заполненномъ низ-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 195 и сл.

кими постройками, на берегу, по направленію къ плотинѣ,— небольшая церковь съ колокольней, обѣ—старинной архитектуры. Въ сторону отъ богадѣльни, ближе къ мосту черезъ рѣчку, выдвигается своеобразное сооруженіе, которое, главнымъ образомъ, и даетъ картинѣ тонъ, — трехъярусная шатровая башня, съ проѣзжими воротами въ срединѣ, съ двухглавымъ орломъ наверху: при видѣ ея, у наблюдателя не будетъ сомнѣнія, что передъ нимъ—мѣсто съ особымъ историческимъ прошлымъ. Такимъ представляется въ настоящее время, если смотрѣть со стороны, знаменитое Измайлово, одна изъ лѣтнихъ резиденцій царя Алексѣя и вмѣстѣ — хозяйственный центръ вѣдомства Тайнаго приказа. Дорога, отдѣляющаяся отъ шоссе, приведетъ черезъ мостъ, мимо башни, на площадь, при чемъ зданіе, увѣнчанное главами, и еще два другихъ того же типа окажутся направо, а противъ нихъ, налѣво,—два длинныхъ одноэтажныхъ каменныхъ корпуса и въ срединѣ между ними—старинные ворота. Войдя въ ворота, посѣтитель увидитъ передъ собой обширный, почти квадратный, около 100 саж., дворъ, по сторонамъ заставленный низкими деревянными постройками, и здѣсь первый встрѣчный инвалидъ разскажетъ ему, что было на этомъ мѣстѣ 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Главное зданіе богадѣльни—это древній Покровскій соборъ; онъ цѣлъ и сейчасъ, но загороженъ пристроенными къ нему съ трехъ сторонъ корпусами. Въ углу двора, на берегу, рядомъ съ замѣченной уже небольшой старинной церковью, стоялъ деревянный, въ три житья, царскій дворецъ, соединявшійся съ нею крытыми переходами; онъ держался, въ полуразрушившемся, правда, видѣ, до половины прошлаго столѣтія, когда былъ окончательно сломанъ, и на его мѣстѣ поставленъ былъ деревянный флигель для призрѣваемыхъ офицеровъ. По сторонамъ двора, гдѣ теперь деревянныя постройки, шли, начинаясь у самаго дворца, длинные одноэтажные каменные корпуса, разобранные потомъ одновременно съ дворцомъ по той причинѣ, что понадобился матеріалъ для богадѣльни; они служили и оградой двора, и жильемъ для дворцовыхъ слугъ, прикащиковъ, охотниковъ; тутъ же помѣщались и разныя хозяйственныя службы—хлѣбни, погреба, пивоварни, медоварни, квасоварни, винный заводъ. Все это устроилъ царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ лично смотрѣлъ за хозяйствомъ, а въ той шатровой башнѣ созывалъ своихъ бояръ на совѣтъ о государственныхъ дѣлахъ. Разсказчикъ знаетъ, что было и во-

кругъ; покажетъ мѣсто, гдѣ разбитъ былъ „регулярный“ садъ: начинаясь у самаго дворца, онъ тянулся внизъ по берегу приблизительно на 30 саж.; раскиданные здѣсь кусты сирени, шиповника, барбариса, крыжовника—все его остатки. А за тѣмъ прудомъ, который окружаетъ царскій дворъ съ противуположной стороны, расположенъ Виноградный садъ. Это названіе постоянно встрѣчается въ хозяйственныхъ документахъ Тайнаго приказа,—знакъ того, что садъ былъ предметомъ особенно тщательнаго ухода. Онъ занимаетъ около квадратной версты. По срединѣ его и теперь—роскошныя аллеи вѣковыхъ липъ: если не эти живыя липы, такъ тѣ, другія, отъ которыхъ остались прочно усѣвшіеся мѣстами колоссальные пни, ужъ навѣрное были современницами царя Алексѣя. Значительная часть сада сейчасъ—подъ капустой и картофелемъ; а тогда, кромѣ овощей, тутъ разводились виноградныя лозы, росли яблони, груши, дули, вишни, сливы, даже тутовое дерево. Время и сюда внесло опустошеніе; зато административная предусмотрительность пощадила этотъ уголокъ: въ Виноградномъ саду всего одинъ современный домъ-дача,—и стоитъ отойти подальше въ глубь аллеи, чтобы почувствовать себя вполнѣ во власти прошлаго... Позади Виноградаго сада должны быть слѣды разныхъ хозяйственныхъ построекъ, а за ними уже начинались государевы поля. При возвращеніи можно воспользоваться дорогой, которая обходитъ низомъ регулярный садъ и приведетъ къ упоминавшейся раньше плотинѣ. Это—также памятникъ; кирпичная кладка расходится полукругомъ далеко въ стороны отъ стока, глубоко уходя въ землю, и, повидимому, несокрушима. Къ плотинѣ теперь приспособлена лѣсопилка, а прежде стояла при ней каменная мельница, на которой мололи государевъ хлѣбъ. Отсюда тропинка поведетъ васъ лугомъ на шоссе; но прошлое, которое овладѣло вами тамъ, на царскомъ дворѣ и въ садахъ, не хочетъ отпустить васъ сразу: за открывающейся передъ вашими глазами современной картиной вамъ все хочется представить себѣ эти мѣста, какъ они выглядѣли тогда, въ обстановкѣ той далекой жизни.

Исторія хозяйственнаго быта Московской Руси вообще не богата цѣльными памятниками, и уже потому для историка можетъ быть привлекательной попытка возстановить, пользуясь «дѣлами» Тайнаго приказа, хозяйственный строй находившейся въ его вѣдомствѣ территоріи. Другое обстоятельство, отчасти и

отмѣченное, сообщаетъ, однако, предмету болѣе широкій интересъ. Не въ преданіи только, а и въ архивѣ Тайнаго приказа, осталось много подлинныхъ слѣдовъ того, что царь Алексѣй въ самомъ дѣлѣ по-настоящему чувствовалъ себя хозяиномъ въ подвѣдомственныхъ приказу владѣніяхъ и лично входилъ во всѣ мелочи ихъ хозяйственной жизни. Являясь любопытной біографической чертой сама по себѣ, хозяйственная дѣятельность Алексѣя Михайловича своей формальной обстановкой поднимаетъ вопросы, которые выводятъ ея значеніе за предѣлы личной характеристики. Изъ какихъ владѣній составилось царское хозяйство, и почему оно поручено было Тайному приказу? Въ спеціальномъ изслѣдованіи Гурлянда о Тайномъ приказѣ эти вопросы поставлены, и на нихъ данъ слѣдующій отвѣтъ. Хозяйственная дѣятельность царя «началась съ немногихъ подмосковныхъ селъ, и съ немногихъ на этихъ земляхъ улучшеній», но потомъ разрослась и захватила «весьма большую площадь земли», отчасти «въ силу хозяйственной необходимости, отчасти по развившейся страсти». Такъ въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства образовался «кругъ имѣній», въ которыхъ царь «пожелалъ непосредственно завѣдывать хозяйствомъ» и которые были потомъ «изъяты изъ вѣдѣнія Большого Дворца» и «переданы въ Тайный приказъ». Это была новость, потому-что до Алексѣя Михайловича «не дѣлалось еще различія между управленіемъ загородными имѣніями царя (какъ бы личной его собственностью) и управленіемъ дворцовыми землями». Почему, однако, царь не продолжалъ управлять «своими имѣніями» черезъ Приказъ Большого Дворца? «По нѣкоторому недовольству Большимъ Дворцомъ»,—отвѣчаетъ авторъ. Привыкнувъ требовать быстроты и точности въ исполненіи своихъ распоряженій, царь вообще убѣдился, что его требованія «не по плечу всему дворцовому вѣдомству» и «тяжелая машина дворцовыхъ учрежденій» не можетъ «поспѣвать за нимъ» [1]).—Итакъ, царское хозяйство сложилось, какъ любительское предпріятіе, въ рамкахъ дворцоваго вѣдомства, и передача его Тайному приказу была только дѣломъ административнаго удобства. Это мнѣніе, внѣшне правдоподобное, подсказано не наблюденіями надъ фактами. Въ свое время мы увидимъ, что въ дѣйствительности хозяйственное вѣдомство Тайнаго при-

---

[1]) Гурляндъ: Приказъ великаго государя Тайныхъ Дѣлъ, стр. 667, 162 и слѣд.

каза возникло, какъ самостоятельная организація, сразу же получившая крупные размѣры, при чемъ въ образованіи ея «загородныя имѣнія царя» играли нисколько не большую роль по сравненію съ остальными частями территоріи. Отсюда — приходится спрашивать не о томъ, почему всѣ эти владѣнія были «изъяты» изъ вѣдѣнія Большого Дворца, а о томъ, почему для завѣдыванія сложнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ царь выбралъ не какой-нибудь другой, а именно Приказъ Тайныхъ Дѣлъ,—учрежденіе, по своимъ задачамъ, казалось бы, не имѣвшее ничего общаго съ хозяйственными интересами. Если бы выборъ опредѣлялся только соображеніями технической приспособленности,—можно не сомнѣваться, что онъ палъ бы на Большой Дворецъ. Гурляндъ, правда, настаиваетъ, что царь былъ недоволенъ «тяжелой машиной дворцовыхъ учрежденій»; но въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ могъ привести только одинъ фактъ, который на самомъ дѣлѣ скорѣе опровергаетъ, чѣмъ подкрѣпляетъ его. Въ 1652 г., смѣнивъ прежняго управляющаго Дворцомъ, кн. А. М. Львова, новымъ—В. В. Бутурлинымъ, царь съ чувствомъ удовлетворенія писалъ п. Никону: «а слово мое нынѣ во Дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замотчанья». Ясно, что недовольство царя относилось не къ учрежденію, а къ лицу. Ушелъ кн. Львовъ, старый и упрямый бояринъ, и Дворецъ сталъ послушнымъ и исполнительнымъ[1]). Потому, конечно, царь до конца не находилъ препятствій оставлять въ дворцовомъ вѣдомствѣ любимыя свои подмосковныя села, какъ Преображенское, Воробьево, Коломенское и др. Выводъ, который слѣдуетъ отсюда, можетъ быть лишь тотъ, что въ данномъ вопросѣ рѣшающее значеніе имѣли не техническія только, а и общія свойства учрежденія и что, слѣд., нельзя разсматривать хозяйственное вѣдомство Тайнаго приказа внѣ связи съ общимъ назначеніемъ приказа. Но какъ бы ни различались въ подробностяхъ опредѣленія Тайнаго приказа, въ основномъ своемъ назначеніи онъ былъ, несомнѣнно, политическимъ учрежденіемъ и вызванъ къ жизни политическимъ міровоззрѣніемъ царя Алексѣя. А это значитъ, что и осуществлявшаяся черезъ него хозяйственная дѣятельность Алексѣя Михайловича, оставаясь эпизодомъ экономической исторіи, могла быть вмѣстѣ съ тѣмъ отра-

---

[1]) Стр. 67.; авторъ цитируетъ не точно — „слово мое... страшно“; въ подлинникѣ сказано сильнѣе: «добрѣ страшно».

женіемъ условій политической жизни и потому можетъ характеризовать собой опредѣленный моментъ въ политической эволюціи Московской Руси.

Будемъ ли мы изучать хозяйственное вѣдомство Тайнаго приказа, или самый приказъ, какъ учрежденіе, въ обоихъ случаяхъ основнымъ источникомъ будутъ служить „дѣла“ Тайнаго приказа, но не въ одинаковомъ составѣ. Въ первомъ случаѣ наибольшее значеніе имѣютъ документы внутренняго дѣлопроизводства приказа—приходо-расходныя и записныя книги, дополняемыя въ нѣкоторыхъ частяхъ документами, содержащимися въ столбцахъ. Приходо-расходныя книги [1]) составились изъ сокращенныхъ записей государевыхъ указовъ о производствѣ денежныхъ выдачъ и о пріемѣ денежныхъ поступленій. Записи полнѣе въ статьяхъ первой категоріи и досадно скупы въ статьяхъ второй; поэтому приходо-расходныя книги, позволяя наблюдать царское хозяйство въ движеніи различныхъ его отраслей, во многомъ оставляютъ закрытымъ общій ходъ хозяйственнаго оборота. Мѣстами, въ своемъ содержаніи онѣ выступаютъ изъ рамокъ чисто финансовыхъ операцій, сообщая попутно свѣдѣнія, характеризующія другія стороны хозяйственной жизни,—отмѣчая нужды, на удовлетвореніе которыхъ производились ассигновки, воспроизводятъ нерѣдко порядокъ работъ и техническіе пріемы, составъ администраціи и рабочихъ. Большимъ лишеніемъ для изслѣдователя являются дефекты въ составѣ этого памятника: приходо-расходныя книги имѣются лишь за 7 лѣтъ, и то не полностью за каждый годъ. Этотъ пробѣлъ восполняютъ, но только до нѣкоторой степени, „расходные столбцы“, сохранившіеся какъ разъ за тѣ годы (именно за 6 лѣтъ), отъ которыхъ не достаетъ приходо-расходныхъ книгъ. Столбцы содержатъ документы въ подлинномъ видѣ, и потому богаче конкретнымъ матеріаломъ; рядомъ съ государевыми указами по хозяйству въ нихъ нерѣдко встрѣтимъ приказныя справки, подрядныя записи, челобитныя,—словомъ документы, которые ставятъ изслѣдователя лицомъ къ лицу съ людьми и отношеніями. Столбцы, вѣроятно, служили источникомъ при составленіи приходо-расходныхъ книгъ, и были бы, безъ сомнѣнія, цѣннѣе послѣднихъ, если бы еще больше, чѣмъ тѣ, не пострадали въ своемъ составѣ: изъ 6 годовъ, отъ кото-

[1]) Р. И. Б., т. 23.

рыхъ они дошли до насъ, ни за одинъ они не сохранились цѣликомъ, а только частями—за 1, за 2, за 3, самое большее—за 8 мѣсяцевъ.—Шире и разнообразнѣе по содержанію записныя книги Тайнаго приказа[1]). Составляясь путемъ регистраціи входящихъ и исходящихъ бумагъ приказа,—государевыхъ грамотъ и указовъ, приказныхъ памятей, отписокъ съ мѣстъ, онѣ велись систематически въ теченіе ряда лѣтъ, изо-дня въ день, и потому должны отражать въ себѣ полный кругъ дѣятельности учрежденія. Хозяйственныя дѣла, не являясь ихъ единственнымъ предметомъ, какъ то видимъ въ приходо-расходныхъ книгахъ, въ извѣстной части записныхъ книгъ рѣшительно преобладаютъ надъ другими,—доказательство, между прочимъ, того, насколько важное мѣсто занимали хозяйственныя функціи въ дѣятельности приказа. Содержащіяся здѣсь распоряженія и донесенія по хозяйственному управленію затрагиваютъ самыя различныя стороны хозяйственнаго быта, и, можно сказать, если бы соотвѣтствующіе акты давались въ подлинникахъ, легко возстановлялся бы по записнымъ только книгамъ весь строй жизни царскихъ владѣній. Но составители книгъ подвергали каждый, поступавшій въ ихъ руки, документъ переработкѣ, руководясь при этомъ потребностями приказной памяти, и потому старались извлекать изъ него тѣ свѣдѣнія, которыя могли пригодиться потомъ для справокъ и еще, можетъ быть, при составленіи общихъ вѣдомостей. Оттого, напр., въ записныхъ книгахъ тщательно выписаны цифры натуральныхъ поступленій, и лишь въ случайныхъ намекахъ проступаютъ черты, характеризующія административный строй или правовое положеніе населенія. По этой причинѣ значеніе ихъ, какъ источника, становится болѣе скромнымъ; при томъ и въ отношеніи сохранности онѣ раздѣлили участь приходо-расходныхъ книгъ: въ ихъ составѣ не достаетъ значительной по объему (почти за 2 года) и важнѣйшей по характеру захватываемаго момента части,—именно, съ 11 мая 1662 г. по ноябрь 1664 г. Невыгодныя для изслѣдованія свойства изложенія записныхъ книгъ и указанный пробѣлъ въ ихъ составѣ могли бы быть возмѣщены подлинными документами, которые подклеивались въ приказѣ въ особые «столпы всякихъ дѣлъ». Эти документы, естественно, являются драгоцѣннымъ источникомъ, и, помимо содержанія, интересны самой формой. Одни изъ

[1]) Р. И. Б., т. 21.

нихъ имѣютъ официальный характеръ, т.-е. прошли черезъ обычныя стадіи приказнаго дѣлопроизводства, и потому изложеніе ихъ мы найдемъ въ записныхъ книгахъ, или нашли бы, если бы тѣ сохранились полностью; другіе, напротивъ, не были официальными, и не подлежали приказной регистраціи, какъ, напр., нѣкоторыя собственноручныя замѣтки царя Алексѣя, меморандумы, экстренные доклады царю и т. п. Тѣмъ большее сожалѣніе вызываетъ у изслѣдователя то состояніе, въ какомъ «столпы всякихъ дѣлъ» дошли до насъ: особенно въ категоріи хозяйственныхъ дѣлъ это, за немногими исключеніями,—разрозненные отрывки, въ значительной части черновики, иногда разсыпающіеся отъ ветхости при попыткѣ взять ихъ въ руки.— Извѣстную помощь при изученіи царскаго хозяйства могутъ оказать, наконецъ, описи «дѣлъ» Тайнаго приказа, составлявшіяся въ то время, когда всѣ дѣла приказа были еще на-лицо. Описи, при своей краткости, тѣмъ и цѣнны въ данномъ случаѣ, что воспроизводятъ составъ приказнаго архива въ полномъ его объемѣ, давая понятіе о такихъ документахъ, которые потомъ безслѣдно погибли.

Отмѣченными особенностями источниковъ устанавливаются предѣлы, въ какихъ можетъ быть выполнена первая изъ поставленныхъ задачъ. Перерывы въ записяхъ приходо-расходныхъ и записныхъ книгъ, хронологически измѣряющіеся годами, не позволяютъ прослѣдить процессъ образованія хозяйственнаго вѣдомства приказа съ одинаковой полнотой во всѣхъ моментахъ и, можетъ быть, въ наиболѣе существенныхъ моментахъ сдѣлаютъ необходимымъ путь догадокъ. Съ другой стороны, благодаря спеціальнымъ пріемамъ изложенія однихъ источниковъ (книгъ и описей) и крайней отрывочности другихъ (столбцовъ), самая схема хозяйственнаго строя въ вѣдомствѣ приказа можетъ выйти не во всѣхъ частяхъ одинаково отчетливой, и неизбѣжными окажутся важные пробѣлы въ заполненіи ея конкретнымъ содержаніемъ. И все же надо отдать справедливость составителямъ приходо-расходныхъ и записныхъ книгъ, являющихся основнымъ нашимъ источникомъ,—подъячимъ Тайнаго приказа. Ихъ работа, по самому назначенію своему, и должна была носить протокольный характеръ. Но бумажное производство, видимо, не убило въ этихъ представителяхъ канцелярской профессіи воспріимчивости къ впечатлѣніямъ подлинной дѣйствительности. Они ведутъ свои записи, держась спеціальныхъ рамокъ и по

опредѣленнымъ формуламъ,—но поверхъ этихъ рамокъ въ эти формулы свободно проникаютъ непосредственные отголоски жизни: мы чувствуемъ ихъ и въ дословной выдержкѣ изъ воеводской отписки или памяти прикащику, гдѣ вдругъ выглянетъ живое лицо или со всей непосредственностью скажется житейскій казусъ, и въ какой-нибудь детали «реальныхъ отношеній», которая, можетъ быть, потому только и попала въ книгу, что возбудила любопытство подъячаго, и въ наивно-мѣткихъ оборотахъ рѣчи, въ которыхъ иной разъ, точно въ зеркалѣ, отразится своеобразный обликъ создавшей ихъ среды. Можно поэтому сказать, что, составляя книги, московскіе подъячіе сдѣлали, въ предѣлахъ своей профессіональной задачи, больше, чѣмъ могли бы, давая возможность современному изслѣдователю собрать разсыпанныя ими краски въ цѣльную картину, хотя кропотливостью такой задачи и подвергая его опасности—сдѣлать меньше, чѣмъ онъ долженъ.

Другія особенности источниковъ выдвигаются передъ изслѣдователемъ, когда онъ пытается уяснить себѣ общее назначеніе Тайнаго приказа. Приказъ оставилъ послѣ себя огромный архивъ, разборка и описаніе котораго, предпринятыя вскорѣ по его упраздненіи, на нѣсколько лѣтъ задали работу спеціальнымъ комиссіямъ и содержаніе котораго воспроизводятъ явившіяся въ результатѣ работы описи, а частью и подлинные документы, разсѣянные по разнымъ современнымъ архивамъ. Но архивъ приказа удивляетъ, можетъ быть, не столько количествомъ оказавшихся въ немъ «дѣлъ», сколько ихъ разнообразіемъ: послѣднее непремѣнно бросится въ глаза при знакомствѣ съ описями, и съ особенной наглядностью выступаетъ въ томъ фактѣ, что, при разсылкѣ „дѣлъ“ при ликвидаціи, ими надѣлены были 29 приказовъ—каждый по предметамъ своего вѣдомства. Можно ли заключить отсюда, что Тайный приказъ совмѣщалъ въ себѣ и соотвѣтствующее разнообразіе функцій? Очевидно, положительный отвѣтъ на это слѣдовалъ бы съ необходимостью, если бы всѣ, отмѣчаемые описью, документы принадлежали къ дѣлопроизводству приказа. Въ дѣйствительности, однако, по безспорнымъ признакамъ, многіе изъ нихъ не производились въ Тайномъ приказѣ, поступивъ сюда изъ другихъ учрежденій, и потому въ качествѣ источниковъ, естественно, не могутъ имѣть одинаковаго значенія съ дѣлами собственнаго производства приказа. Совершенно ясно, что изслѣдователь, который пользовался бы

документами по описямъ, не учитывая должнымъ образомъ момента ихъ происхожденія, открылъ бы тѣмъ самымъ полную свободу—надѣлять приказъ любыми функціями и объявлять ту или другую изъ нихъ, по выбору, основной въ жизни учрежденія. А между тѣмъ опись, передавая содержаніе дѣлъ, чаще всего не указываетъ ихъ происхожденія, и въ то же время нѣтъ возможности разыскать всѣ, упоминаемые ею, документы въ подлинникахъ. При такихъ условіяхъ осторожность становится первымъ требованіемъ отъ изслѣдованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ особую цѣнность пріобрѣтаютъ нѣкоторыя общія показанія источниковъ, помогающія ориентироваться въ указанномъ направленіи въ представляемомъ ими же матеріалѣ.

Эти показанія даются прежде всего самими описями. Помимо частичныхъ, имѣются три описи, которыя могутъ быть названы общими: одна и произведена была съ спеціальной цѣлью описанія дѣлъ [1]); другая составлялась при разсылкѣ дѣлъ по приказамъ [2]); въ третьей описаны дѣла, оставшіяся послѣ разсылки. Первыя двѣ, по содержанію, почти совпадаютъ, точнѣе—роспись, составлявшаяся при разсылкѣ, повторяетъ произведенное раньше описаніе; но обѣ онѣ по разному классифицируютъ дѣла: въ то время какъ послѣдняя росписываетъ ихъ между наличными приказами и уже не считается съ Тайнымъ, первая отводитъ ему опредѣленное мѣсто среди другихъ и относитъ на его долю часть изъ общаго состава описываемыхъ дѣлъ, тѣмъ самымъ давая какъ бы очеркъ его подлинной компетенціи. Аналогичное значеніе имѣетъ и третья изъ перечисленныхъ описей. Дѣла приказа были разосланы не всѣ; остававшіяся хранились сначала въ Печатномъ приказѣ, а потомъ были переданы въ Ближнюю Канцелярію [3]), знаменитый начальникъ которой Н. М. Зотовъ и составилъ имъ особую опись [4]). Произошло все это едва ли случайно, хотя бы, напр., потому, что у разборной комиссіи не хватило рукъ для разсылки всѣхъ дѣлъ: оказавшіеся не разосланными документы слишкомъ цѣнны по содержанію, и если бы на-ряду съ другими предназначались къ разсылкѣ, то, думается, скорѣе всего попали бы въ первую очередь.

---

[1]) Р. И. Б. т. 21, ст. 1—190.
[2]) Ib., ст. 345—688.
[3]) Ib., стр. IV.
[4]) Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, ст. 1—44.

Среди нихъ находимъ расходные столбцы приказа, приходо-расходныя и записныя книги, дневальныя записки, походные дневники царя Алексѣя, его грамоты и письма, тайные наказы посламъ и секретную дипломатическую переписку, наказы воеводамъ и ихъ отписки въ Тайный приказъ съ театра военныхъ дѣйствій, дѣла по сношеніямъ съ иноземцами, дѣло п. Никона,— все документы, или являющіеся основными въ собственномъ дѣлопроизводствѣ приказа или относящіеся къ вопросамъ первостепенной государственной важности, при томъ нѣкоторые изъ нихъ собственноручно писаны царемъ и многіе имъ редактированы. Можно поэтому думать, что при разборкѣ дѣлъ Тайнаго приказа комиссія отсылала въ другія учрежденія преимущественно тѣ, которыя или принадлежали къ ихъ дѣлопроизводству или были необходимы имъ по связи съ задачами текущаго управленія, но что она не имѣла съ самаго начала въ виду разбивать тотъ кругъ дѣлъ, въ которомъ отражалась собственная компетенція учрежденія. И мы могли бы довѣриться получившейся классификаціи: комиссія состояла по преимуществу, изъ бывшихъ дьяковъ и подъячихъ Тайнаго приказа,— людей, которые могли, какъ никто другой, разбираться въ его дѣйствительномъ назначеніи. Сопоставляя указанія той и другой описи, найдемъ, что, въ общемъ, обѣ согласно намѣчаютъ то направленіе, въ какомъ можетъ быть произведено упрощеніе пестраго архивнаго наслѣдства Тайнаго приказа въ смыслѣ приблизительнаго выдѣленія сферы подлиннаго его вѣдомства. Дальнѣйшее упрощеніе можетъ быть достигнуто съ помощью записныхъ книгъ и уже въ другомъ направленіи. Согласно самому способу своего составленія, эти книги рисуютъ кругъ дѣятельности приказа въ порядкѣ хронологической послѣдовательности и потому допускаютъ поставить къ нимъ вопросъ: можно ли считать все разнообразіе функцій, которое заставляютъ предполагать описи, въ томъ числѣ даже и Зотовская, свойственнымъ приказу въ каждый моментъ его существованія, или, можетъ быть, опредѣленныя функціи являются характерными для отдѣльныхъ періодовъ въ жизни приказа, смѣна которыхъ обозначала бы собой извѣстную, пережитую приказомъ, эволюцію? Не приходится доказывать, насколько существенно измѣнилась бы картина дѣятельности приказа, получающаяся путемъ простого суммированія „дѣлъ“, въ томъ случаѣ, если бы оказалось вѣрнымъ второе предположеніе.

Въ вопросѣ о назначеніи Тайнаго приказа предлагаемое изслѣдованіе и исходитъ изъ этихъ общихъ показаній названныхъ источниковъ [1]).

---

[1]) Упомянутая книга Гурлянда и въ этомъ вопросѣ также не внушаетъ къ себѣ довѣрія ни степенью полноты использованныхъ въ ней источниковъ, ни пріемами изслѣдованія. Съ одной стороны, зная, что „дѣла“ приказнаго архива могутъ имѣть въ качествѣ источника очень различное значеніе въ зависимости отъ ихъ происхожденія, Гурляндъ фактически игнорируетъ этотъ моментъ и пользуется ими, какъ однороднымъ въ формальномъ отношеніи матеріаломъ,—описями, напр., такъ же, какъ подлинными документами приказнаго дѣлопроизводства. Съ другой стороны, важнѣйшимъ источникомъ при изученіи круга дѣятельности приказа являются, какъ мы знаемъ, записныя книги, и, по заявленію Гурлянда, эти книги имъ «изучены»; а между тѣмъ ихъ «изученіе» ни въ какой мѣрѣ не сказалось ни на сужденіяхъ его о приказѣ, ни вообще на содержаніи книги. Поверхностное отношеніе къ источникамъ, открывая передъ авторомъ полную свободу построеній, сдѣлало возможнымъ и общее опредѣленіе Тайнаго приказа, какъ «органа высшей справедливости», по одной изъ второстепенныхъ функцій, и естественно, что полученное такимъ путемъ, это опредѣленіе осталось несогласованнымъ съ детальной характеристикой учрежденія. Разнообразныя функціи приказа оказались лишенными внутренней связи, и авторъ замѣнилъ ее въ ихъ описаніи чисто внѣшней схемой: раздѣлилъ ихъ на двѣ группы, изъ которыхъ въ одну помѣстилъ „спеціальныя вѣдомства“—числомъ 15 (не считая подраздѣленій), въ другую—функціи, выражающія «общія начала управленія», оставивъ обѣ группы въ полной обособленности. Въ результатѣ у Тайнаго приказа получилось столько же самостоятельныхъ задачъ, сколько можно насчитать предметовъ вѣдомства, и понятно, что при такой конструкціи общее назначеніе учрежденія такъ же мало можетъ объяснять отдѣльныя функціи, какъ и послѣднія—иллюстрировать первое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пока нельзя сказать, какимъ образомъ въ составѣ компетенціи Тайнаго приказа появилось самостоятельное хозяйственное вѣдомство,—было ли оно установлено спеціальнымъ государевымъ указомъ, или сложилось фактически, по мѣрѣ подчиненія приказу отдѣльныхъ владѣній. Зато рядомъ косвенныхъ признаковъ довольно точно опредѣляется время, на которое приходятся начальные моменты его формированія.

Хронологическія границы, въ предѣлахъ которыхъ это должно было произойти, намѣчаются записными книгами Тайнаго приказа, точнѣе—пространствомъ, захватываемымъ ихъ утерянной частью: до 11 мая 1662 г., т.-е. до того числа, на которомъ записныя книги обрываются, въ нихъ не найдется ни одного распоряженія, которое касалось бы состоявшихъ потомъ за приказомъ владѣній, даже ни одно изъ этихъ владѣній не названо; наоборотъ, съ перваго же числа въ ноябрѣ 1664 г., на которомъ онѣ возобновляются, хозяйственныя распоряженія становятся преимущественнымъ предметомъ ихъ содержанія и страницы ихъ начинаютъ пестрѣть соотвѣтствующими географическими названіями. Такимъ образомъ, какъ бы самъ собой выдѣляется, съ значеніемъ промежутка времени, въ теченіе котораго образовалась въ вѣдомствѣ приказа хозяйственная организація, 1663-й (171—172-й) годъ. Рядомъ съ этимъ наблюденіемъ не кажется простой случайностью, что и приходо-расходныя книги приказа, имѣя дѣло, въ сохранившемся ихъ составѣ, уже съ налаженнымъ хозяйствомъ, начинаются какъ разъ съ 172-го, т.-е. съ сентября 1663-го года. Правда, Зотовской описи извѣстны „тетрати въ полдесть приходные и расходные же со 164-го по 172-й годъ пріему подъячихъ Ѳедора Казанцова, Протасья Никифорова, Григорья Ключарева“ [1]); од-

[1]) Зап. Отд. р. и с. арх. Рус. Арх. Общ., т. II, стр. 29.

нако, сама опись, соединивъ эти „тетрати“ трехъ разныхъ подъячихъ, отдѣлила ихъ, какъ одно цѣлое, отъ „столповъ и тетратей приходныхъ“ послѣдующихъ лѣтъ и „пріему“ другихъ подъячихъ, т.-е. отъ извѣстныхъ намъ приходо-расходныхъ книгъ приказа, и тѣмъ позволяетъ предполагать, въ качествѣ основанія для раздѣленія, различіе между тѣми и другими по содержанію, аналогичное тому, какое выступаетъ такъ ясно въ записныхъ книгахъ. Можетъ быть даже, что и записныя книги тѣмъ же хронологическимъ пунктомъ, т. е. 172 годомъ (сентябремъ 1663-го года) дѣлились на двѣ части, и это могло способствовать впослѣдствіи утратѣ конца первой ихъ части и начала второй. Итакъ, изъ намѣчаемыхъ записными книгами хронологическихъ рамокъ выпадаютъ прежде всего 1662-й и 1664-й годы, а затѣмъ и вторая половина 1663-го (т.-е. первая половина 172-го) года, и остается, слѣд., первая половина 1663-го (или вторая 171-го) года, какъ наиболѣе вѣроятный хронологическій терминъ, съ которымъ можно связывать возникновеніе хозяйственнаго вѣдомства Тайнаго приказа.

Къ тому же хронологическому пункту приводятъ и нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія о хозяйственной дѣятельности приказа. 171-й годъ отмѣченъ въ документахъ рядомъ важныхъ хозяйственныхъ мѣропріятій въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, и всѣ они носятъ характеръ первыхъ шаговъ. Въ этомъ году начинается искусственное заселеніе с. Измайлова[1]) и Домодѣдовской волости[2]),— двухъ главныхъ хозяйственныхъ центровъ вѣдомства; производятся развѣдки въ Скопинѣ, Романовѣ и др. мѣстахъ, „гдѣ быть ево, великого государя, десятинной пашнѣ“[3]); заводится пашенное хозяйство въ г. Богородицкомъ[4]); переводятся въ вѣдомство Хлѣбнаго приказа Терюшевская волость и мордовскія села Арзамасскаго и Алатырскаго уѣздовъ[5]); въ то же время на казенныхъ желѣзныхъ заводахъ изготовляются, по спеціальному распоряженію, въ огромномъ количествѣ орудія „для пашенного заводу“ и разсылаются потомъ, по указу изъ Тайнаго приказа отъ 15-го февраля 1663-го года, по городамъ

---

[1]) А. М. Ю., Прик. ст., № 786, л. 173; ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 24—5.

[2]) А. М. Ю., Влад. ст., № 144, лл. 17—19.

[3]) А. М. Ю., Новгор. ст., № 128, л. 342.

[4]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 531, лл. 2—23; № 586, лл. 31—9.

[5]) М. А. М. И. Д.; Дѣла, вновь разобранныя, № 263, л. 1—2; ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 23.

и селамъ, числящимся за приказомъ: на Скопинъ и Романовъ (по 250 плуговъ, по 50 косулей, по 300 топоровъ, по 300 косъ), на Пахру (Домодѣдовской в.—1000 сошниковъ, 300 плуговъ, 300 косулей, 1800 топоровъ, 1400 косъ), въ Измайлово (600 сошниковъ, 100 плуговъ, 200 косулей, 400 топоровъ, 600 косъ) и въ Чашниково (200 сошниковъ, 100 плуговъ, 200 косулей, 400 топоровъ, 600 косъ) [1]); одновременно съ тѣмъ запасаются и живымъ инвентаремъ: „по наряду ис Приказу Тайныхъ Дѣлъ“ покупаются въ 171-мъ году лошади [2]), а съ начала слѣдующаго года и „племянная рогатая животина“ [3]); можно, наконецъ, упоминаемую въ описи „роспись..., что отпущено патриарша хлѣба в—Ызмайлово, въ Покровское, въ Семеновское, въ Чашниково, въ Звенигородскій уѣздъ въ Домодѣдовскую волость во 171-мъ году“ [4]) понять, какъ указаніе на заемъ хлѣба для перваго крупнаго посѣва.

Въ 1664-мъ году хозяйство въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа было, какъ можно наблюдать хотя-бы по записнымъ книгамъ, въ полномъ ходу, и въ распоряженіи приказа имѣлась уже обширная территорія. Кромѣ только что названныхъ владѣній—городовъ: Скопина, Романова и Богородицкаго, волостей: Домодѣдовской и Терюшевской, селъ: Измайлова и Чашникова, въ составъ ея въ это время входятъ еще слѣдующія: волости Карамышевская и Славецкая, села: Ермолино, Лопатино, Дмитровское, Степановское, Алексѣевское, Балабаново, Смердово, Лычово, Лысково, Мурашкино, Дехтяное, Сасово, Порѣцкое и Семеновское.

Въ дальнѣйшемъ рядомъ съ этими появляются, почти ежегодно, новыя владѣнія: въ 1665 году с. Черкизово и Шилбутово [5]); съ 1666-го—г. Гороховецъ [6]), Аргуновская и Городецкая волости [7]), села и сельца: Красное [8]), Ситково [9]) и Борисовское [10]);

---

[1]) А. А. Э., т. IV, № 138. Въ указѣ названъ еще г. Дѣдиловъ, положеніе котораго будетъ выяснено ниже.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 19.

[3]) А. М. Ю., Моск. ст., № 365, лл. 39—40.

[4]) Р. И. Б. т. 21, ст. 26.

[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 368, 1172—3.

[6]) Ib., ст. 1236.

[7]) Ib., ст. 825, 1179

[8]) Ib., ст. 1188.

[9]) Ib., ст. 371.

[10]) Ib.

съ 1667-го—с. Сорокино [1]); съ 1668-го—с. Сергачъ [2]); съ 1670-го—д. Загорье, Изварино, Деревягина [3]); съ 1673-го—Колдомская волость [4]) и села: Котельники, Петровское, Соколово и Либерицы [5]); съ 1674-го — посадъ Соль Малая и с. Княжчино [6]); съ 1675-го—с. Шишковердь, Денисово, Вески, Золотилово [7]); сверхъ того рядъ деревень и пустошей [8]). Послѣднее по времени пріобрѣтеніе (с. Шишковердь) было сдѣлано въ декабрѣ 1675 г., и можно думать, что только послѣдовавшая вскорѣ смерть царя Алексѣя прекратила дальнѣйшій ростъ территоріи. Во всѣхъ этихъ владѣніяхъ числилось въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича 17342 дв., изъ нихъ за Тайнымъ приказомъ, по отчетной хозяйственной вѣдомости 184-го года,—2458 дв. [9]), за Хлѣбнымъ, по переписнымъ книгамъ 182-го и 186-го годовъ,—14894 дв. [10]). Значеніе этихъ цифръ выступитъ нагляднѣе, если приведемъ на справку, что въ имѣніяхъ самаго крупнаго землевладѣльца половины 17-го в., Н. И. Романова, было 7012 дв. [11]),—въ $2^1/_2$ раза меньше, а въ вѣдомствѣ Приказа Большого Дворца, въ то же приблизительно время (въ 1646 г.),—27200 дв. [12]), больше всего только въ $1^1/_2$ раза. Съ меньшей точностью можетъ быть опредѣлена площадь пахатной земли. Для однихъ владѣній данныя вовсе отсутствуютъ, для другихъ имѣются лишь показанія позднѣйшихъ источниковъ. Съ такой оговоркой количество пашни „всякой“ въ общемъ вѣдомствѣ Тайнаго приказа можетъ быть принято приблизительно въ 150—180 тыс. дес. [13]).

---

[1]) Ib., ст. 372.
[2]) Ib., ст. 1382.
[3]) Ib., ст. 373—4.
[4]) А. М. Ю., Прик. ст., № 786, л. 173.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 375, 1673.
[6]) Ib., ст. 376.
[7]) Ib., ст. 375.
[8]) Ib., ст. 369—377.
[9]) Г. А.XXVII, № 532. л. л. 54—75.
[10]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, стр. 137.
[11]) С. В. Рождественскій. Роспись земельныхъ владѣній моск. боярства, стр. 36.
[12]) Милюковъ. Очерки по исторіи р. культуры, ч. I, стр. 275; изд. 6-е.
[13]) Кромѣ упомянутой въ текстѣ отчетной вѣдомости 184 г. и записныхъ книгъ, относящіяся сюда данныя содержатся, главнымъ образомъ, въ такъ наз. «Книгѣ очистительной дворцовыхъ городовъ». Арх. Оруж. Пал., № 120—39, оп. № 39. «Книга очистительная» представляетъ

Владѣнія приказа, какъ легко замѣтить изъ сдѣланнаго выше перечня ихъ, не представляли изъ себя сплошной области:

изъ себя хозяйственное описаніе дворцовыхъ земель, остававшихся за Приказомъ Большого Дворца въ началѣ 18-го в. Составлена она въ 1705 г., но въ ней использованы и результаты болѣе раннихъ описаній, близкихъ по времени къ дѣятельности Тайнаго приказа. Аналогичныя свѣдѣнія представляютъ также «Вѣдомости о раздаточныхъ селѣхъ и деревняхъ изъ дворцовыхъ волостей»; изъ нихъ одна напечатана Устряловымъ въ прилож. к. I т. «Исторіи царствованія Петра Великаго (стр. 390 и сл.), другая хранится въ Гос. Арх., IX, отд. II, № 92. Послѣдняя захватываетъ болѣе ранній періодъ (со 184 г.) и важна еще тѣмъ, что даетъ краткія справки о тѣхъ изъ розданныхъ владѣній, которыя были въ вѣдѣніи Тайнаго или Хлѣбнаго приказовъ. Привожу данныя, какія удалось собрать, о количествѣ пашни и дворовъ по отдѣльнымъ владѣніямъ.

	Количество четей въ полѣ.		Количество дворовъ.
	п. крест.	п. десят.	
Въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа:			
Измайлово	1103	600	239
Домодѣдовская в.	6270	1000	465
Ермолино	573	270	94
Екатерининская Роща	—	160	33
Степановское	10	7	17
Дмитровское	65	3	63
Сорокино	—	30	—
Алексѣевское	80	40	33
Княжчино	—	60	—
Соколово, Петровское, Котельники	—	316	93
Либерицы	2	66	30
Алчево	4	5	—
Хорошево	1183	106	—
Семушкино, Кудрявцево, Новоселки	—	170	9

въ окончательномъ своемъ составѣ, какъ онъ опредѣляется ликвидаціонными указами 1676 г., они образуютъ территорію, разбросанную въ предѣлахъ 20 уѣздовъ (Алаторскаго, Арзамас-

	Количество четей въ полѣ.		Количество дворовъ.
	п. крест.	п. десят.	
Балабаново	—	292	19
Васильевское	5 29		24
Загорье	—	80	—
Чашниково	2 31		243
Черкизово	7 75		
Рюминское	13 06		43
Колдомская в.	45 55		318
Сунгурово	28 00		664
Оздемерово			
Брынково	—	30	33
Соли Малая и Большая	—	—	—
Въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа:			
Скопинъ	142 53		2000
Романовъ	101 4		
Богородицкой	460 00		622
Гороховецъ	—	—	—
Въ Терюшевской в.	—	1456	283
» Алаторскомъ у.	—	—	1243
» Арзамасскомъ у.	—	—	1974
Карамышевская в.	14 69		2038
Смердово	92 9		380
Лычово			
Клины			
Славецкая в.	—	—	81
Лысково	ок. 21 000		2607
Мурашкино			

скаго, Балаханскаго, Богородицкаго, Боровскаго, Владимірскаго, Вологодскаго, Гороховскаго, Звенигородскаго, Костромского, Каширскаго, Курмышскаго, Московскаго, Нижегородскаго, Переяславль-Залѣсскаго, Переяславль-Рязанскаго, Романовскаго, Скопинскаго, Шацкаго и Юрьевскаго-Польскаго). Та же пестрота—и въ ихъ размѣрахъ: тутъ и обширное имѣніе—торговое село, волость или даже городъ съ приселками и деревнями,—захватившее собой не одну тысячу десятинъ, и рядомъ съ нимъ—сельцо съ двумя-тремя крестьянскими дворами, или пустошь въ нѣсколько десятковъ десятинъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ за приказомъ—только часть владѣнія: „полсела“ Сасова, „полсела“ Красной слободы. Эта пестрота территоріальнаго состава объясняется способами его образованія.

Подвѣдомственная Тайному приказу территорія не была результатомъ какой-нибудь случайной комбинаціи: земель искали и при подборѣ ихъ руководились, въ извѣстной степени, опредѣленными хозяйственными соображеніями. Начиная съ 171-го года и на протяженіи едва ли не всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ, «по наряду изъ Тайнаго приказа», производится въ разныхъ на-

	Количество четей въ полѣ.		Количество дворовъ.
	п. крест.	п. десят.	
Городецкая в.	15	72	1476
Аргуновская в.	4	09	233
Гридино	—	—	104
Шишковердь.	1	0	120
Фрязиново.	—	—	116
Дехтяное	—	—	208
Сасово	—	—	115
Кучина	—	—	35
Порѣцкое	—	—	423
Семеновское.	—	—	—
Кирѣевское	48	1	40
Красная слобода.	11	3	63
Борокъ	18	6	256

правленіяхъ, чаще чрезъ спеціально назначавшихся лицъ, «досмотры» владѣній, которыя были бы пригодны для хозяйственной эксплоатаціи. Такъ, „пересматриваются и переписываются“, по указу изъ Тайнаго приказа отъ 3 сент. 1663 г., въ Дорогобужскомъ уѣздѣ дворцовыя села и деревни, которыя „были за кѣмъ. въ прокормленье и ныне въ помѣстье“ [1]). Въ томъ же году стряпчему Богдану Полибину поручается приказомъ—„осмотрити... въ Можайскомъ уѣзде государевыхъ земель, гдѣ б мочно поселить крестьянскихъ 100 или 150 дворовъ и завесть государева десятинная большая пашня, а осмотря описать имянно, сколь далече отъ Можайска и у какихъ рѣкъ и озер и иных всяких угодій, и много л земли пашенной и лесомъ поросло десятин будет, и к хлѣбородію какова земля, и какие леса селидобные и иные, и на много л верстъ, и много л сенных покосов, і въ какихъ мѣстехъ и в сколькихъ верстах отъ Москвы реки“. Осмотру должны подлежать всякія земли, населенныя и „порозжія“, по писцовой книгѣ; иное угодье, случалось, и не попадало на глаза писцамъ,—и въ наказѣ, выданномъ Полибину изъ приказа, предусмотрительно добавлялось: „да ему ж, Богдану, провѣдыват і крестьянъ и иных людей роспрашивать тайно, ест ли гдѣ и иные пустоши, которых въ писмѣ нѣт, и тѣми пустошми и иными угодьи владѣет кто безоброчно или ими нихто не владѣет, а лежат порозжи“ [2]). Въ 172-мъ году другой стряпчій И. Юшковъ, по порученію Тайнаго же приказа, ѣздилъ въ вотчину Спаса-Новаго монастыря, Влад. у., с. Заколпье, гдѣ также долженъ былъ, переписавши населеніе и „пашню паханую и перелогъ и лесную поросль и сенные покосы і всякие угодья“, „розсмотрить, мочно л в тѣх селех впред десятинные пашни прибавить ис перелогу или из лесные росчисти“ и, сверхъ того, «то село и деревни начертит на чертеж», а «с книгами и с чертежем ѣхать к великому государю к Москве» [1]). Приказъ интересуютъ и другія статьи хозяйственной эксплоатаціи, помимо пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ. Отправляя подъячаго Тайнаго приказа П. Оловеникова на досмотръ Яблоновой пустыни, Ворон. у., въ приказѣ, какъ видно изъ наказа, хотѣли, на первомъ мѣстѣ, получить свѣдѣнія о монастырской мельницѣ,

---

[1]) А. М. Ю., Моск. ст., № 365, л. 3-4.
[2]) Ib., л. 73—4.
[1]) Ib., лл. 34—5.

„по многу л четі в сутки ржи и инова какова хлѣба мелет, и почему от четі от какова хлѣба промолу емлютъ, и по многу л в год всего збору бывает", а послѣ того предписывали осмотрѣть и описать „пашню паханую и непаханую,... и бобровыхъ гоновъ, и лѣсъ, і камышъ, и что какихъ бываетъ зверей і в реках какая рыба" [1]). По такимъ же, можно думать, соображеніямъ въ концѣ 60-хъ годовъ состоялась «посылка» начальника Хлѣбнаго приказа, И. С. Хитрово, „на реку Хоперъ, на усть рѣчки Олферовки, для досмотру мѣста, гдѣ поставить городъ, и въ которыхъ рекахъ и озерахъ белуга и осетры и всякая большая рыба, и сколко въ Тамбовскомъ уѣзде в Верхоценской волости крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ" [2]). Верхоценская волость, бывшая вотчина инокини Марѳы, славилась всякими естественными богатствами, а постройка города при заведеніи пашеннаго хозяйства вблизи южной границы уже была въ практикѣ приказа (г. Богородицкой): должно быть, и на этотъ разъ предполагалось повторить опытъ въ другомъ мѣстѣ, но, повидимому, по болѣе широкой программѣ.

О результатахъ командировокъ въ приказъ представлялись отчеты. И здѣсь—аналогичная картина. Въ 172-мъ году подъячій Тайнаго приказа П. Кудрявцевъ объѣхалъ нѣсколько уѣздовъ съ цѣлью «досмотра» продававшихся земель; отъ его доклада сохранился въ дѣлахъ приказа только отрывокъ, но и въ отрывкѣ содержится описаніе до 20 вотчинъ и помѣстьевъ, при чемъ указаны: размѣры пашни, качество почвы, виды угодій, количество и составъ владѣльческаго дохода, разстояніе отъ Москвы или отъ ближайшаго хозяйственнаго центра вѣдомства приказа; и тутъ же мѣстами—справки о цѣнѣ, напр.: „цѣна 3 т. руб., а давали 2500 р.", „проситъ 200 р.", „даютъ 3 т. р." [3]). Иногда отчетъ развертывается въ обширный хозяйственный планъ. Въ докладѣ, напр., составленномъ въ приказѣ со словъ Симбирскаго воеводы Дашкова, дается подробная характеристика Симбирскаго и смежныхъ съ нимъ Алаторскаго, Корсуновскаго и Саранского уѣздовъ въ хозяйственномъ отношеніи, и предлагаются на усмотрѣніе государя разнообразные способы эксплоатаціи описанныхъ мѣстъ: во

[1]) Ib., лл. 60—62; см. также указанія на «посылки» изъ Тайнаго приказа «для досмотру земель, пустошей и иныхъ угодій» на Коломну, Каширу, въ Рязань и Можайскій уѣздъ. Р. И. Б., т. 23, ст. 553.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 864.

[3]) Г. А. XXVII, № 310, лл. 19—59.

всѣхъ тѣхъ уѣздахъ „земли самые добрые“, и, если великій государь „изволитъ“, здѣсь „мочно завесть на него, в. г., пашни великие“: отсюда „хлѣбной отпускъ“ въ Астрахань „передъ нынѣшними отпусками будетъ гораздъ“ и для астраханскаго же отпуску выгодно устроить „винокурные поварни на рекѣ Сурѣ“, потому-что, какъ знаетъ докладчикъ, „сурская вода к винному куренью угодна“; хлѣбъ и вино—главныя статьи, но обѣщаютъ успѣхъ и другія: въ Симбирскѣ „подъ городомъ“ и ниже, по Волгѣ, „соляные росолы“, въ лѣсахъ—„многие бортные ухожьи“, растетъ „тутовое многое деревье, чѣмъ черви шолковые кормятъ“, въ рѣкахъ „осетры и белуги и бѣлые рыбицы и лососи“,—значитъ, можно будетъ завесть и соляныя варницы, и рыбныя ловли, и „мельницы многие“, также медвяной и даже „шолковой промыслъ многой“ [2]).

„Угодная“ земля могла, однако, войти въ составъ вѣдомства только въ томъ или другомъ юридическомъ порядкѣ, соотвѣтственно характеру владѣнія, и отсюда получали силу разнообразныя условія, формальныя и частью психологическія, которыя опредѣляли собой сферу приложенія хозяйственнаго критерія, становясь черезъ то источникомъ пестроты и разбросанности территоріи. Изучая эти условія и пріемы освоенія, примѣнявшіеся приказомъ, мы получаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность уяснить себѣ и общій характеръ вѣдомства, какъ формы владѣнія.

Всѣ земли, которыя вѣдаетъ Тайный приказъ, называются государевыми; но однѣ изъ нихъ принадлежали и раньше государю, другія—частнымъ лицамъ, и въ зависимости отъ того, было ли владѣніе государевымъ или частнымъ, видоизмѣнялись и формы отчужденія. Приказъ вообще, конечно, дѣйствуетъ государевымъ указомъ; но въ первомъ случаѣ воля государя является и единственнымъ формальнымъ основаніемъ, такъ что актъ отчужденія сводится къ перечисленію владѣнія изъ одного вѣдомства въ другое съ соотвѣтствующей перемѣной въ администраціи: переходъ селъ Дехтяного, Сасова и д. Кучиной, бывшихъ въ вѣдомствѣ Большого Дворца, считается состоявшимся съ назначеніемъ прикащика изъ Тайнаго приказа согласно государеву указу—„прежнихъ прикащиковъ ис тѣхъ селъ выслать и во Дворцѣ тѣ села ничѣмъ не вѣдать“ [1]). Однако, подъ одно-

---

[2]) Ib., № 223, лл. 1—6. Напечатано у Гурлянда въ приложеніи.

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1023.

образной формой государева указа и въ этихъ случаяхъ можно замѣтить различные, если не основанія, то мотивы выбора. Хозяйственныя соображенія имѣютъ рѣшающее значеніе, когда приказу отводятся земли, не бывшія и ранѣе въ частномъ владѣніи. Наиболѣе крупными изъ нихъ были дворцовыя земли въ Нижегородскомъ, Арзамасскомъ и Алаторскомъ уѣздахъ и г. Богородицкой съ приписанной къ нему обширной площадью „дикаго поля“. Первыя, состоя въ вѣдомствѣ Нижегородской чети, эксплоатировались, какъ можно судить по составу поступавшихъ съ нихъ доходовъ, только оброчнымъ способомъ [1]); а между тѣмъ „хлѣбородіе“ мордовскаго края и тогда уже, видимо, было оцѣнено: изъ росписи боярскихъ земель половины вѣка видно, что рѣдкій бояринъ не имѣлъ здѣсь вотчинъ [2]), и возможно, что Тайный приказъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ общему тяготѣнію тогдашнихъ землевладѣльцевъ. „Дикое поле“, на краю котораго устроенъ былъ г. Богородицкой, кажется, все числилось за Разрядомъ. Это были земли, только на-половину освоенныя государствомъ и едва тронутыя земледѣльческой культурой, а въ то же время, по своему положенію окраины государства чрезвычайно важныя въ хозяйственно-стратегическомъ отношеніи. По сходнымъ же соображеніямъ, можно думать, отъ Приказа Казанскаго Дворца „взяты“ были Астраханскія рыбныя ловли и учуги. Эти „угодья“, эксплоатировавшіяся раньше традиціоннымъ способомъ—посредствомъ откуповъ, доставляли правительству много хлопотъ и мало выгодъ,—лежали, какъ доносилъ Астраханскій воевода въ 156 г., „впустѣ лѣтъ по 10 и болши, потому-что тѣ рыбныя ловли въ прошлыхъ годѣхъ откупщики съ откуповъ на указные сроки отказали, а иные откупщики... на откупъ не взяли“; не лучшіе результаты давало и другое средство: „а которые учуги и рыбныя ловли въ прошлыхъ годѣхъ по большей неволѣ вѣдали на вѣрѣ, и у вѣрныхъ цѣловальниковъ съ тѣхъ учюговъ денегъ въ сборѣ ничего не было“ [3]). Не знавшую что дѣлать съ своими богатствами казну выручилъ на время кн. Я. Черкасскій, который держалъ Черноярскія рыбныя ловли на откупу съ 164 по 169 годъ [4]), послѣ

---

[1]) Р. И. Б., т. 28, ст. 117 и сл.

[2]) С. В. Рождественскій, Роспись земельныхъ владѣній Московскаго боярства 1647—8 г.

[3]) А. И., т. IV, № 40.

[4]) Арх. Ор. Пал., № 43028, л. 1.

чего онѣ продолжали, вѣроятно, попрежнему „лежать впустѣ“, пока ихъ не взялъ въ свои руки Тайный приказъ.

Картина мѣняется, когда мы обращаемся къ казеннымъ землямъ изъ бывшихъ частновладѣльческихъ. Конечно, и по отношенію къ нимъ хозяйственныя соображенія должны были имѣть свое значеніе; но рѣшающую роль въ ихъ выборѣ играли, повидимому, другіе мотивы. Среди этихъ земель на первомъ мѣстѣ, въ количественномъ отношеніи, стоятъ вотчины Н. И. Романова: г.г. Скопинъ и Романовъ, волости Домодѣдовская, Карамышевская и Славецкая и села: Измайлово, Ермолино, Лычово, Смердово, Клины, Чашниково, слободка Товаркова и дер. Петелино [1]), составлявшія около половины всѣхъ владѣній боярина. Двоюродный дядя царя и послѣдній изъ рядовыхъ представителей фамиліи, Н. И. Романовъ умеръ бездѣтнымъ въ 1652 г., и Алексѣй Михайловичъ оказался прямымъ наслѣдникомъ родового достоянія. Конечно, онъ и въ качествѣ государя имѣлъ право на романовскія вотчины, какъ на выморочныя, и даже врядъ ли можно говорить о томъ, какое изъ этихъ правъ имѣло въ дѣйствительности большее значеніе или было выдвинуто, когда владѣнія Никиты Ивановича отписывались на государя. Но психологически, ихъ фамильное значеніе, несомнѣнно, учитывалось царемъ; потому, вѣроятно, онъ вмѣстѣ съ имуществомъ какъ бы принялъ на себя и домашнія отношенія прежняго владѣльца: одновременно съ переходомъ къ государю земель Н. И. Романова, были взяты на государеву службу разные слуги изъ дворового штата боярина—столповые прикащики, конюхи стремянные, стряпчіе и стадные, «мастеровые люди», сокольники [2]). Съ другой стороны, замѣтна вообще тенденція стягивать въ вѣдомство Тайнаго приказа романовскія земли; такъ, сюда же переведены были изъ вѣдомства Большого Дворца владѣнія, принадлежавшія другимъ представителямъ фамиліи: с. Хорошево, вотчина Инокини Марѳы [3]), села Сунгурово и Оздемерово, вотчины Ирины Никитишны, бывшія потомъ за Г. И. Морозовымъ [4]) и послѣ его смерти посту-

[1]) См. С. В. Рождественскій, I, с., стр. 31—5. Относительно Домодѣдовской волости—Доп. къ А. И., т. VIII, стр. 126.

[2]) А. М. И. Д., Прик. д. ст. л., 1652 г., № 89, л. 51—6.

[3]) Арх. Оруж. Пал., № 4132, 4908.

[4]) М. Кожевниковъ: Земельныя владѣнія Дома Романовыхъ въ XVI и XVII ст.; стр. 37.

пившія во Дворецъ [1]); было, какъ мы знаемъ, намѣреніе включить въ кругъ хозяйственныхъ операцій приказа еще вотчину «великой старицы» — Верхоценскую волость и с. Заколпье.—Не съ такой опредѣленностью, но все же достаточно ясно личныя отношенія царя въ качествѣ основанія, опредѣлявшаго собой выборъ земель въ предѣлахъ той же категоріи, выступаютъ въ переходѣ къ Тайному приказу нѣсколькихъ другихъ владѣній: с. Дехтяного и д. Кучиной, Колдомской волости, с. Дмитровскаго и Степановскаго. Дехтяное и Кучина принадлежали кн. А. Н. Трубецкому [2]), — вѣроятно, были пожалованы ему послѣ смерти предшествовавшаго владѣльца, Д. П. Львова [3]). По свѣдѣніямъ Бодянскаго, бояринъ Трубецкой умеръ въ 171-мъ году бездѣтнымъ, въ досадѣ на своего законнаго наслѣдника, своего племянника, «возвративъ» царю пожалованный ему въ 1660 г. г. Трубчевскъ [4]). Не получилъ ли отъ него царь Алексѣй вмѣстѣ съ Трубчевскомъ и названныя владѣнія, которыя могли быть пожалованы Трубецкому въ томъ же году [5]) и, можетъ быть, по одному и тому же поводу (занятіе Переяславля и договоръ съ Ю. Хмельницкимъ)? Въ глазахъ царя, это, естественно, выдѣляло бы ихъ среди другихъ дворцовыхъ владѣній, и могло бы объяснять, почему потомъ они перечислены были изъ вѣдомства Большого Дворца въ вѣдомство Тайнаго приказа. Аналогичнымъ, въ томъ же смыслѣ, представляется положеніе Колдомской волости. Она была пожалована Ѳ. Б. Далматову-Карпову, второму «дядькѣ» царя [6]), къ которому, до послѣднихъ его дней, Алексѣй Михайловичъ хранилъ теплое чувство [7]), и вполнѣ возможно,

---

[1]) Исторія Сунгурова и Оздемерова особенно характерна. Повидимому, оба села мало подходили къ хозяйственнымъ цѣлямъ Тайнаго приказа, и взяты были въ его вѣдомство едва ли не по ихъ, гл. обр., фамильному значенію; по крайней мѣрѣ ихъ предположено было потомъ возвратить приказу Большого Дворца. Гос. Арх. XXVII, № 526, л. 11.

[2]) Гос. Арх., XXVII, № 213, л. 129.

[3]) С. В. Рождественскій, I, с., стр. 60.

[4]) Чтенія въ О. И. и Д. Р., 1873 г., кн. 3, стр. 70—71, прим.

[5]) Д. П. Львовъ умеръ въ 1659—60 г. Др. Р. В., XX, стр. 114.

[6]) Дворц., Разр., т. II, ст. 409, 465. Раньше К-я в. была дворцовой. См. Ю. В. Готье. Замосковный край, стр. 324. О принадлежности ея Далматову-Карпову — А. М. Ю, Прик. ст., № 786, л. 173. Въ Боярской книгѣ названы только относящіяся къ ней села Семеновское и Новленское. С. В. Рождественскій, I. с., стр. 62.

[7]) Во время военныхъ походовъ Алексѣя Михайловича Д.-К. оставался въ Москвѣ, и выполнялъ разныя порученія царя, а тотъ сообщалъ

что, умирая также бездѣтнымъ, Далматовъ-Карповъ распорядился своими землями подобно кн. Трубецкому.—Другимъ путемъ попали въ вѣдомство Большого Дворца села Степановское и Дмитровское. Это бывшія патріаршія вотчины, купленныя «въ домъ Пресвятыя Богородицы» п. Іосифомъ [1]). Съ 1656 г. оба, первое—несомнѣнно, а второе предположительно, были причислены къ дворцовымъ землямъ [2]) Въ періодъ дружбы между царемъ и преемникомъ Іосифа, п. Никономъ, подобная экспропріація могла произойти только съ согласія патріарха и по личной просьбѣ царя, хотя Никонъ впослѣдствіи, въ раздраженіи на Алексѣя Михайловича, и могъ иначе освѣтить этотъ случай [3]). По какимъ соображеніямъ царь хотѣлъ имѣть за собой названныя села тогда,—мы не знаемъ; но въ данной связи важно, что онъ лично былъ въ нихъ заинтересованъ, раньше ихъ перехода къ Тайному приказу [4]).

Въ истолкованіи каждаго изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ приходится, за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, довольствоваться предположеніями. Отсюда, только болѣе или менѣе вѣроятнымъ будетъ выводъ, что изъ обширнаго казеннаго запаса отбирались въ вѣдомство Тайнаго приказа или земли, достаточно плодородныя, но слабо эксплоатировавшіяся государствомъ, или «новоотписныя» владѣнія, при своей хозяйственной годности отмѣ-

---

ему въ письмахъ о ходѣ событій; въ одномъ изъ писемъ царь собственноручно приписалъ: „хотя всѣ тебя позабыли, однако мы, государь, за твою работу прежнюю к намъ и нынѣшнюю не позабыли, за милостію Божіею и впредь не покинемъ“. Зап. Отд. р. и с. а., т. II, стр. 740.

[1]) Горчаковъ. Земельныя владѣнія россійскихъ патріарховъ, стр. 330 и 336 (прим.).

[2]) Степановъ. Село Ильинское, стр. 33.

[3]) Думаю, что эти села, между прочимъ, имѣлъ въ виду п. Никонъ, когда писалъ: «Царь сего ради возлюби церковь, якоже Давидъ Уріеву жену Вирсавію, и тѣшится харчемъ ея со всѣмъ домомъ... Все, елико собранное прежде насъ архіереи, движимыя и недвижимыя вещи въ патріархіи,.. въ потребы свои и сущимъ съ собою царь усвоилъ». Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ, т. II, стр. 190.

[4]) О дворцовомъ селѣ Петровскомъ (Моск. у.) не удалось найти свѣдѣній, которыя могли бы объяснить ихъ передачу въ Тайный приказъ. Можно указать только, что «приселокъ» с. Петровскаго с. Богородицкое было пожаловано п. Никону въ Крестный монастырь. Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 632. Принадлежавшее кн. И. С. Прозоровскому въ Московскомъ-же уѣздѣ с. Петровское было, вѣроятно, другое. См. Степановъ, I с., стр. 31.

ченныя личными связями и отношеніями царя съ ихъ недавними владѣльцами. Конечно, это основанія совершенно разныя; но при извѣстныхъ условіяхъ и между ними возможны точки соприкосновенія: то, что лежало «впустѣ», съ большей легкостью могло стать предметомъ личнаго интереса, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой послѣдній предполагается приложеніемъ личной иниціативы.

Сложнѣе и разнообразнѣе пути, которыми частновладѣльческія земли поступали въ вѣдомство приказа непосредственно. Владѣльцы ихъ по своему общественному состоянію очень различны: среди нихъ—лица духовныя и свѣтскія, вотчинники и помѣщики, люди съ большими именами и совсѣмъ безвѣстныя. А въ зависимости отъ состоянія лицъ и ихъ отношеній мѣнялись условія, какъ и пріемы дѣйствій приказа.

Изъ владѣній этой категоріи наибольшую цѣнность представляли села Лысково и Мурашкино, вотчины боярина Б. И. Морозова, которому онѣ были пожалованы «за ево службу, что онъ былъ у него, великого государя, въ дядкахъ» [1]). Морозовъ умеръ въ 1662 году, а 13 сент. 1665 г. государь указалъ вѣдать ихъ въ Тайномъ приказѣ. На какомъ основаніи? Какъ вотчины жалованныя, онѣ должны были, по закону, поступить въ родъ,—значитъ, къ племяннику боярина И. Г. Морозову [2]). Въ дѣйствительности, Лысково и Мурашкино въ теченіе нѣкотораго времени послѣ смерти Б. И. (около 2-хъ лѣтъ) оставались во владѣніи его вдовы Анны Ильиничны [3]). Это можно бы объяснить тѣмъ, что въ жалованной грамотѣ, данной ея мужу, было названо и ея имя; но въ такомъ случаѣ Анна Ильинична должна бы и владѣть ими до конца, и передача ихъ въ вѣдомство Тайнаго приказа при ея жизни была бы явнымъ нарушеніемъ ея правъ, совершенно непонятнымъ со стороны царя. Остается предположить, что Морозовъ, любимый дядька и своякъ царя, котораго Алексѣй Михайловичъ «чтилъ вмѣсто отца родного», передъ смертью отказалъ часть своихъ владѣній царю, и царь только не сразу

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 30. О цѣнности этихъ вотчинъ можетъ дать представленіе количество оброчныхъ сборовъ (съ пашни, съ лавокъ, съ полокъ, съ рыбныхъ ловель, съ кузницъ и т. п.): въ 173 г. послано было въ Москву 4128 р. съ Мурашкина и 3256 р.—съ Лыскова, да кабацкихъ и таможенныхъ: съ перваго 4.000 р., со второго—4.200 р. Гос. Арх., № 213, лл. 88—91, 102, 119.

[2]) Братъ Б. И. Глѣбъ Ив. умеръ въ томъ же 1662 г. Д. Р. В., т. XX, стр. 115.

[3]) Гос. Арх., XXVII, № 213, л. 94.

осуществилъ свои права. Потому, можетъ быть, такъ значительна и была сумма, розданная, по государеву указу, по б. Морозовѣ «на погребеніі і въ церкви на сорокоусты»,—10 т. руб. [1]). На томъ же, вѣроятно, основаніи взяты были въ Тайный приказъ и другія вотчины Морозова—с. Сергачъ, Борокъ и Фрязиново,—уже послѣ смерти Анны Ильичны [2]). Аналогичныя отношенія позволяетъ предполагать и другой случай—поступленіе въ вѣдомство приказа г. Гороховца и Городецкой волости послѣ дяди царя по матери С. Л. Стрѣшнева, которому они были въ свое время пожалованы [3]). Значитъ, въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ уже наблюдавшееся явленіе: Морозовъ и Стрѣшневъ повторяютъ то, что передъ ними сдѣлали Трубецкой и Далматовъ-Карповъ. Самый актъ завѣщанія въ этихъ случаяхъ происходилъ, скорѣй всего, въ формѣ изустной духовной. Завѣщатели, конечно, должны были имѣть увѣренность, что ихъ распоряженія будутъ угодны царю; но, кажется, взгляды царя на этотъ предметъ были достаточно извѣстны и людямъ, стоявшимъ отъ него много дальше, чѣмъ названныя лица. Въ 1680 г., по указу Ѳеодора Алексѣевича, комиссія по разбору дѣлъ Тайнаго приказа должна была, напр., произвести справку: «блаженныя памяти в. г. ц. и в. к. Алексѣю Михайловичю (т.) стольникъ князь Алексѣй княжъ Ивановъ сынъ Буйносовъ-Ростовскій въ Гороховскомъ уѣзде селомъ своимъ Краснымъ з деревнями во 174-мъ году челомъ ударилъ ли..?» [4]) Указъ, безъ сомнѣнія, былъ вызванъ желаніемъ Буйносова-Ростовскаго вернуть подаренную имъ вотчину. Всего вѣроятнѣй, онъ ударилъ ею челомъ въ свое время съ какимъ-нибудь расчетомъ, считая такое средство дѣйствительнымъ по отношенію къ царю Алексѣю: получившіеся результаты, можетъ быть, и не соотвѣтствовали надеждамъ дальновиднаго стольника, но самое возникновеніе дѣла не оставляетъ сомнѣнія, что подарокъ былъ принятъ.

Дальше на сценѣ—новыя лица и новая юридическая обста-

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 170.

[2]) Нѣкоторыя владѣнія достались и Ив. Г. Морозову; изъ нихъ, послѣ его смерти, с. Котельники «с приселки и з деревнями і съ пустошми» (Моск. у.) также взято было въ вѣдомство Тайнаго приказа,—можетъ быть, какъ выморочное. Р. И. Б., т. 21, стр. 1673.

[3]) Ю. В. Готье. Замосковный край, стр. 326, 559—560; ср. С. В. Рождественскій, I, с., стр. 70—71.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 825.

новка: къ Тайному приказу также безвозмездно переходятъ частновладѣльческія земли, но уже потому, что онѣ „отписаны“ у ихъ владѣльцевъ за вину передъ государемъ. И все же, наблюдая и эти случаи, мы не совсѣмъ выходимъ изъ круга личныхъ отношеній царя Алексѣя. Такъ, въ числѣ владѣній, состоявшихъ въ вѣдомствѣ приказа, значатся нѣсколько вотчинъ, принадлежавшихъ Г. И. Морозову,—Аргуновская волость и села Порѣцкоэ и Семеновское. Послѣ смерти Г. И. одни изъ его владѣній вскорѣ же (въ 172-мъ году) „справлены“ были за сыномъ его Иваномъ [1]), другія оставались за его вдовой Ѳедосьей Прокофьевной, и потомъ были конфискованы у нея за приверженность къ расколу. Зап. книги ясно отмѣчаютъ Аргуновскую в., какъ владѣніе Ѳедосьи Прокофьевны [2]); но ей же, можно думать, принадлежали и названныя два села,—судя по тому, что оба обычно называются рядомъ съ первой. Конфискація, конечно, была произведена по государственнымъ соображеніямъ; но для царя Алексѣя, въ виду его отношеній къ семьѣ Морозовыхъ, борьба съ упорствомъ знаменитой раскольницы, несомнѣнно, въ значительной степени являлась и тяжелымъ личнымъ дѣломъ [3]). Съ еще болѣе тяжелымъ эпизодомъ изъ личной жизни Алексѣя Михайловича связанъ другой случай конфискаціи, также обратившейся въ пользу Тайнаго приказа,—когда, по выраженію п. Никона, „царскимъ гнѣвомъ восхищено бысть имѣніе“ боярина Н. А. Зюзина, за неловкую дружескую услугу, которой тотъ хотѣлъ улучшить положеніе опальнаго патріарха. Это было, какъ извѣстно, въ половинѣ декабря 1664 г., а въ слѣд. 1665 г., по грамотамъ изъ Тайнаго приказа, Лысковскій воевода уже долженъ былъ „Микитины вотчины Зюзина“ въ Нижегородскомъ уѣздѣ „переписать“, а въ одной изъ нихъ—с. Гридинѣ съ деревнями—„государеву десятинную пашню пахать і всякие заводы заводить“ [4]). Въ обоихъ случаяхъ конфискація, безъ сомнѣнія, не имѣла цѣлью приращеніе владѣній Тайнаго приказа; послѣднее проис-

[1]) Р. И. Б., т. 21., ст. 141—2.

[2]) ib., 1229.

[3]) Конфискація произведена была сначала, вѣроятно, въ маѣ 1666 г. (по крайней мѣрѣ въ Зап. кн. Аргуновская в. уп. впервые подъ 4-мъ іюня этого года); но потомъ „для прошенія государыни Марьи Ильичны“ была отмѣнена, и окончательно принята уже послѣ, въ виду непримиримости боярыни. Объ отношеніяхъ царя къ семьѣ Г. И. Морозова см. Тихонравовъ: Боярыня Морозова. «Рус. Вѣстникъ», 1865 г., т. 59.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1053, 1078.

ходило post factum, какъ результатъ своеобразной ассоціаціи. Но, кажется, бывало, что хозяйственныя потребности вѣдомства, счастливо совпадая съ личными переживаніями государя, становились и ближайшей причиной соотвѣтствующаго акта. Въ мартѣ 1666 г. государь, читаемъ въ записныхъ книгахъ, указалъ „взять на себя“ у д. дв. Г. М. Аничкова „свое государево село“ Черкизово съ деревнями къ с. Чашникову и вѣдать въ приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, владѣльцу же „вмѣсто того села“ давать ежегодно по 400 руб. и по 200 чт. ржи и овса [1]). Раньше Черкизово принадлежало п. Никону, который купилъ его себѣ „въ особь“ и потомъ „далъ“ въ свой Крестный монастырь; но въ 1657 г., вѣроятно, по связи съ дѣломъ Никона, оно было взято у монастыря на государя „въ обмѣнъ“ на нѣкоторыя оброчныя волости [2]) и, видимо, пожаловано Г. М. Аничкову. Очевидно, село это, въ виду сосѣдства съ другимъ государевымъ селомъ—Чашниковымъ, стало нужно Тайному приказу по чисто хозяйственнымъ соображеніямъ, а оправданіе произведенной экспропріаціи было найдено въ его недавнемъ прошломъ. Или вотъ еще другой случай. Въ 185 г. В. Б. Шереметевъ билъ челомъ царю Ѳедору Алексѣевичу о возвращеніи „приданой“ его вотчины сельца Селивачова, которое, по его словамъ, было „отписано“ у него въ 174-мъ году и было „приписано“ къ государеву селу Пахрину (Домодѣдовской в., состоявшей въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа); челобитчикъ ссылался на свою „скудость и маловотчинство“, и подкрѣплялъ свою просьбу разъясненіемъ, что „та-де ево вотчина отъ села Пахрина удалѣла и угодья въ той деревне никакова нѣтъ“ [3]). Вызванный челобитьемъ указъ о справкѣ считаетъ одинаково возможнымъ, что вотчина Шереметева была взята или за деньги, или „въ отмѣнъ“ на крестьянъ и земли, или, наконецъ, „безденежно“. Вѣрнѣе, однако, послѣднее. Въ 174-мъ году В. Б. Шереметевъ сидѣлъ въ крымскомъ плѣну, куда былъ отведенъ послѣ Чудновскаго пораженія, и при такихъ условіяхъ въ приказѣ едва ли думали о компенсаціяхъ. Но какъ понять тогда образъ дѣйствій царя Алексѣя? Скорѣй всего,—приказъ расходился въ оцѣнкѣ хозяйственныхъ удобствъ сельца Селивачова съ его владѣльцемъ, и представилъ свои соображенія царю. А царь,

---

[1]) Ib., ст. 1172—3;

[2]) Арх. Леонидъ. Истор. опис. ставр. Воскр. монастыря, стр. 507—9; ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 844.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 821—2.

какъ видно изъ позднѣйшаго письма его къ кн. Ромодановскому, не забывалъ, что Чудновскій разгромъ былъ „Божіимъ наказаніемъ“ „за превозношеніе“ Шереметева [1]), и, возможно, конфискаціей вотчины захотѣлъ отмѣтить возмущавшую его самонадѣянность неудачнаго полководца. Скрытой конфискаціей, подъ формой купли, было также пріобрѣтеніе въ Тайный приказъ вотчины И. С. Хитрово, с. Шишковерди съ деревнями. Объ этомъ случаѣ мы также узнаемъ изъ челобитной владѣльца, поданной имъ въ іюлѣ 1676 г. Ѳедору Алексѣевичу. Прося о возвращеніи ему с. Шишковерди, Хитрово пояснялъ, что „та его вотчина, по указу отца ево государева блаженныя памяти в. г. (т.) Алексѣя Михайловича взята у него въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ... бес торгу, а онъ де тое вотчины не продавалъ, а денегъ де ему за тое вотчину дано самою малою цѣною 5000 рублевъ“ [2]). Изъ представленной при челобитной купчей видно, что за с. Шишковердь заплачено было братьями Хитрово 10 т. р. [3]). Государь указалъ возвратить челобитчику его вотчину съ обязательствомъ вернуть въ казну выданныя ему 5 т. р., косвенно признавъ, т. о., несправедливость произведенной приказомъ оцѣнки. Изъ справокъ, однако, выясняется, что Хитрово въ своей челобитной сказалъ не все: нѣкоторыя изъ его дѣяній объясняютъ происшедшую съ нимъ непріятность иначе. Командированный въ 1675 г. на Донъ, онъ обнаружилъ вздорный нравъ въ отношеніяхъ къ ближайшимъ своимъ начальникамъ и въ то же время „разогналъ донскихъ казаковъ своей жесточью и поморилъ съ голоду ихъ, казаковъ, и государевыхъ ратныхъ людей всѣхъ, а который былъ хлѣбъ Великаго Государя привезенъ изъ городовъ для Великаго Государя служилыхъ людей, и онъ тотъ хлѣбъ весь испродалъ“. По этому поводу государь, т. е. Алексѣй Михайловичъ, указалъ — „выписать, что за нимъ, за думнымъ дворяниномъ И. С. Хитрово, всего помѣстья и вотчинъ... купленыхъ и некупленыхъ, и о томъ... себя, Великаго Государя, доложить“ [4]). Очевидно, „испроданный“ государевъ хлѣбъ и поставленъ былъ предпріимчивому дворянину въ счетъ; а почему проданная неволею вотчина поступила въ распоряженіе Тайнаго приказа,—это объясняется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, И. С. Хитрово былъ

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А., т II, стр. 771.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 314—316.
[3]) Гос. Арх., XXVII, № 364, л. 52.
[4]) Дворц. Разр., т. III, ст. 1099.

начальникомъ Хлѣбнаго приказа, — лицомъ, непосредственно подчиненнымъ Тайному приказу; во-вторыхъ, какъ отмѣчено въ приходо-расходной книгѣ приказа, Шишковердь „взята на великого государя (можно читать: нужна была) для заводу будныхъ майдановъ“ [1]). Наконецъ, уже открытую конфискацію можно предполагать въ переходѣ къ Тайному приказу с. Рюминскаго. У владѣльца этого села дьяка Д. Дерябина въ 172 году были отписаны на государя, по указу изъ Тайнаго приказа, вотчины и помѣстья за то, что онъ, „будучи... на денежном дворѣ у передѣлу денег, серебро, которое прислано было ис приказу Болшого Дворца, охулил ложно, бутто то серебро с подмѣсомъ“ [2]). Въ указѣ с. Рюминское не названо [3]); но конфискація другихъ владѣній неосторожнаго дьяка дѣлаетъ очень вѣроятнымъ, что оно раздѣлило общую участь,—можетъ быть только, по особому указу.

До сихъ поръ, какъ легко замѣтить, на долю приказа выпадала довольно пассивная роль: отказывалась ли вотчина государю изъ добрыхъ чувствъ или отписывалась по винѣ владѣльца,— въ обоихъ случаяхъ, съ формальной стороны, дѣло почти всегда сводилось къ тому, чтобы зарегистрировать только, въ формѣ государева указа, совершившійся фактъ, разъ владѣніе оказывалось подходившимъ къ цѣлямъ вѣдомства. Но приказъ, мы знаемъ, пользовался и болѣе активными пріемами для пополненія своихъ владѣній, стараясь пріобрѣтать „угожія“ земли частныхъ владѣльцевъ и, слѣдовательно, встрѣчаясь на этомъ пути съ чужими правами. Въ результатѣ—рядъ сдѣлокъ, заключавшихся въ обычныхъ формахъ—купли и мѣны.

Общее указаніе на широкое примѣненіе такихъ сдѣлокъ въ практикѣ приказа находимъ въ одномъ изъ указовъ Ѳедора Алексѣевича, предписывавшемъ ликвидаціонной комиссіи—„выписать изъ дѣлъ Тайнаго приказа, въ прошлыхъ годѣхъ въ Московскомъ уѣздъ къ селу Измайлову и къ инымъ ко всѣмъ селамъ, сколько въ которомъ году и у ково имяны куплено и взято на обмѣнъ вотчинъ и земель?“ [4]) И по поводу отдѣльныхъ челобитій, въ родѣ тѣхъ, какія приведены выше, ликвида-

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1376.

[2]) А. М. Ю., Моск. ст., № 365, л. 167.

[3]) О принадлежности Рюминскаго д. Дерябину—Гос. Арх., XXVII, № 63, л. 7.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 834

ціонной комиссіи обыкновенно ставятся вопросы для справокъ: „за тѣ (пустоши, деревни или села) въ отмѣнъ гдѣ даны ль земли или ис Приказу Тайныхъ Дѣлъ деньги?“ [1]) Обмѣнивались попреимуществу помѣстныя земли, при чемъ владѣльцамъ ихъ отводились новые надѣлы изъ казеннаго фонда; но въ какой формѣ происходила мѣна и даже вообще оформливался ли этотъ актъ,—изъ дѣлъ приказа не видно. Повидимому, чаще земли покупались, и, конечно, главнымъ образомъ,—вотчины. Въ описи дѣлъ приказа имѣется „роспись купчимъ и всякимъ крѣпостямъ“ (болѣе 30), изъ которой видно, что за періодъ времени отъ 174 по 183 г. Тайнымъ приказомъ куплены были: 1 посадъ, 9 селъ, 10 деревень и много пустошей,—всего на сумму около 44 т. р. [2]) Наличность купчихъ въ составѣ приказнаго архива сама по себѣ служитъ показателемъ, что продажа совершалась по установленной формѣ; но сохранились и образцы купчихъ [3]). Процедура—обычная: писалась купчая площаднымъ подъячимъ,—обыкновенно на имя Тайнаго приказа, иногда—на имя дьяка приказа [4]); записывалась затѣмъ, хотя и не всегда, въ Помѣстномъ приказѣ, и въ заключеніе уплачивались, продавцемъ или покупателемъ—смотря по условію, пошлинныя деньги [5]).

Въ какой мѣрѣ соблюдались при этихъ операціяхъ интересы владѣльцевъ? Оцѣнка условій мѣны, конечно, не доступна; но по отношенію къ куплѣ-продажѣ нѣкоторыя наблюденія возможны. По сохраненнымъ описью даннымъ купчихъ, цѣна пустошей колеблется, въ оцѣнкѣ приказа, между $9^1/_2$ и 33 руб. за четь (въ 5 случаяхъ: $9^1/_2$, $9^1/_2$, 11, 17, 33), населеной земли съ пустошами—между $7^1/_2$ и 60 руб. (въ 12 случаяхъ: $7^1/_2$, $10^1/_2$, 11, 11, 18, 22, 22, 23, 31, 33, 40, 60). Въ среднемъ эти цѣны довольно близки къ обычнымъ для того времени: по извѣстному уже, напр., намъ докладу под. Кудрявцева о продававшихся вотчинахъ, самими владѣльцами населенная земля, въ томъ же приблизительно раіонѣ (въ Московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ), оцѣнивалась по $8^1/_2$, 9, 10, 20, 29 руб. за четь [6]). По отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, напр. къ женѣ кн. Ю. А. Долго-

[1]) ib., ст. 812, 813, 820 и др.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 368—378.
[3]) ib., ст. 315; въ отрывкѣ—ib., ст. 884.
[4]) А. М. Ю., Моск. ст., № 440, л. 36—7.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 315, 884.
[6]) Гос. Арх., XXVII, № 310, л. 19—54.

рукаго, которой платили по 60 руб. за четь населенной земли, или къ митрополиту Сарскому и Подольскому Павлу, получившему за четь пустоши по 33 р., приказъ былъ даже щедрѣе, чѣмъ позволялъ тогдашній земельный рынокъ. Иногда, какъ въ извѣстномъ намъ случаѣ съ с. Черкизовымъ, уплачивали съ разсрочкой [1]). А боярину И. Б. Милославскому „вмѣсто денегъ, что довелось ему дать“ за с. Золотилово и д. Бѣликово, отдавали кирпичемъ съ государевыхъ заводовъ, камнемъ, известью, щебнемъ [2]).

Изъ ряда наблюденій, однако, открывается, что фактическая обстановка довольно часто не соотвѣтствовала ни общему характеру, ни формальнымъ условіямъ сдѣлки. Можетъ быть, потому, что деньги или «земля въ отмѣнъ» не всегда находились подъ рукой, а медлить покупкой не позволялъ хозяйственный темпераментъ,—вознагражденіе за пріобрѣтенное владѣніе, случалось, откладывалось на неопредѣленное время, и владѣльцу приходилось или терпѣливо ждать, пока о немъ вспомнятъ, или отправляться въ поиски, иногда очень продолжительные, за своимъ правомъ. Подъ 24-мъ января 1670 г. въ приходо-расходной книгѣ записано, напр., что по государеву указу выдано 100 руб. «в приказъ» двумъ недорослямъ, сыновьямъ стряпчаго конюха, съ ихъ матерью и сестрой, и пояснено: «для того, что у отца ихъ, Григорья, взята на него, в. г., къ селу Измайлову деревня Липягина, а въ то число отцу и имъ помѣсья не дано многое время» [3]). И это—случай не единственный [4]). Слѣдующая исторія живо воспроизводитъ передъ нами создававшееся такой, скажемъ, забывчивостью приказа положеніе владѣльцевъ. Въ 182-мъ году архимандритъ Андроникова монастыря съ братіей обратились къ царю Алексѣю Михайловичу съ челобитной, въ которой писали: въ 173 г. изволилъ в. г. ихъ «старинную вотчину сельцо Глинково со крестьяны и с мельницею и с сѣнными покосы и с пустошми и со всѣми угодьи взять на себя»; тогда же Тайныхъ Дѣлъ дьякъ Ѳ. Михайловъ «привезъ» имъ въ монастырь государева жалованья 230 р., да въ 182 г. государь пожаловалъ имъ еще 100 руб. Между тѣмъ за истекшее время «монастырь отъ пожару разорился, оскудѣние болшое, долгами

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1172—3.
[2]) ib. ст. 1659.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1262—3.
[4]) Ib., ст. 1246—7.

болшими одолжался и колоколъ благовѣстной разбился, воскуи ладану і вина церковнаго і всякой монастырской потребы и зажилыхъ братьи и служебником монастырскимъ дать нѣчего». Челобитчики просили, чтобы государь пожаловалъ «богомольцовъ своихъ»—«за достальной оброкъ» велѣлъ дать соли и рыбы «по продажной цѣнѣ». Изъ произведенной по поводу челобитья справки выясняется, что въ своихъ почтительно-осторожныхъ напоминаніяхъ архимандритъ съ братіею имѣли въ виду довольно грубый фактъ. Оказывается, что монастырская вотчина взята была въ Тайный приказъ сначала «изъ оброку» на 3 года, «а оброку в монастырскую казну на тѣ годы» условлено было «дать 230 руб.» на годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, «пріискать, гдѣ доведетца, деревню дворовъ 10 или 15 и дать ту деревню в монастырь вмѣсто деревни Глинковы и мельницы и рыбныхъ ловель и сенныхъ покосовъ». Въ дѣйствительности «иной деревни» дано не было «и по се число», а въ то же время изъ слѣдуемыхъ монастырю оброчныхъ денегъ 536 р. 22 к., считая по 182-й г., «пожаловано было» 100 р. и то лишь въ 182-мъ году [1]). Несмотря, однако, на обнаруженную справкой основательность претензій монастыря, онъ все же не получилъ полнаго удовлетворенія, какъ слѣдуетъ изъ того, что уже при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, въ 1680 г., снова, по государеву указу, производилась справка: «въ Андроньевъ монастырь архимандриту з братіею за взятую их вотчину, Московского уѣзду, за деревню Глинково, за пашню и сѣнные покосы и за всякие угодья и за мельницу, которые... взяты къ селу Измайлову, деньги 77 рублев ис Приказу Тайных Дѣл даны л?» [2]) Неисправность Тайнаго приказа въ отношеніи принятыхъ на себя обязательствъ получала въ отдѣльныхъ случаяхъ тѣмъ большее значеніе, что переходъ частновладѣльческой земли въ его вѣдомство, повидимому, не всегда и закрѣплялся формальнымъ способомъ. Опись отмѣтила, что нѣкоторые купчіе не были записаны въ Помѣстномъ приказѣ [3]), а въ другихъ случаяхъ были, повидимому, потеряны вообще всякіе слѣды [4]). Отсюда—возможность слѣд. инцидентовъ. Стольникъ И. В. Фефилатьевъ билъ царю Ѳедору Алексѣевичу челомъ о возвращеніи взятой у его

[1]) Арх. Оруж. Пал.; изъ неопис. столб. Тайнаго приказа.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 490.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 370, 371, 372.
[4]) Ib., ст. 947.

дяди пустоши Волковой «съ пустошми», за которую, по словамъ челобитчика, «в отмѣн нигдѣ не дано было». Сначала его просьба была уважена, и ему выдали уже ввозную грамоту; однако, прикащикъ с. Измайлова, какъ писалъ Фефилатьевъ потомъ во второй челобитной, «людем и крестьяном ево сѣна косит и владѣт не велѣлъ». Тогда потребована была отъ Помѣстнаго приказа и отъ путнаго ключника Устина Зеленаго (управляющаго С. Измайлова) справка: «за ту вотчину въ которомъ году и въ отмѣнъ что дано было?»; но ни тамъ, ни здѣсь свѣдѣній не оказалось, и Фефилатьеву въ челобитьѣ было отказано [1]).

Можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ неисправность въ платежахъ, контрагентовъ Тайнаго приказа удручала другая особенность его коммерческихъ пріемовъ. Документы даютъ возможность отмѣтить, что царь, при покупкѣ или мѣнѣ земель, хотѣлъ бы не стѣснять владѣльцевъ въ ихъ правѣ на свободное распоряженіе имуществомъ. Когда въ хозяйственныхъ интересахъ вѣдомства предположено было пріобрѣсти помѣстныя земли, смежныя съ принадлежавшими приказу селами Смердовымъ и Лычовымъ, изъ приказа данъ былъ наказъ довѣренному лицу «поговорить» съ помѣщиками «собою, а не государевымъ указомъ, чтоб они тѣхъ своихъ помѣсныхъ земель поступились», при чемъ посредникъ получилъ полномочіе обѣщать, что «вмѣсто тѣхъ ихъ земель пожалуетъ великій государь—велитъ имъ дать то же число земель на Украйне, гдѣ они пріищутъ» [2]). Не извѣстно, конечно, что послѣдовало бы, если бы юрьевскіе помѣщики остались равнодушны передъ перспективой превращенія въ украинскихъ землевладѣльцевъ; но несомнѣнно, что во многихъ другихъ случаяхъ добрая воля владѣльцевъ играла довольно скромную роль. Въ результатѣ получилось немалое юридическое замѣшательство, разбираться въ которомъ пришлось уже преемнику царя Алексѣя. Вынужденные «поступиться», въ той или другой формѣ, своими землями государю, владѣльцы видѣли въ операціяхъ приказа актъ государственнаго отчужденія, вызванный временными условіями, и со вступленіемъ Ѳедора Алексѣевича разсчитали, что при измѣнившихся обстоятельствахъ они могутъ получить свои земли обратно. Изъ государева указа

---

[1]) Арх. Оруж. Пал.; изъ неопис. столбц. Тайнаго приказа.
[2]) Гос. Арх., XXVII, № 310, л. 38.

отъ 21 мая 1680 г., которымъ предписывалось—«всякие крѣпости на государевы дворцовые села, и на деревни, и на пустоши, и на всякие угодья, которые въ прошлыхъ годѣхъ по указу отца ево блаженные памяти великого государя (т.) Алексѣя Михайловича всякихъ чиновъ у людей взяты и отписаны и куплены были въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, прислать въ Приказъ Большого Дворца», узнаемъ, что «всякихъ чиновъ люди ему, великому государю, бьютъ челомъ о взятыхъ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, а бес тѣхъ крепостей противъ ихъ челобитья по тѣмъ дѣламъ указу учинить не мочно» [1]). Повидимому, челобитчиковъ нашлось много,—и состояніе ли приказнаго архива не позволило собрать необходимыя свѣдѣнія или испугало количество заявленій,—но вскорѣ правительство почувствовало себя въ большомъ затрудненіи и прибѣгло къ единственному надежному, въ его положеніи, средству разрѣшить коллизію: указомъ отъ 30 апр. 1681 г. установленъ былъ, заднимъ числомъ, своего рода срокъ давности, не только прекращавшій попытки претензій на будущее время, но уничтожавшій значеніе и сдѣланныхъ раньше, начиная со смерти царя Алексѣя. Указъ гласилъ: «которые земли і всякие угодья у розныхъ монастырей, і у помѣщиков, і у вотчинников взяты і покупаны к селу (Измайлову) и к приселкам и к деревнямъ, и челобитья отцу ево государеву блаженные памяти великому государю от них помѣщиков і вотчинников по 184 годъ не было, і тѣхъ земель никому не отдавать» [2]). Надо сказать, что въ документахъ приказа слѣдовъ такихъ челобитій «по 184-й годъ» не замѣтно, и, если это значитъ, что до указаннаго срока никто изъ владѣльцевъ челомъ и не билъ, то, можно думать, едва ли по простой недогадкѣ.

По указамъ 1676 г. въ моментъ ликвидаціи Тайнаго приказа собранная имъ территорія, какъ мы знаемъ, является распредѣленной между нимъ и Хлѣбнымъ приказомъ. Именно, въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа значатся: въ Московскомъ уѣздѣ—Домодѣдовская в., села и сельца, въ большинствѣ «съ приселки и з деревнями: Измайлово, Ермолино, Екатерининская Роща, Степановское, Дмитровское, Сорокино, Алексѣевское, Княжчино, Соколово, Петровское, Котельники, Либерицы, Кудрявцево, Семушкино, Новоселки, Балабаново, Васильевское, Загорье, Чаш-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 391—2.
[2]) Арх. Оруж. Пал., изъ неопис. столб. Тайнаго приказа.

никово и Черкизово; въ Переяславскомъ у. (Залѣсскомъ)—Аргуновская в. и с. Рюминское; въ Рузскомъ у.—с. Брынково; въ Костромскомъ у.—Колдомская в., села Сунгурово и Оздемерово и посады—Соль Малая и Большая; сюда же—рыбные промыслы Астраханскій, Черноярскій и Яицкій. [1]). За Хлѣбнымъ приказомъ—города: Скопинъ, Романовъ, Богородицкой и Гороховецъ, волости и села: въ Боровскомъ у.—Карамышевская в.; въ Юрьевскомъ (Польскомъ)—Смердово, Лычово и Клины; во Владимірскомъ у.—Славецкая в.; въ Курмышскомъ у.—Лысково и Мурашкино; въ Нижегородскомъ у.—Терюшевская в. и села—Гридино, Сергачъ и Шишковердь; въ Арзамасскомъ у.—бортничьи и мордовскія села, въ Вологодскомъ у.—с. Орязиново и «полсела» Сорочнева; въ Переяславскомъ у. (Рязанскомъ)—Дехтяное, Борокъ и «полсела» Красной слободы, въ Алаторскомъ у.—Порѣцкое и Семеновское, бортничьи и мордовскія села, въ Балахонскомъ-Юрьевскомъ у.—Городецкая в.; въ Шацкомъ у.—«полсела» Сасова; въ Каширскомъ у.—Кирѣевское [2]). Формально компетенція Хлѣбнаго приказа опредѣляется въ указѣ отъ 2 авг. 1667 г., по поводу передачи въ его вѣдомство нѣсколькихъ селъ, состоявшихъ до того времени въ непосредственномъ вѣдѣніи Тайнаго приказа,—Лыскова, Мурашкина, Гридина, Краснаго, Кирѣевскаго, Дехтяного, Сасова и д. Кучиной: перечисляя эти села, указъ предписываетъ Хлѣбному приказу вѣдать ихъ «судомъ і всякими росправными дѣлы, і въ нихъ десятинную пашню и денежные і всякие доходы», и тутъ же опредѣляетъ отношеніе его къ Тайному: «и что въ тѣхъ селехъ і во всѣхъ городѣхъ і въ селехъ же, которые вѣдомы въ Хлѣбномъ Приказе, учнетъ впредь дѣлатца,—и о томъ докладывать великого государя... і въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ приносить перечневые выписки почасту» [3]).

Такимъ образомъ, передъ нами—особое хозяйственно-административное вѣдомство, состоящее подъ контролемъ Тайнаго приказа, и, какъ вытекаетъ изъ указа, вѣдомство это создалось не теперь только: въ Хлѣбномъ приказѣ, кромѣ вновь порученыхъ ему селъ, «вѣдомы» были и раньше «города и села». Дѣйствительно, съ нимъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ записныхъ книгъ (во второй ихъ части), и съ самаго же начала находимъ въ его распоряженіи рядъ владѣній, ко-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 193—4.
[2]) Ib., ст. 280—282.
[3]) Ib., ст. 1338.

торыя остаются за нимъ и потомъ, до конца. Конкретнѣе, взаимное отношеніе обоихъ учрежденій рисуется, по документамъ, въ слѣд. видѣ. Одни владѣнія состоятъ въ непосредственномъ и исключительномъ вѣдѣніи Тайнаго приказа; это—его спеціальное вѣдомство. Но ему же принадлежатъ официальное представительство и распорядительная роль по отношенію ко всей территоріи. Купчія, напр., пишутся на имя Тайнаго приказа, хотя бы пріобрѣтаемое имѣніе сразу же поступало въ вѣдѣніе Хлѣбнаго; примѣръ—с. Шишковердь. Въ дѣлахъ текущаго хозяйственнаго управленія по вѣдомству Хлѣбнаго приказа, напр., при назначеніи сроковъ для доставки тѣхъ или другихъ запасовъ, государевы указы, въ формѣ памятей, обыкновенно передаются ему изъ Тайнаго; въ свою очередь Хлѣбный сообщаетъ послѣднему «письмомъ» объ исполненіи, и, сверхъ того, его подъячіе «носятъ» туда «выписки изъ посѣвныхъ и ужинныхъ книгъ», присылаемыхъ съ мѣстъ [1]). Въ вопросахъ распорядительнаго характера, напр., при организаціи заново хозяйства или какой-нибудь его отрасли въ извѣстномъ владѣніи,—иначе: въ подобныхъ случаяхъ Тайный приказъ уже непосредственно отъ себя направляетъ государевы грамоты въ соотвѣтствующій пунктъ [2]), требуя отъ мѣстной администраціи по своему же адресу и «отписки» объ исполненіи [3]), а Хлѣбному приказу только сообщая государевъ указъ къ свѣдѣнію [4]). За исключеніемъ такихъ случаевъ, въ общемъ положеніе Хлѣбнаго приказа опредѣляется, слѣд., ролью посредствующей инстанціи въ управленіи опредѣленной частью территоріи, подчиненной, въ цѣломъ, Тайному приказу. Какимъ образомъ и когда установилось такое соотношеніе? Этотъ вопросъ возвращаетъ насъ вновь къ начальному моменту въ образованіи хозяйственнаго вѣдомства Тайнаго приказа.

О Хлѣбномъ приказѣ документы даютъ очень мало свѣдѣній; а спеціалисты, повидимому, даже склонны отождествлять его съ Хлѣбеннымъ дворцомъ, съ которымъ въ дѣйствительности онъ не имѣетъ ничего общаго. Авторъ извѣстной статьи о Московскихъ старинныхъ приказахъ по вопросу о возникновеніи Хлѣбнаго приказа нашелъ возможнымъ только отмѣтить, что «по записнымъ

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1362.
[2]) Ib., напр. ст. 1053, 1263, 1087-8, 1094-5, 1420 и др.
[3]) Ib., ст. 1048, 1064, 1163.
[4]) Ib., ст. 1266-7.

книгамъ» (какимъ?) онъ значится съ 1663-го года [1]). Изъ дѣлъ Тайнаго приказа можно еще узнать, что въ вѣдѣніи Хлѣбнаго приказа находились каменныя житницы (въ Кремлѣ у Троицкихъ воротъ), куда свозился стрѣлецкій хлѣбъ; поэтому, надо думать, онъ иногда называется въ актахъ «Приказомъ Стрѣлецкаго Хлѣба» или «Хлѣбнымъ Стрѣлецкимъ приказомъ» [2]). Болѣе содержательно показаніе Котошихина; по его словамъ, «вѣдаютъ въ томъ Приказе городы і волости и села, и кабаки, и таможни, зъ доходы и съ податми после боярина Никиты Івановича Романова» [3]). Показаніе—какъ будто безспорное: за Хлѣбнымъ приказомъ дѣйствительно состояли, какъ видно хотя бы изъ указа 1676 г., нѣкоторыя изъ бывшихъ вотчинъ Никиты Ивановича: г.г. Скопинъ и Романовъ, Карамышевская и Славецкая волости и села Смердово, Лычово и Клины. Если, однако, сопоставимъ эту характеристику съ выясненнымъ только-что положеніемъ Хлѣбнаго приказа въ общемъ вѣдомствѣ Тайнаго,—будетъ странно, что Котошихинъ ничего не сказалъ ни о подчиненіи перваго второму, ни, въ частности, о распредѣленіи между ними Романовскихъ земель, часть которыхъ, по даннымъ аналогичнаго указа 1676 г., находилась въ спеціальномъ вѣдомствѣ Тайнаго приказа,—именно: Домодѣдовская в., и села Измайлово, Ермолино, Чашниково—съ приселками и деревнями. Затрудненіе это устраняется, если допустимъ, что Котошихинъ, бѣжавшій изъ Россіи въ 1664-мъ году и въ послѣдніе годы передъ тѣмъ рѣдко бывавшій въ Москвѣ, описываетъ Хлѣбный приказъ до того момента, какъ онъ былъ подчиненъ Тайному. Вполнѣ вѣроятно, что владѣнія Н. И. Романова, въ виду ихъ фамильнаго значенія, съ самаго начала были переданы послѣ его смерти не Приказу Большого Дворца, а Хлѣбному приказу, который, можетъ быть, тогда же и созданъ былъ спеціально для завѣдыванія ими и другія функціи котораго по отношенію къ этой, главной, были производными. Примѣръ подобныхъ административныхъ образованій можно указать: въ 147-мъ году завѣдываніе отписанными на государя селами и деревнями послѣ «старицы» княжны Ирины Милославской было поручено особому приказу кн. Ив. Б. Черкасскаго [4]); и въ то же

[1]) Др. Рос. Вив., т. XX, ст. 406.
[2]) Воронежскіе акты, ч. III, ср. 124-6 и 143-7. Дворц. Разр., т. III, ст. 1412.
[3]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 4-е, стр. 110.
[4]) М. А. М. И. Д., Прик. д. ст. л., 1639 г., № 62, лл. 57, 59, 62.

время въ обстоятельствахъ перехода Романовскаго наслѣдства къ царю имѣются подробности, которыя намекаютъ на изначальную, какъ бы сказать, прикосновенность Хлѣбнаго приказа къ стрѣлецкому хлѣбу: изъ оставшихся послѣ Н. И. запасовъ значительная часть пошла на раздачу московскимъ стрѣльцамъ [1]).

Всѣмъ этимъ намѣчается и послѣдующій моментъ: когда, въ 1663-мъ году, стала осуществляться мысль о созданіи хозяйственной организаціи подъ руководствомъ Тайнаго приказа, романовскія вотчины и перешли къ нему—путемъ подчиненія завѣдывавшаго ими Хлѣбнаго приказа, а частью взяты были у послѣдняго въ непосредственное вѣдомство Тайнаго. Но Хлѣбный приказъ, сколько можно судить по состоянію хозяйства, какое засталъ въ его области Тайный приказъ, довольствовался тѣми порядками, какіе заведены были при прежнемъ владѣльцѣ,—кажется, даже упростилъ ихъ, переведя всю землю на оброкъ. Съ подчиненіемъ же его Тайному, введеніе здѣсь новыхъ порядковъ, разсчитанныхъ на болѣе интенсивную эксплоатацію, стало первой задачей, и естественно, что въ той мѣрѣ, въ какой осуществленіе ея требовало хозяйственной иниціативы, Тайный приказъ вступаетъ въ непосредственныя отношенія къ области Хлѣбнаго приказа, въ остальномъ удерживая за собой только право контроля. Позднѣе, когда опредѣленный хозяйственный строй въ вѣдомствѣ наладился, поводовъ къ такому вмѣшательству становится меньше, и Хлѣбный приказъ получаетъ, въ предѣлахъ своей территоріи, все большую самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ Тайный приказъ начинаетъ выдѣлять въ его распоряженіе нѣкоторыя изъ своихъ владѣній, какъ Лысково, Мурашкино, Дехтяное, Сасово и др. Потому и въ зап. книгахъ послѣднихъ лѣтъ почти не встрѣчается случаевъ непосредственнаго обращенія изъ Тайнаго приказа къ городамъ и селамъ, подчиненнымъ Хлѣбному [2]). Съ другой стороны, первыя отчетныя

---

[1]) Чтенія въ О. И. и Д. Р., 1887 г., 3 кн., стр. 33; роздано было семи приказамъ м. стрѣльцовъ: сухарей 21 куль, толокна 90 кулей, муки ржаной 150 кулей, ржи 184 чт., овса 100 чт. и 500 полтей ветчины.

[2]) Вѣроятно, въ силу подобнаго же процесса, въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича происходитъ нѣкоторое перераспредѣленіе компетенціи внутри вѣдомства самого Хлѣбнаго Приказа: въ спискѣ приказовъ, помѣщенномъ подъ 1675 г. въ Дворц. Разр., уже нѣтъ Х. П., какъ одного учрежденія, а показаны два самостоятельные—«Хлѣбный стрѣлецкій приказъ» и «Хлѣбенный приказъ Мордовскихъ дѣлъ» (т. III, ст. 1412 и 1414) При увеличившейся самостоятельности Хлѣбнаго

вѣдомости хозяйственнаго характера, оказавшіяся въ дѣлахъ Тайнаго приказа, говорятъ о состояніи хозяйства именно бывшихъ вотчинъ Н. И. Романова. Такимъ образомъ, складывается представленіе, что въ родовомъ наслѣдствѣ царя хозяйственное вѣдомство его приказа получило какъ бы свою территоріальную основу.

Какъ извѣстно, въ практикѣ приказнаго управленія 17 в. бывало нерѣдко, что наряду съ территоріальными приказами хозяйственно-административныя функціи, въ предѣлахъ опредѣленной территоріи, осуществлялись также приказами, которые имѣли общегосударственное значеніе, какъ Разрядъ, Посольскій, Стрѣлецкій пр. и др. Земельныя владѣнія обыкновенно разсматривались прежде всего, какъ источникъ доходовъ приказа, и въ соотвѣтствіи съ этимъ его хозяйственно-административная дѣятельность сводилась къ разнымъ сборамъ съ населенія, денежнымъ и частью натуральнымъ, лишь по требованію особыхъ обстоятельствъ принимая характеръ непосредственной экслоатаціи въ формѣ десятинной пашни. Отсюда — подчиненіе приказу извѣстной территоріи не влекло за собой непремѣнно измѣненій въ ея юридическомъ составѣ, и вѣдомство его могло включать земли разныхъ категорій — казенныя и частновладѣльческія. Съ другой стороны, и самый выборъ территоріи, чаще всего предполагавшій простое перечисленіе владѣній изъ одного вѣдомства въ другое, могъ производиться съ неограничиваемой правами владѣльцевъ и характеромъ владѣній свободой, единственно по соображеніямъ административнаго удобства. Исключеніемъ, и то лишь до извѣстной степени, былъ Приказъ Большого Дворца. Согласно своему происхожденію, вѣдомство его и по назначенію и по пріемамъ эксплоатаціи въ значительной степени продолжало сохранять и въ 17 в. владѣльческій типъ, и потому отличалось однородностью территоріальнаго состава. Однако, по юридическому значенію территоріи, оно уже стало въ общій

приказа такое раздѣленіе могло, безъ сомнѣнія, представлять свои техническія удобства; но какъ была подѣлена между этими двумя приказами территорія,—съ точностью сказать нельзя. Можно только предполагать, что къ Стрѣлецкому Хлѣбному приказу отошли г.г. Скопинъ, Романовъ, Богородицкой и села: Лысково и Мурашкино, а Приказъ Мордовскихъ дѣлъ, какъ показываетъ его названіе, сталъ завѣдывать, мордовскими селами Алаторскаго, Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ, а также, вѣроятно, Терюшевской волостью.

уровень съ другими: дворцовыя земли перестали быть частнымъ имуществомъ государей и считались государевыми потому, что были государственными. Поэтому онѣ начинаютъ встрѣчаться среди владѣній, подчиненныхъ другимъ приказамъ, напр. Нижегородской Чети, Приказа Казанскаго Дворца, и втягиваются наравнѣ съ прочими казенными землями въ общую мобилизацію.

Въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, согласно изложеннымъ выше наблюденіямъ, находимъ рядъ существенныхъ отличій. Хозяйственная программа, съ которой знакомятъ насъ наказы и доклады по «досмотрамъ», убѣждаетъ въ томъ, что собиравшіяся Тайнымъ приказомъ владѣнія предназначались къ непосредственной и, сравнительно съ обычными пріемами приказнаго хозяйства, интенсивной эксплоатаціи; отсюда — ихъ юридическая однородность, какъ непремѣнное условіе основной хозяйственной задачи вѣдомства. Въ то же время энергія и настойчивость, съ какими производился подборъ владѣній — явленіе само по себѣ совершенно исключительное,—служатъ показателемъ, что дѣйствіями приказа руководили личная воля и личный интересъ, а изъ справокъ съ прошлымъ отдѣльныхъ владѣній и изъ условій фактической обстановки ихъ перехода въ вѣдомство вытекаетъ, что въ большей части своей территорія составилась или путемъ реализаціи наслѣдственныхъ правъ Алексѣя Михайловича, или въ связи съ его личными переживаніями, или, наконецъ, при его личномъ участіи въ операціяхъ,—другими словами, что главнымъ двигателемъ предпріятія былъ царь. Въ частности, имѣя въ виду особую роль романовскаго наслѣдства, сказавшуюся, между прочимъ, въ исторіи Хлѣбнаго приказа, можно придти даже къ мысли, что въ организаціи хозяйственнаго вѣдомства Тайнаго приказа мы имѣемъ попытку возстановленія родового землевладѣнія Романовыхъ, которое должно было растаять съ исчезновеніемъ рядовыхъ представителей фамиліи. Даже официальный языкъ какъ будто склоненъ отмѣтить эту специфическую черту владѣній вѣдомства: излагая содержаніе государева указа объ отмежеваніи нѣсколькихъ «селъ со всякими угодьи, которые взяты на него, великаго государя», записныя книги, не смущаясь, помѣщаютъ среди этихъ селъ и с. Петровское, «которое, какъ сообщается тутъ же, вѣдомо было во Дворцѣ»[1]). Отсюда вообще,

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1673.

можетъ быть, слѣдуетъ заключить, что передъ нами—государевы земли уже въ смыслѣ не государственнаго, а личнаго владѣнія («личныя имѣнія») царя? Но что значитъ, формально, терминъ личное владѣніе или личное имѣніе въ примѣненіи къ Московскому государю 17-го вѣка?

Въ эпоху, когда государство и форма правленія совершенно не различались, понятія—государевъ и государственный—неизбѣжно должны были покрывать другъ друга. Государство и государственный интересъ мыслились не иначе, какъ конкретно—въ формѣ живой личности государя и государева дѣла; а въ свою очередь и личность московскаго самодержца, вбирая въ себя наличную политическую идеологію среды, расплывалась въ этомъ содержаніи и пріобрѣтала до извѣстной степени отвлеченный характеръ. Отсюда тѣмъ легче всякое проявленіе воли государя получало смыслъ государственнаго акта. При такомъ строѣ мышленія могли ли быть у людей того времени достаточно ясные критеріи для выдѣленія въ носителѣ верховной власти элементовъ личной жизни вообще? Въ частности, царь едва ли могъ бы составить себѣ и «личныя имѣнія», не нарушая установившихся представленій о соотношеніи государства и государя, какъ не могъ бы, не рискуя вызвать впечатлѣніе самозванца, а то и революціонера, выступить передъ своими подданными въ платьѣ простого обывателя. Въ полномъ согласіи съ этимъ, и самый процессъ образованія подчиненной Тайному приказу территоріи, если оставить въ сторонѣ мотивы, а имѣть въ виду только форму, воспроизводитъ скорѣе обстановку государственнаго, чѣмъ гражданскаго быта. Какъ было показано, одни изъ владѣній—земли казенныя и частью владѣльческія—поступали въ вѣдомство приказа путемъ простого перечисленія по государеву указу; другія, именно нѣкоторыя изъ частновладѣльческихъ земель, пріобрѣтались, правда, въ обычномъ гражданскомъ порядкѣ, но въ этихъ случаяхъ подъ формами купли или мѣны зачастую скрывалось, несомнѣнно, принудительное отчужденіе. Все это—признаки, несовмѣстимые съ понятіемъ личной, хотя бы и царской, собственности. Съ другой стороны, такой квалификаціи мало благопріятствовала бы и конечная судьба хозяйственнаго вѣдомства Тайнаго приказа: какъ уже было отмѣчено, съ упраздненіемъ приказа, владѣнія, непосредственно подчиненныя ему, переданы были Большому Дворцу, подчиненныя Хлѣбному приказу—сначала

Стрѣлецкому приказу, а затѣмъ, въ 1679 г., тому же Дворцу, при чемъ тѣ и другія, еще при царѣ Ѳедорѣ, обращены были наряду съ дворцовыми землями въ раздачу частнымъ лицамъ[1]). Такимъ образомъ, передъ нами форма — не частнаго, а государственнаго владѣнія, однако совсѣмъ не обычная по условіямъ своего возникновенія. Остающаяся внѣ всякаго сомнѣнія личная заинтересованность царя Алексѣя, объясняющая составъ и способы образованія подвѣдомственной приказу территоріи, ясно вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что хозяйственное вѣдомство приказа должно было служить цѣлямъ, которыя были особенно близки царю и въ этомъ смыслѣ позволяютъ называть все предпріятіе царскимъ хозяйствомъ. Эти цѣли не формулируются въ нашихъ источникахъ; но онѣ должны, безъ сомнѣнія, сказаться въ самомъ строѣ хозяйственной жизни царскихъ владѣній.

---

[1]) Гос. Арх., IX, отд. II, № 92.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Хозяйственное вѣдомство Тайнаго приказа въ административномъ отношеніи было съ такой же опредѣленностью отграничено отъ вѣдомствъ другихъ учрежденій, какъ и въ территоріальномъ, представляя изъ себя совершенно самостоятельную хозяйственно-административную организацію. Выше уже были отмѣчены послѣдствія, которыми сопровождалось перечисленіе селъ Сасова и Дегтяного и дер. Кучиной изъ вѣдомства Большого Дворца въ вѣдомство Тайнаго приказа: «а прежнихъ прикащиковъ велено ис тѣхъ селъ выслать и во Дворцѣ тѣ села ничѣмъ не вѣдать» [1]). Когда «отписывалось» въ вѣдомство Тайнаго приказа село Селивачово у его владѣльца б. Шереметева, послѣдовало то же распоряженіе: «а того села прикащика выслать вонъ» [2]). Примѣненная, такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ и къ землямъ разныхъ категорій одинаковая формула выражала, можно думать, правило, которому слѣдовали постоянно. Если съ переходомъ въ вѣдомство Тайнаго приказа земельное владѣніе совершенно выступало изъ компетенціи учрежденій или лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ находилось раньше, то и наоборотъ: перечисленіе владѣнія, уже состоявшаго въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, въ другое должно было вести за собою прекращеніе отношеній къ нему со стороны приказа. Въ 1674 г. рѣшено было села Сунгурово и Оздемерово передать изъ Тайнаго приказа во Дворецъ и въ Тайномъ приказѣ «тѣх сел никѣм не вѣдать». Объ этомъ мы узнаемъ изъ царскаго наказа, и тамъ же въ статьѣ, содержащей соотвѣтствующее распоряженіе, находимъ добавленіе: «а во Дворец по Семенъ день указу

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1024.
[2]) ib., ст. 1239–40.

(о передачѣ) не посылать—для того, чтоб с них (крестьянъ) оброки собрать, да косцов взять, по договору ихъ, 200 чело вѣкъ на два мѣсяца»[1]). Потомъ почему-то передумали, послали указъ до «Семена дня», а въ виду новаго рѣшенія измѣнилась и форма, въ которой названными селами выполненъ былъ «договоръ»: подъ 29 марта 1674 года въ записныхъ книгахъ значится государевъ указъ, которымъ велѣно съ крестьянъ Сунгурова и Оздемерова «вмѣсто работниковъ 400 ч(еловѣкъ) взять ныне денегъ по 4 рублі за работника... и о тѣхъ денгахъ великаго государя указъ ис Приказу Тайныхъ Дѣлъ въ Приказъ Большого Дворца посланъ тогожъ числа»[2]). Съ такой точностью старались размежеваться въ правѣ распоряженія землями и ихъ населеніемъ съ Дворцомъ. Вообще въ дѣлахъ приказа не находимъ случаевъ, которые указывали бы на самостоятельное участіе какихъ-нибудь учрежденій въ жизни подчиненнаго ему населенія, а въ то же время не разъ встрѣчаемъ факты, свидѣтельствующіе объ опредѣленной тенденціи приказа устранять вмѣшательство властей, не принадлежащихъ къ составу его администраціи. Вѣроятно, имѣя въ виду только эту тенденцію, лысковцы могли обратиться къ государю съ челобитной (которая и была уважена), чтобы «изъ Нижнево отъ сыщика отъ Дмитрея Плещѣева (сыскивавшаго бѣглыхъ крестьянъ) никакимъ присыльщикомъ къ нимъ не въѣзжать, а до ково какое дѣло дойдетъ и такихъ отсылать къ нему Дмитрею по отпискамъ» мѣстнаго воеводы[3]). Въ другой разъ вывезенные въ Измайлово крестьяне Славецкой волости, которую, согласно общему правилу, было предписано мѣстному Владимірскому воеводѣ «ничѣмъ не вѣдать»,[4]) жаловались на воеводу, что онъ правитъ на нихъ «стрѣлецких и ямских хлѣба и денег и всяких городовых доходов», а оставленныхъ «у скотинишки на всякомъ дворѣ» людей «побрал в тюрму и на правеже по вся дни держитъ». И первое рѣшеніе государя, изложенное въ помѣтѣ на челобитной, гласило: «Государь пожаловалъ — не велѣлъ ихъ ему, воеводе, вѣдат им (?) ни в чем. А что он сажал их в тюрму и держал на правеже, и за то доправить на нем пени дватцат рублев». Правда, пеня была потомъ снята, потому-что, какъ разъ-

[1]) Г. А., XXVII, № 526, л. 11.
[2]) Р. И. Р., т. 21, ст. 1724.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1130.
[4]) М. А. И. Д., Дѣла, вновь разобранныя, № 224, л. 19.

яснилъ воевода въ отпискѣ, онъ требовалъ съ крестьянъ денегъ, которыя тѣ должны были уплатить еще «до тоѣ... грамоты за многое время,... что тѣх славецкихъ крестьянъ ни в чем не вѣдат» и потому-что «по грамотамъ из Ямского и Стрелецкого приказов недоплатные денги и хлѣб правят на немъ»; однако, въ главномъ вопросѣ прежнее рѣшеніе государя осталось въ силѣ [1]).

Мѣстное управленіе въ вѣдомствахъ, какъ Тайнаго, такъ и Хлѣбнаго приказовъ строилось, въ общемъ, по одному типу. Основными административными ячейками, изъ которыхъ слагалось каждое, являются группы селеній, расположенныхъ по сосѣдству или по близости другъ къ другу. Это—своего рода административные округа съ особымъ представителемъ приказной власти—въ лицѣ воеводы или прикащика и съ своимъ административнымъ центромъ—въ видѣ села или города. Они очень разнообразны по размѣрамъ, отъ обширныхъ волостей до небольшихъ селъ съ 2—3 деревнями или приселками. Объясняется это разнообразіе тѣмъ, что Тайный приказъ, включая въ составъ подвѣдомственной ему территоріи то или другое владѣніе, чаще всего оставлялъ неприкосновеннымъ внутренній строй, какой оно имѣло въ этотъ моментъ, и только смѣнялъ представителя администраціи. Отсюда, рядомъ съ такими крупными административными единицами, какъ города Скопинъ и Романовъ или волости Лысковская, Мурашкинская, Терюшевская, Городецкая, Карамышевская — въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа и, какъ въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, волости—Домодѣдовская и Колдомская, оказались и совсѣмъ незначительныя, въ родѣ селъ Кирѣевскаго и Популова—въ первомъ, или Балабанова и Загорья—во второмъ. Иногда, однако, вновь пріобрѣтавшееся владѣніе не получало особаго представителя администраціи, а вводилось въ составъ ближайшей административной единицы: с. Черкизово съ деревнями присоединено было, напр., къ с. Чашникову (вѣдомство Тайнаго приказа), с. Гридино — къ Мурашкину; Шишковердь—къ Сергачу (вѣдомство Хлѣбнаго приказа). Чаще всего такой пріемъ примѣнялся въ подмосковномъ районѣ, гдѣ приказъ съ особенной энергіей старался округлять наличныя владѣнія, въ результатѣ чего почти всѣ подмосковныя села, имѣвшія съ самаго начала особую администрацію, получили потомъ

---

[1]) Ib., л. л. 151—165.

большія или меньшія приращенія и въ документахъ выступаютъ обыкновенно какъ бы въ свитѣ изъ такъ называемыхъ «приписныхъ» селъ, напр.: «село Степановское и къ тому селу приписные: село Княжчино»; «село Соколово, а къ нему приписные села: Петровское, Котельники, Либерицы з деревнями»; «сельцо Кудрявцево и къ нему приписные два сельца — Семушкино и Новоселки» [1]) и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ принимались прежде всего въ разсчетъ, конечно, условія географическія; но свое значеніе, безъ сомнѣнія, имѣли и хозяйственныя соображенія.

Вообще, можно сказать, административное строеніе группы довольно точно отражало въ себѣ хозяйственное соотношеніе ея составныхъ частей. Административнымъ центромъ всегда является село, совершенно независимо отъ количества его населенія, но при условіи, что въ немъ заведено государево хозяйство. Сосѣднія села и деревни, тѣ, которыя въ документахъ называются „приписными“, играли вспомогательную роль — частью своими угодьями и рабочими средствами, частью разными запасами. Не имѣя, такимъ образомъ, самостоятельнаго хозяйственнаго значенія, они и въ административномъ отношеніи становились въ подчиненное положеніе. По этой причинѣ маленькое село Балабаново, въ которомъ не было и 10 дворовъ, но распахивалась десятинная пашня, имѣло особаго прикащика и являлось вмѣстѣ съ своими двумя деревеньками, насчитывавшими также не больше 10 дворовъ (во всѣхъ трехъ было 19 дв.) [2]), особой административной единицей; между тѣмъ большое село Черкизово (около 100 дворовъ), въ которомъ Государево хозяйство заведено не было, должно было подчиняться прикащику села Чашникова, и даже когда туда назначенъ былъ, въ помощь первому, второй прикащикъ, онъ все-таки считался Чашниковскимъ, а не Черкизовскимъ [3]). Но „приписное“ село могло повыситься въ своемъ рангѣ, если становилось мѣстомъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ хозяйственныхъ операцій: на этомъ, напр., сдѣлалъ свою карьеру приселокъ с. Измайлова Николаевское, ставшее резиденціей особаго прикащика, когда тамъ стала строиться государева мельница [4]). Подобное же явленіе мы наблюдаемъ въ Домодѣдовской волости. Въ селахъ, входившихъ въ ея составъ,

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 193.
[2]) Г. А. XXVII, № 532, л. 17.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1288.
[4]) Ib., ст. 1521, Р. И. Б., т. 23, ст. 628, 865.

а именно: въ Пахринѣ, Екатерининской Рощѣ и Ермолинѣ государево хозяйство велось въ очень широкихъ размѣрахъ, и волость раздробилась: въ каждомъ изъ этихъ селъ появился свой прикащикъ и такимъ образомъ всѣ они съ „приписными“ своими деревнями превратились въ особыя административныя единицы. Бывали и обратные случаи: хозяйственные интересы какого-нибудь крупнаго владѣнія заставляли «приписывать» къ нему иногда довольно отдаленныя мѣстности, лишая ихъ благъ самостоятельной администраціи. Въ этомъ отношеніи характерна административная эволюція, какую пережила за короткое время Славецкая волость (Влад. у.) и Юрьевскія села—Смердово, Лычово и Клины (Юрьево-Польскаго у.). Сначала всѣ они эксплоатировались только оброчнымъ способомъ и состояли въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа, образуя самостоятельную административную группу. Въ 1666 г., однако, названныя села велѣно было «вѣдать пашенными делами къ селу Измайлову головѣ Василью Пушечникову (т. е. Измайловскому прикащику) кромѣ столовыхъ запасовъ» [1]),—можетъ быть, потому, что Измайлово тогда стало нуждаться въ рабочихъ рукахъ и хлѣбныхъ запасахъ. Такимъ образомъ, одной стороной своей хозяйственной жизни Юрьевскія села вышли изъ сферы компетенціи мѣстнаго прикащика и вмѣстѣ—Хлѣбнаго приказа; черезъ нѣсколько лѣтъ такое положеніе было распространено на всѣ стороны, причемъ перемѣна коснулась и Славецкой волости: въ 1674 г. по памяти въ Хлѣбный приказъ было „велено Володимерскаго уѣзду Славецкую волость да Юрьевского уѣзду Полского село Смердово, село Лычово и Клины со всѣми доходы вѣдать къ селу Измайлову“ [2]), иначе—въ Тайномъ приказѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упразднялась, повидимому, и должность юрьевскаго прикащика. На этомъ, однако, не кончилось: въ послѣднее время существованія самого Тайнаго приказа возникъ проектъ организовать въ названныхъ владѣніяхъ самостоятельное и довольно интенсивное хозяйство („завесть пашню большую“), и потому сдѣлано было распоряженіе—«въ юрьевские села отпустить на приказъ Григорья Каменева и Славецкую волость вѣдать ему же, а не к Измайлову» [3]). Такимъ образомъ, въ моментъ ликвидаціи вѣдомства

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1188.
[2]) Ib., ст. 1725.
[3]) Г. А., XXVII, № 526, л. 12—13.

Тайнаго приказа Славецкая волость съ юрьевскими селами оказалась въ числѣ «вѣдомыхъ» не къ Измайлову, а снова—въ Хлѣбномъ приказѣ, въ качествѣ самостоятельной административной единицы [1]).

Въ спеціальномъ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, гдѣ сравнительно интенсивное хозяйство дѣлало болѣе сложными и задачи администраціи, крупное административное дѣленіе было неудобно, и потому здѣсь административныя группы въ общемъ значительно меньше по размѣрамъ, чѣмъ въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго: обыкновенно онѣ состояли изъ 3-4 селеній, рѣдко—больше. Зато слишкомъ дробная организація не обезпечивала, въ полной мѣрѣ, согласованнаго участія отдѣльныхъ группъ въ жизни цѣлаго; отсюда — наблюдаемъ въ вѣдомствѣ потребность въ извѣстной централизаціи, слѣды которой довольно ясно выступаютъ въ соотношеніяхъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ группъ. Такъ, с. Ермолино, выдѣленное изъ Домодѣдовской волости и получившее, какъ говорилось, собственнаго прикащика, состоитъ, однако, подъ общимъ надзоромъ Домодѣдовскаго прикащика, которому Ермолинскій, согласно данной изъ приказа инструкціи, долженъ быть «послушенъ» [2]). Подобная же субординація замѣтна въ отношеніяхъ между Домодѣдовскимъ же прикащикомъ и прикащикомъ села той же волости—Екатерининской Рощи [3]), равно какъ между прикащиками Измайловскимъ и Николаевскимъ Можетъ быть, въ виду проистекающихъ отсюда осложненій обязанностей,—назовемъ такъ,—главныхъ прикащиковъ, имъ назначены были особые товарищи [4]).

Прикащикъ является постояннымъ представителемъ центральной власти; его присутствіе, собственно, и дѣлаетъ извѣстную группу селеній административной единицей, самый составъ которой очерчивается предѣломъ распространенія его компетенціи. Тамъ, гдѣ имѣлись укрѣпленія и гарнизоны, къ обязанностямъ по хозяйственному управленію присоединялись функціи военнаго начальника, и прикащикъ получалъ названіе воеводы,—все равно, былъ ли его резиденціей городъ или село. Воеводъ мы одинаково видимъ и въ городахъ, какъ Богородицкой, Скопинъ, Романовъ, и въ селахъ Лысковѣ и Мурашкинѣ, гдѣ еще Б. И. Морозовымъ

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 280.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1583—4.
[3]) Ib., ст. 1594.
[4]) Ib., ст. 1347—8.

были построены земляныя укрѣпленія и заведены стрѣльцы [1]). Прикащикъ и воевода стояли въ одномъ административномъ ряду, въ которомъ мѣсто каждаго опредѣлялось только хозяйственнымъ значеніемъ его группы. Военныя функціи воеводы, въ виду болѣе, чѣмъ скромнаго военно-административнаго значенія любого изъ названныхъ пунктовъ, едва ли играли большую роль въ оцѣнкѣ его соціальнаго положенія. Бывали случаи, когда сельскіе прикащики переводились на мѣста воеводъ и тамъ получали уже новый титулъ [2]); но, мѣняя свое прежнее званіе на болѣе громкое, они могли ничего не выиграть въ матеріальномъ отношеніи, потому что расцѣнка ихъ службы не была выше: Домодѣдовскій, напр., прикащикъ получалъ государева жалованья „противъ Лысковскаго и Мурашкинскаго воеводъ“ [3]). Воевода и прикащикъ обыкновенно назначались изъ Тайнаго приказа, хотя бы мѣсто службы того или другого изъ нихъ числилось въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа [4]). При назначеніи каждый получалъ наказъ „почему ему... ведать“ свои села или городъ, но уже изъ того приказа, въ вѣдомствѣ котораго ему предстояло дѣйствовать [5]). Впрочемъ, въ спеціальномъ вѣдомствѣ Тайнаго приказа въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., для прикащиковъ подмосковныхъ селъ письменные наказы являлись бы излишней формальностью, и, вѣроятно, замѣнялись словесными инструкціями; по крайней мѣрѣ въ документахъ указаній на нихъ нѣтъ.

Ни одного наказа въ дѣлахъ Тайнаго приказа не сохранилось; но въ записныхъ книгахъ приказа содержится, по обычаю— очень точная, хотя и краткая, запись наказа, который былъ посланъ изъ Тайнаго приказа Мурашкинскому воеводѣ, когда тому поручено было вѣдать „новоприписное“ село Гридино. При своей краткости она довольно хорошо обрисовываетъ общій кругъ обязанностей представителей мѣстной администраціи. Воеводѣ предписывалось—„село Гридино з деревнями вѣдать во

---

[1]) Акты Мос. Гос., т. III, № 446.

[2]) А. Мерчюковъ изъ Домодѣдова, напр., былъ переведенъ въ Скопинъ и послѣ того называется воеводой. Р. И. Б., т. 21, ст. 1171; также С. Нелединскій изъ с. Кирѣевскаго—въ г. Богородицкой. Р. И. Б., т. 21, ст. 1294.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1344.

[4]) Р. И. Р., т. 21, ст. 1171, 1174, 1291, 1294; Г. А. XXVII, № 526, л. 14.

[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1171, 1174, 1291.

всемъ и государеву десятинную пашню пахать і всякие заводы заводить по государеву указу и по статьямъ, каковы ему даны о Мурашкинской волости, и таможни кабаки и мельницы въ этой вотчине отдавать на откупъ изъ наддачи, какъ прибыльнѣе, и денежные и медвяные оброки збирать, и над крестьяны смотрить всего, и отъ сторонъ ихъ оберегать, а угодья всякие досмотрить самому“ [1]). Насколько можно судить по изложенію записной книги, въ приказѣ считали нужнымъ разъяснять обязанности воеводы обще-административнаго характера гораздо меньше, чѣмъ задачи его, относящіяся къ организаціи разныхъ отраслей хозяйства. Эта черта наказа, вышедшаго изъ Тайнаго приказа, особенно бросается въ глаза при сопоставленіи его съ наказами прикащикамъ дворцовыхъ волостей, выдававшимися Приказомъ Большого Дворца: тамъ, наоборотъ, подробнѣйшимъ образомъ регламентируются судебныя и фискальныя функціи прикащика, и почти нѣтъ рѣчи о хозяйственныхъ [2]). Помимо наказовъ прикащики, какъ и воеводы, уже на мѣстѣ своей службы получали инструкціи въ формѣ «статей», государевыхъ грамотъ и приказныхъ памятей, которыми они должны были руководиться въ отдѣльныхъ случаяхъ хозяйственно - административной практики и на которыя въ свою очередь должны были посылать отписки въ приказъ. Записныя книги Тайнаго приказа въ большей своей части и являются, по существу, сокращеннымъ изложеніемъ этой переписки, позволяя воспроизвести въ болѣе или менѣе конкретномъ видѣ дѣятельность и положеніе воеводы и прикащика.

Передъ нами, напр.,—Скопинскій воевода, назначенный сюда, какъ только Скопинъ поступилъ въ вѣдѣніе Тайнаго приказа. Въ приказѣ рѣшили завести на Скопинѣ обширное пашенное хозяйство, и съ первой государевой грамотой объ этомъ для воеводы наступаютъ хлопотливые дни. Прежде всего надо „осмотрѣть“ и „отвести“ подъ десятинную пашню удобную землю,

[1]) Ib., ст. 1078.

[2]) См. наказъ 155 г. прикащику дворцовыхъ Сомерскихъ волостей, напечатанный А. М. Гнѣвушевымъ въ его книгѣ: Новгородскій дворцовый приказъ, ст. VII—XI. Еще характернѣе наказъ 165 г., данный изъ Большого Дворца Минѣ Взимкову при назначеніи его прикащикомъ Верхоценской волости. Верхоценская в. была одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей среди дворцовыхъ владѣній, гдѣ десятинная пашня велась въ широкихъ размѣрахъ, и тѣмъ не менѣе наказъ имѣетъ точно такой же характеръ, какъ и предыдущій. А. М. Ю., Приказ. ст., № 214, л. 78—87.

обмѣрять поля и распредѣлить повинности по крестьянскимъ дворамъ, примѣняясь къ общимъ указаніямъ полученной изъ приказа инструкціи. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ будутъ затѣмъ происходить всѣ послѣдующія полевыя операціи; а когда хлѣбъ снимутъ съ полей, воевода долженъ будетъ „устроить“ его въ житницы и „беречь“, пока не получатся изъ приказа дальнѣйшія распоряженія. Съ заведеніемъ десятинной пашни становятся особенно цѣнны крестьянскія руки, не говоря уже о томъ, что съ крестьянскихъ «живущихъ вытей» идутъ денежные и хлѣбные доходы,—поэтому необходимо наблюдать за тѣмъ, чтобы крестьянскіе „жеребьи“ не пустѣли, и было бы хорошо, если бы воеводѣ удалось заселить новые: тогда «за прибылые выти ис пуста въ жило» ему пришлютъ изъ приказа государеву грамоту «съ похвалою»[1]). Но при пашенномъ хозяйствѣ должна водиться всякая «животина», и на этотъ счетъ воеводой изъ Москвы уже получены предписанія. Велѣно заводить «племянных свиней» и «кормить и беречь» ихъ на Скопинѣ до указу[2]); то же—и овецъ, для которыхъ — устроить дворъ и «на томъ дворѣ беречь, чтобъ они з бораны до времени не ходили»[3]). Въ Скопинъ же обѣщаютъ прислать «на кормъ въ зиму» 500 государевыхъ «подъемныхъ» лошадей, и воевода заблаговременно долженъ „изготовить сѣна, чѣмъ мочно прокормить ихъ до травы и построить сараі, въ которыхъ тѣхъ лошадей кормить и беречь, а сараи, пишутъ изъ приказа, слѣдуетъ крыть «соломою гораздо, чтобъ капѣли не было»[4]). Не забыто и птичное хозяйство: воеводѣ прислали точную «роспись», сколько надо завести гусей и утятъ и сколько куръ купить для отправки въ Москву[5]). Ему же предписано устроить пасѣки на Скопинѣ[5]). Надававши столько дѣлъ, въ Москвѣ не забудутъ при случаѣ напомнить, чтобы воевода самъ смотрѣлъ, «чтобъ всякая животина была сыта і въ осеннее время в ненасные дни и по ночамъ стояла подъ навѣсами, а зимнимъ времянемъ въ теплыхъ сараяхъ»[6]). Потомъ, по экстреннымъ ли запросамъ изъ приказа или въ установленные заранѣе сроки

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1126.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1038—9.
[3]) Ib., ст. 1039, 1074.
[4]) Ib., ст., 1094—5.
[5]) Ib., ст. 1038.
[6]) Ib., ст. 1334.

воевода долженъ будетъ отправить приплодныхъ и племянныхъ птицу и скотъ въ Москву, частью живыми, частью битыми, а куръ «сушеными»; на послѣдній предметъ онъ также имѣетъ особую инструкцію въ государевой грамотѣ: «а куры сушити, пластать и распластавъ натирать солью и въ соли держать сутки и сушить въ печахъ въ лещедяхъ» [1],—грамота, повидимому, предполагаетъ, что эта операція должна производиться подъ его личнымъ присмотромъ. Возможно, что впереди будутъ и другія порученія въ томъ же родѣ. Въ Скопинѣ, напр., имѣется кружечный дворъ, и воевода можетъ ждать, что изъ приказа потребуютъ устроить при немъ, какъ это сдѣлано въ другихъ мѣстахъ, винокурню,—значитъ придется покупать «винные кубы и всякие суды», подыскивать «винокуровъ и солодовниковъ, «запасать для винокурни дрова и «хмѣль садить» [2]. Положеніе осложняется еще тѣмъ, что на всѣ, требуемыя разными «заводами» покупки въ мѣстной кассѣ можетъ не оказаться наличныхъ средствъ. Въ приказѣ этимъ не смущаются: пусть воевода займетъ денегъ у крестьянъ. Тамъ даже предвидятъ возможность, что „крестьяня взаймы денегъ не дадутъ“, но тогда воевода можетъ—«у крестьянъ все имать въ долгъ» (т. е. взять натурой) [3]. Рекомендуя такой выходъ, въ Москвѣ увѣрены, что въ рукахъ твердаго администратора онъ не вызоветъ затрудненій.

На воеводѣ, естественно, лежитъ главная отвѣтственность за точное исполненіе предписаній центра и въ связи съ этимъ—строгая отчетность по управленію и по веденію хозяйства. Онъ представляетъ въ приказъ точныя свѣдѣнія о составѣ и количествѣ подвѣдомственнаго ему крестьянскаго населенія и вмѣстѣ—о формѣ и размѣрахъ крестьянскаго тягла. Затѣмъ идутъ оброчныя статьи—съ «непашенныхъ» бобылей, съ «пустовой» десятиной пашни, съ сѣнныхъ и лѣсныхъ угодій, съ рыбныхъ ловель, за мельничныя мѣста и т. п. Все это—въ окладахъ, установленныхъ приказомъ. Подобныя же свѣдѣнія даются и по неокладнымъ статьямъ. Подводя итогъ по всѣмъ статьямъ, воевода сообщаетъ, сколько „изъ того числа“ состоитъ „въ расходѣ“—на жалованье ему и стряпчимъ, на разныя постройки и текущія нужды, а въ заключеніе проставитъ сумму, „что въ

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1014.
[2]) Ib., ст. 1122.
[3]) Ib., ст. 1038.

остаткѣ“ или чистаго дохода. Такой отчетъ составляется за цѣлый годъ[1]). Столь же обстоятельныя вѣдомости, но чаще, требуются спеціально по сельскому хозяйству. Въ приказѣ хотятъ знать, «сколько хлѣба остается отъ прошлыхъ лѣтъ, молоченого и немолоченого, и сколько сѣяно къ отчетному году и какого, сколько десятинъ... какова хлѣба пожато, и сколько сотницъ, и по опыту въ умолоте по чему чаять и сколько копенъ сѣна сметано и на сколькихъ пустошахъ неподкошоные травы по смѣте копенъ будетъ»[2]). Отвѣты на всѣ эти вопросы составляютъ содержаніе такъ называемыхъ посѣвныхъ, ужинныхъ, опытныхъ и укосныхъ книгъ. Воевода же долженъ сообщить, „что у нево на лицо какой старой и молодой, племянной и на убой, животины и птицъ имянно“[3]), а если имѣются пасѣки, то—«сколько у крестьянъ пчелъ взято и молодыхъ прибыло и пасеки построены ль и пасечники прибраны ль». На эти и подобные запросы воевода долженъ отвѣчать отписками, и при томъ, по крайней нетерпѣливости приказа,—«на скоро», «не испустя времени», «безо всякаго мотчанья». Иногда его самого вызовутъ въ Москву — «на время», т. е. для личнаго отчета, «буде... тамошние какие дела не зайдутъ»[4]). Давая въ руки приказу цифры частью точныя, частью предположительныя («опытныя») по всѣмъ хозяйственнымъ статьямъ, воевода волей-неволей чрезвычайно суживаетъ сферу безнаказаннаго проявленія своей профессіональной «бездѣльной корысти» и вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждается внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ предѣлахъ его вѣдомства все дѣлалось исправно, воздерживаясь отъ «всякой поноровки» по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Ихъ неисправность можетъ создавать свои казусы и доставить ему новыя хлопоты. Отпустилъ онъ, напр., въ Москву, по распоряженію приказа, 4.000 живыхъ куръ съ скопинскими цѣловальниками,—а изъ Москвы пишутъ, что изъ 4.000 оказалось 682 курицы «недовозныхъ», и воевода долженъ произвести разслѣдованіе, кто былъ виновникомъ происшествія: подрядчикъ ли Троѳимка—въ предположеніи, что онъ вмѣсто двухъ струговъ отпустилъ куръ только въ одномъ «и отъ тово куры з духу

[1]) См. напр., отчеты Лысковскаго и Мурашкинскаго воеводъ. Г. А. XXVII. № 213, л.л. 85—125.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1602.

[3]) Ib., ст. 1544

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1132, 1129, 1669, 1562.

померли»; или скопинцы выборные люди,—что выбранные ими цѣловальники «за ихъ выборомъ своимъ нерадѣньемъ тѣхъ куръ въ дороге поморили» [1]). Можетъ, впрочемъ, случиться, что за своими многосложными обязанностями воевода и самъ что нибудь не досмотритъ; въ приказѣ же недосмотра не пропустятъ. Вотъ, напр., собралъ онъ и отправилъ въ Москву свиное мясо, а оттуда въ отвѣтъ грамота—уже по его адресу: доправить на воеводѣ пени 50 рублевъ, а за то: „свиные мяса прислалъ къ Москвѣ полтями, а не тушами, а грудинокъ и потроховъ не прислалъ; а какъ тѣ мяса збиралъ, і ихъ держалъ в-ызбахъ, а не въ анбарехъ, і отъ тово мяса перепортились“ [2]). 50 рублей—это половина годового жалованья и еще—при условіи, что компенсація на счетъ сборной „казны“ рискованна. Впрочемъ, у воеводы есть другой, болѣе податливый, источникъ.

Воевода, какъ и прикащикъ, чувствуетъ на себѣ всѣ непривлекательныя стороны своего положенія, когда имѣетъ дѣло съ Москвой; зато, когда онъ обращается къ крестьянскому міру, передъ нимъ раскрываются болѣе пріятныя перспективы. Здѣсь онъ представитель власти, облеченный широкими полномочіями. Въ селѣ или городѣ, служащемъ административнымъ центромъ группы, есть особое присутственное мѣсто, гдѣ воевода или прикащикъ отправляютъ свои публичныя функціи, — традиціонная приказная или съѣзжая изба (напр., въ с. Измайловѣ, Пахринѣ, Степановскомъ [3]). Тамъ, судя по описанію с. Измайлова, лежала Уложенная книга и хранился сундукъ съ денежной казной, а также мѣстный архивъ, содержавшій въ себѣ „указные памяти о всякихъ дѣлехъ“, „приводные и распросные рѣчи“, приходо-расходныя книги и др. хозяйственные документы [4]). При съѣзжей избѣ—подъячій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ же и стряпчій, а гдѣ—просто земскій дьячекъ. Если въ глазахъ центра, какъ можно заключить по содержанію официальной переписки, воеводы и прикащики прежде всего—его агенты по хозяйственному управленію, то для населенія, вѣроятно, чувствительнѣе были ихъ полномочія, какъ представителей публичной власти. Они творятъ судъ и расправу во всѣхъ будничныхъ коллизіяхъ крестьянской жизни; иногда же, по особому порученію, ихъ ком-

[1]) Ib., ст 1068.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1032.
[3]) Ib., ст. 243, 252.
[4]) Описаніе с. Измайлова, л. 175 об. и сл.

петенціи подлежатъ и случаи болѣе серьезныхъ потрясеній деревенскаго «покоя»: они «разыскиваютъ», напр., въ разбойныхъ дѣлахъ, получая при этомъ въ распоряженіе столь грозное для обывателя орудіе къ отысканію правды, какъ право «розпрашивать у пытки съ пристрастьемъ»[1]). Не менѣе глубокіе жизненные интересы крестьянскаго міра затрагивала ихъ фискальная роль. Вообще слѣдуетъ сказать, что въ дѣлахъ Тайнаго приказа крестьянское тягло, какъ и крестьянскій судъ,—фигурируютъ крайне рѣдко, и первое—еще рѣже, чѣмъ второй. Но потому, что иногда приказъ запрашиваетъ своего агента, сколько въ его волости «крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и поскольку крестьянскихъ дворовъ въ выть положено», а съ другой стороны—предписываетъ ему стрѣлецкіе, ямскіе и полоняничные деньги «имать» и отсылать «отъ себя»[2]),—можно думать, что не безъ существеннаго участія воеводы и прикащиковъ происходило какъ установленіе размѣровъ окладныхъ единицъ, такъ и сборъ по нимъ денежныхъ окладовъ. На нихъ же, равнымъ образомъ, возлагалась приказомъ обязанность смотрѣть, чтобы крестьяне «въ тяглѣ» окладывались «вправду»[3]). Но, безъ сомнѣнія, крестьянинъ чаще всего сталкивался съ мѣстной «приказной» властью въ качествѣ жильца на государевой землѣ, обязаннаго оброками и натуральными повинностями. Прикащики и воеводы распоряжаются, по крайней мѣрѣ въ первой инстанціи, крестьянскими жеребьями, сажая на опустѣвшія изъ нихъ новыхъ тяглецовъ[4]). Они раздаютъ крестьянамъ на оброкъ «пустовую десятинную землю» и разныя угодья, причемъ иногда уполномочены—«на что мочно оброкъ прибавить и... о томъ чинить по своему рассмотренью»[5]). Они же могутъ посадить жильца на льготу или оказать помощь ссудой по случаю «пожарного разоренья», или если «хлѣбъ градомъ побило», — «по разсмотрѣнью жъ» [6]). Тѣмъ же ихъ «разсмотрѣньемъ» рѣшается вопросъ, когда крестьянинъ можетъ получить «взаймы» хлѣбъ на сѣмяна[7]). Наконецъ, они собираютъ съ

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1375.
[2]) Ib., ст. 1161—2.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1126.
[4]) Ib., ср. ст. 1594.
[5]) Ib., ст. 1078, 1126, 1130 и др.
[6]) Ib., ст. 1179, 1185, 1215.
[7]) Ib., ст. 1048, 1174, 1477.

крестьянъ разные «запасы» и наряжаютъ на всякую государеву работу. Конечно, при отсутствіи сколько-нибудь точныхъ данныхъ, не осуществима была бы попытка сравнить различныя функціи приказной администраціи по степени вліянія на крестьянскую жизнь, и по этой же причинѣ безнадежно задаваться вопросомъ объ относительной роли каждой въ выработкѣ самаго типа «приказнаго»; но въ результатѣ совмѣщенія въ одномъ лицѣ этихъ разнородныхъ функцій должна была получаться своего рода юридическая амальгама, въ которой только искусственнымъ путемъ различимы составные элементы, и чѣмъ слабѣе была, по степени развитія, среда, гдѣ она находила примѣненіе, тѣмъ сліяніе этихъ элементовъ становилось полнѣе и тѣмъ большую силу пріобрѣталъ самый препаратъ. При этихъ условіяхъ каждый крестьянинъ въ отдѣльности, естественно, становился объектомъ самаго всесторонняго воздѣйствія прикащика или воеводы, а органы мірского самоуправленія, старосты и цѣловальники, теряя самостоятельность, превращались въ ихъ рукахъ въ вспомогательное средство. Въ документахъ Тайнаго приказа мірскіе выборные люди, дѣйствительно, всегда выступаютъ въ пассивной роли: они раскладываютъ подати и оброки, собираютъ ихъ, возятъ деньги и «запасы» въ Москву, берегутъ на мѣстѣ государевъ хлѣбъ въ житницахъ, завѣдуютъ государевыми мельницами и винокурнями, все — подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и по распоряженію «приказнаго». Такимъ образомъ, воевода или прикащикъ, располагая лишь самымъ скромнымъ запасомъ административнаго такта, имѣлъ полную возможность стать хозяиномъ по отношенію къ подчиненному ему крестьянскому міру, даже дѣйствуя вполнѣ закономѣрно.

«Приказные», однако, повидимому, и въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа оправдывали установившуюся за ними дурную репутацію, неумѣренностью аппетитовъ и широкимъ размахомъ волевыхъ импульсовъ подвергая иногда колебаніямъ прочность своего положенія. Какъ ни мало мѣста занимаетъ въ дѣлахъ Тайнаго приказа административная дѣятельность его мѣстныхъ агентовъ, все же то тамъ, то здѣсь, въ описяхъ и записныхъ книгахъ, мелькаютъ указанія на крестьянскія челобитныя, вызванныя злоупотребленіями прикащиковъ и воеводъ. Самый составъ злоупотребленій источники отмѣчаютъ обыкновенно въ очень общихъ чертахъ: почти всегда это—«налоги и увѣчья» [1]).

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 534, 711, 747, 1079, 1174, 1408.

Изъ подлинныхъ же документовъ такого рода уцѣлѣли всего два; и изъ нихъ одинъ—черновикъ доклада государю съ подробнымъ изложеніемъ жалобъ бортниковъ и мордвы Терюшевской волости на своего прикащика Василія Пестрикова. Случай этотъ имѣетъ, до извѣстной степени, мѣстный характеръ, но въ немъ выступаютъ нѣкоторыя и типическія черты. Челобитчики писали: «Чинитъ.. онъ, Василей, имъ всякие налоги и емлет с нихъ посулы болшие и продаетъ и убытчит их напрасно и держитъ у себя приставы и сторожей, невѣдомо каких людей, и велит имъ, бортникам и мордвѣ, наймовать их дорогою цѣною і в тѣх наймех бьет ихъ на правеже». Далѣе идетъ описаніе насилій приставовъ и сторожей, а затѣмъ челобитчики снова возвращаются къ своимъ «убыткамъ» отъ прикащика: «Да он же, Василей, емлетъ с них хлѣб не по указу — с выти по 3 чети в нижегороцкую мѣру, да сѣна по копнѣ мѣрной, а велено... ему имать копны волоковые (т. е., приблизительно въ 20—25 разъ меньшія по размѣрамъ)». А когда, наоборотъ, государевымъ указомъ 182-го года было «велено ему дать (имъ) на кузі и на меливо денги (вѣроятно на государеву винокурню), и онъ... тѣх денег имъ не далъ». Наконецъ, еще двѣ обиды чинитъ имъ прикащикъ: въ ихъ бортные ухожьи «пущаетъ стороннихъ людей», беря съ нихъ «явки», и на тягла мордовскія сажаетъ бѣглыхъ крестьянъ, а оттого самимъ бортникамъ и мордвѣ происходитъ «тѣснота». Челобитная заканчивается просьбой— «Василья перемѣнить» [1]). Второй изъ упомянутыхъ документовъ представляетъ собой отрывки изъ слѣдственнаго дѣла («роспросныхъ рѣчей») по жалобѣ ермолинскихъ крестьянъ также на прикащика. Этотъ документъ рисуетъ передъ нами сельскій бытъ нѣсколько съ иной стороны, и особенно интересенъ той полнотой, съ какой въ немъ отразились оттѣнки правосознанія дѣйствующихъ лицъ и объемъ фактическаго воздѣйствія приказныхъ на крестьянскую жизнь. Крестьяне «государева села Ермолина деревни Сулицина Лукашка Матвѣевъ да деревни Лушкина Аѳремка да Захарка Сергѣевъ» подали въ 172-мъ году челобитную на Ермолинскаго прикащика Никиту Шевелева. По словамъ перваго изъ нихъ, Лукашки, прикащикъ «прислалъ» къ нему однажды старосту и цѣловальника съ требованіемъ предствить поручную запись (какъ видно изъ дальнѣйшаго — въ

[1]) Г. А. XXVII, № 524, л. 47—8.

воздержаніи отъ пьянства); а когда онъ, Лукашка, «с тем старостою и цѣловальником пришелъ къ нему, Миките», послѣдній «учелъ» его «бить и увѣчить и животъ (ему) оттопталъ (!)». Другіе два челобитчика Ефремка и Захарка заявили, что прикащикъ и ихъ призвал к себѣ... бил и увѣчил безвинно», не разсказывая, однако, подробностей и только подкрѣпляя свою жалобу указаніемъ на то, что въ практикѣ прикащика бывали случаи и хуже: «преже сего онъ же, Микита, дер. Суханова крестьянина Трошку бил смертным боемъ», такъ что Трошка «отъ ево Микитиных побоев и умер». По челобитной былъ произведенъ «сыскъ», и суровому администратору пришлось давать объясненіе, а въ то же время къ допросу были привлечены свидѣтели, Ермолинскіе же крестьяне и сокольники. Шевелевъ показалъ, что онъ «крестьянина Лукашку Матвѣева за невѣжество на лугу... и что онъ приходилъ на сходъ пьянъ, велѣл ево за пьянство дать на поруку, а топтушками ево не бивал». Жалобу же Ефремки и Захарки Сергѣевыхъ онъ объяснялъ такимъ образомъ: „велѣл он призвать ихъ на сход и иных крестьян многих для разверстки государевы пашни», и тутъ, на сходѣ, староста пожаловался ему на брата Ефремки Харлашку, что «онъ Харлашко, ево, старосту, бить холѣлъ,... как возили лед в ледникъ на государевъ двор.»; по жалобѣ старосты, «опрося крестьянъ», онъ и велѣлъ Харлашку «бить батоги да брата ево, Ефремку, за невѣжество в то же время батоги бил же», да и за то, прибавилъ прикащикъ, что „онъ же, Харлашко отпрашивался у него же, Никиты, на недѣлю на Коломну, а ѣздил де на Резань недѣльствомъ“. Вызванный къ допросу сокольникъ И. Шункинъ уклонился отъ показаній, заявляя, что онъ «явок ничего не слыхал и про то не вѣдаетъ»; но свидѣтели крестьяне поддержали всѣхъ троихъ жалобщиковъ, заявивъ, что прикащикъ Лукашку, дѣйствительно, „бил топтушками, а Ефремку бил дубинкою—за то: он учел ему, Миките, печаловаться за брата своево Харлашку [1])“. Думается, и нарочно составленное для будущаго изслѣдователя русскаго прошлаго описаніе роли прикащика въ повседневной жизни государева села не могло бы много прибавить къ тому, что разсказалъ протоколъ подъячаго. Тутъ на лицо и въ очень характерныхъ положеніяхъ всѣ элементы сельскаго общества, какъ оно строилось въ условіяхъ „приказнаго“ управленія: и органы

[1]) М. А. М. Ю., Приказ. ст., № 357, л. л. 1—5.

деревенскаго самоуправленія,—съ одной стороны, мірской сходъ; на которомъ обсуждаются подъ наблюденіемъ прикащика общественныя дѣла и въ то же время производится имъ собственноручная расправа съ провинившимся крестьяниномъ; съ другой — староста и цѣловальники, состоящіе у него на посылкахъ и прибѣгающіе къ его авторитету для возстановленія оскорбленнаго достоинства; и отдѣльныя живыя лица изъ крестьянъ въ качествѣ объекта приказнаго попеченія,—эти Лукашка, Ефремка и Харлашко, «топтушками» и батогами отучаемые отъ пьянства, «невѣжества» и самовольства въ распоряженіи своимъ временемъ; наконецъ, весь крестьянскій міръ, поддерживающій своего сочлена въ отличіе отъ сокольника, который въ качествѣ аристократическаго элемента въ деревнѣ тянетъ, видимо, сторону прикащика. А въ центрѣ картины, конечно, самъ прикащикъ во всеоружіи своихъ официальныхъ полномочій и со всей свѣжестью своихъ административныхъ пріемовъ.

Мы не видимъ изъ документа, чѣмъ кончилось разсказанное только что дѣло Ермолинскихъ крестьянъ; но, судя по тому, что обидчикъ ихъ Н. Шевелевъ остается Ермолинскимъ прикащикомъ и послѣ произведеннаго сыска,—надо думать, что онъ былъ „оправленъ“. Вышелъ сухимъ изъ воды, повидимому, и В. Пестриковъ, который также не потерялъ своего мѣста. Но бывали, несомнѣнно, случаи и съ инымъ исходомъ. Формально приказъ ставилъ „сыски“ по такимъ дѣламъ вообще довольно тщательно. Въ той же, напр., Терюшевской волости, гдѣ мы познакомились съ В. Пестриковымъ, до него былъ „на приказѣ“ его отецъ Ѳедоръ [1]), у котораго сынъ, очевидно, и бралъ уроки административнаго искусства: по крайней мѣрѣ, терюшевской мордвѣ въ свое время пришлось бить челомъ и на старшаго Пестрикова. Тогда, по государеву указу, посланъ былъ въ Терюшевскую волость стряпчій Е. Зиновьевъ—„сыскать про Ѳедора“, причемъ въ обезпеченіе правильности сыска стряпчему былъ данъ наказъ: „ево (т.-е. Ѳ. Пестрикова) роспрося, докамѣстъ сыскъ минетца, выслать куды пригожъ“ [2]). По сыску и этотъ Пестриковъ былъ оправданъ; но въ приказѣ, повидимому, не было увѣренности въ справедливости рѣшенія, и спустя уже $1^1/_2$ года лицу, отправленному для ревизіи тѣхъ мѣстъ, между

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1295.
[2]) Ib., ст. 1078–9.

прочимъ, поручали: „въ Терюшеве і въ Олатарскомъ уѣзде противъ сыску Елисѣя Зиновьева розвѣдать, не было ль кому въ томъ сыску поноровки“ [1]). Возможно, что Пестриковы съ привычкой къ твердой власти соединяли умѣнье быть мягкими съ нужными людьми, и потому ревизія не измѣнила результата, не смотря на сомнѣнія приказа. Важно, однако, сказавшееся здѣсь самое отношеніе приказа къ подобнымъ дѣламъ, благодаря которому, при другихъ условіяхъ, увлеченія администраціи приводили къ отставкамъ. Такъ смѣщенъ былъ въ Скопинѣ воевода Д. Остафевъ,—по всей вѣроятности, изъ-за „налоговъ, которые онъ чинилъ крестьянской женѣ Овимьицѣ“ [2]), и также закончилась карьера Сергацкаго прикащика А. Кучецкаго, съ просьбой „перемѣнить“ котораго Сергацкіе челобитчики явились прямо въ Москву [3]).

Описанными чертами мѣстная приказная администрація характеризуется въ общемъ одинаково—какъ въ спеціальномъ вѣдомствѣ Тайнаго, такъ и въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказовъ. Тамъ и здѣсь наблюдаются, правда, и нѣкоторыя различія въ положеніи и дѣятельности административныхъ органовъ; но эти различія зависѣли отъ условій, по отношенію къ постановкѣ самой «должности» случайныхъ; напр., благодаря близости къ Москвѣ, въ спеціальномъ вѣдомствѣ Тайнаго приказа контроль былъ строже и формы его были разнообразнѣе, чѣмъ въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа. Можетъ быть, наиболѣе характернымъ надо признать различіе въ соціальномъ составѣ представителей администраціи: въ первомъ вѣдомствѣ мы почти всегда видимъ «на приказѣ» лицъ, числившихся въ придворномъ штатѣ,—сокольниковъ и конюховъ разныхъ степеней—стремянныхъ, стряпчихъ и задворныхъ [4]); между тѣмъ, во второмъ на приказныя

[1]) Ib., ст. 1164.

[2]) Р. И. Б. т. 21, ст. 1171, 1174, 1205.

[3]) Ib., ст. 1108.

[4]) Напр., прикащикъ въ Измайловѣ Устинъ Зеленый—сокольникъ, его „товарищъ“ Ѳ. Гѣевъ—задворный конюхъ; въ Алексѣевскомъ П. Бреховъ—стремянной конюхъ; въ Ермолинѣ Н. Шевелевъ—стремянной конюхъ; въ Степановскомъ Ѳ. Чертковъ—задворный конюхъ (тамъ же—дворянинъ М. Кобыльскій, но онъ завѣдывалъ спеціально желѣзными заводами); въ Соколовѣ Ю. Долгинскій—сокольникъ; въ Васильевскомъ В. Саймоновъ—конюхъ; въ Балабановѣ П. Озорной—стремянной конюхъ; въ Кудрявцевѣ И. Чепелевъ—стремянной конюхъ; въ Брынковѣ П. Конда-

должности назначали обыкновенно «дворянъ добрыхъ», которые «службою вѣдомы въ Разрядѣ» и изъ Разряда присылаются, по государеву указу, въ распоряженіе Хлѣбнаго приказа [1]). Эта черта въ практикѣ приказовъ проводится довольно послѣдовательно и пріобрѣтаетъ особую значительность въ связи съ нѣкоторыми явленіями, которыя наблюдаются въ организаціи управленія—уже на слѣдующей ступени.

Воеводы и прикащики—постоянные органы хозяйственнаго управленія. Но рядомъ съ ними въ царскихъ селахъ мы постоянно встрѣчаемъ другихъ лицъ, которыя, принадлежа по роду своей постоянной службы къ инымъ категоріямъ и появляясь здѣсь только на время, также, однако, заняты въ администраціи царскаго хозяйства. Это—головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ, «начальные люди»—полковники, маіоры и порутчики—двухъ «выборныхъ» солдацкихъ полковъ М. Кровкова и А. Шепелева, тѣ же, затѣмъ, сокольники и конюхи, потомъ—подъячіе Тайнаго приказа, изрѣдка—начальники и дьякъ Хлѣбнаго приказа, а иногда и самъ «въ государевѣ имени» дьякъ Тайныхъ Дѣлъ. Встрѣчаются, правда, и носители высшихъ придворныхъ чиновъ—стольники и стряпчіе, но въ незначительномъ числѣ, всего 2—3 человѣка, такъ что появленіе кого-нибудь изъ нихъ въ государевомъ селѣ — болѣе или менѣе рѣдкій случай. Различаясь между собою служебнымъ значеніемъ, лица перечисленныхъ категорій образуютъ, тѣмъ не менѣе, какъ бы особую группу, объединяясь тѣмъ общимъ признакомъ, что одни изъ нихъ почти, а другіе и совсѣмъ не были «вѣдомы» въ общихъ учрежденіяхъ. Въ царскомъ хозяйствѣ они выполняютъ самыя разнообразныя функціи, но также сходныя въ одномъ признакѣ: все это были, въ большей или меньшей степени, чрезвычайныя порученія, которыя выдвигала интенсивная хозяйственная жизнь и которыя не могли удовлетворяться средствами обычной «приказной» администраціи. Въ смыслѣ подготовки, поскольку о ней могутъ свидѣтельствовать постоянныя занятія людей, исполнители стояли, надо думать, всѣ на одинаковомъ уровнѣ, т.-е. одинаково не имѣли ея. Но эту заботу бралъ на себя приказъ, откуда каждому, при всякомъ порученіи, важномъ и незначительномъ, давались

уровъ—стремянной конюхъ. Г. А., XXVII, № 532, л. л. 7—20; также Р. И. Б., т. т. 21-й и 23-й.

[1]) М. А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 721; списокъ съ указаніемъ порядка назначенія—Ib., Моск. ст., № 491, л. 205—9.

«статьи»,—универсальное средство, съ помощью котораго, по тогдашнему вѣрованію, можно было всякаго сдѣлать мастеромъ на всѣ руки, по крайней мѣрѣ—въ области администраціи. Такимъ образомъ, мы постоянно видимъ, что одно и то же дѣло поручается разнымъ лицамъ, и наоборотъ: одному и тому же лицу даются нерѣдко совершенно различныя порученія. Впрочемъ, порученія, требовавшія особаго опыта и налагавшія большую отвѣтственность, иногда пріурочивались къ опредѣленнымъ лицамъ, становясь, въ нѣкоторомъ родѣ, ихъ должностями. По документамъ, всѣ эти случайные спеціалисты по хозяйственному управленію, составляя количественно довольно значительную группу (нѣсколько десятковъ человѣкъ), большую часть времени проводятъ или въ разъѣздахъ по экстреннымъ дѣламъ или у какихъ-нибудь болѣе или менѣе постоянныхъ «государевыхъ дѣлъ», внося много своеобразія и движенія въ хозяйственную жизнь вѣдомства. Таково впечатлѣніе; но передать его, путемъ описанія ихъ дѣятельности, трудно, потому что въ подробностяхъ она скудно освѣщается матеріаломъ, равно какъ и потому, что по большей части она связана съ индивидуальными условіями и блѣднѣетъ въ рамкахъ классификаціи. Въ общемъ, ея разнообразныя формы могли бы быть сведены къ тремъ главнымъ: 1) экстренныя «посылки»; 2) общій надзоръ за хозяйствомъ въ предѣлахъ опредѣленнаго района; 3) завѣдываніе спеціальными хозяйственными операціями.

«Посылки» преслѣдовали разныя цѣли. Иногда онѣ имѣли характеръ ревизій, предпринимавшихся для ознакомленія съ состояніемъ хозяйства на мѣстахъ, а, можетъ быть, и съ дѣятельностью мѣстной администраціи. Въ записныхъ книгахъ Тайнаго приказа подъ 9 окт. 1667 г. записанъ, напр., государевъ указъ о выдачѣ прогонныхъ стольнику И. С. Хитрово съ подъячимъ и двумя приставами «отъ Москвы до Гороховца, до Городца, до Лыскова, до Мурашкина, до Терюшева и до Арзамасу, до Алатаря и гдѣ ему надобно» [1]). Въ указѣ перечислены, какъ видимъ, важнѣйшія мѣстности вѣдомства Хлѣбнаго приказа, а И. С. Хитрово незадолго передъ тѣмъ (въ маѣ того же года) былъ назначенъ начальникомъ Хлѣбнаго приказа [2]), и поѣздка его, которую имѣетъ въ виду указъ, вѣроятно, означала объ-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1360.
[2]) Ib., ст. 1309.

ѣздъ новаго начальника подвѣдомственной ему хозяйственной территоріи. Злоупотребленія мѣстныхъ прикащиковъ и воеводъ бывали причиной и спеціальныхъ командировокъ; такъ, голова московскихъ стрѣльцовъ Н. Колобовъ производилъ «сыскъ про прикащика про Льва Осѣина о взяткахъ» [1]), голова А. Лопухинъ—«про прикащика карамышевской волости С. Соболева» [2]). Съ ревизіей могли соединяться и извѣстныя распорядительныя полномочія. Въ мартѣ 1666 г. въ тѣ же самыя мѣста, куда ѣздилъ Хитрово, командированъ былъ тотъ же голова московскихъ стрѣльцовъ Аврамъ Лопухинъ; согласно даннымъ ему «статьямъ», онъ долженъ былъ «разсмотрить (въ указанныхъ мѣстахъ) о десятинной пашне и положить на крестьянъ хлѣбные и денежные всякіе доходы по разсмотрѣнью, какъ бы государеве казнѣ прибыльнѣе, а крестьяномъ не въ тягость, и тотъ бы окладъ і впредь былъ проченъ и постояненъ» [3]). Вообще установленіе размѣровъ крестьянскихъ оброковъ и повинностей черезъ посылаемыхъ на мѣста довѣренныхъ лицъ было въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, повидимому, довольно обычнымъ явленіемъ. Соотвѣтствующій пунктъ имѣется, напр., и формулированъ съ большой предусмотрительностью въ двухъ сохранившихся черновыхъ наказахъ, изъ которыхъ одинъ былъ данъ Ѳ. Н. Елизарову, первому по счету начальнику Хлѣбнаго приказа, и дьяку того же приказа Н. Насонову, посылавшимся въ Скопинъ и Романовъ [4]); второй—неизвѣстному лицу, которому велѣно было объѣхать Юрьевскія села, волости Славецкую и Колдомскую и другія мѣста, «гдѣ, какъ сказано въ наказѣ, не былъ голова Юрья Лутохинъ» (очевидно, ѣздившій раньше съ той же цѣлью) [5]). Какъ видно изъ обоихъ наказовъ, въ приказѣ намѣчали примѣрныя или желательныя нормы крестьянскихъ оброковъ и повинностей, но не только не упраздняли собственнаго «разсмотренья» командируемыхъ лицъ, но даже требовали его, въ виду особыхъ мѣстныхъ условій: въ первомъ,

[1]) Ib., ст. 747.

[2]) Ib., ст. 698.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1164.

[4]) Г. А., XXVII, № 339, л. 1—11. Напечатано, не въ полномъ видѣ, въ Зап. Отд. Р. И. С. А. Р. А. Об., т. II, ст. 780—6.

[5]) Ib., № 526, л. 339—344; ср. «статьи С. Нестерову (нач. Хлѣбнаго пр.) да Емельяну Кириллову (подъячій Тайнаго пр.) о окладе за десятинную пашню денгами съ Олатарской, и съ Арзамаской і съ Терюшевской Мордвы». Р. И. Б., т. 21, ст. 711.

напр., наказѣ предписывалось „всево досмотрить и по разсмотренью нашъ великаго государя указъ учинить“, или во второмъ—„разсмотрѣть крестьянъ и пашня и, будетъ крестьяном в тягость, положить на нихъ по мѣрѣ“. При этомъ установленные Елизаровымъ и Насоновымъ порядки должны были стоять такъ же „вѣчно і постоянно“, какъ и по наказу Лопухину. Иногда посредствомъ ревизій или спеціальныхъ посылокъ хотѣли выяснить общія хозяйственныя условія той или другой мѣстности. Иногда же на посылаемыхъ лицъ возлагалась вмѣстѣ и самая организація хозяйства или какого нибудь хозяйственнаго предпріятія въ новомъ мѣстѣ,—разумѣется, сообразно съ директивой приказа. Знакомый уже намъ голова А. Лопухинъ посылался, какъ значится въ описи дѣлъ Тайнаго приказа „для досмотру и описи“ Ярославскихъ и Ростовскихъ заводовъ [1]) и въ Переяславскій уѣздъ «къ государевымъ солянымъ заводамъ» съ «наказомъ—приѣховъ, что ему дѣлать» [2]). Голова московскихъ стрѣльцовъ В. Пушечниковъ «сыскивалъ» въ дворцовыхъ селахъ Суздальскаго, Ростовскаго, Московскаго и Костромского уѣздовъ «о сенныхъ покосахъ»—также по «статьямъ» изъ приказа [3]). Въ однихъ случаяхъ цѣль подобныхъ командировокъ обозначается въ наказѣ или статьяхъ кратко, и подробности предоставляются иниціативѣ командированнаго лица; таково, напр., предписаніе: „съѣздить по времени въ Балабаново и осмотрить всего, гдѣ что пристойно здѣлать“ [4]). Въ другихъ случаяхъ осмотръ долженъ производиться по разработанной въ приказѣ программѣ. Такъ, въ наказѣ неизвѣстному лицу даются порученія о досмотрѣ въ Славецкой волости лѣсовъ и о принятіи мѣръ къ ихъ охранѣ отъ порубокъ, о бѣглыхъ крестьянахъ и мастеровыхъ людяхъ; тутъ же—предписаніе „розвѣдать о заводѣ юѳтей, что прибыльнѣе, живае ли старые скотины или телята или кожи к тому заводу готовить“; тоже—о сѣнѣ, «что ныне в тѣх мѣстехъ сѣна стало и преже сево в тѣх мѣстех постольку ли сѣна ставилось, и ныне по чему за копну дадутъ». Посылавшіеся на Скопинъ и Романовъ Ѳ. Елизаровъ и Н. Насоновъ должны были, между прочимъ, „рассмотрить рѣкъ, которые мочно судами возить... і тѣхъ рѣкъ на пристанехъ дѣлать

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 34.
[2]) Ib., ст. 167.
[3]) Ib., ст. 593 прим.
[4]) Г. А., XXVII, № 357, л. 1.

анбары (для склада скопинскаго и романовскаго хлѣба); также—осмотрить мѣстъ пристойных под мельницы", и еще—«распрашивать всякими мѣрами и доведываться соляныхъ озеръ»,—все это—помимо точно опредѣленныхъ въ наказѣ распоряженій объ организаціи десятинной запашки. Впрочемъ, случалось, что въ тѣхъ же цѣляхъ пользовались и прикащиками. Отправляя, напр., „на приказъ" Г. Каменева въ Юрьевскія села и Славецкую волость, ему вмѣстѣ съ тѣмъ предписывали въ «статьяхъ»—„съѣздить въ Славецкую волость и осмотрить прилежно, какова та волость,—людна, угодна и хлѣбородна, и какие заводы в ней завесть мочно, и чево впредь к прибыли чаять, и Клиновъ и от Смердова и от Лычова (села вѣдомства Тайнаго приказа) в скольких верстах от котораго села" [1]). Къ той же категоріи экстренныхъ порученій можно, наконецъ, отнести командировки для описанія земельныхъ владѣній вѣдомства Тайнаго приказа. Описаніе производилось обыкновенно или тѣми же головами московскихъ стрѣльцовъ и подъячими Тайнаго приказа, или—рѣже—мѣстными прикащиками и лицами другихъ чиновъ [2]). Какъ видно изъ описи документовъ, въ архивѣ Тайнаго приказа хранилось нѣсколько десятковъ „описныхъ", „дозорныхъ" и „переписныхъ" книгъ, которыя потомъ переданы были въ Приказъ Большого Дворца.

Еще разнообразнѣе порученія, имѣвшія предметомъ руководство отдѣльными хозяйственными операціями. Значительно больше въ этихъ случаяхъ и количество дѣйствующихъ лицъ, притомъ среди нихъ замѣчается уже нѣкоторая спеціализація. Одни, напр., чаще, а другіе исключительно, назначаются къ сельско-хозяйственнымъ дѣламъ. Такъ, головы московскихъ стрѣльцовъ Г. Соловцовъ и Б. Бухвостовъ распоряжаются «по статьямъ" возкой сѣна на конюшни съ подмосковныхъ луговъ [3]); голова Ѳ. Александровъ также „отпускаетъ" сѣно съ луговъ [4]); полковникъ А. Шепелевъ „отпускетъ" струги съ терюшевскимъ

---

[1]) Г. А., XXVII, № 526, л. 12—13.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 391—405. Судя по описи книгъ, описаніе производили: въ 18 случаяхъ головы московскихъ стрѣльцовъ (7 человѣкъ), въ 12—мѣстные прикащики (11 чел.), въ 11—подъячіе Тайнаго приказа (7 чел.), въ 8—стольники и стряпчіе (6 чел.), въ 4—дьякъ и подъячіе другихъ приказовъ, въ 1—стремянной конюхъ, въ 1—сокольникъ.

[3]) Ib., ст. 174.

[4]) Р. И. Б., т. 23 ст. 434.

хлѣбомъ изъ Нижняго въ Москву [1]), и онъ же распоряжается на рыбныхъ ловляхъ въ Городецкой волости [2]); голова А. Лопухинъ устраиваетъ въ Карамышевѣ маслобойню и, повидимому, нѣкоторое время завѣдуетъ этой отраслью хозяйства [3]). „Полковникъ Ѳанъ-Кампенъ“ наблюдаетъ за работами на льняномъ дворѣ; [4]) сотники московскихъ стрѣльцовъ Ѳ. Меркуловъ, [5]) Т. Лабутинъ, [6]) П. Теряевъ [7]), посылаются въ разныя села вообще „для сѣнокосу“; тѣ же, однако, Ѳ. Меркуловъ и П. Теряевъ и еще маіоръ И. Ходыревъ заняты „у лесного чищенья“ [8]); сотникъ И. Рыкачевъ живетъ въ Домодѣдовѣ „для нынешняго пашенного времени“ [9]), и тамъ же замѣняетъ потомъ „у всякихъ государевыхъ дѣлъ“ Домодѣдовскаго прикащика, который „отпущенъ во Псковскую ево деревню на время“ [10]); въ с. Измайловѣ сотники М. Есиповъ, Д. Бѣдняковъ и П. Чюбаровъ остаются подолгу у какого то „государева дѣла“ [11]); другіе два сотника Ѳ. Молчановъ и А. Чюбаровъ да „выборнаго полка порутчики“ Б. Близнецовъ, Я и С. Ждановы состоятъ въ Измайловѣ „у государевыхъ дѣлъ у наряду работниковъ“ [12]). Иногда за тѣми же дѣлами видимъ подъячихъ Тайнаго приказа и сокольниковъ; напр., подъячій П. Кудрявцевъ нанимаетъ въ дер. Тененевѣ жнецовъ [13]); онъ же отправленъ туда „для лесной чистки“ [14]); подъячему Ѳ. Годовикову велѣно быть въ Домодѣдовѣ «у пашенного дѣла» [15]), и это его назначеніе получаетъ такое постоянство, что онъ начинаетъ писаться «Домодѣдовские волости пашенныхъ дѣлъ подъячей» [16]). Бывало даже, что работы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1317.
[2]) Ib., ст. 1322—3.
[3]) Р. И. Б., т. 23 ст. 564, 529, 1151; 21 т. ст. 1179.
[4]) Ib., ст. 954.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1218.
[6]) Ib., ст. 1216, 1224.
[7]) Ib., ср. 1107.
[8]) Р. И. Б., т. 23, ст. 775, 782, 787, 792, 1375, 1386 и др.
[9]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1219.
[10]) Ip., ст. 1256.
[11]) Ib., ст. 1357.
[12]) Ib., ст. 1331—2.
[13]) Р. И. Б., т. 23, 64—5.
[14]) Р, И. Б., т. 21, ст. 1360.
[15]) Ib.. ст. 1185;
[16]) Р. И. Б., т. 23, ст. 506.

самого дьяка Тайныхъ Дѣлъ; въ расходныхъ статьяхъ Тайнаго приказа подъ 11 марта 182 г., напр., записано, что прикащику с. Степановскаго выданы деньги «на кормъ работникомъ, которые работали въ Степановскомъ при Даниле Полянскомъ» (дьякъ Тайнаго приказа съ 1672 г. [1]). Повидимому, преимущественно на подъячихъ, сокольникахъ и конюхахъ лежали финансовыя операціи, связанныя съ удовлетвореніемъ текущихъ хозяйственныхъ нуждъ: они покупаютъ сѣно, дрова, скотъ, мясо и рыбу, для чего командируются иногда въ довольно отдаленныя мѣста, напр., въ Галичъ, Самару, на Яикъ [2]); съ другой стороны, по приходо-расходнымъ и записнымъ книгамъ приказа, они же получаютъ изъ приказной кассы и потомъ раздаютъ деньги жнецамъ, косцамъ, садовникамъ, прудникамъ, плотникамъ и всякимъ другимъ «работникамъ» [3]). Въ экстренныхъ случаяхъ кого-нибудь изъ нихъ же пошлютъ собирать оброчные запасы съ крестьянъ [4]), а однажды подъячій Тайнаго приказа П. Кудрявцевъ даже былъ отправленъ на «Улицкое озеро» «ловить рыбу всякую»—съ наказомъ «той рыбы прислать съ Благовещеньеву дни, а къ вербному воскресенью привесть самому». [5]) Сокольникамъ и конюхамъ не разъ приходилось ѣздить въ Кіевъ, Симбирскъ, Астрахань даже на Терекъ за плодовыми и тутовыми деревьями для царскихъ садовъ. [6]).

Особыя хозяйственно—административныя задачи ставили строительныя работы, въ широкихъ размѣрахъ производившіяся въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, и въ этихъ случаяхъ агентами приказа видимъ лицъ того же круга. Однимъ поручается, по преимуществу, завѣдываніе подготовительными операціями, напр., рубкой лѣса и его доставкой на мѣсто стройки. Въ этой роли чаще всего выступаетъ полковникъ выборнаго полка М. Кравковъ, который съ своими солдатами въ теченіе ряда лѣтъ, «ронитъ лѣсъ на строенье государевыхъ хоромъ» въ Муромскомъ, Арзамасскомъ, Гороховецкомъ, Елатомскомъ, Касимовскомъ и Кадомскомъ уѣздахъ, при чемъ «для присмотру

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 271.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1481.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 15, 67, 257, 261, 474 и др.
[4]) Ib., ст. 64—5; 72, 74, 75, 637, 728, 774 и сл., 867 и сл.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1590—1.
[6]) Ib., ст. 1149, 1182, 1169; 23 т., ст. 697, 748.

надъ работными людьми» привлекаются иногда и другіе «начальные люди» его полка [1]). По надзору за самыми строительными работами имѣлись свои спеціалисты. Въ ихъ ряду мы встрѣчаемъ, между прочимъ, будущаго знаменитаго «канцлера», а въ тотъ моментъ только еще полковника и голову московскихъ стрѣльцовъ, А. С. Матвѣва; за его собственноручной подписью была представлена въ приказъ «роспись, что надобно на хоромное строенье иноземцу Ѳалентину садовнику» въ с. Измайловѣ [2]). А затѣмъ, когда строилась въ Измайловѣ церковь во имя пр. Евдокіи, «у того строенья, читаемъ въ приходорасходныхъ книгахъ приказа, былъ полковникъ и голова московскихъ стрѣльцовъ Артемонъ Матвѣевъ» [3]). Въ другихъ мѣстахъ, въ качествѣ такихъ же импровизированныхъ инженеровъ, дѣйствуютъ: въ с. Алексѣевскомъ «у церковнаго» и «у прудового дѣла» маіоръ выборнаго полка Р. Ждановъ [4]), въ с. Котельникахъ у церковной постройки—маіоръ И. Лукинъ [5]), на Меленкахъ (въ Измайловѣ) «у прудового дѣла» и у строенья «льняного двора»—маіоръ Скариковъ [6]), «у каменнаго дѣла» при Измайловскихъ льняныхъ амбарахъ—полковникъ Густавъ Ѳанъ-Кампенъ, [7]) у Измайловской «новой каменной риги»—голова московскихъ стрѣльцовъ Ю. Лутохинъ [8]), «у строенья новаго Аптекарского Двора»—полуголова И. Ефимьевъ [9]), въ с. Алексѣевскомъ «у дворового строенья»—голова московскихъ стрѣльцовъ—Ст. Яновъ [10]), въ с. Екатерининской Рощѣ «у полатнаго строенья»—голова Ю. Лутохинъ и сотникъ московскихъ стрѣльцовъ И. Рыкачевъ [11]). Едва ли не чаще и къ строительнымъ работамъ, только, можетъ быть, менѣе виднымъ, посылались подъячіе Тайнаго приказа: многочисленныя, напр., плотины и мельницы въ царскихъ селахъ, устройство которыхъ потребовало огромнаго труда и расходовъ, всѣ, кажется, были

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1285, 1320, 1382, 1391.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 21.
[3]) Ib., ст. 647.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 119, 124, 130, 136 и др.
[5]) Ib., ст. 388, 390, 1382.
[6]) Ib., ст. 784, 809, 810.
[7]) Ib., ст. 885.
[8]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1322, 1326, 1329 и др.
[9]) Р. И. Б., т. 23, ст. 387, 389 390 и др.
[10]) Ib., ст. 120, 127, 131, 187.
[11]) Ib., ст. 712—3, 1107.

сдѣланы подъ ихъ наблюденіемъ, такъ что иногда въ одномъ только Измайловѣ скоплялось за этимъ, главнымъ образомъ, дѣломъ до 6 человѣкъ подъячихъ [1]). Слѣдя за ходомъ работъ и ведя отчетность по нимъ, эти лица обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботиться о доставленіи матеріаловъ и нужныхъ рабочимъ предметовъ: они покупаютъ лѣсъ, «скалы», лубья, мельничные жернова, сани, хомуты, дуги, оси, колеса; заготовляютъ мохъ и известь, «подрежаютъ» рабочихъ; они же составляютъ расходныя «росписи», по которымъ ассигнуются изъ приказа деньги [2]).

Тѣ же, по существу, пріемы управленія примѣнялись и въ разнообразныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ Тайнаго приказа, также выходившихъ изъ рамокъ компетенціи обычной приказной администраціи. По записи отъ 21 іюня 1666 г., голова московскихъ стрѣльцовъ П. Лопухинъ и подъячій Тайнаго приказа Артамонъ Аѳанасьевъ были „отпущены“ въ Ростовъ и Переяславль Залѣсскій „для соляного варенья, и статьи имъ даны, а въ городѣ къ воеводамъ посланы государевы грамоты—велено имъ къ тому дѣлу давать кузнецовъ и плотниковъ и о всякомъ вспомогательстве“ [3]). Потомъ на мѣсто П. Лопухина къ Ростовскимъ и Переяславскимъ «солянымъ заводамъ» былъ посланъ полковникъ выборнаго полка И. Стормъ съ обычнымъ напутствіемъ: „а что ему Ивану Сторму дѣлать, и ему даны статьи“ [4]). Подъячій А. Аѳанасьевъ, оставленный на нѣкоторое время при Стормѣ, получаетъ затѣмъ въ самостоятельное завѣдываніе соляной заводъ на Дѣвичьемъ полѣ [5]), а подъ конецъ смѣняетъ въ Ростовѣ и Переяславлѣ Сторма, который при этомъ передаетъ ему „того соляного заводу приходные и росходные книги денгамъ и соли и всякимъ запасамъ, и наличные денги и соль и всякие заводы и подъячихъ и цѣловальниковъ и мастеровыхъ и работныхъ всякихъ людей“ [6]). Подъячій Тайнаго приказа Ив. Кирилловъ состоитъ какъ бы управляющимъ на желѣзныхъ заводахъ въ с. Степановскомъ,—можетъ быть, въ связи съ тѣмъ,

---

[1]) Ib., ст. 567, 580, 637, 646, 727—8, 87 и др., т. 21 ст. 1207, 1315 и др.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1093, 1098, 1112; т. 23, ст. 429, 581, 637, 712, 733 782, 784. 962, объ А. С. Матвѣевѣ по Р. И. Б., т. 23, ст. 589, 596, 716, 733, 912, 1149 и др.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1209.

[4]) Ib., ст. 1248.

[5]) Ib., ст. 1384.

[6]) Ib., ст. 1596—7.

что временно ему были поручены и другія хозяйственныя дѣла въ этомъ селѣ [1]). Вмѣстѣ съ нимъ видимъ на тѣхъ же заводахъ его брата и коллегу по приказу—Емельяна Кириллова, который считался, надо думать, знатокомъ литейнаго дѣла и имѣлъ спеціальное порученіе—«пушки, которые вылиты на желѣзномъ заводѣ, ... вычистить і просверлить і изготовить къ пострѣламъ ... и пушечные образцы дѣлать і пушки лить попрежнему наскоро» [2]). Подъячіе Тайнаго приказа Кириллъ Демидовъ и по его смерти Артемій Степановъ завѣдывали Московскимъ сафьяннымъ заводомъ [3]), который потомъ велѣно было „отдать въ Приказъ Малыя Росіі стольнику и полковнику Артемону Сергѣеву сыну Матвѣеву“ [4]). Подъячій М. Ватолинъ и Ю. Никифоровъ завѣдывали, въ теченіе нѣкотораго времени, «огороднымъ дѣломъ» въ Измайловѣ, а первый, кромѣ того, состоялъ еще при Измайловскомъ стекляннномъ заводѣ [5]). Во всѣхъ этихъ, какъ и въ другихъ, случаяхъ чрезвычайныхъ порученій съ исполненіемъ также связывалась отчетность. Напр., съ Звенигородскихъ желѣзныхъ заводовъ (въ с. Степановскомъ) велѣно было «присылать росписи наличному желѣзу въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ помѣсячно» [6]); полковникъ Стормъ (и подъячій А. Аѳанасьевъ) должны были отписывать «къ Москве», «сколько на Переславскихъ и Ростовскихъ варницахъ соли и по чему пудъ ставитца и сколько дровъ въ покупке на лицо и почему въ тѣхъ городѣхъ соль цѣною купятъ, і вновь въ Ростове трубы и лари ставятъ ли, и сколько поставлено и сколь глубоко въ землю впущено, і въ сколко въ которомъ мѣсте цѣновъ соль варятъ» [7]); сохранились также отчеты о работахъ на сафьянномъ заводѣ [8]) и стекляннномъ [9]), предназначавшіеся уже для Ѳедора Алексѣевича, но составленные по даннымъ предшествующаго времени, и нѣсколько докладовъ царю Алексѣю (въ отрывкахъ) о состояніи садовъ и огородовъ въ царскихъ селахъ [10]).

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1608, 1616.
[2]) Ib., ст. 1622 ст. 1624—5.
[3]) ib., ст. 1397.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1640—1.
[5]) Ib. ст. 1335, 1337, 1342, 1347 и др.
[6]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1747.
[7]) Ib., ст. 1380.
[8]) М. А. М. И. Д., Дѣла, вновь разобранныя, № 973.
[9]) Приходо-расход. кн. с. Измайлова, л. 399—409.
[10]) Г. А. XXVII, № 532, лл. 39—50.

Порученія перечисленныхъ категорій имѣютъ спеціальный характеръ; каждое изъ нихъ относится къ какой-нибудь одной отрасли хозяйственной жизни. Но въ порядкѣ чрезвычайныхъ же порученій создавались въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа и такія административныя положенія, которыя предполагаютъ полномочія общаго характера и представляются, по первому впечатлѣнію, параллельными должности прикащиковъ. Въ качествѣ постояннаго явленія, это наблюдается въ Измайловѣ и отчасти—въ Домодѣдовѣ. Въ Измайловѣ прикащикомъ все время остается сокольникъ Устинъ Зеленый; но въ документахъ его имя встрѣчается сравнительно рѣдко: гораздо чаще въ роли представителей Измайловской администраціи выступаютъ, заслоняя его собой, другія лица—сначала (до 1666 г.) голова московскихъ стрѣльцовъ В. Пушечниковъ, а потомъ голова Ю. Лутохинъ. Послѣдній, до перевода въ Измайлово, такую же приблизительно роль играетъ въ Домодѣдовѣ, хотя и послѣ не совсѣмъ отстраняется отъ Домодѣдовскихъ дѣлъ и до конца продолжаетъ получать жалованье изъ Домодѣдовскихъ запасовъ. Этихъ лицъ по функціямъ, которыя они выполняютъ, можно бы назвать главноуправляющими наиболѣе важныхъ царскихъ имѣній. Въ государевомъ указѣ, которымъ изъ вѣдомства Хлѣбнаго приказа переводились въ вѣдомство Тайнаго села Смердово, Лычово (и Клины), прямо говорилось, что ихъ велѣно „вѣдать... къ с. Измайлову головѣ Василью Пушечникову“ [1]), а не У. Зеленому. В. Пушечниковъ и Ю. Лутохинъ обыкновенно распредѣляютъ рабочихъ по мѣстамъ [2]) „принимаютъ“ и „пересматриваютъ“ оброчный скотъ [3]), распоряжаются хлѣбными запасами [4]); при ближайшемъ участіи второго изъ нихъ вырабатывался планъ расположенія хозяйственныхъ построекъ и сооруженій въ Измайловѣ [5]); онъ же, надо думать, былъ авторомъ представленнаго государю доклада объ устройствѣ въ Измайловѣ конюшеннаго двора, винокурни, стекляннаго завода [6]). Съ другой стороны, къ нимъ чаще всего адресуются государевы грамоты и памяти изъ Тайнаго приказа; ихъ нерѣдко видимъ въ самомъ Тайномъ приказѣ, гдѣ они лично

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1188.
[2]) Ib., 1094, 1120, 1170, 1207, 1356—7, 1360 и др.
[3]) Ib., ст. 1072, 1079, 1102, 1359.
[4]) Ib., ст. 1133, 1175, 1191, 1368 и др.
[5]) А., XXVII, N 524, л. 26—7; ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 1169.
[6]) Зап. Отд. Р. и С. А. т. II, ст. 387—390.

„берутъ“ указы и даже непосредственно отъ государя получаютъ распоряженія, только сообщая о нихъ приказнымъ для записи. При такомъ ихъ значеніи мѣстный прикащикъ долженъ былъ, казалось бы, занимать подчиненное положеніе. Въ дѣйствительности, однако, У. Зеленый имѣетъ самостоятельный голосъ въ вопросахъ хозяйственнаго управленія, — по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Когда, напр., думали о томъ, чтобы Славецкую волость взять отъ Измайлова и снова передать въ Хлѣбный приказъ, велѣно было предварительно „съ Устиномъ Зеленымъ поговорить, с Славецкой волости наперед сего какие доходы бывали и ныне та волость им надобна ль, и будетъ надобна,—для чего?“ [1]); въ другой разъ хотятъ знать его мнѣніе по вопросу о мѣстѣ для новаго скотнаго двора: „поговорить съ Устином Зеленымъ, скотному пятому двору въ Лукинѣ л быть или гдѣ пристойно и в которомъ мѣстѣ“?—и Устинъ Зеленый категорически отвѣчаетъ: „пристойно быть на Деминѣ“ [2]). Въ одномъ случаѣ У. Зеленый выступаетъ въ хозяйственно-административныхъ дѣлахъ съ одинаковой авторитетностью, рядомъ съ Ю. Лутохинымъ: въ докладѣ одного изъ подъячихъ Тайнаго приказа, посылавшагося въ Измайлово съ распоряженіемъ о подводахъ подъ лѣсъ, читаемъ: «а о перевоске, государь, Юрья (т. е. Лутохинъ) и Устин отказали, что им того лѣсу возить нѣкемъ и нѣначемъ» [3]). Возможно, что такая неопредѣленность въ разграниченіи компетенцій прикащика и—будемъ называть—главноуправляющаго обусловливалась постоянствомъ должности перваго при экстренномъ характерѣ полномочій второго.

Дѣятельность чрезвычайныхъ агентовъ приказа въ разныхъ областяхъ его хозяйственнаго вѣдомства находила для себя примѣненіе не въ одинаковой степени. Она была разнообразнѣе и ими пользовались чаще въ подмосковныхъ имѣніяхъ, находившихся въ спеціальномъ завѣдываніи Тайнаго приказа, въ особенности—въ Измайловѣ и Домодѣдовской волости. Наоборотъ, въ болѣе отдаленныхъ областяхъ, составлявшихъ по преимуществу вѣдомство Хлѣбнаго приказа, они появляются сравнительно рѣдко и мало стѣсняютъ самостоятельность представителей мѣстной администраціи—прикащиковъ и воеводъ. Примѣненіе чрезвычай-

---

[1]) Г. А., XXVII, № 526, л. 13.
[2]) Ib., л. 11.
[3]) Ib., № 524, л. 27.

ныхъ порученій само по себѣ, конечно, означаетъ осложненіе хозяйственныхъ задачъ, и ихъ исполнители, въ общей своей массѣ, представляются ближайшими виновниками особой интенсивности, отличающей хозяйственную жизнь спеціальнаго вѣдомства Тайнаго приказа. При видимомъ, однако, различіи въ положеніи и значеніи административныхъ органовъ того и другого типа, въ основномъ моментѣ ихъ роль одинакова: каждый изъ нихъ дѣйствуетъ въ рамкахъ, которыя ему въ общемъ очень точно ставятся приказомъ, и всѣ являются проводниками идущей оттуда хозяйственной иниціативы, только въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ—менѣе широкой. Тамъ, слѣдовательно, находится ключъ, которымъ приводился въ движеніе весь этотъ, довольно сложный, механизмъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Руководящая роль Тайнаго приказа, постоянно сказывающаяся въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ агентовъ, съ наибольшей, конечно, наглядностью выступаетъ въ фактахъ, характеризующихъ порядокъ въ сферѣ центральнаго управленія. Въ записныхъ книгахъ, напр., на протяженіи любого года мы почти подъ каждымъ числомъ находимъ записи—рѣдко одну, иногда до 10 и больше—хозяйственныхъ распоряженій, выходящихъ изъ приказа, въ формѣ ли общихъ инструкцій (наказовъ и статей) или спеціальныхъ предписаній (грамотъ и памятей), и едва ли можно указать какія-нибудь стороны хозяйственной жизни, которыя бы не затрагивались этими распоряженіями. Десятинная пашня и разные промыслы, скотоводство и птицеводство, сады и огороды, строительныя и земляныя работы, оброки и натуральныя повинности крестьянъ, управленіе и судъ надъ ними, наемъ и содержаніе рабочихъ, доходы и расходы по хозяйству, доставка и распредѣленіе продуктовъ, техническіе пріемы работъ,—все это входитъ въ кругъ его вниманія и все подлежитъ его регламентаціи. Притомъ, въ качествѣ руководящей инстанціи, приказъ, какъ видно изъ приводившихся уже примѣровъ, не ограничивался общими директивами, а неизмѣнно держалъ въ виду и повседневныя мелочи хозяйственной жизни. Въ то же время онъ, естественно, хочетъ, по возможности всегда быть освѣдомленнымъ обо всемъ, происходящемъ въ предѣлахъ его вѣдомства. Не довольствуясь очередными отчетами съ мѣстъ, онъ постоянно, какъ мы знаемъ, пользуется чрезвычайными средствами контроля: или посылаетъ спеціальныхъ ревизоровъ, наказывая имъ „разсмотрѣть“ и о всемъ „розвѣдать“, согласно данной имъ инструкціи [1]), или время отъ времени обращается къ мѣстной

[1]) Гос. Арх., XXVII, № 525, л. 1–5.

адмиристраціи съ требованіемъ писать къ великому государю о томъ, „что у нихъ дѣлается“ [1]). И въ этихъ случаяхъ точно также не забывается, кажется, ни одна подробность хозяйственнаго обихода.

Служа административнымъ средоточіемъ въ своемъ вѣдомствѣ, Тайный приказъ, естественно, является его офиціальнымъ представителемъ и посредникомъ въ сношеніяхъ съ другими учрежденіями и отдѣльными лицами. Ни одно дѣло, касавшееся подчиненныхъ приказу владѣній, важное или второстепенное, не могло пройти мимо него. Если въ хозяйствѣ какого-нибудь изъ нихъ ощущался пробѣлъ, который можно было восполнить при помощи сторонняго вѣдомства, всякій разъ соотвѣтствующее распоряженіе дѣлается Тайнымъ приказомъ, въ формѣ памяти или государева указа. Такъ, въ случаяхъ нужды, изъ другихъ приказовъ берутъ для царскихъ селъ необходимые при постройкахъ матеріалы и орудія: изъ Оружейнаго приказа—гвозди и желѣзо [2]), изъ Каменнаго—кирпичи и щебень [3]), изъ Пушкарскаго—канаты, заступы, лопаты, кирки [4]), изъ Большого Дворца—бревна и топоры [5]),—берутъ, когда „взаймы“, когда—„безденежно“, но всегда черезъ Тайный приказъ. Тѣмъ же путемъ и на такихъ же условіяхъ получаются разные хозяйственные продукты: изъ Большого Дворца, напр., рожь, овесъ, льняное сѣмя, сухари, крупа, рыба [6]), изъ приказа Большой Казны—соль [7]). Посредничество приказа необходимо даже для того, чтобы взять изъ Конюшеннаго приказа для Аптекарскаго двора „копну сѣна взаймы“ [8]), или изъ Большого Дворца въ Измайлово—„два подъема желѣзные на время“ [9]), или изъ Пушкарскаго приказа туда же—„иготь большую“ [10]). Въ свою очередь и эти учрежденія, чаще другихъ Большой Дворецъ, обращаются въ Тайный же приказъ, чтобы пополнить свои недочеты изъ запасовъ государевыхъ селъ. Съ тѣмъ же значеніемъ офиціаль-

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1142, 1216, 1301, 1322 и др.
[2]) Ib., ст. 1277—8, 1249, 1294, 1308, 1329 и др.
[3]) Ib., ст. 1294, 1302, 1361, 1384 и др.
[4]) Ib., ст. 1294, 1299, 1300, 1309 и др.
[5]) Ib., ст. 1112, 1306, 1356.
[6]) Ib., ст. 1173—4, 1194, 1272, 1341, 1404, 1658 и др.
[7]) Ib., ст. 1056, 1263—4, 1297, 1450, 1540 и др.
[8]) Ib., ст. 1739.
[9]) Ib., ст. 1306.
[10]) Ib., ст. 1451.

наго представителя приказъ выступаетъ въ случаяхъ юридическихъ отношеній, возникающихъ въ условіяхъ хозяйственной дѣятельности. Какъ указывалось уже, обыкновенно онъ является контрагентомъ въ сдѣлкахъ по пріобрѣтенію земельныхъ владѣній, и особенно часто—по подрядамъ. „Подрядилися мы іс Приказу Тайныхъ Дѣлъ“, или „въ Приказе великого государя Тайныхъ Дѣлъ“,—опредѣляютъ своего контрагента стрѣльцы плотники, взявшіе подрядъ на постройки въ Измайловѣ [1]); или: „договорился онъ, Михайло, великого государя передъ діакомъ Даниломъ Полянскимъ“,—значится въ поручной по подрядчикѣ приказа М. Прокофьевѣ [2]). То же самое—въ порядныхъ крестьянъ, поряжающихся на лѣтнія работы: „порядились мы, наемщики, великого государя ис Приказу Тайныхъ Дѣлъ“, и внизу подпись одного изъ тогдашнихъ нотаріусовъ: „а запись писалъ Іановской площади подъячей“ (такой-то) [3]). Приказъ принимаетъ на себя и вытекающія изъ такихъ соглашеній послѣдствія: съ одной стороны, онъ требуетъ исполненія обязательствъ, являясь, кстати сказать, при ихъ нарушеніи одновременно и истцомъ и судьей; съ другой,—производитъ всѣ расчеты съ подрядчиками, нерѣдко оказываясь, правда, гораздо менѣе строгимъ къ себѣ, чѣмъ къ своимъ контрагентамъ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ хозяйственно-административной практики приказъ дѣйствуетъ, если судить по терминологіи офиціальныхъ документовъ, отъ имени государя. „По указу великого государя“, „великій государь указалъ“, „посланъ государевъ указъ“ или „грамота“—обычныя формулы, подъ которыми записываются въ книгахъ выходящія изъ приказа распоряженія. Въ практикѣ другихъ московскихъ учрежденій такія формулы къ 17-му вѣку успѣли сдѣлаться простой принадлежностью приказнаго стиля, и потому рискованно, въ каждомъ случаѣ ихъ примѣненія, придавать имъ реальное значеніе. Слѣдовалъ ли Тайный приказъ въ своей терминологіи той же приказной традиціи, воспроизводя привычную фикцію, или былъ исключеніемъ, и его офиціальный языкъ отражалъ въ бо́льшей степени дѣйствительный порядокъ отношеній? Въ предѣлахъ хозяйственной компетенціи приказа этотъ вопросъ, по существу, значитъ,—кто былъ фактическимъ хозяиномъ въ его вѣдомствѣ,

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 768; ср. 245, 309, 373, 377 и др.
[2]) Ib., ст. 273; ср. 236, 300, 309 и др.
[3]) Гос. Арх., XXVII, 512, ч. 1, л. 3—8.

и отвѣтъ на это будетъ болѣе или менѣе точнымъ и полнымъ, очевидно, въ зависимости отъ того, какъ далеко мы можемъ проникнуть за кулисы офиціальной жизни приказа.

Приказный штатъ состоялъ, какъ и всегда, изъ дьяка и подъячихъ. Количество подъячихъ не превышало 15 ч., а бывало, по временамъ, и меньше. Ихъ роль въ хозяйственныхъ дѣлахъ представляется очень разнообразной. Выше указывалось, что подъячіе Тайнаго приказа нерѣдко получали разныя спеціальныя назначенія хозяйственно-административнаго характера въ мѣстномъ управленіи, иногда цѣлыми мѣсяцами проживая по этой причинѣ внѣ Москвы. Но и въ самой Москвѣ на ихъ долю выпадало едва ли не больше чисто хозяйственныхъ хлопотъ по сравненію съ другими обязанностями. Обыкновенно они исполняютъ всѣ тѣ необходимыя, но заранѣе непредвидимыя въ хозяйственномъ обиходѣ, порученія; для которыхъ въ большомъ хозяйствѣ должны быть постоянно люди подъ рукой и которыя въ старомъ боярскомъ домѣ возлагались на довѣренныхъ слугъ изъ холоповъ: по приходо-расходнымъ книгамъ, подъячіе приказа то покупаютъ въ лавкахъ, на разные случаи, съѣстные продукты или разные предметы „на государевъ обиходъ“—матеріи, книги, краски, или „для государевыхъ селъ“—быковъ, барановъ, куръ, сѣно, солому, дрова; то разносятъ и развозятъ государевы подарки по домамъ придворныхъ, пироги по богадѣльнямъ, то кормятъ стрѣльцовъ, нищихъ и колодниковъ по праздникамъ, то на площади подряжаютъ сторожей, извозчиковъ, рабочихъ, подрядчиковъ на разныя работы; ихъ же посылаютъ съ деньгами, вещами и по всякимъ экстреннымъ дѣламъ къ великому государю во время его „походовъ“ въ подмосковныя села [1]). Въ документахъ довольно ясно выступаетъ при этомъ различіе между подъячими по характеру поручаемыхъ имъ дѣлъ и отчасти—по степени значенія. Однихъ мы видимъ, по преимуществу, въ роли самостоятельныхъ исполнителей порученій, иногда—завѣдующими отдѣльными отраслями хозяйства (заводами, торговыми предпріятіями) или вспомогательными хозяйственными учрежденіями (напр., Товарной палатой, Аптекарскимъ дворомъ); на нихъ, естественно, лежитъ и переписка по хозяйственнымъ вопросамъ. Такихъ можно насчитать 8—9 че-

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 600, 700, 904, 930, 1014, 1073, 1090, 1123, 1240, 1243, 1255, 1282, 1285, 1292, 1297, 1298, 1303, 1309, 1310, 1315 и мн. др.

ловѣкъ (П. Кудрявцевъ, Ю. Никифоровъ, Ѳ. Казанецъ, А. Степановъ, И. Полянскій, М. Ватолинъ, А. Аѳанаьсевъ, рѣже—К. Демидовъ, П. Оловенниковъ, Е. Полянскій)[1]). Другихъ, наоборотъ, мы почти не встрѣчаемъ въ роли исполнителей хозяйственно-административныхъ порученій; ихъ постоянное мѣсто—въ приказѣ, за текущей канцелярской работой,—составленіемъ приходо-расходныхъ и записныхъ книгъ, дневальныхъ записей и т. п. (А. Черный, В. Ботвиньевъ, С. Медвѣдевъ, Ѳ. Шакловитый). Судя по окладамъ жалованья и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, все это—старшіе подъячіе. Составляющіе третью группу—младшіе подъячіе не получаютъ отвѣтственныхъ порученій по хозяйству и употребляются для временныхъ „посылокъ“, или прикомандировываются къ болѣе авторитетнымъ лицамъ (Г. Бовыкинъ, А. Волковъ, Б. Гавриловъ, А. Озеровъ, Г. Деревнинъ, М. Протопоповъ).

Имена дьяковъ Тайнаго приказа встрѣчаются въ хозяйственныхъ документахъ сравнительно рѣдко, ровно какъ не много и косвенныхъ указаній на ихъ участіе въ хозяйственномъ управленіи Хозяйственное вѣдомство приказа организовалось уже при второмъ, по счету, дьякѣ—Дементьѣ Башмаковѣ и незадолго, притомъ, передъ его новымъ назначеніемъ,—этимъ можно бы объяснить, почему въ документахъ его хозяйственная дѣятельность отразилась слабо (имѣются два-три указа за его приписью, да его почеркомъ написана часть одного наказа). Однако, и роль двухъ послѣднихъ дьяковъ—Ѳ. Михайлова и Д. Полянскаго офиціально засвидѣтельствована также довольно скудно. Они часто „сказываютъ“ государевы указы въ приказѣ и выдаютъ, случается, деньги на хозяйственныя нужды по росписямъ (хотя то же дѣлаютъ иногда и подъячіе). Памятникомъ непосредственнаго участія Ѳ. Михайлова въ управленіи по хозяйству остались среди бумагъ приказа два писанныхъ его рукой проекта хозяйственнаго содержанія и нѣсколько незначительныхъ отрыв-

[1]) Въ записныхъ книгахъ упоминаются «столпы»: «денежный», «хлѣбный», «расходный», «столпъ всякихъ дѣлъ», «столпъ о соляномъ варѐніе», «Московскій», «Мурашкинскій» (Р. И. Б., т. 21, ст. 1297, 1305, 1376, 1389, 1434, 1306); иногда же «столпы» называются по именамъ подъячихъ: «столпъ М. Ватолина», «столпъ М. Протопопова» (ib., ст. 1190, 1291, 1355); давалось ли второе названіе столбцамъ потому, что они составлялись изъ документовъ по спеціальности подъячаго, или только потому, что имъ подклеивались,—сказать затрудняюсь.

ковъ документовъ, имъ правленыхъ. Полнѣе освѣщается роль Д. Полянскаго. Въ приходо-расходныхъ книгахъ есть, какъ мы знаемъ, упоминаніе, что подъ его наблюденіемъ производились работы въ с. Степановскомъ, а изъ сохранившейся въ приказномъ архивѣ переписки его съ подъячими видно еще, что онъ въ теченіе нѣкотораго времени оставался въ с. Косткинѣ, руководя постройкой „государева двора". Эта переписка нѣсколько намѣчаетъ общую постановку дѣлъ въ приказѣ. Въ письмахъ своихъ дьякъ требуетъ, чтобы остававшіеся въ Москвѣ подъячіе П. Кудрявцевъ съ „товарищами", частью сами прислали необходимые для его цѣли предметы, частью передали соотвѣтствующія распоряженія въ нѣкоторые другіе приказы и подмосковныя села. Поскольку требованія дьяка адресуются къ подъячимъ, онъ не считаетъ нужнымъ обосновывать ихъ высшей санкціей, хотя бы они и предполагали широкія полномочія въ распоряженіи хозяйственными средствами: „прикажи, пишетъ онъ Кудрявцеву, купит 50 пуд меду и отдат на Обтекарской дворъ, а денгі возмі ис которого приказу нибудь" [1]); или: „вчера Мишке Прокофьеву (постоянному подрядчику приказа) велено послать в Косткино работников сто человѣкъ, а онъ отпустилъ только семьдесятъ два человѣка... Для Господа Бога, пошли по него сегодня тотчас, и прикажи ему прислать утре к прежнему в прибавку 100 человѣкъ и на них запасъ, да хлѣба ж і круп и чаш на 66 к тѣм ево работником в прибавку" [2]). И распоряженія дьяка исполняются, видимо, не вызывая у исполнителей никакихъ вопросовъ. Однако, по тѣмъ же письмамъ, съ представителями другихъ вѣдомствъ онъ держится иначе. Ему пришлось, напр., оставить въ Косткинѣ „шатры, палатки и отводы", посланные изъ Большого Дворца для с. Хорошева, и онъ поручаетъ Кудрявцеву объяснить такой образъ дѣйствій управляющему Большимъ Дворцомъ: „а Александру Севостьяновичу (Хитрово) скажи, что ставки въ Косткино, шатры, палатки и отводы я взялъ по государеву именному указу, а не собою; а только ему въ Хорошово отводы надобны, и онъ бы доложилъ о нихъ великого государя, а мнѣ ихъ отпустит без ево государева указу не возможно" [3]). Или еще: въ Косткино надо доставить 30 стрѣльцовъ плотниковъ, а стрѣльцами завѣдуетъ дьякъ Стрѣлецкаго

[1]) Гос. Арх., XXVII, № 532, л. 132.
[2]) Ib., л. 136.
[3]) Ib., л. 133.

приказа Ларіонъ Ивановъ, и въ этомъ случаѣ дьякъ Тайнаго приказа не считаетъ достаточнымъ только свой личный авторитетъ: „сходи къ Ларіону Іванову, поручаетъ онъ подъячему, и скажи ему государевымъ указомъ, чтоб он прислал ко мне утре въ Косткино 30 ч. плотниковъ стрельцовъ“ [1]). Значитъ ли все это, что въ предѣлахъ хозяйственнаго вѣдомства Тайнаго приказа дьякъ могъ и деньгами, и рабочими, и всякими вещами распоряжаться „собою“, помимо государева указа?

Въ практикѣ Тайнаго приказа не разъ случалось, что къ подъячимъ обращались съ разными требованіями и другія лица въ подобной же формѣ, и подъячіе исполняли, не спрашивая объясненій. Вотъ, напр., письмо завѣдывавшаго Аптекарскимъ дворомъ сокольника Зота Полозова къ тому же П. Кудрявцеву: «Петръ Степановичъ! Пожалуй, пріятель мой, прикажи дать Минке Вотинцеву 14 рублев за дрова, а росписку пришедъ я къ тебѣ ужо-шъ принесу. Зело нужно. Не погуби Минкиной головы. Самъ изволь его роспросить» [2]); или онъ же пишетъ другому подъячему приказа А. Степанову: «Артемей Остафьевичъ! Прикажи выдать 6 рублев на хлѣбъ Любиму не помешкавъ» [3]). И деньги, какъ показываютъ расписки въ ихъ полученіи, выдаются безъ всякихъ справокъ. Въ приведенныхъ случаяхъ, впрочемъ, обозначены, по крайней мѣрѣ, предметы расхода; но бывало, что дѣло устраивалось и еще проще. Одинъ изъ подъячихъ считаетъ достаточнымъ только назвать лицо, которому деньги должны быть выданы: „Петръ Степановичъ или кто иныхъ товарищей есть въ Приказе! Выдайте тотчасъ комнатному сторожу Дементью десять рублев, и запишите въ расходъ“ [4]); или тотъ же Зотъ Полозовъ проситъ Кудрявцева: «Петръ Степановичъ, государь! Пожалуй, пріятель мой, пришли мнѣ для самовеликой нужды 5 руб., а я тебѣ завтра заменю. Зотко челомъ бью. А тово, пожалуй, не учини, что не прислать. Ей-ей нужно» [5]). Это—не просто частная просьба: пославъ деньги, подъячій подклеилъ, однако, письмо пріятеля въ столбецъ,—очевидно, въ качествѣ оправдательнаго документа. Наконецъ, судя по записямъ приходо-расходныхъ книгъ, было обычнымъ порядкомъ, что плата рабо-

[1]) Ib.. л. 137.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 131.
[3]) Ib., ст. 123.
[4]) Ib., ст. 149—150.
[5]) Ib., ст. 306.

чимъ, занятымъ въ государевыхъ селахъ, выдавалась по „письмамъ“ подъячихъ [1]). Можно ли заключить отсюда, что подъячіе по собственному усмотрѣнію распоряжались государевой казной? Въ расходныхъ столбцахъ приказа имѣется еще одно письмо З. Полозова, въ которомъ, кажется, вскрыто то, что въ предыдущихъ письмахъ подразумѣвалось. На этотъ разъ адресатъ—самъ дьякъ: «Данила Леонтьевичъ, государь! Пожалуй, прикажи, проситъ авторъ письма, дать 40 рублев на строенье певческихъ дворовъ въ добавку къ прежнимъ деньгамъ. А что на нихъ лишныя деньги пошли противъ сметы, и я про то великому государю извѣщалъ. А будетъ не поверишъ, изволь доложить... А я въ городъ не хожу, затѣмъ, что женишке лехче нетъ» [2]). Значитъ, З. Полозовъ имѣетъ возможность «извѣщать» государю о перерасходѣ помимо дьяка, и дѣйствуетъ, заручившись государевымъ словомъ. И такой случай—то же не единственный: на государевъ указъ, полученный тѣмъ же путемъ, т. е. непосредственно отъ государя, ссылается подъячій Тайнаго же приказа А. Озеровъ въ письмѣ къ д. Данилу Полянскому, посылая ему свою роспись для расплаты съ плотниками [3]), и такую же ссылку находимъ въ письмѣ къ дьяку подъячаго М. Воинова о выдачѣ денегъ на погребеніе умершаго коллеги по приказу [4]). Если, такимъ образомъ, въ однихъ случаяхъ приказные опираются на полученный лично отъ государя указъ, то въ другихъ, можно думать, считаютъ государеву санкцію обезпеченной въ силу установившагося порядка; но всегда это былъ, повидимому, реальный моментъ, являвшійся источникомъ полномочій одинаково—и дьяка и подъячихъ.

Перепиской дьяка съ подъячими освѣщаются также ихъ взаимныя отношенія, какъ они складывались въ условіяхъ совмѣстной службы. Въ обращеніи и тонѣ писемъ подъячаго, естественно, сказывается почтительность подчиненнаго. Дьяка титулуютъ, подчеркивая его авторитетность: «Данило Леонтьевичъ, государь», «да вѣдомо тебѣ, государь, буди»..., «и о томъ какъ ты, государь, изволишь»? [5]) Подписываются, по обычаю, уменьшительнымъ именемъ; иной присоединитъ къ этому еще эпи-

---

[1]) Ib., ст. 48, 50, 54, 1343, 1347 и др.
[2]) Р. И. Б. т. 23, ст. 251.
[3]) Ib., ст. 130—131.
[4]) Ib., ст. 293.
[5]) Гос. Арх., XXVII, № 532 л. 117.

тетъ—«рабъ твой». Въ письмахъ дьяка начальническій тонъ, однако, почти не чувствуется, и они носятъ, скорѣе, дружескій характеръ. Выписывая въ обращеніи имя и отчество подъячаго полностью, дьякъ иногда назоветъ его и запросто—по отчеству: „да пришли, Степановичъ"..., и если пишетъ самъ, а не по его „приказу" находящійся съ нимъ подъячій, подписывается также уменьшительнымъ—«Данилко Полянской челомъ бьетъ» [1]). Есть обстоятельство, которое дѣлаетъ понятнымъ это взаимное вниманіе въ отношеніяхъ между начальникомъ и подчиненными. Письма дьяка проникнуты тревогой: „Для Бога, пошли"... „пожалуй, не задержі", „отпусти тотчас",—убѣждаетъ онъ подъячаго, варіируя это воззваніе на разные лады и въ другихъ письмахъ: „для Бога, пришли, не замотчавъ", „для Господа Бога, пошли по него (подрядчика) сегодня тотчасъ"; и еще просьба: „а о государеве походе, пожалуй, без вести не держи", или: «Господа ради, без вести не держите» [2]). Дьяка тревожитъ ожидаемое „государево пришествіе" въ Косткино, и это состояніе еще болѣе усилилось у него вслѣдствіе извѣстій, полученныхъ имъ отъ подъячаго, который сопровождалъ государя въ „походѣ". Тотъ пишетъ дьяку изъ сосѣдняго с. Хорошева: «Данило Леонтьевичъ, государь! великиі государь изволил притить в село Хорошево вчера за два часа до вечера, а в Косткино изволит быть к вечернему кушанью сего числа, а стоять изволит въ шетрахъ; а проходомъ изволилъ говорить: при мнѣ-де скорѣе здѣлаютъ, а мнѣ до своего государеву указу въ Косткино с вѣстью къ тебѣ посылать не указал, и мнѣ до своего государева указу в Косткино уѣзжат не указал же» [3]), т. е. государь лично и, главное, безъ предупрежденія, хотѣлъ произвести смотръ работамъ въ Косткинѣ. Подъячимъ хорошо знакомо чувство, съ какимъ ихъ начальникъ ждалъ этого посѣщенія: имъ и самимъ приходилось не разъ бывать въ подобныхъ положеніяхъ, только у нихъ страхъ передъ возможными послѣдствіями государева неудовольствія принималъ, можетъ быть, еще болѣе острыя формы. Почти отчаяніе слышится, напр., въ письмѣ одного изъ нихъ къ коллегамъ по приказу, когда царь потребовалъ отъ него справки о вотчинахъ И. Г. Морозова: „Братцы, государи, товарищи!—взы-

---

[1]) Гос. Арх., XXVII, № 525, л. 8.
[2]) Гос. Арх., XXVII, № 532, л. 131, 135.
[3]) Ib., л. 88.

ваетъ онъ.—Хто есть въ Приказе, тотчас сходите въ помѣсной приказ, и велите выписат; отдать стадному і чтоб заѣхол ко мнѣ посмотрѣт. Умилосердитесь надо мною!“ [1]). Это постоянное чувство отвѣтственности передъ взыскательнымъ хозяиномъ, надо думать, и парализовало ощущеніе офиціальнаго разстоянія между начальникомъ и подчиненными, а въ то же время оно служитъ показателемъ той роли, какую въ хозяйственномъ вѣдомствѣ приказа игралъ самъ царь.

Царь Алексѣй съ молодыхъ лѣтъ обнаруживалъ интересъ къ хозяйству и, можетъ быть, даже потребность хозяйственной дѣятельности. Въ 1649 г., напр., надо было описать «новоотписныя» государевы села Забѣлино и Резанцево (Переяс.-Залѣс. у.), и командированный для производства описи дв. П. Хомяковъ получилъ въ руководство составленную собственноручно молодымъ царемъ инструкцію. Этотъ документъ интересенъ и своимъ содержаніемъ и—еще болѣе—своимъ внѣшнимъ видомъ. Судя по содержанію, царь уже и тогда отдавалъ себѣ полный отчетъ въ условіяхъ, которыми опредѣлялся успѣхъ въ хозяйствѣ того времени. Хомяковъ долженъ былъ, согласно инструкціи, прежде всего переписать „дворы хрестьянские, а бобыльские і дѣловых людей і люцкие себѣ статьею, а во дворехъ хрестьянъ и хрестьянских детей і писать себе жъ статьею; и потомъ написать перечнемъ, сколько во дворехъ всѣхъ хрестьянъ, и детей и внучат и всякихъ тутошнихъ жильцовъ семьянистыхъ“. Царь знаетъ, однако, что перепись сама по себѣ не гарантируетъ прочности положенія крестьянъ за владѣльцемъ, и отсюда—послѣдующее требованіе къ Хомякову—„распрашивать подлинно, сколько который хрестьянинъ лѣтъ в тѣхъ селѣхъ живетъ, и писать ихъ имянно, сколько хто лѣтъ живетъ і какъ имя ему і прозвище“... А дальше—появляются на сценѣ и крестьянскіе „животы“: „і сколько у нево животины,—себе ж статьею писать, сколько у нево хлѣба молочоново и земляново и немолоченова“. Послѣдній пунктъ инструкціи въ особенности обнаруживаетъ хозяйственную предусмотрительность въ авторѣ: «і допросить их, сколько на боярина своего хлѣба пахали і сколько четвертей сѣвали на нево, і что нынѣ боярскова хлѣба в землѣ, і что не молочонова і что молочонова, і сколько с которова хрестьянина оброку было боярину тому, і какой оброкъ со

[1]) А. М. Ю., Моск. ст., № 355, л. 58.

всѣхъ былъ, і сколько сѣна косятъ, і есть ли пруды и озера..., и много ль верстъ лѣсу непахотново, какой лѣсъ»[1]). Конечно, инструкція не была оригинальнымъ произведеніемъ, поскольку въ ней отразились давно сложившіеся хозяйственные интересы и пріемы московскихъ вотчинниковъ. Но авторъ съ полной сознательностью усвоилъ тѣ и другіе, и далъ имъ совершенно самостоятельное выраженіе, о чемъ говоритъ внѣшній видъ документа. Это—черновикъ наказа Хомякову, написанный, съ первой строчки до послѣдней, самимъ Алексѣемъ Михайловичемъ. По многочисленнымъ поправкамъ и вставкамъ видно, что передъ глазами автора не было образца и онъ самъ, притомъ не безъ усилій, искалъ выраженій для изложенныхъ въ наказѣ мыслей. И еще подробность: подъ наказомъ царь, также собственноручно, выписалъ полученныя имъ откуда-то свѣдѣнія о результатахъ урожая и о размѣрахъ крестьянскихъ оброковъ въ с. Резанцовѣ,—должно быть, въ качествѣ замѣтки—себѣ на память. Возможно, что раннему пробужденію хозяйственныхъ наклонностей у Алексѣя Михайловича способствовало стороннее вліяніе: припомнимъ, что воспитателемъ его, а впослѣдствіи—самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ, былъ Б. И. Морозовъ, образцовый хозяинъ по своему времени, у котораго царь не разъ бывалъ гостемъ въ его подмосковномъ селѣ Покровскомъ Съ другой стороны, въ развитіи ихъ, безъ сомнѣнія, сказалось и врожденное царю чувство порядка. Эта черта проходитъ чрезъ всѣ его отношенія, одинаково—къ людямъ и вещамъ; она рано проявляется опредѣленными привычками и въ его повседневномъ хозяйственномъ обиходѣ. Сохранилась, напр., въ дѣлахъ приказа тетрадь отъ 1648 г., въ которой царь записывалъ взятые имъ на себя расходы по поминовенію молодого князя Одоевскаго (Михаила),—очень характерный документъ. Поминовеніе продолжалось въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, и каждый почти день царь съ величайшей аккуратностью отмѣчаетъ, великъ ли и въ какой формѣ, а часто—и изъ какого источника произведенъ имъ расходъ. Вотъ выразительное начало записи: „156 году, ноября 1 число, в поне (дѣльникъ) в сорочи (ны) дано 200 человѣком 20 рублев, по гривне человѣку, іс тѣх же і зо сту рублев, іс которых куплены книги; да того же дня и числа взято с Казанского дворца 30 рублев, і им росход: того же дня і

[1]) Г. А. XXVII, № 532, лл. 143—5.

числа (на) милостыню 1000 человѣком по алтыну, потому по алтыну дано человѣку, што ноября первое число сорочины по нем, Михайле, были; да того же дня и числа взято із Болшева из Дворца 10 рублев, і им росход: того же дня і числа дано на колачи... рублев, а рыба 1000 звен, да штей, да 1000 блинов, да 3 ведра вина, да 3 ведра меду, да отъ меня 1000 пироговъ съ макомъ, на едока пирогъ". [1]) Не довѣряя памяти, онъ заноситъ въ ту же тетрадь: «2 рубля на милостыню за голуби изъ монастырской дать не позабыть бы», и еще, чтобы потомъ не спутать, должно быть, счета: „во все четыре дня дано по полтине на день іс той бумаги, в которой заверчено было 22 рубли" [2]). Въ другой подобной же тетради, и отъ того же времени, озаглавленной: „роспись сокольникомъ, кому со птицы ходит і хто ловил", царь, также по числамъ мѣсяцевъ, записывалъ, съ кѣмъ изъ сокольниковъ посылалъ онъ боярамъ и другимъ приближеннымъ соколовъ и кречетовъ, вѣроятно въ подарокъ, и при этомъ почти всегда отмѣчалъ и свой расходъ на вознагражденіе посыльному: „далъ имъ по 2 рубли человѣку", „а далъ имъ— Петру золотой, Михѣйке—полтину" [3]). Просматривая эти тетрадки, трудно не подумать, что въ молодомъ авторѣ скрывается многообѣщающій хозяинъ.

Въ первую половину своего царствованія Алексѣй Михайловичъ въ осуществленіи своихъ хозяйственныхъ наклонностей довольствовался частью любительскими экскурсами, болѣе или менѣе случайно вмѣшиваясь въ хозяйственные распорядки какого-нибудь изъ дворцовыхъ учрежденій (хотя бы, напр., Конюшеннаго приказа, въ вѣдомствѣ котораго состояли упомянутыя выше села Забѣлино и Резанцево), частью общими мѣрами правительственнаго характера, проявляя свою инициативу въ широкой области государственнаго хозяйства. Съ образованіемъ хозяйственнаго вѣдомства Тайнаго приказа положеніе мѣнялось: создавалась обстановка, въ которой дѣятельность царя могла получить и больше систематичности, и больше сосредоточенности.

Царское посѣщеніе, волновавшее дьяка Данилу Леонтьевича, было не единственнымъ случаемъ, когда великій государь лично осматривалъ свое хозяйство въ подмосковныхъ владѣніяхъ. Вес-

[1]) Г. А., XXVII, № 527, л. 1; напечатано (неисправно) въ З. О. Р. и С. А., т. II, стр. 711,

[2]) Ib., л. 7.

[3]) Г. А., XXII, № 52, л. 11—12.

ной и лѣтомъ обыкновенно онъ уѣзжалъ изъ Москвы, и нерѣдко подолгу живалъ въ какомъ-нибудь изъ подмосковныхъ селъ, чаще всего въ Преображенскомъ, Коломенскомъ и на Воробьевыхъ горахъ, предпринимая отсюда, а когда и прямо изъ Москвы, поѣздки или, по тогдашнему, «походы» въ другія свои государевы села, иногда—«со всѣмъ своимъ государскимъ домомъ». На случай государева „пришествія“ тамъ строились спеціальныя помѣщенія для него и для сопровождавшихъ его бояръ, гдѣ была красивая мѣстность—хоромы, въ болѣе прозаическихъ мѣстахъ—«избушки», «государевы» и «боярскія»; бывало также, что государь со свитой останавливался «въ шетрахъ» или даже „въ крестьянскихъ дворахъ“, награждая владѣльцевъ за гостепріимство своимъ государевымъ жалованьемъ (напр. «соленымъ осетромъ»). «Походы» предпринимались частью ради любимой потѣхи царя—соколиной охоты, а частью въ цѣляхъ хозяйственнаго «досмотра». Въ придворномъ дневникѣ такъ и записывали: „великій государь изволилъ тѣшитца со птицами“ въ с. Алексѣевскомъ, послѣ чего „изволилъ быть при Измайловскихъ дѣлахъ“ [1]); или въ Дворцовыхъ Разрядахъ: „великій государь ходилъ съ государыней царицей въ Измайлово тѣшиться и всякого строенья смотрѣть“ [2]). Совсѣмъ какъ настоящій владѣлецъ-помѣщикъ, царь присутствуетъ, по дневнику, «при окладываньe» (закладкѣ) хозяйственныхъ построекъ, напр., конюшеннаго двора въ Измайловѣ [3]); устраиваетъ въ своихъ селахъ торжественное празднованіе храмовыхъ праздниковъ,—напр., въ с. Екатерининской Рощѣ, куда, по крайней мѣрѣ, однажды должны были «ѣхать» по его распоряженію, 24 ноября «для празднества великомученицы Екатерины» два Московскихъ архимандрита съ пѣвчими и дьякъ Тайныхъ Дѣлъ съ подъячими [4]). Эти села онъ хотѣлъ бы снабдить обстановкой, которая отвѣчала бы его вкусамъ и привычкамъ. Разъ во время «похода» царь намѣтилъ, что будетъ слушать обѣдню и всенощное въ с. Хорошевѣ, и заранѣе распорядился, чтобы въ назначенный день «къ вечернѣ» было доставлено туда изъ Москвы новое паникадило. Получивъ извѣстіе, что паникадило къ сроку «не поспѣетъ», царь «закру-

[1]) Дневальныя записки Приказа Тайныхъ Дѣлъ. Чтенія въ О. И. и Д. Р., 1908 г., кн. II, стр. 256.

[2]) Дворц. Разряды, т. III, ст. 1128.

[3]) Дневальныя записки, I. с, стр. 239.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1435.

чинился», и велѣлъ немедленно отписать въ приказъ, «зачѣмъ не поспѣетъ». Возникла спѣшная переписка, и въ результатѣ въ Хорошево были доставлены другія, хотя «меншие», зато два паникадила [1]). Царь усвоилъ себѣ даже предразсудки тогдашнихъ сельскихъ хозяевъ; онъ вѣритъ, напр., что урожаю способствуетъ окропленіе полей освященнымъ масломъ и водой съ ногъ больныхъ манаховъ, и, желая примѣнить это средство у себя въ Измайловѣ, посылаетъ передъ августовскимъ сѣвомъ сокольника съ собственноручной грамотой къ архимандриту Троице-Сергіева монастыря: «и ты бы, богомолецъ нашъ, читаемъ тамъ послѣ широковѣщательнаго привѣтствія, сотворилъ і прислалъ тайно, никому же повѣдавше сию тайну, священнаго масла великаго четвертка в сосуде і воды с ногъ больнишныхъ братій, умыв сам тайно, і воды іс колодезя Сергия Чудотворца, отпѣвъ молебенъ у колодезя, три ведра за своею печатью» [2]). Большой торжественностью обставляется и самый сѣвъ: передъ началомъ его на полѣ, въ особомъ «шатрѣ», «пѣли» вечерню, всенощное и молебенъ Всемилостивому Спасу, послѣ чего и кропили пашню «святой и умовенной водой» съ «освященнымъ масломъ» [3]). Царь самъ придумалъ и изложилъ весь порядокъ церемоніи,—росписалъ мѣста и роли дѣйствующихъ лицъ: „воду святить въ 4-х мѣстех — Алексѣю, Михайлу, Семеновскому, Измайловсиому“ (т. е. священникамъ); опредѣлилъ послѣдовательность и способъ дѣйствій: „кропить крестообразно одинова, послѣ тово по 10 ч(еловѣкъ) с водою с тою, что с ногъ, въ трех мѣстех, а в четвертом 5 ч(еловѣкъ) съ вѣниками на“..., — царь обозначилъ положеніе вѣниковъ непринятымъ теперь топографическимъ терминомъ. Желая нагляднѣе представить себѣ картину, онъ начертилъ на листѣ 4 клѣтки, по которымъ и размѣстилъ 4 группы дѣйствующихъ лицъ [4]). По всей вѣроятности, онъ и самъ участвовалъ въ этой церемоніи, хотя въ программѣ и не назначилъ себѣ роли. Подъ конецъ царь такъ вошелъ въ свою роль хозяина, что временами хозяйственные нужды и интересы вызываютъ его на творческіе опыты, даже и въ такихъ областяхъ, которыя обыкновенно остаются за предѣлами зрѣнія хо-

[1]) Г. А., XXVII, № 524, лл. 26—7.

[2]) Г. А., XXVII, № 347, л. 3.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1092; т. 23, ст. 1319.

[4]) Г. А., XXVII, № 347, л. 4. Напечатано, но неисправно, въ З. Отд. Р. и С. А., стр. 702.

зяина. Онъ можетъ, напр., при устройствѣ мельницы предложить способъ сооруженія плотины: «поговорить с подмастерьемъ, мочно л в плотину класть рядъ слани, рядъ навозу, рядъ кострики, и будет ли крѣпко» [1]). А вотъ принадлежащій ему проектъ въ области кулинарнаго искусства: «Приказать Зоту Полозову (извѣстному намъ завѣдующему Аптекарскимъ Дворомъ), чтоб онъ учинил опытъ: велѣл иссушить рыбы—белугъ и осетровъ и мелкой какой нибудь порознь, сколько доведетца, съ костьми, также и бес костей, и иссуша тоѣ рыбу, истолчи, и истолча просѣят рѣтким ситом или решетом, и ту муку смешать всякую порознь с оржаною, ситною и решотною мукою, а положить рыбной муки в оржаную в-полы, в-треть, в-четверы, а замеся испечь и изкрошить в сухари, и тѣ сухари в каше, в варенье каковы будутъ?» Не увѣренный, однако, въ результатѣ „опыта“, царь прибавляетъ: „а то учинить тайно, а не явно“ [2]).

Конечно, въ описанныхъ формахъ воздѣйствіе государя на хозяйственную жизнь въ предѣлахъ вѣдомства Тайнаго приказа могло проявляться въ очень скромныхъ размѣрахъ и притомъ должно было ограничиваться группой подмосковныхъ владѣній, гдѣ царь бывалъ лично. Постояннымъ и повсемѣстнымъ могло быть только воздѣйствіе посредственное, осуществлявшееся, ближайшимъ образомъ, черезъ тотъ же приказъ. Отсюда слѣдуетъ, что мы можемъ опредѣлить его дѣйствительные размѣры, уяснивъ себѣ формы и степень участія государя въ дѣятельности приказа.

Извѣстно, что Тайный приказъ помѣщался во дворцѣ, что у государя былъ въ приказѣ свой столъ съ особымъ письменнымъ приборомъ. Имѣются указанія, что государь слушалъ въ приказѣ дѣла и давалъ по нимъ свои рѣшенія. Указъ по дѣлу рыбнаго промышленника С. Трофимова формулированъ, напр., въ записныхъ книгахъ слѣд. образомъ: „183-го марта въ 16 д. Великіе государь (т.), слушавъ въ Приказе своихъ государевыхъ Тайныхъ Дѣлъ Яицкого рыбного промыслу промышленника Синбиренина Степана Трофимова выписки и смѣтныхъ росписей за соль, которая дана ему взаймы,... тѣхъ денегъ... имать не велѣлъ“ [3]). Привязанный формально къ Москвѣ, приказъ въ дѣйствительности представляется, однако, подвижнымъ и какъ бы расплывчатымъ.

[1]) Ib., № 357, л. 4.
[2]) Ib., № 525, л 32.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 942; ср. 495.

учрежденіемъ. Уѣзжая изъ Москвы, царь, повидимому, всегда бралъ съ собой въ „походъ“ нѣсколькихъ лицъ изъ приказнаго состава, въ томъ числѣ нерѣдко и самого дьяка Тайныхъ Дѣлъ [1]). Значитъ, въ подобныхъ случаяхъ перемѣщалось самое ядро присутствія; а въ с. Алексѣевскомъ на государевомъ дворѣ, возлѣ государевыхъ хоромъ, находилась, по описи, даже особая „избушка Приказу Тайныхъ Дѣлъ“, устроенная, очевидно, въ расчетѣ на длительное пребываніе пріѣзжихъ обитателей [2]). Во время «походовъ» государь также слушалъ дѣла, и получавшіеся отсюда государевы указы имѣли тотъ же отличительный признакъ, что и указы, выходившіе вообще изъ Тайнаго приказа, именно помѣту: «писанъ въ нашихъ царскихъ полатахъ»; но вмѣсто «царствующаго града Москвы» ставилось уже названіе села, гдѣ указъ былъ данъ, напр., въ с. Воздвиженскомъ, Преображенскомъ и т. п. Если государевъ указъ, требуя немедленнаго исполненія, могъ, по содержащимся въ немъ условіямъ, быть исполненъ только въ Москвѣ, то онъ съ нарочнымъ сообщался въ приказъ и тамъ получалъ окончательную формулировку. Записныя книги не разъ отмѣчаютъ такіе случаи; напр.: «февраля въ 8 день отъ великого государя пріѣхалъ ис походу голова московскихъ стрѣльцовъ Василей Пушечниковъ, а сказалъ, что указалъ великіі государь въ... с. Вашани... быть на приказе Степану Еѳрѣмову сыну Нелединскому“ [3]); или: сентября въ 8 день великіі государь указалъ на Скопине и Романове держать ево государевыхъ лошадей на корму по 700 лошадей, въ Богородицкомъ изготовить лошади ново корму въ годъ на 400 лошадей и конюшни тѣмъ лошадямъ здѣлать... Государевъ указъ о лошадяхъ (переданный, кстати сказать, изъ Тайнаго приказа въ Хлѣбный)... сказалъ подъячей Перѳилей Оловениковъ, присланъ онъ для того съ Воробьева» [4]). Выступающая здѣсь съ полной очевидностью раздѣльность двухъ моментовъ: государева указа (распоряженія) и его формулировки въ приказѣ наблюдается, однако, иногда и при томъ условіи, если государь находится въ Москвѣ. Въ записныхъ и приходо-расходныхъ книгахъ, при изложеніи указовъ, часто отмѣчается: «государевъ указъ сказалъ» такой-то, и за-

[1]) См, напр., Дворц. Разр., т. III, ст. 1126—1131.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 235.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1269.
[4]) Ib., ст. 1351; ср, ib., ст. 1301, 1349, 1488.

тѣмъ удостовѣряется, что сказанный въ приказѣ указъ записанъ подъячимъ, и на основаніи его посланы указъ или государева грамота или память туда-то. Указы, какъ видно изъ тѣхъ же книгъ, «сказывались» разными лицами: дьякомъ Тайныхъ Дѣлъ и подъячими, кѣмъ-нибудь изъ комнатныхъ стольниковъ или особо близкими къ царю лицами, какъ А. С. Матвѣевъ и А. И. Матюшкимъ, иногда — головами Московскихъ стрѣльцовъ В. Пушечниковымъ и Лутохинымъ. Такимъ образомъ, сопоставляя формулы, которыми пользуются записныя книги, съ внѣшними условіями, въ какія поставлена была дѣятельность приказа, можно придти къ выводу, что распорядительная роль въ хозяйственномъ вѣдомствѣ приказа — не формально только, а и фактически—принадлежала государю, который и осуществлялъ ее, то лично присутствуя въ приказѣ, то передавая ему свои распоряженія черезъ посредниковъ, случалось также,— дѣйствуя и помимо приказа, черезъ отдѣльныхъ подъячихъ или самого дьяка. Другія наблюденія, подтверждая, что царь имѣлъ возможность выполнять и дѣйствительно выполнялъ эту роль, позволяютъ разглядѣть въ подробностяхъ, какъ это происходило.

Царь постоянно и хорошо былъ освѣдомленъ относительно положенія дѣлъ въ своемъ хозяйствѣ. Главнымъ источникомъ, откуда онъ получалъ свѣдѣнія, были письменные доклады разныхъ лицъ, какъ принадлежащихъ, такъ, по крайней мѣрѣ, офиціально и не принадлежащихъ къ составу приказа, — прежде всего, конечно, подъячихъ приказа. Эти доклады, по формѣ, значительно отступаютъ отъ обычныхъ въ приказной практикѣ, дьяческихъ докладовъ, и похожи, скорѣе, на частныя письма, какъ они и называются иногда самими авторами: «о твоемъ великого государя жалованье, читаемъ, напр., въ одномъ изъ нихъ, выписки изъ Хлѣбного приказу взяты и посланы къ тебѣ, государю, съ симъ же письмомъ»[1]). Доклады посылаются и изъ Москвы, если государь «въ походѣ», отъ отставшихся въ приказѣ подъячихъ (также, конечно, и дьяка, если онъ не сопровождалъ государя), и въ Москву — отъ тѣхъ лицъ, которыя на мѣстахъ исполняли спеціальныя порученія по хозяйственной части. Уѣзжая изъ Москвы, государь, повидимому, требовалъ, чтобы ему систематически сообщали изъ приказа о текущихъ хозяйственныхъ дѣлахъ: «А о иныхъ твоихъ великого государя

[1]) Г. А., XXVII, № 524, лл. 7, 30.

дѣлехъ, заканчиваетъ свое обширное донесеніе одинъ изъ докладчиковъ, учну я, холопъ твой, писать къ тебѣ, великому государю, впред»[1]). Въ докладѣ чаще всего дается отчетъ о дѣйствіяхъ самого приказа въ кругу его постоянныхъ обязанностей, напр.: «по твоему великого государя прежнему указу сторговано у Ѳилки Аноѳреева (постоянный поставщикъ приказа) въ Косткино лѣсу хоромного», и дальше идетъ подробный перечень купленныхъ деревъ разныхъ категорій, съ точнымъ обозначеніемъ цѣны и размѣровъ[2]); или: «с Ѳедором Силиным (подрядчикъ приказа) о солі говорено, и онъ сказал, что о том он с старостами поговорит,... а о том учинит вѣдомост»; а изъ другого письма узнаемъ, что Ѳ. Силинъ дѣйствительно представилъ подробно разработанный проектъ одного коммерческаго предпріятія[3]). Въ той же формѣ государю сообщаютъ изъ приказа о рѣшеніяхъ боярской думы по вопросамъ, затрагивающимъ хозяйственные интересы вѣдомства; напр.: «по твоему великого государя указу ис Приказу Болшие Казны выписки о Никитниковыхъ животахъ и промыслахъ (соляныхъ варницахъ) бояря слушалі и приговорили». . «А животы, государь, которым тебѣ, великому государю поднесъ роспись твой государевъ духовникъ, приговорилі"...,—излагаются боярскіе приговоры, согласно которымъ «животы» въ обоихъ случаяхъ «взяты на великого государя»[4]). Изъ приказа посылаются также извѣстія о мѣстныхъ дѣлахъ или отчеты о порученіяхъ, составлявшіеся иногда тутъ же со словъ лицъ, которымъ давались порученія; упоминавшійся, напр., выше докладъ Симбирскаго воеводы кн. Дашкова начинается словами: «172-го іюня въ 8 д. князь Иванъ Дашковъ сказалъ»[5])... Иногда кто-нибудъ изъ состава администраціи пишетъ царю по даннымъ личнаго разслѣдованія на мѣстѣ. Вотъ, напр., отчетъ (вѣроятно, подъячаго), о поѣздкѣ въ Измайлово въ цѣляхъ выясненія плана нѣкоторыхъ строительныхъ работъ: «Юрья ж (извѣстный намъ Ю. Лутохинъ) и я, холопъ твой, в село Измайлово для осмотру мѣста, гдѣ пристойно быть на острову часамъ, і какъ по мѣре оградная стена и уступъ от пруда, и меж тѣхъ стѣнъ на сад оставить мѣста, и гдѣ

---

[1]) Г. А., XXVII, № 357, л. 28.
[2]) Ib., л. 41.
[3]) Ib., № 524, л. 64.
[4]) Ib., № 357, л. 24—5.
[5]) Ib., № 223, л. 1. См. выше, стр. 23—4.

быть анбарамъ, въ которые класть угорскіе (?) лесные запасы, и под тутовыхъ садовъ на истоке, и быть пруду в сколько саженяхъ уступя от лебедевскаго пруда, дѣлать плотину і какова мѣрою будет, и глины б на черепицу и на кирпичное дѣло осмотрить впредь для заводов, гдѣ пристойно,—ѣздили и осматривали вчера в 27-м числѣ»[1]). Нерѣдко при письмахъ представлялись чертежи, проекты, росписи. Авторъ только что приведеннаго доклада обѣщаетъ прислать государю «всему досмотръ на писмѣ и чертежи»; или другой, повидимому—дьякъ Тайныхъ Дѣлъ, извѣщаетъ: «сего, государь, 23 числа к тебѣ, великому государю, послано с подъячимъ з Герасимом Протасовымъ 3 росписи досмотру садамъ Коломенскому и инымъ: Пахринскому, да Лопатинскому, Сокольскому, да Котельниковскому; чертежи Алексѣевскимъ хоромамъ (т. е. строившимся въ с. Алексѣевскомъ) да 2 росписи: олна—мѣра хоромам, а другая,—сколько какова лѣсу на тѣ хоромы надобно; чертеж ис писцовых и с межевыхъ книг; списки селу Степановскому; 3 чертежа да 2 росписи досмотру пустошамъ села Дмитровского; да списокъ с писцовыхъ книгъ 15 пустошамъ с пол-пустошью, которые по твоему великого государя указу взяты къ тому селу у Звенигородского протопопа во 175 году»[2]). И государь несомнѣнно, читалъ или слушалъ всѣ эти, направлявшіяся къ нему, бумаги, какимъ бы стилемъ онѣ ни были написаны. Объ этомъ говорятъ дѣлавшіяся имъ собственноручно на поляхъ замѣтки и резолюціи. Такъ, на докладѣ, касающемся ряда хозяйственныхъ вопросовъ, противъ статьи о бѣглыхъ крестьянахъ с. Измайлова онъ помѣтилъ: «дать дворянина добра и сыскивать»; противъ проекта объ устройствѣ скотнаго двора — «добро», и тутъ же распоряженіе—«лѣсъ готовить»; противъ жалобы докладчика на Приказъ Большого Дворца, отказывавшій въ выдачѣ бѣглыхъ Измайловскихъ крестьянъ — «имать і ѣхать ему (т. е. докладчику) выбирать с Семеномъ (вѣроятно, С. Нестеровымъ, начальникомъ Хлѣбнаго приказа)“[3]). Точно также замѣтки государевой руки остались на нѣкоторыхъ рос-

---

[1]) Г. А., XXVII, № 524, лл. 26—7.

[2]) Ib., № 357, л. 42.

[3]) Ib., № 524, л. 12—16; напечатано въ З. О. Р. и С. А., но безъ царскихъ помѣтъ; стр. 387—390.

писяхъ продуктовъ (квасовъ и вина), предназначавшихся къ «росходу» въ государевыхъ селахъ [1])

Докладъ въ формѣ письма чаще всего бывалъ отвѣтомъ на государевъ указъ, посланный изъ «похода» ли въ приказъ, или черезъ приказъ въ одинъ изъ пунктовъ вѣдомства. Эти указы, записывавшіеся обыкновенно подъячими со словъ государя, иногда имѣли значеніе памятныхъ замѣтокъ: «великіі государь указалъ записать, значится, напр., въ одной такой замѣткѣ, чтоб на веснѣ тутового саду прибавить на лебедевскую сторону (Лебедевская плотина въ Измайловѣ) и о томъ доложить себя, государя, какъ изволитъ притти къ Москве» [2]). Гораздо чаще, однако, они сразу же направлялись въ приказъ къ немедленному исполненію, и въ этомъ своемъ видѣ называются такъ-же, какъ и доклады подъячихъ, письмами. «Зоту Полозову писмо, которое прислано отъ тебя, государя, доносили изъ приказа, отдано" [3]), или внизу другого документа: «таково писмо отдано» такому-то [4]). Вотъ, въ качествѣ образчика, нѣсколько статей изъ одного «письма»:

«Сокольникомъ роздать будетъ нужно: 200 четі ржи, и только скудно на потѣшномъ дворѣ, взять изъ Домодѣдова; овса и достальной ржи ждать до воды (т. е. изъ областей, подвѣдомственныхъ Хлѣбному приказу), а ныне б для лошадей купить..., хотя небольшое; провѣдать о цѣнѣ.

Сварить приказных 6 пив, і в том числе 3 пива, чтоб стоят в год, а три пива держать; а будет то издержитца, і в то число сварить, а годовых не держать; росхожих 10, солоду 43 четі. *У меня.*

8 пуд хмелю, чтоб Юрья (очевидно, Лутохинъ) приказал ныне ж промыслить в Юрьевских селех.

На квас солоду молотова: 100 четі ржанова, 100 четі ячного. От меня.

О грешневых крупах в Хлѣбном приказе, и провѣдат по чему чет купят.

О снятках справитца, по чему купят ныне кул и іс куля по чему будет.

2 т. куль уголья от меня нанят солью.

---

[1]) Г. А., XXVII, №№ 319 и 350.
[2]) Ib., № 526, л. 20.
[3]) Ib., № 357, л. 31.
[4]) Ib., № 357, л. 20.

50 пуд желѣза от меня.

Гвозди от меня».

Въ томъ же письмѣ — статьи иного содержанія, писанныя уже другой рукой:

«О выгоне животинномъ, какъ гонятъ и для чево худы, не жирны.

О прутовщинахъ: оставить.

О анбарѣ: нанять тотчасъ.

О лугу, что возле их берегу изливается: засыпать.

Работником 210 рублев.

Сѣно ис Княжчина розделить на 4: 2 стога на коровей двор и перевесть велѣть, 2 стога на конюшенной двор, стог в Семеновское, стог тут оставить (зачеркнуто).

Соломы какъ-нибудь подрядомъ привесть 2 т. возов из Кудрявцева, да из Домодѣдова.

Сѣна купить или с-Ываномъ поговоря, что останетца в Домодѣдове за росходы, і за остатком возов 1 т. привесть подрядом» [1]).

Личная форма изложенія, сказывающаяся въ словахъ: «от меня», ясно указываетъ, что документъ былъ писанъ подъ диктовку царя, а добавленное въ одномъ мѣстѣ рукой царя «у меня» (см. курсивъ) и зачеркнутыя тѣми же чернилами статьи о сѣнѣ заставляютъ думать, что написанное со словъ потомъ прочитывалось или провѣрялось царемъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ статей своимъ содержаніемъ даютъ понять, что царь, дѣлая распоряженіе, имѣлъ въ виду опредѣленные вопросы, съ которыми къ нему обращались ранѣе. Примѣры подобныхъ обращеній также встрѣчаются въ этой своеобразной перепискѣ. Изъ приказа, согласно заявленію дьяка Купецкой Палаты, игравшаго иногда роль комиссіонера при Тайномъ приказѣ, доводятъ до свѣдѣнія государя, что въ с. Алексѣевское «многажды» пріѣзжали покупатели торговать государевыхъ быковъ, но больше 5 руб. «за юѳть» (за пару) не давали, и въ заключеніе спрашиваютъ: «и о том, государь, какъ укажеш?“ [2]) Иногда своимъ распоряженіемъ царь хочетъ исправить какое-нибудь опущеніе въ хозяйствѣ, можетъ быть, замѣченное имъ лично; такъ, по-видимому, его личными наблюденіями вызвана слѣд. статья въ

[1]) Г. А., XXVII, № 532, лл. 146—8.

[2]) Ib., № 624, л. 27.

одномъ изъ «писемъ»: «В Хорошево послат Дениса Саблукова и велѣть осмотрѣть под селом Крылацким луг, для чего не весь покошенъ и лошади на том лугу пасут, и достальное покосить, и сколко чаять копекъ будетъ» [1]). Нѣкоторыя изъ распоряженій царя носятъ, какъ бы сказать, учредительный характеръ. Такова, напр., роспись всему необходимому къ «пашенному заводу», собственноручно написанная царемъ и имъ же озаглавленная: «приказъ Ѳедору Елизарову» (первый по времени, завѣдующій Хлѣбнымъ приказомъ): Здѣсь точно обозначено, сколько «учинить» пашни на Дѣдиловѣ, Скопинѣ, Романовѣ и Домодѣдовѣ, сколько человѣкъ «дѣловцовъ» надо имѣть въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ, сколько должно быть изготовлено на Тульскомъ заводѣ и разослано земледѣльческихъ орудій—сошниковъ, плуговъ, косулей, топоровъ [2]). Эта роспись легла въ основу изданнаго потомъ за приписью «дьяка въ государеве имени» и извѣстнаго уже намъ указа [3]). Въ тѣхъ же формахъ царь слѣдитъ и за исполненіемъ своихъ распоряженій. Иногда его «письма» состоятъ, главнымъ образомъ, изъ вопросовъ, имѣющихъ такой именно смыслъ. Вотъ одинъ изъ подобныхъ документовъ, интересный еще тѣмъ, что адресатомъ тутъ же, подъ нѣкоторыми царскими вопросами, подписаны и отвѣты, — вѣроятно, потому, что требовались немедленно:

„Из Либериц бревна к хоромному дѣлу почали ль возить?— Не возят, и тот лѣс к хоромному дѣлу не годитца, а провоз просят по 10 а. з бревна.

Желѣза з заводу Гараска (Протасовъ, подъячій Т. П.) сколко пуд вчера или сегодня привезъ?—Желѣза вчера и ныне не бывало, а привезено въ субботу 111 пуд, и то желѣзо на скобы изошло все». Нѣкоторые вопросы оставлены безъ отвѣта, напр.: „У Власа (Лабутина, прикащика с. Алексѣевскаго) спросить, за быки всѣ ль денги онъ взял; будет не всѣ,—зачѣм, и достальные скоро ль возмет?“ [4]). Мы знаемъ, что о цѣнѣ на быковъ у государя была уже переписка: очевидно, приказъ получилъ отъ него опредѣленныя указанія, и теперь шла провѣрка исполнительности прикащика.

Конечно, государю писали не всегда и не о всемъ. Рядомъ

[1]) Г. А., XXVII, № 524, л. 20.
[2]) Ib., № Б, л. 3.
[3]) См. выше стр. 16—17.
[4]) Г. А., XXVII, № 526, л. 28.

съ письменными донесеніями, обычнымъ явленіемъ были и устные доклады, причемъ правомъ такого доклада пользовались не только дьякъ и подъячіе, а и нѣкоторыя другія лица, по ихъ значенію въ администраціи царскаго хозяйства. Этимъ способомъ, между прочимъ, доводились до свѣдѣнія государя сообщенія, поступавшія въ приказъ путемъ неофиціальной переписки служащихъ приказа съ ихъ ли коллегами, командированными по хозяйственнымъ дѣламъ, или и съ сторонними людьми. Занятый хозяйственными дѣлами въ с. Хорошевѣ, дьякъ Тайныхъ Дѣлъ распорядился, согласно государеву указу, отослать изъ с. Алексѣевскаго 50 лошадей „подъ стрѣльцовъ“; но тамъ осталось еще нѣсколько лошадей, и онъ, сообщая объ этомъ письмомъ подъячему Кудрявцеву, въ затрудненіи пишетъ: „а о достальныхъ (лошадяхъ)... извѣсти великому государю, куда ихъ укажетъ отдать?“ [1]). Доклады дѣлаются устно и представителями мѣстной администраціи, когда тѣ пріѣзжаютъ въ Москву,— можетъ быть, по спеціальному вызову. Въ верху у государя бываютъ, какъ говорилось выше, извѣстные намъ стрѣлецкіе головы В. Пушечниковъ и Ю. Лутохинъ; а однажды царь даже велѣлъ записать, въ качествѣ замѣтки для памяти, о своемъ желаніи бесѣдовать съ первымъ изъ нихъ: «после обѣда в Золотой или въ Оружейной полате роспросить Василья Пушечникова про дворцовые села» [2]). Свобода обращенія къ государю съ устными докладами въ Тайномъ приказѣ извѣстна и на сторонѣ, и лицамъ, имѣющимъ доступъ туда, приходится иной разъ, по просьбѣ своихъ знакомыхъ, брать на себя роль посредниковъ въ ихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ государемъ по хозяйственнымъ порученіямъ. Архангельскій воевода д. дв. А. Нестеровъ извѣщаетъ государя въ официальной отпискѣ, что онъ купилъ у Архангельского города „Фряскихъ винъ, церковного, романеи, ренского, олкану, лимоновъ“, на государевъ обиходъ и послалъ все къ Москвѣ, съ приложеніемъ счета покупкамъ; но въ то же время, онъ находитъ необходимымъ содѣйствіе знакомаго намъ сокольника Зота Полозова, а потому направляетъ предварительно къ нему „тайно“ и отписку свою къ государю и „питья“, прося его: „пожалуй, пріятель мой государь, извѣсти о томъ о всемъ великому государю..; а о денгахъ моихъ, что я за тѣ питья далъ

[1]) Г. А., XXVII, № 525, л. 3 об.
[2]) Ib., № 357, л. 20.

ЛЕН ГОС УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧ БИБЛИОТЕКА

своихъ денегъ, пожалуй доложи великого государя". Видно, что проситель считаетъ эту услугу важной: „пожалуй, пріятель мой государь, заканчиваетъ онъ свое письмо, не забуди меня въ милости своей" [1]). Въ форму письменныхъ докладовъ, обыкновенно чрезвычайно тщательно переписывавшихся, всегда, можно думать, облекались общіе годовые отчеты по хозяйству. Изъ нихъ одинъ, за 183-й годъ, сохранился полностью. Сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія относятся къ подмосковнымъ владѣніямъ, которыя сгруппированы здѣсь по административному дѣленію, такъ что для каждой группы даются общія цифры. Въ отчетѣ обозначены: количество пашни, высѣяннаго хлѣба, „укоснаго" сѣна, число рабочихъ, размѣры ихъ платы и расходовъ по содержанію; противъ группы, на полѣ, названъ прикащикъ [2]). Среди хозяйственныхъ документовъ имѣется еще сводная вѣдомость въ формѣ книги, объ урожаѣ и „остаточномъ хлѣбѣ", также за 183-й годъ, но уже по всѣмъ владѣніямъ, подвѣдомственнымъ и Тайному и Хлѣбному приказамъ [3]); однако, вѣдомость — черновая, и можно только предполагать, что она послужила основой для доклада соотвѣтствующаго содержанія. Въ той же формѣ осуществлялась отчетность по денежному хозяйству. Изъ приходо-расходныхъ книгъ приказа видно, что изъ средствъ приказа постоянно производились выдачи, мелкія и крупныя, на хозяйственныя нужды государевыхъ селъ, и по болѣе крупнымъ докладывались государю подробно составленныя смѣты. Объ этихъ докладахъ даетъ понятіе слѣдующій, напр., документъ, оказавшійся въ расходныхъ столбцахъ: „Доложить великого государя (т): надобно на ево государевъ Потѣшный Дворъ въ Семеновское, на росплату долговъ, денегъ: мясникомъ за мяса говяжьи, за 111 задовъ, по 12 алтынъ по 2 денги задъ, итого 42 рубли 30 а. 4 д.; мясо имано генваря съ 1-го числа ѳевраля по 15-го число; живодеру за 120 задовъ мясищъ, по 4 алтына задъ, итого 14 рублев 13 а. 2 д...; свѣшникомъ за 2000 свѣчь сальныхъ 4 рубли. Всего отдать долгу 65 рублевъ 24 алтына. Да впредь надобно на покупки денегъ, ѳевраля съ 15-го числа по 19 число, на 63 дня, по Свѣтлое Христово Воскресенье, пѣтицамъ на кормъ, на 189 задовъ говяжьихъ 69 рублевъ 31 ал-

[1]) Доп. къ А. И., т. VI, № 18, I—V.
[2]) Г. А., XXVII, № 532, лл. 54—75.
[3]) Г. А., XXVII. № 213.

тынъ, въ день исходитъ по 3 зада, ценою купятъ по 12 а. по 2 д. задъ... Всего надобно впредь на покупки 104 рубли. 30 а. 2 д. А з домовыми надобно денегъ 170 рублевъ 21 алтынъ“ [1]). Точно также подробная смѣта представлялась государю, разъ въ приказѣ возникало предположеніе объ организаціи какого-нибудь хозяйственнаго предпріятія, напр., кожевеннаго завода [2]), будныхъ становъ [3]) и т. п.

Входя такъ близко и дѣятельно въ управленіе своимъ хозяйствомъ, царь вмѣстѣ съ тѣмъ охотно прислушивается къ голосу опытныхъ людей. Въ „письмахъ“ называется рядъ лицъ, мнѣнія которыхъ, по тому или другому предмету, онъ спрашиваетъ или усмотрѣнію которыхъ онъ предоставляетъ рѣшеніе какого-нибудь вопроса. Таковъ Устинъ Зеленый, прикащикъ с. Измайлова; по его адресу читаемъ напр.: „поговорить с Устином Зеленым, чтоб он вѣдал, что в Измайлове быть дворамъ... С ним ж поговорить, к винокуренному заводу на 5 винокуренъ сколько сажен дров надобно, и гдѣ ему тѣ дрова имать будетъ, и подрятчики возмут по чему поставит саженъ, і не лутче ли гонят с верховья для того, чтоб по володимерке и по стромынке лесов не вывесть и на Москвѣ дровам цены не поднят?“ [4]). Нерѣдко встрѣчаемъ, въ качествѣ совѣтника и сотрудника государя по хозяйственному управленію А. С. Матвѣева. Письмомъ въ приказъ царь требуетъ, напр., „поговорить съ Артемономъ Сергѣевичемъ Измайловского острова о почвѣ и о бутовомъ камени, и отписать к великому государю і роспись послат в поход.“ [5]); въ донесеніяхъ изъ приказа читаемъ иногда и отвѣты Матвѣева, передаваемые подъячимъ: „каменье, которое взято из Воскерсенского монастыря, окольничей Артемон Сергѣевич говорил, что доведетца отдать в тотъ монастырь по прежнему для тово, что оно предано церкви, и свѧтѣйшие патріархи на строенье того монастыря пороку никаково не положилі, и вотчины к нему дать приговорилі. А тово каменья для досмотра к нему не ношено для тово, что... Артемонъ Сергѣевичъ сказал, что ево и смотр (ѣть нечего?).., отдать откуда взято. О имени селу Алексѣевскому

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 254.
[2]) Г. А., XXVII, № 506.
[3]) Ib., № 504.
[4]) Ib., № 526, лл. 19—20.
[5]) Ib.

говорено, і онъ хотѣлъ прииск(авъ) прислат к тебѣ, великому государю, въ походъ тотчас“ [1]). Изъ приказа сообщаютъ царю отзывы и другого его „пріятеля“, А. И. Матюшкина; напр.: „по твоему великого государя указу Аѳанасью Ивановичу говорено, и он сказал, что о недосыльныхъ работных людех из Городецкой волости Семену Нестерову онъ говорил, а нынешним де работным людем, которые ныне идут на стругахъ с лѣсом, въ другой раз ітить не мочно для того, что изнуждались, и ныне де с стругов беспрестанно бѣгают, а впредь и достальныхъ на стругах не удержать“ [2]). Къ хозяйственнымъ же дѣламъ по временамъ привлекается царемъ дьякъ Стрѣлецкаго приказа Ларіонъ Ивановъ: „Ларіона Иванова спросить, наказываетъ, напр., царь, на свои ест ли подрятчики, и почему просят, и скоро ли поставят?“ [3]) Другой дьякъ—разрядной—Г. Дохтуровъ выступаетъ иногда консультантомъ государя по юридическимъ вопросамъ, возникающимъ въ связи съ хозяйственными операціями Тайнаго приказа. Когда нѣкоторымъ помѣщикамъ, тулянамъ и епифановцамъ, за взятыя у нихъ къ Богородицкому помѣстья предположено было дать землю въ Епифановскомъ и Данковскомъ уѣздахъ, государь хотѣлъ знать мнѣніе Дохтурова, не будетъ ли такой способъ компенсаціи нарушеніемъ закона, и былъ „письмомъ“ увѣдомленъ объ успокоительномъ отвѣтѣ дьяка: „о епифановцахъ Герасиму Дохтурову говорено, и он сказал, что въ Епифанскомъ і въ Донковскомъ уѣздех земель давать не велено московскихъ чиновъ людем, а тѣм де дѣтемъ боярскимъ вмѣсто взятой ихъ земли дат доведетца і во образец то не будет“ [4]).

Изъ всѣхъ этихъ наблюденій видно, насколько въ повседневной практикѣ приказа, по требованію самой, осуществлявшейся царемъ, роли фактическаго руководителя хозяйства, упрощались установленныя офиціальной традиціей формы сношеній учрежденія съ носителемъ верховной власти. Получающаяся отсюда картина отношеній дополняется еще однимъ набдюденіемъ: царь не только направляетъ, путемъ личныхъ распоряженій, хозяйственно-административную дѣятельность приказа, но съ такой же непосредственностью проявляетъ иногда участіе и въ спеціально-

[1]) Г. А., XXVII, № 257, лл. 26—7.
[2]) Ib., № 524, л. 66.
[3]) Ib., № 526, лл. 17—18.
[4]) Ib., № 537, лл. 28—29.

приказной работѣ. Описи не разъ отмѣчаютъ въ актахъ, исходящихъ изъ приказа, то „приписки государевой руки“, напр., въ „статьяхъ“, по которымъ «отписывались» села Лысково и Мурашкино [1]), то „черненье государевой руки“, т. е редактированье акта,—напр., въ „статьяхъ“ головѣ В. Пушечникову о сѣнныхъ покосахъ [2]). Наиболѣе характеренъ въ этомъ отношеніи упоминавшійся ранѣе черновой наказъ Ѳ. Елизарову и Н. Насонову по поводу ихъ командировки въ Скопинъ и Романовъ. Наказъ состоитъ изъ 21 статьи, и писанъ тремя почерками—самого царя (2—11 ст., часть 15-й, 17, 18 и часть 19-й, 20 и часть 21-й), дьяка Д. Башмакова (8—9 ст.) и одного изъ подъячихъ приказа (остальныя статьи). Какъ видно изъ распредѣленія статей, это—коллективное прозведеніе, и писалось тремя авторами совмѣстно—какъ будто такъ, что когда переставалъ одинъ, его смѣнялъ другой, а самая форма изложенія вырабатывалась сообща, усиліями всей коллегіи. Интересно также, что написанное царемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ исправлено рукой подъячаго,—очевидно, со словъ царя, можетъ быть, при вторичномъ, тоже совмѣстномъ, чтеніи документа [3]). Въ другихъ случаяхъ царь предоставлялъ записывать одному подъячему, и участвовалъ только въ формулировкѣ содержанія. Такъ, извѣстный

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 26.

[2]) Ib., ст., 176; ср. ст. 25, 251, 593, 706.

[3]) Въ изданіи Ламанскаго (Зап. От. р. и с. а., т. 2, ст. 781) 8 и 9-я статьи, писанныя Д. Башмаковымъ, опущены по той причинѣ, что „чрезвычайно неразборчивы“. Въ виду исключительнаго интереса документа привожу эти статьи:

8-я. «А о поляхъ сказат, которые поля по его, великого государя, указу взяты у нихъ ныне на время под его, великого государя, пашню, и ис тѣх поль, какъ аж дастъ Бог, сняв ныне жатву и спрятав тот хлѣб, велѣт воеводамъ тѣ поля отдат им тотчас, не описываяс, и владѣт им по прежнему.

9-я. На Немировскомъ Скопина полѣ по его, великого государя, указу учинит 8 десятин пашня, а поля бы всѣ учинит от ихъ (скопинскихъ) пашень особо, въ которых мѣстех пристойно, кромѣ ихъ поль, гдѣ их пашни нынѣ учинены.

А что скопинцы бьютъ челом о селидбе на Немировскомъ поле, и им о томъ учинит по рассмотрѣнью, и селитца им велѣт от семей, будетъ, за указнымъ числомъ 8 десятин пашня, земля, и от них в той 8 дес. пашне прибыль будет, а того беречь накрепко, чтоб прежние жеребьи не запустѣли.

А на Романове... приискав угодные и приволные мѣста под... і учинить пашню против тово ж, как и на Скопинѣ.

намъ наказъ (въ черновикѣ) о „досмотрѣ“ Юрьевскихъ селъ и волостей—Славецкой, Колдомской и Кимрской не носитъ никакихъ слѣдовъ государевой руки; но по характерному стилю нѣкоторыхъ статей безошибочно угадывается ихъ высокій источникъ; таковы, хотя бы, послѣдняя статья и заключеніе: „А про переведенцовъ (крестьянъ, переведенныхъ изъ Колдомской волости въ подмосковныя села), пашенныхъ и мастеровыхъ людей, розвѣдать подлинно, чтоб в тѣх людехъ воров никаких отнюдь не было, а ведунов и шептунов и имяни бы ихъ не именовалось. По сей росписи за Божиею помощию со всякимъ усердием потружатца“ [1]). Во время «походовъ» участіе царя в дѣлопроизводствѣ приказа становилось невозможнымъ, и онъ тогда въ «письмѣ» подробно формулируетъ иной разъ тѣ пункты, которымъ придавалъ особенно важное значеніе: «Ему ж (Семену Нестерову), читаемъ, напр., написать в наказ: какъ поѣдетъ на низъ, чтоб он в арзамаском или в олатарскомъ уѣзде осмотрил порозжих земель и угожих мѣст, гдѣ б завесть десятинную пашню вмѣсто той, за которую взяты будутъ денги 13 тыс. руб., а тово смотрить накрѣпко, чтоб в тѣх землях тесноты крестьяном нигдѣ б не было, и от них не по близку; а на ту пашню свесть и поселить из Городца семей 400 или болши» [2]).

Докладами подчиненныхъ агентовъ, опиравшихся всегда на соотвѣтствующіе государевы указы, и отвѣтными распоряженіями государя, предполагавшими новые доклады объ исполненіи, создавалась въ дѣйствіяхъ административнаго механизма опредѣленная послѣдовательность, въ которой участіе государя являлось необходимымъ моментомъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ извѣстныя дѣйствія, повторяясь, становились привычными и все меньше требовали иниціативы, часть работы, приходившаяся до того на долю государя, перелагалась на исполнительные органы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ хозяйственнаго управленія, напр., въ расходованіи запасовъ, распредѣленіи рабочихъ и т. п., и въ этомъ случаѣ самостоятельности подчиненныхъ агентовъ ставились границы только уже въ спеціальныхъ «именныхъ» указахъ [3]). Зато усиленный спросъ на вниманіе царя предъявляется съ другой стороны, — если въ то же

[1]) Г. А., XXVII, № 526, лл. 5—6.
[2]) Ib., л. 23.
[3]) Напр., Р. И. Б., т. 21, ст. 1147, 1590, 1627.

время въ кругъ хозяйственной дѣятельности приказа вводится какая-нибудь новая отрасль хозяйства или передъ нимъ открываются какія-нибудь новыя задачи. Такъ, кажется, было въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, когда активная роль царя въ области сельскаго хозяйства замѣтно ослабѣваетъ, судя по крайней мѣрѣ по содержанію записныхъ книгъ, и яснѣе начинаетъ сказываться въ области промышленныхъ предпріятій. Съ другой стороны, въ силу того же центральнаго значенія личной роли государя, Тайный приказъ полнотой компетенціи, въ предѣлахъ своего хозяйственнаго вѣдомства, обладалъ, очевидно, только въ моменты, когда государь находился въ Москвѣ, превращаясь на время его отсутствія въ простую канцелярію или, можетъ быть лучше, въ контору царя по хозяйственнымъ дѣламъ. Но теряя, такимъ образомъ, въ самостоятельности, приказъ по той же тѣсной связи своей съ государемъ, много выигрывалъ въ авторитетности: каждое его дѣйствіе, близкимъ или дальнимъ путемъ, приводилось къ конкретно выраженной волѣ государя, и подъячіе были потому совершенно точны въ своей терминологіи, когда въ записныхъ или приходо-расходныхъ книгахъ почти каждое распоряженіе по хозяйству записывали подъ формулой: «великій государь указалъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа главное значеніе, какъ по размѣрамъ затрачиваемыхъ средствъ, такъ и по положительной роли въ общемъ оборотѣ, принадлежало сельскому хозяйству въ его различныхъ отрасляхъ. Самый подборъ владѣній вѣдомства опредѣлялся, какъ указывалось ранѣе, расчетомъ, чтобы «мочно было завести десятинную пашню большую»; и пашня, дѣйствительно, заводилась большая. По довольно точному подсчету, къ 1675-му году въ предѣлахъ всей, подвѣдомственной Тайному приказу, территоріи распахивалось на великаго государя свыше 5800 десятинъ въ полѣ (около 18 т. дес. въ трехъ поляхъ) [1]), и на этой цифрѣ, безъ сомнѣнія, не имѣли въ виду остановиться: только въ Скопинѣ и Романовѣ, напр., предполагалось, въ каждомъ, пахать по 3000 д. въ полѣ [2]). Съ другой стороны, въ стремленіи къ расширенію пашеннаго хозяйства

---

[1]) По документамъ устанавливаются, въ частности, слѣдующія цифры (беру ржаное поле): въ Терюшевской волости—500 д., въ Арзамасскомъ уѣздѣ—400 д.; въ с. Борку и Красной слободѣ—56 д., въ Богородицкомъ — 414 д., въ Дехтяномъ—25 д., въ Кирѣевскомъ—45 д., въ Соли Малой 25 д., въ Скопинѣ—1000 д.; это—въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа; Г. А., XXVII, № 213, уп. сводная вѣдомость; во всѣхъ подмосковныхъ селахъ, по упоминавшейся раньше бѣловой вѣдомости, 184-го г. 1775 д. Г. А., № 532, XXVII, л. 72. Послѣдняя цифра не совпадаетъ съ показаніями сводной книги,—отдаю предпочтеніе вѣдомости, такъ какъ первый документъ—черновикъ. Въ сводной вѣдомости не достаетъ (вырвано) данныхъ для нѣкоторыхъ мѣстностей, изъ болѣе крупныхъ — для Романова, Лыскова и Мурашкина. Но Романовъ всегда ставили въ одинаковыя условія со Скопинымъ; вѣроятно и пашни въ немъ было только же, т. е. около 1000 д.; въ Мурашкинѣ, по отчету воеводы, въ 1665 г. пахалось 320 д. Г. А. № 213, л. 93; приблизительно столько же, вѣроятно, было и въ Лысковѣ.

[2]) Г. А., XXVII, № 399, л. 5.

не пренебрегали возможностью, при наличности собственныхъ земель, использовать «угожія мѣста», бывшія въ чужомъ владѣніи; въ 173 году, напр., государь указалъ въ «новоотписныхъ» селахъ Кабанскомъ и Резанцовѣ „церковныя земли пахать и сенные покосы косить на него, великаго государя», а «тѣхъ церквей попомъ съ причетники вмѣсто той земли учинена руга» [1]); и еще примѣръ: въ 177-мъ году велѣно было, по памяти изъ Тайнаго приказа, сложить съ Рюминскихъ крестьянъ „оброчныя деньги, что платили они въ Приказъ Болшого Дрорца, съ оброчныхъ съ 35 пустошей», — проще говоря, отобрать пустоши у крестьянъ, и «тѣ пустоши косить на великаго государя ис Приказу ево государевыхъ Тайныхъ Дѣлъ» [2]).

Во многихъ мѣстахъ хозяйство заводилось совсѣмъ или почти совсѣмъ заново и нерѣдко при значительныхъ затрудненіяхъ со стороны и естественныхъ условій, и рабочихъ средствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось поднимать «порозжую землю», какъ, напр., въ Арзамасскомъ уѣздѣ, или «дикое поле», какъ въ Богородицкомъ; въ другихъ—расчищать подъ пашню и въ особенности подъ сѣнные покосы лѣсъ, что видимъ въ подмосковныхъ селахъ (Измайловѣ, Шильбутовѣ, Глинковѣ), гдѣ на эти работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ затрачивались довольно крупныя суммы (напр., въ 174 г. — около 600 р., въ 177 г.—около 900 р., въ 178 г.—около 600 р.) [3]). Въ то же время въ разныхъ мѣстахъ, въ цѣляхъ обезпеченія хозяйства рабочими руками, приходилось прибѣгать къ искусственному заселенію, путемъ насильственнаго переселенія крестьянъ. Задача осложнялась еще тѣмъ, что различныя подвѣдомственныя Тайному приказу владѣнія, разбросанныя по 20 уѣздамъ, находились въ условіяхъ неодинаковой географической, а отчасти и соціальной обстановки, и эти различія дѣлали необходимымъ разнообразіе пріемовъ хозяйственной эксплоатаціи, замѣтно выступающее, въ общихъ чертахъ, при сравненіи подмосковныхъ селъ, состоявшихъ въ непосредственномъ завѣдываніи Тайнаго приказа, и южныхъ мѣстностей, управлявшихся черезъ Хлѣбный приказъ.

Государеву пашню старательно отдѣляли отъ крестьянской:

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 230—231; ср. также 21 т. 1068—9.
[2]) Ib., т. 21, ст. 1444.
[3]) Ib., т. 23, ст. 755, 762, 763, 774, 775, 782, 792.

«а поля бы всѣ учинить отъ скопинскихъ пашень особо», или «завесть десятинную пашню» отъ крестьянской «не по блиску»,— предписывали «накрѣпко» наказы. Это требованіе приводило къ тому, что, въ случаѣ, если встрѣчали помѣху округленію въ крестьянскихъ хозяйствахъ, то распаханныя крестьянскія земли вводили въ составъ десятинной пашни и даже готовы были сносить при этомъ цѣлыя деревни. Получивъ однажды распоряженіе государя — «съѣздить въ Балабаново и осмотрѣть всего, гдѣ что пристойно здѣлать»[1]), изъ приказа докладывали въ отвѣтъ, что въ Балабановѣ «впредь десятинные пашни доведетца прибавить», такъ какъ «то сельцо Балабаново, и деревни и пустоши на скатистыхъ мѣстахъ, пашнею и сенными покосы и лесами угодны и хлѣбородны», и потому предлагали: «а деревня Нагуша, въ ней 3 двора, да деревня Анисимовка, въ ней 4 двора, доведетца снесть—для того, что тѣ обѣ деревни будутъ въ десятинной пашне»[2]). Бывали случаи, что на такую экспропріацію населеніе отвѣчало челобитьями, а иногда—„гилемъ“, и тогда приходилось уступать: «а о поляхъ сказать, наказывалъ государь на Скопинъ, гдѣ какъ разъ поднялся шумъ изъ-за переведеннаго въ десятинную пашню „Немировскаго поля“,— которые поля по ево великаго государя указу взяты у нихъ ныне на время подъ ево, великаго государя, пашню, и ис тѣхъ поль, какъ ож даст Бог, снявъ ныне жатву и спрятав тот хлѣб, велѣт воеводам тѣ поля отдат им тотчас»[3]). Особенно тяжело пришлось, повидимому, мордвѣ, у которой въ Терюшевской волости отобраны были подъ десятинную пашню 748, а въ Арзамасскомъ у. 583 десятины; мордва била челомъ, и по ея челобитью десятинную пашню сократили въ обоихъ мѣстахъ до 500 д.[4]); а потомъ въ Арзамасскомъ у. за 14 т. руб. и вовсе отступились отъ мордовской земли, рѣшивъ поискать тамъ «порожних земель и угожих мѣст»[5]). Надо думать, впрочемъ, что въ

[1]) Г. А., № 357, л. 1.

[2]) Г. А., XXVII, № 532, л. л. 139 -141. Въ с. Алексѣевскомъ подобнымъ же образомъ должны были выселиться на новыя мѣста «на Троицкую дорогу» 4 крестьянина, чтобы очистить мѣсто подъ государевы постройки, и получили отъ государя «на дворовое строенье и за переноску дворовъ» по 5 руб. Р. И. Б., т. 23, ст 201.

[3]) Г. А., XXVII, № 339, л. 4.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1261.

[5]) Г. А., XXVII, № 526, л. 23. Нѣчто подобное произошло въ Дѣдиловѣ, когда онъ состоялъ въ вѣдѣніи Тайнаго приказа. Воевода Кар-

большинствѣ случаевъ концентрація государевой запашки обусловливалась соображеніями техническаго удобства, а не соблазнительностью готовыхъ и удобныхъ полей.

Въ государевой запашкѣ примѣнялась ставшая въ то время уже обычной трехпольная система. Если судить по терминологіи отчетныхъ вѣдомостей, всѣ три поля по количеству занимаемыхъ десятинъ земли были равны, такъ что для ржи и яровыхъ хлѣбовъ отводились одинаковыя площади посѣва: «Село Кудрявцево, да сельцо Семушкино, да сельцо Новоселки... Пашни 3 поля, по 85 д. въ полѣ: подъ ярь 85 д., подъ рожь 85 д.», или: «Село Загорье. Пашни 3 поля по 40 д.: подъ ярь 40, подъ рожь 40»[1]). Третье поле оставлялось подъ паръ; но не всегда: «Сельцо Соколово, а к нему село Петровское, Котельники, Либерицы з деревнями... Пашни три поля по 158 д.; и въ томъ числѣ пахано подъ ярь 158 д., подъ горохъ 158 д. и ржи посѣяно 395 чт.»[2])—выходитъ, что въ третьемъ полѣ, которое должно бы быть паровымъ, былъ посѣянъ горохъ. Въ нѣкоторыхъ (подмосковныхъ) селахъ — въ Измайловѣ, Алексѣевскомъ, Степановскомъ находимъ пять полей: «Пашни въ Измайловѣ 5 поль по 400 д. въ полѣ; и тѣхъ поль пахано в лѣто: под ярь по 800 д., под горохъ по 400 д., и к нынешнему 184 году посѣяно ржи 1000 чт. (т. е. по обычной мѣрѣ $2^1/_2$ четверти на десятину, 400 д.»)[3]). Такимъ образомъ, подъ паромъ оставалась только пятая часть земли; но

цевъ зачислилъ въ государеву пашню земли, которыя «до его пріѣзду» были вспаханы и засѣяны мѣстными жителями (казаками), выдавъ имъ въ вознагражденіе по $1^1/_2$ рубля «за всякую десятину». Тѣ били, однако, государю челомъ, находя, что «имъ за пахоту и за сѣменной хлѣбъ по полутору рубли за десятину мало», и государь указалъ дать имъ «противъ уговору» вдвое. Но воевода прибавленныхъ денегъ не отдалъ и получилъ по этому поводу слѣдующее внушеніе отъ царя: «И ныне вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что ты тѣх денег им не давывал и к нам, великому государю, о том не писывал, и так дѣлают измѣнники и крестопреступники, страдники, которые, забывъ Бога, и наше великаго государя крестное цѣлованіе, наших великаго государя служилых людей оскорбляют, из нашея великаго государя казны денегъ по указу не додаютъ для своей бездѣльной корысти». Резолюція: возвратить прежнимъ владѣльцамъ «вспаханныя земли», и за тот посѣяной хлѣб, что ты не додал и тѣмъ ихъ оскорбил.... доправить на тебѣ тотчас». А. М. Ю., Моск. ст., № 302, столпикъ 2, л. 42—44.

[1]) Г. А., XXVII, № 352, л. 64—5.

[2]) Ib., л. 62.

[3]) Ib., л. 54.

нельзя, къ сожалѣнію, прослѣдить, въ какомъ порядкѣ чередовались посѣвы. Во всякомъ случаѣ не видно основанія думать, чтобы это пятиполье обусловливалось какими-нибудь топографическими особенностями селъ, гдѣ оно примѣнялось, а не агрономическими соображеніями руководителей: въ Измайловѣ, напр., послѣ смерти Алексѣя Михайловича сразу же перешли съ пятиполья на трехполье [1]). Равенство приходящихся на каждое поле площадей земли, одинаково—при трехъ или пятипольномъ дѣленіи, едва ли не было скорѣе геометрическимъ предположеніемъ («въ полѣ столько то, а въ дву потому жъ»), чѣмъ выраженіемъ дѣйствительнаго соотношенія долей. По крайней мѣрѣ въ сводной вѣдомости объ урожаѣ 1674—1675 г. количества десятинъ, засѣянныхъ рожью и яровымъ хлѣбомъ разныхъ видовъ рѣдко совпадаютъ, а между тѣмъ она даетъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе реальныя цифры. Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ с. Екатерининская Роща: 80 д.—рожь, 95 д.—овесъ, 6 д.—пшеница, 24 д.—ячмень, 20 д.—греча, 4 д.—горохъ, 4 д.—ленъ, въ общемъ: 80 д.—ржаного и 153 д.—ярового поля; въ с. Кудрявцевѣ: 39 д.—рожь, 25 д.—овесъ, 10 д.—пшеница, 7 д.—ячмень, 7 д.—греча,—въ общемъ. 39 д.—ржаного и 49 д.—ярового поля; въ с. Рюминскомъ: 23 д.—рожь, 30 д.—овесъ, 1 д.—пшеница, 3 д.—ячмень—въ общемъ: 23 д.—ржаного и 34 д.—ярового поля; въ другихъ селахъ имѣемъ: 492 и 525, 45 и 58, 11 и 20, 20 и 15, 10 и 6 десятинъ [2]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ государевымъ хлѣбомъ засѣвалось не все поле, и остававшаяся «пустовая десятинная цашня» сдавалась крестьянамъ на оброкъ, какъ было, напр., въ селахъ Мурашкинѣ и Лысковѣ [3]). Этимъ могло, конечно, нарушаться равенство площадей въ поляхъ подъ государевой пашней.

Удобреніе полей считалось необходимымъ. Поручая вновь назначенному прикащику устроить въ Славецкой волости (Владимір. уѣзда) десятинную пашню, въ приказѣ вмѣстѣ съ тѣмъ наказывали—«для пашенного заводу завесть скотный дворъ, а больши держать на том дворѣ быков» [4]); и еще яснѣе: предлагая въ докладѣ государю построить на Пехорской мельницѣ (въ Измайловѣ) скотный дворъ «для поль Пехорскаго и Деминскаго»,

[1]) Приход.-расх. книги с. Измайаова.
[2]) Г. А., XXVII, № 213, л. 10 и сл.
[3]) Ib., л. л. 94 и 111.
[4]) Г. А., XXVII, № 526, л. 12.

авторъ доклада аргументировалъ свое предложеніе: «а буде на Пехорской мельницѣ скотнаго двора не построить, то на тѣхъ вышеписанныхъ поляхъ впредь хлѣба сѣять будетъ не для чево, потому что земля худа гораздо»[1]). Можно думать, что ту же, отчасти, цѣль имѣли въ виду, предписывая устраивать скотные дворы и въ сравнительно южныхъ мѣстностяхъ, — въ Богородицкомъ [2]), въ Скопинѣ и Романовѣ [3]). Въ Измайловѣ, судя потому, что плату за «воску» навоза разсчитывали съ 1000 возовъ («60 рублевъ, да 5 ведеръ вина»), удобреніе примѣнялось въ очень широкихъ размѣрахъ[4]); причемъ вывозъ его, по крайней мѣрѣ въ огороды, производился зимой, въ январѣ и февралѣ [5]). Пахали по преимуществу лошадями; въ одномъ только 1668 г., напр., куплено было для Измайлова въ Лысковѣ и Мурашкинѣ 500 лошадей и еще заказано тамъ же и «в—ыныхъ мѣстех, гдѣ пригожъ, купить про ево великого государя обиходъ по 700 мериновъ пашенныхъ» [6]). Но бывали также въ употребленіи волы; въ Домодѣдовѣ, напр., по памяти изъ Тайнаго приказа, отбирается для Измайлова 100 воловъ «самыхъ добрыхъ»; потомъ требованіе увеличиваютъ до 120 и тутъ же объясняютъ, что волы нужны «для работы» [7]); въ записныхъ книгахъ встрѣчаемъ также распоряженіе «устроить воловей дворъ» въ Мурашкинѣ [8]). Для обработки земли употреблялись плугъ и косуля. Какъ уже упоминалось, съ самаго начала при «заводѣ» пашеннаго хозяйства, въ февралѣ 1663 г., по указу изъ Тайнаго приказа, было разослано земледѣльческихъ орудій—на Дѣдиловъ 100 плуговъ и 500 косуль, на Скопинъ и Романовъ по 250 плуговъ и по 50 косуль, въ Домодѣдово 300 плуговъ и 300 косуль, въ Измайлово 100 плуговъ и 200 косуль, въ Чашниково 100 плуговъ и 100 косуль [9]); изъ сопоставленія этихъ цифръ какъ будто слѣдуетъ, что плугъ наибольшее примѣненіе находилъ для себя въ южныхъ, сравнительно, уѣздахъ, тогда какъ подъ Москвой съ нимъ успѣшно конкурировала косуля.

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 388—9.
[2]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 586, л. 31.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1334 и др.
[4]) Г. А., XXVII, № 532, л. 184.
[5]) Р. И. Б., 23 т., ст. 738, 739, 742.
[6]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1358, 1420.
[7]) Ib., 1092, 1094, ср. т. 23, ст. 544—6, 549.
[8]) Ib., т. 21, ст. 1078.
[9]) А. А. Э. т. IV, № 138.

Очень осмотрительно относились къ выбору мѣста подъ разные хлѣба, стараясь, насколько позволяли знанія и оставалось свободы для выбора, сообразоваться со свойствами почвы. Задумавъ завести посѣвы льна въ Домодѣдовѣ, предварительно посылаютъ туда спеціалиста—Измайловскаго «ольленика», и наказываютъ мѣстному прикащику вмѣстѣ съ нимъ «осмотрѣть землю, которая годитца подъ ленъ и строить къ сѣву» [1]). Осмотръ далъ благопріятные результаты, и въ Домодѣдовѣ велѣно было потомъ сѣять по преимуществу ленъ, „а въ то число убавить овса“ [2]). Такъ какъ подъ Москвой плохо акклиматизировалось просо [3]), то государь въ 1669 г. указалъ въ Скопинѣ и Романовѣ «ныне на веснѣ изготовить подъ ячмень и подъ просо новые земли..., да и въ Нижегороцкомъ уѣзде во всѣхъ селехъ (т. е. въ Лысковѣ, Мурашкинѣ и Гридинѣ) завесть просо нынешнею жъ весною“ [4]). Сѣялись подъ Москвой не только обычныя въ тѣхъ географическихъ предѣлахъ хлѣбныя растенія, какъ рожь, овесъ, пшеница яровая, ячмень, греча, ленъ и макъ, но и сравнитедьно рѣдко встрѣчающіяся, какъ полба, просо, озимая пшеница, конопля,—хотя, конечно, съ неодинаковымъ и успѣхомъ. Сѣмена подбирали съ большой тщательностью, добывая ихъ изъ мѣстностей, особенно славившихся высокими качествами соотвѣтствующихъ растеній. Почти ежегодно производились закупки „ольленого сѣмяни доброво на сѣмяно“ по 50, по 100, по 150, по 400 чети, даже „сколько сыскать мочно“ [5]), во Псковѣ [6]), въ Старой Русѣ и Сомерской волости [7]), „сѣмени льняного плауну“—въ с. Вощажниковѣ и с. Великомъ (Ростов. уѣзда) [8]), въ с. Даниловскомъ, Красномъ и Сидоровскомъ (Костр. уѣздъ) [9]) и въ г. Вязникахъ [10]). Изъ Суздаля велѣно было однажды привезти „про ево государевъ обиходъ гороху бѣлово и чистово, самово доброво“ 200 чт., которыя и распредѣлены были между

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1183.

[2]) Ib., 1405.

[3]) Проса, по сводной книгѣ, сѣялось: въ Осѣевѣ 3 чт. и въ Новоселкахъ 1½ чт. (приселки Измайлова).

[4]) Р. И. Б., т 21, ст. 1459.

[5]) Ib., ст. 1274.

[6]) Ib., ст. 1150, 1192, 1258, 1,1389.

[7]) Ib., ст. 1274.

[8]) Ib., 1402-3.

[9]) Ib., 1401, 1405.

[10]) Ib., 1402.

8 подмосковными селами [1]). Въ другой разъ гдѣ-то купили на 25 руб. „пшеницы на сѣмяна, которая родитца колосъ беловатой“ [2]). Изъ Богородицкаго требуютъ для Домодѣдова „на сѣмена 150 чети ячмени доброво“ [3]), а туда взамѣнъ посылаютъ изъ Москвы четверикъ „бѣлого маку“, чтобы „сѣять тотъ макъ... на доброй землѣ“ [4]). Скопинцы привозили для подмосковныхъ селъ полбу [5]). Иногда сѣменамъ сами производили въ приказѣ смотръ; такъ, однажды велѣно было „изъ всѣхъ селъ (вѣдомства Хлѣбнаго приказа) взять для опыту пшеницы по четверику изъ села тотчасъ и послать для того опытного хлѣба ис Хлѣбного приказу нарочно“ [6]). Если, случалось, изъ одного села требовали для другого ржи или овса на сѣмена, то неизмѣнно прибавляли при этомъ: „самыхъ добрыхъ“. А однажды „добрыя сѣмена“ явились даже источникомъ драматическаго эпизода. Когда устроивалась десятинная пашня въ Богородицкомъ, изъ Тайнаго приказа сдѣлано было распоряженіе взять туда «на сѣмена хлѣб: рож и овес і гречю самой доброй» изъ казенныхъ житницъ Ельца, Лебедяни, Данкова, Епифани, Ефремова (при этихъ городахъ была десятинная пашня, вѣдавшаяся въ Разрядѣ); «а будетъ который хлѣбъ на сѣмена не погодитца, значилось въ государевой грамотѣ, і въ то мѣсто в обмѣнъ взять у служилыхъ и у жилецкихъ людей, у кого хлѣб есть“ [7]). Однако, служилые и жилецкіе люди потому ли, что недостаточно входили въ интересы государева хозяйства или потому, что въ самомъ дѣлѣ, какъ они заявляли, были „бѣдны и бесхлѣбны“, и у нихъ ржи и яровому хлѣбу „учинился недородъ“ [8]),—въ обмѣнѣ сѣмянъ „отказали“, и приказу пришлось искусственно возбуждать административную энергію мѣстныхъ воеводъ обѣщаніемъ „жестокаго наказанья“ за „оплошку“ [9]).

Еще, можетъ быть, характернѣе усилія улучшить качество

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1421; 5 четей—у издателя зап. книгъ, который, очевидно, принялъ цифру с за е.

[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1181.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1577.

[4]) Ib., ст. 1186.

[5]) Ib., 1400 ст. По приход.-расход. книгамъ С. Измайлова, полбы «къ 185 году» было «235 чети съ полуосминою и съ четверикомъ»; л. 126 об.

[6]) Ib., ст. 1381.

[7]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 551, л. 7.

[8]) Ib., л.л. 47, 50-1, 81-99.

[9]) Ib., л. 93.

обработки путемъ замѣны старыхъ средствъ и пріемовъ работы новыми. Важность этого условія хозяйственнаго успѣха, несомнѣнно, вполнѣ оцѣнивалась, и у руководителей царскаго хозяйства являлась уже мысль о возможности примѣненія въ сельскихъ работахъ механическихъ приспособленій. Есть извѣстіе, что часовой мастеръ, нѣмчинъ Андрей Крикъ поднесъ государю „образецъ, какъ хлѣбъ водою молотить“ [1]), и государь пожаловалъ ему 50 руб.; другой изобрѣтатель «часовникъ» Моисей Терентьевъ,—вѣроятно, перекрещеный нѣмецъ,—въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣлалъ тоже какой то „молотилный образецъ“, также получая въ поощреніе денежныя награды отъ государя. Терентьеву задана была потомъ опредѣленная задача—«здѣлать три образца: одинъ—какъ молотить колесами і гирями безъ воды; другой—какъ воду привесть изъ пруда къ Виноградному саду; третій—какъ воду выливать изъ ригъ гирями жь и колесы» [2]). Не хотѣли отставать отъ нѣмцевъ и домашніе механики: стрѣлецъ Ивашка Вязьма съ товарыщи пробовали устроить, повидимому, уже не модель, а настоящую машину,—дѣлали въ Измайловѣ «станокъ, чѣмъ хлѣбъ молотить» [3]). Конечно, всѣ эти опыты были, вѣроятно, только любительскими экскурсами въ область механики, и врядъ ли приводили къ непосредственнымъ практическимъ результатамъ; но они важны, какъ симптомъ начинавшагося сдвига съ той позиціи, на которой Русь въ области сельско-хозяйственной культуры невозмутимо оставалась на протяженіи вѣковъ. Однако, уже безспорное и практическое значеніе имѣло воспитанное неудачами домашней техники умѣнье цѣнить въ каждой области труда спеціалиста, мастера своего дѣла, начинающее обнаруживаться теперь въ царскомъ хозяйствѣ,—между прочимъ, и въ примѣненіи къ земледѣльческимъ работамъ, хотя на первое время по преимуществу въ одной ихъ отрасли—въ воздѣлываніи льна. Еще въ 1664 г. по государевой грамотѣ велѣно было псковскому воеводѣ «прислать къ великому государю къ Москве» изъ Псковскихъ мѣстъ «не пашенныхъ крестьянъ самыхъ добрыхъ и умѣющихъ людей, которые бъ подлинно знали, на кой земли сѣять ленъ и какъ ево обряжать» [4]); и одновременно съ этимъ

[1]) Ib., т. 23, ст. 691.
[2]) Ib., ст. 787.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1443,
[4]) Ib., т. 21, ст. 1037-8.

поручалось А. Л. Ордину-Нащокину—найти во Псковѣ «мастеровыхъ людей по два человѣка, которые ленъ сѣютъ, и которые ленъ мочатъ и стелютъ, и которые ленъ строятъ на торговую руку и которые Коленскіе полотна дѣлаютъ» [1]); оттуда же хотѣли имѣть мастера, «который бы умѣлъ ленъ трепать и вязать» [2]). Вызывали не разъ «псковскихъ ольлениковъ» и потомъ, а кромѣ того съ ихъ помощью постарались обзавестись и собственными мастерами, отдавъ имъ въ науку 43 человѣка изъ мѣстныхъ крестьянъ [3]). Для обработки конопли, которая, повидимому, въ большихъ размѣрахъ воздѣлывалась въ государевомъ селѣ Товарковѣ (Калужскаго у.), велѣно было «выбрать» въ Калугѣ изъ посадскихъ людей 2-хъ человѣкъ, „которые бы умѣли бить конопляное масло, и отослать ихъ съ масленымъ станкомъ» въ названное село [4]). Было, вѣроятно, также нововведеніемъ въ Измайловѣ, хотя можетъ быть, и очень скромнымъ, когда «великій государь указалъ изъ Домодѣдовскіе волости прислать лутчихъ крестьянъ 30 человѣкъ съ косами и з граблями, которые умѣютъ овесъ косить» [5]),—очевидно, взамѣнъ традиціонной работы серпомъ. Упоминаются какія то «телѣги Фурманскіе», дѣлавшіяся спеціально «к хлѣбной воски» и заставляющія, по крайней мѣрѣ своимъ названіемъ, подозрѣвать культурное заимствованіе [6]). Все это были, однако, частности, хотя, безъ сомнѣнія, и полезныя; а въ главномъ—успѣхъ царскаго хозяйства зависѣлъ, конечно, отъ того, какіе пріемы были извѣстны массѣ людей, работавшихъ на государя, и съ какими чувствами эти люди выходили на государевы поля.

Основной рабочей силой во владѣніяхъ вѣдомства приказа были мѣстные крестьяне, для которыхъ государево дѣло было такой же натуральной повинностью, какъ для владѣльческихъ крестьянъ барская работа. Въ подмосковныхъ селахъ къ мѣстнымъ крестьянамъ присоединялись, какъ мы знаемъ изъ источниковъ, рабочіе еще двухъ категорій: «работные люди» и «вольница». Для первыхъ работа была повинностью, вторые—представители вольнаго труда, получавшіе вознагражденіе „по уговору“. Воль-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1036.
[2]) Ib., ст. 1199.
[3]) Ib., ст. 1192.
[4]) Ib., т. 21, ст. 1095.
[5]) Ib., ст. 1343.
[6]) Р. И. Б, т. 23, ст. 708.

ница «работники и бабы» нанимались по преимуществу на полевыя работы—„къ сѣнокосу и жнитву“ или на лѣто или на болѣе короткій срокъ—«смотря по ведру» [1]); упоминаются однажды «стрѣлецкіе жены», которыя, въ числѣ 650 ч., за плату «брали» въ Измайловѣ ленъ [2]). Во владѣніяхъ болѣе отдаленныхъ работа по найму примѣнялась, повидимому, въ рѣдкихъ случаяхъ,—или при прямой невозможности обойтись мѣстными крестьянами, какъ писали, напр., изъ Приказа кирѣевскому прикащику: «будетъ Кирѣевскими крестьяни покосить будетъ невозможно, и для той козьбы козцовъ нанять» [3]); или—по особымъ условіямъ мѣстной жизни, какъ въ Дехтяномъ и Сасовѣ, гдѣ крестьяне несли повинности въ другой формѣ. Иначе этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ Богородицкомъ. Тамъ первоначально къ обработкѣ десятинной пашни привлекались, въ помощь крестьянамъ, служилые люди тѣхъ же «окольныхъ» городовъ, гдѣ такъ неудачно производили обмѣнъ сѣмянъ, и въ общемъ съ такимъ же результатомъ. Богородицкій воевода доносилъ, что дѣти боярскія и казаки, хотя имъ „велено давать государева жалованья хлѣб и сол, розбежалися“, даже «с поля ималі... по особымъ сошникамъ на человѣка и тѣх сошников свезли с собою со 100, а иные в землю хоронили“, и оттого „великого государя хлѣбной завод ставитца в болшом непоспешеніи“; въ свою очередь воеводы тѣхъ городовъ на запросъ изъ приказа дополнили картину объясненіемъ, что служилые люди въ Богородицкой ими высланы, но „в степях и в дубровах многія дни мотчают и от работы пребываютъ“ [4]). Выходъ былъ найденъ въ томъ, что въ Богородицкомъ были въ 1669-70 г. поселены „на вѣчное житье“ 100 солдатъ надежнаго выборнаго полка А. Шепелева [5]).

Такимъ образомъ, подневольный трудъ рѣшительно преобладалъ, и къ нему, вѣроятно, приспособлена была самая организація работъ. Все было сведено, повидимому, къ установленію крѣпкаго надзора, и наиболѣе надежными руководителями работъ были признаны, какъ мы знаемъ, солдаты и стрѣльцы. Въ цѣляхъ удобства надзора, «для смотрѣнья поль», устраивались «смотрильницы», — деревянныя сооруженія „о трехъ житьяхъ,

---

[1]) Г. А., XXVII, № 532, л. 22 об.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 805.
[3]) Ib., т. 21, ст. 1334.
[4]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 512, л.л. 1—17; № 586, л. 35.
[5]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1528-9.

в вышину сорокъ венцовъ“ [1]). Изъ документовъ не видно, какъ выполняли свои обязанности «нарядчики» и прочая администрація; но мы знаемъ, какъ въ этой обстановкѣ держались работные люди. Вотъ, напр., картина работъ въ Измайловѣ, нарисованная однимъ изъ представителей мѣстной администраціи въ докладѣ государю: «крестьяне, рѣчь идетъ о крестьянахъ Карамышевской волости, обязанныхъ являться на работы въ Измайлово, огурствомъ своимъ и дуростью приходятъ въ маѣ, и живутъ на работѣ по своей волѣ, человѣкъ по 70 и по 60 и меньше, и до сроку сходятъ, не доживъ, по своей волѣ; а какъ живутъ, на работѣ чинятся непослушны и работу всякую работаютъ съ великою ленью и огурствомъ, и отъ тово ихъ самовольства и огурства великаго государя дѣламъ чинитца мѣшкота и поруха и убытки большіе, потомучто вмѣсто ихъ наймуютца наемные работники дорогою цѣною» [2]). Изслѣдователь можетъ отмѣтить лишь нѣкоторые внѣшніе признаки «мѣшкоты» въ государевыхъ дѣлахъ, хотя и не будетъ увѣренъ, слѣдуетъ ли относить ее къ лѣни и огурству только работныхъ людей. Бросается, напр., въ глаза слишкомъ большая продолжительность лѣтнихъ работъ, которая ставитъ подъ сомнѣніе самый ихъ результатъ: сѣнокосъ начинали около 20 іюня [3]) и продолжали еще въ концѣ августа [4]); жнитво (яровое) съ первыхъ чиселъ августа [5]) затягивали до половины октября [6]); ржаной сѣвъ и пашня, за недоставкой лошадей и сѣмянъ, откладывались иногда до 20-хъ чиселъ августа, даже до сентября, вмѣсто обычнаго и для того времени начала августа [7]). Хотя нанимали особыхъ работниковъ „въ зиму для молотьбы и для воски дровъ“ [8]), однако, всего хлѣба за годъ обмолотить не успѣвали: въ Измайловѣ, напр., по описи, оказались «клади» отъ нѣсколькихъ прошлыхъ лѣтъ [9]); а между тѣмъ, когда въ 1676-7 г. оставшійся хлѣбъ былъ обмолоченъ, обнаружился, естественно, по сравненію съ произведеннымъ въ свое время «опытомъ», значи-

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 300—301; ср. ст. 748.
[2]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 388.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 313.
[4]) Ib., ст. 76, 352.
[5]) Ib., ст. 347.
[6]) Ib., ст. 1232,
[7]) Ib., 351, ср. Р. И. Б. т. 21, ст. 1349
[8]) Г. А., XXVII, № 332, л 60.
[9]) Р. И. Б. т. 21 ст. 224; Г. А., XXVII, № 552, л. 93—106.

тельный уронъ [1]). Можетъ быть также, что качество обработки было причиной, если иной разъ приходилось докладывать государю: «аржаной хлѣбъ весь плохъ гораздо; кастерева и метлина пошибла больно» [2]). Заслуживаетъ вниманія, помимо всего этого, и другой результатъ подневольнаго труда, вполнѣ точно отмѣченный авторами приведеннаго выше доклада, — необходимость нанимать «наемныхъ работниковъ дорогою цѣною». Вѣроятно, отсюда вышло рѣшеніе, записанное въ отчетной вѣдомости 183-го года: «а из сел работниковъ нынѣ имать не велено и впредь было тѣх работников наймовать из винокуренных заводовъ» (т. е., изъ доходовъ отъ виннаго куренія) [3]).

Примитивность техническихъ пріемовъ, съ одной стороны, преобладающая роль невольнаго труда—съ другой, были причиной того, что царь Алексѣй не могъ похвалиться высокими урожаями въ своемъ хозяйствѣ. По даннымъ сводной книги за 183-й годъ, уровень урожайности въ его владѣніяхъ за отчетный годъ выражается слѣдующими цифрами: въ подмосковныхъ селахъ рожь пришла сама—1½; 2; 2,5; 2,5; 2 8; 2,8; 3,3; 3,5; 3,8; 4,5—въ среднемъ ниже 3; овесъ—самъ 1,5; 2; 2,3; 2,4; 2,4; 2,5; 2,7; 2,8; 2,8; 3,3; 3,5; 4; 2,—въ среднемъ около 2,5; въ остальныхъ мѣстахъ – рожь сама—4 (Арзамасскій у.); 4,2 (Терюшевская волость); 4,7 (Скопинъ); 5 (село Дехтяное, Рязанскій у.); 5,4 (с. Борки и Красная Слобода, Рязанск. у.); 6,6 (Богородицкой),—въ среднемъ сама—5; овесъ самъ—3,2 (Арз. у.); 3,6 (Терюш. в.); 4,1 (Борки и Красная Слобода); 5 (Скопинъ); 5,2 (Богородицкой); 8 (Дехтяное),—въ среднемъ также около 5 (для другихъ мѣстностей данныхъ нѣтъ вслѣдствіе дефектности документа). Болѣе высокія цифры второго ряда объясняются, конечно, тѣмъ, что ими характеризуется урожай владѣній, расположенныхъ на югѣ (состоявшихъ въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа). Невыгодное впечатлѣніе, какое производитъ эта картина, усиливается еще тѣмъ, что всюду, а особенно—въ подмосковныхъ селахъ, количество сѣмянъ, бравшихся для посѣва, несоразмѣрно велико съ площадью посѣва, именно: ржи 2—2½ четверти на десятину, овса 3—4 четверти. И въ то же время нѣтъ основаній

---

[1]) Приход.-расх. книги с. Измайлова, л. 130 об.: въ одномъ случаѣ вмѣсто 632 чт. послѣдовало, по «опыту», 509, въ другомъ — вмѣсто 629 чт.—447.

[2]) Г. А. XXVII, № 532, л. 30—32.

[3]) Ib., л. 54—5.

считать отчетный годъ неурожайнымъ: въ одномъ изъ документовъ Тайнаго приказа приведены справки о цѣнахъ на хлѣбъ, и изъ нихъ видно, что къ 1675-му году по сравненію съ 1670-мъ годомъ цѣны значительно понизились, а это, думается, говоритъ за то, что промежуточные годы были сравнительно благополучны [1]). При всемъ томъ, абсолютныя цифры, въ которыхъ выражается весь урожай разныхъ хлѣбовъ за тотъ же 1675-й годъ, весьма внушительны. Въ сводной книгѣ даются слѣдующіе итоги—по вѣдомствамъ Тайнаго и Хлѣбнаго приказовъ вмѣстѣ: къ 1675-му году было посѣяно: ржи на 6334 десятинахъ 12464 чтв., умолотъ—37620 чтв.; пшеницы на 310 д. 831 чтв., ум. 2240 чтв.; овса на 5504 д. 21583 чтв., ум. 64839 чтв.; ярицы на 102 д. 231 чтв., ум. 327 чтв.; ячменя на 581 д. 1327 чтв., ум. 4861 чтв.; полбы на 9 д. 39 чтв., ум. 124 чтв..; гороху на 155 д. 196 чтв., ум. 712 чтв.; гречи на 492 д. 880 чтв., ум. 3063 чтв.; просо на 109 д. 32 чтв. (?), ум. 807 чтв; сѣмени конопляного на 120 д. 153 чтв., ум. 382 чтв.; маку бѣлаго на 50 д. 1 чтв., ум. 22 чтв.; сѣрого—на 38 д. осмина, ум. 45 чтв.; сѣмени льняного на 189 д. 265 чтв., ум. 189 чтв.,—льну выбрано 324120 сноповъ [2]). Сюда можно присоединить еще и огромное количество „укосного“ сѣна. По даннымъ отчетной вѣдомости 182 г. [3]) въ подмосковныхъ селахъ накашивалось отъ 125 до 130 т. копенъ «волоковыхъ» или отъ 5 т. до 5200—„мѣрныхъ“ (въ мѣрной копнѣ считалось отъ 20 до 25 копенъ волоковыхъ [4]). Это можетъ быть—наиболѣе выгодная статья царскаго хозяйства, такъ какъ мѣрная копна «приходила» отъ 20 до 25 алтынъ [5]). а въ продажѣ стоила около 3 руб. [6]).

Имѣя въ виду размѣры урожая 1675-го г. и сопоставляя полученный доходъ съ расходами на содержаніе рабочихъ и администраціи, довольно точно устанавливающимися для того года по отчетной вѣдомости, можно, съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ, опредѣлить доходность земледѣльческаго хозяйства Алексѣя Михайловича, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ подмосковныхъ владѣній. Чистый урожай (за вычетомъ сѣмянъ) вы-

---

[1]) Г. А., XXVII, № 297.
[2]) Г. А. XXVII, № 213, л.л. 21—8,
[3]) L. A., XXVII, № 532, л. 54—75.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 330.
[5]) Ib.
[6]) Ib., ст. 1291, 746.

разится въ слѣдующихъ цифрахъ: ржи — 6278 чтв., овса — 7418 чт., пшеницы—601 чт., ячменя — 893 чт., гречи — 384 чт., проса—125 чт., гороху—252 чт., сѣмени конопляного — 10 чт., льну—3976 пуд. Считая государевъ хлѣбъ всѣхъ видовъ «добрымъ», по цѣнамъ 1669—70 года будемъ имѣть: за рожь (25 алтынъ за четверть) 5608 р. 50 к., за овесъ (13 ал. 2 денги за четв.)—3041 р. 38 к.; за пшеницу (1 р. 16 а 4 д. за чтв.)—913 р. 62 к., за ячмень (20 ал. чтв.)—679 р. 80 к., за гречу (26 ал. чтв.) — 299 р. 52 к.; за просо (толченое 3 р.)—375 р.; за горохъ (1 р. 16 ал. 4 д. четв.)—383 р. 4 к.; за ленъ (12 ал. 2 д.) — 1410 р. 88 к.; за сѣно (3 р. копна) — 15 т. руб.; всего— 27701 р. 64 коп. По даннымъ вѣдомости 182 г., на плату и содержаніе наемнымъ зимнимъ и лѣтнимъ работникамъ, какъ постояннымъ, такъ и «недѣльнымъ» израсходовано было, считая «по большой статьѣ» (maximum), около 7000 р.[1]). Работнымъ людямъ изъ дворцовыхъ селъ давали обыкновенно «въ приказъ» (въ награду) по 1 рублю, а ихъ бывало отъ 1500 до 2000 человѣкъ; на ихъ содержаніе, считая на 100 человѣкъ 250 чт. муки, 20 чт. крупъ овсяныхъ, 30 пуд. соли и 16 пуд. сала [2]) надо положить 4000 — 4500 руб. «Работнымъ солдатамъ», жившимъ въ лѣтніе мѣсяцы постоянно въ государевыхъ селахъ, въ числѣ 240 — 150 ч., за мѣсяцъ уплачивалось 300 — 350 р.[3]); значитъ за рабочихъ полгода 1800 — 2100 руб.; наконецъ, прикащикамъ около 600 р.[4]) денежнаго жалованья, а вмѣстѣ съ хлѣбомъ, вѣроятно, около 1000 р.; всего — около 16500 р. Такимъ образомъ, чистаго дохода останется около 11—12 т. руб., что на затраченныя 16—17 т. руб. составитъ такой процентъ, который долженъ былъ вполнѣ оправдывать хозяйстленныя хлопоты царя Алексѣя. Эта сумма, однако, не выражаетъ собой абсолютной доходности государевыхъ имѣній: она измѣнится, если принять въ расчетъ стоимость обязательнаго труда мѣстныхъ крестьянъ. Какъ видно изъ отчетной вѣдомости, изъ 1779 д. въ полѣ больше половины, именно 963 десятины пахали крестьяне; при платномъ трудѣ, ихъ работа стоила бы, можетъ быть, немногимъ менѣе (крестьяне, повидимому, не всегда косили и жали), чѣмъ работа наемныхъ работниковъ,—

---

[1]) Г. А., XXVII, № 532, л. 74—5.
[2]) ib. л. 20—24.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1191—2, 1339.
[4]) Ib., ст. 362—4.

скажемъ, 5 т. руб., на которые и должна быть убавлена найденная сумма чистаго дохода. Правда, въ расчетъ не введены затраты на хозяйственныя орудія и сооруженія; но не говоря о томъ, что въ данномъ случаѣ возможность сколько-нибудь точныхъ исчисленій крайне сомнительна,—этотъ пробѣлъ, до извѣстной степени, компенсируется статьей по расходу на работныхъ людей, которые едва ли не въ большей части заняты были не въ сельскихъ, а въ строительныхъ и земляныхъ работахъ (напр., каргопольцы—плотники). Съ другой стороны, сдѣланный выводъ можетъ сохранять свое значеніе при предположеніи, что на результаты хозяйственнаго года не имѣло отрицательнаго вліянія необходимое въ земледѣльческомъ хозяйствѣ скотоводство.

Въ государевомъ хозяйствѣ имѣется обычный комплектъ домашнихъ животныхъ и птицъ: лошади, рогатый скотъ, свиньи, овцы, гуси, утки, куры разныхъ породъ. По описи, во многихъ подмосковныхъ селахъ были устроены конюшни и скотные дворы, и мы знаемъ, что при закладкѣ конюшеннаго двора въ Измайловѣ присутствовалъ самъ государь. Такіе же дворы имѣлись и въ другихъ мѣстахъ; въ Романовѣ, напр., конюшенный дворъ, по описанію воеводы, былъ «въ длину 60, поперекъ 30 сажень, заборы сосновые, сараі укрыты соломою»[1]). Обзаведеніе всякой «животиной» не требовало отъ государя большихъ затратъ. Дороже другихъ животныхъ стоили лошади; но ихъ покупали обыкновенно въ большомъ числѣ изъ мѣстныхъ доходовъ, причемъ лошадь обходилась «въ покупке» отъ 3 до $3^1/_2$ рублей[2]). Въ 1668 году велѣно было, какъ мы знаемъ, заразъ въ селахъ Лысковѣ и Мурашкинѣ «купить про ево великаго государя обиходъ по 700 мериновъ пашенныхъ» и прислать къ Москвѣ[3]), а незадолго передъ тѣмъ оттуда же было прислано въ Измайлово 250 лошадей[4]). Покупались и нерабочія лошади, напр., упоминаются ногайскіе 121 «конь», которые покупалъ .. Юрій Лутохинъ», да еще 139 лошадей, купленныхъ «въ Нижнемъ на Макарьевской ярманкѣ»,—тѣхъ и другихъ надо было «держать во всякомъ пристрое» и «въ работу ихъ никуды не давать»[5]). На государ-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1111.
[2]) Ib., ст. 1431—2.
[3]) Ib., ст. 1420.
[4]) Ib., ст. 1358.
[5]) Ib., ст. 1658.

ревыхъ лошадей клали обычное «пятно»: «орелъ въ кругу да Вѣди» [1]), и переписывали въ особыхъ книгахъ «въ лѣта і въ шерсть і въ примѣты» [2]). Съ рогатымъ скотомъ и овцами устраивались совсѣмъ просто, собирая для скотныхъ дворовъ быковъ, коровъ, барановъ и овецъ съ крестьянъ, по преимуществу южныхъ владѣній; такъ, въ первое время (въ 1664 году) затребованы были «для заводу» съ Терюшевской мордвы 366 коровъ «самыхъ добрыхъ» и 652 коровы, тоже «самыхъ добрыхъ» и для той же цѣли,—съ крестьянъ и бобылей Лыскова и Мурашкина „въ запросъ“ [3]); къ Москвѣ, т. е. для подмосковныхъ селъ присылаютъ также быковъ и коровъ изъ Популова (100 головъ) [4]) и изъ Сасова (97 головъ) [5]). Впрочемъ, въ послѣдніе годы рогатый скотъ, какъ и лошадей преимущественно стали покупать и, повидимому, большей частью въ Москвѣ [6]). При пріемѣ, животныхъ „разбирали“ и потомъ разсылали по разнымъ селамъ, принимая мѣры къ сохраненію породъ: доставленныхъ, напр., въ Измайлово Терюшевской мордвой коровъ (286 головъ) велѣно было Измайловскому управляющему стрѣлецкому головѣ В. Пушечникову „пересмотрѣть: будетъ та животина добра и еѣ кормить на Измайловскихъ новорочистныхъ поляхъ особо, не спуская с—ными; а будетъ плоха, и еѣ отослать въ Домодѣдовскую волость и кормить особо же, не спуская с—ною животиною“ [7]). Изъ тѣхъ же, по преимуществу, мѣстъ шли овцы и свиньи. Въ 1664 г. въ Скопинѣ, напр., оказалось 1000 зборныхъ свиней, которыхъ велѣно было „держать до указу“ и устроить для нихъ дворъ; тамъ же были „племенные овцы и бараны“, къ которымъ указано было прикупить 400 или 500 овецъ [8]); потомъ тѣхъ и другихъ будутъ посылать въ подмосковныя села, гдѣ также велятъ „здѣлать имъ сараі..., и кормить и беречь“ [9]).

Но животными обычной породы, какія имѣлись въ предѣлахъ собственныхъ владѣній, не довольствовались. Когда дьякъ Тайныхъ Дѣлъ Дементій Башмаковъ въ 1663 году былъ отправленъ

---

[1]) Ib.,
[2]) Ib., ст. 1433.
[3]) Ib., ст. 1040 и 1042.
[4]) Ib., ст. 1072.
[5]) Ib.. ст, 1083.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 153—4, 1241 ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 238.
[7]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1079; ср, 1072.
[8]) Ib., ст. 1074—1075.
[9]) Ib., ст. 1102, 1104, 1154 и др.

съ дипломатической миссіей на Украйну, ему, повидимому—въ догонку, послана была изъ Тайнаго приказа государева грамота, въ которой государь, сказавъ дьяку свое „милостивое слово", писалъ: „Указали мы, великіе государь, въ черкаскихъ городѣхъ купить тебѣ на насъ, великого государя, племянной рогатой животины большой поролы быковъ и коров по 100 животинъ, да ордынскихъ барановъ и овецъ, которые пригоняют из волож-ской земли і ис татарских улусов 100 животинъ... И ты б... против сего нашего, великого государя, указу животину велѣлъ купить ценою, какъ мочно; а чтоб той животины ростомъ болши не было" [1]). Послѣднее условіе сдѣлало порученіе труднымъ. „І в первомъ, государь, малороссійскомъ городе Глухове, писалъ въ отвѣтъ Башмаковъ, у казаков и у мещан такой животины купить я спрашивал всякими обычаи, и они, государь, сказали, что у нихъ в городе і в уѣзде такой большой животины на продажу нѣтъ. А какъ, государь, из Глухова к гетману поѣдемъ, і в то, государь, время в - ыныхъ малороссійских городѣх такой животины спрашивать в покупку учну" [2]). Увѣнчались ли успѣхомъ поиски дьяка по инымъ городамъ, - неизвѣстно; во всякомъ случаѣ черкасскій рогатый скотъ, главнымъ образомъ быковъ, покупали потомъ для государевыхъ селъ и въ самой Москвѣ [3]); ордынскими же баранами однажды великому государю челомъ ударили калмыки" [4]), а сверхъ того дьякомъ Ив. Гороховымъ было въ 1666 г. куплено 130 барановъ и 1000 овецъ „ордин-скихъ" (разосланныхъ частью въ Измайлово, частью въ Домо-дѣдово) [5]). На государевыхъ дворахъ впервые появился въ Москвѣ и голландскій рогатый скотъ. Какъ видно изъ опубликованныхъ С. Б. Веселовскимъ документовъ [6]), въ Архангельскѣ и на Холмогорахъ „у иноземцов и у посадцких людей і тѣх городов в уѣздехъ у крестьян" уже тогда имѣлись „немѣцкія" коровы, и государь указалъ купить нѣсколько головъ „на себя, великого государя" по заранѣе составленной росписи, „у кого имяны, сколько и каковы коровы взять". Всего прислано было „коровъ і нетелей і быковъ 14 животинъ", причемъ коровы оцѣнены

[1]) А. М. Ю., Моск. ст., 365, л. 40.
[2]) ib., л. 65.
[3]) Р. И, Б., т. 23, ст. 544—6, 549.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1084.
[5]) Ib., ст. 1219—21.
[6]) Нѣсколько документовъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д.

были при покупкѣ отъ 3 р. 10 ал, до 15 руб. (коровы простой породы стоили въ Москвѣ около 2 руб.)[1]. Желаніе обзавестись иноземными породами замѣтно, впрочемъ, и по отношенію къ другимъ животнымъ. Въ 1664 же году на имя гостя Семена Гаврилова дана была государева грамота, въ которой государь „милостиво похваляетъ“ гостя за то, что тотъ купилъ „въ немецкихъ земляхъ на нас, великого государя, 10 лошадей, жеребцов и меринов“[2]; точно также государь наказывалъ посламъ Прозоровскому и Желябужскому привезти ему изъ Англіи „2 станицы лошадей: 8 жеребцовъ одношерстныхъ самыхъ добрыхъ по 300 рублевъ жеребецъ“ и „8 мериновъ одношерстныхъ же по 200 рублев мерин“[3]. Въ большомъ количествѣ разводили еще нѣмецкихъ куръ; только, напр., за мартъ 1670 года ихъ было куплено въ „разные государевы села“ на 83 рубля[4].

Точныя данныя относительно состава скотныхъ дворовъ имѣются только для подмосковныхъ селъ, и потому нѣтъ возможности опредѣлить общее количество домашнихъ животныхъ, какимъ располагало царское хозяйство,—тѣмъ болѣе, что это достояніе государя отличалось чрезвычайной текучестью. Но въ картинѣ, которую даютъ цифры, относящіяся къ подмосковному хозяйству, довольно отчетливо выступаютъ нѣкоторыя характерныя черты. По описи, въ 1676 г. на конюшенныхъ и скотныхъ дворахъ по всѣмъ подмосковнымъ селамъ оказалось: 1829 лошадей (изъ нихъ 186 „коней“, остальные—„пашенные“) и 230 жеребятъ; 622 быка, 466 коровъ, 188 телокъ и 156 телятъ, 284 свиньи; 203 овцы ордынскія и 1690 русскихъ; 401 гусь; 1284 утки; 358 куръ индѣйскихъ, 372 нѣмецкихъ и 99 русскихъ[5]. Открывающееся отсюда несоразмѣрно большое количество лошадей и быковъ (часть которыхъ, несомнѣнно, служили для работъ) говоритъ за то, что молочное хозяйство не имѣло самостоятельнаго значенія,—и на то же указываетъ другое обстоятельство,—отмѣчаемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ описью большое число яловыхъ коровъ (въ Алексѣевскомъ изъ 42—21, въ Степановскомъ изъ 35-7) и соотвѣтствующее этому сравни-

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1241.
[2]) А. М. Ю., Моск. ст., № 365, л. 118.
[3]) М. А. М. И. Д., Дѣла Англійскія, 1662 г., № 5.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1291—5.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 228—276.

тельно незначительное число телятъ (на 466 коровъ—156 телятъ годовыхъ и „селѣтковъ“). По записнымъ книгамъ, молочные продукты, дѣйствительно, идутъ только для нуждъ государева двора и то не часто,—а въ то же время изъ приходо-расходныхъ книгъ видно, что «кожи яловичныя» и «сало яловичное» закупались приказомъ даже въ далекой Астрахани [1]). Съ другой стороны, ничтожное количество свиней и куръ объясняется чрезмѣрнымъ обиліемъ, въ какомъ тѣ и другія въ битомъ видѣ поступали съ крестьянъ въ качествѣ натуральнаго оброка. Впрочемъ, иногда на птичьихъ дворахъ въ подмосковныхъ селахъ сразу появлялись многочисленныя и живыя, хотя недолговременныя („до указу“) обитательницы, собиравшіяся также съ крестьянъ; напр., въ Чашниковѣ однажды оказалось 1200 такихъ куръ, въ Ермолинѣ 800 [2]), и въ Домодѣдовѣ 3300 [3]). Составъ скотныхъ дворовъ болѣе отдаленныхъ владѣній былъ, безъ сомнѣнія, менѣе разнообразенъ, хотя они и не уступали количествомъ животныхъ. Въ Скопинѣ, напр., въ 1667 году на скотномъ дворѣ было 596 овецъ, 508 свиней и 361 поросенокъ,—въ Романовѣ—овецъ 768, свиней 727 и 95 поросятъ [4]), да въ томъ и другомъ городѣ велѣно было „держать на корму“ сначала по 500, а потомъ по 700 лошадей [5]). Въ Богородицкомъ, по выраженію воеводы, «было в стадех... лошадей и коровъ и овецъ и свиней великого государя съ 300 скотинъ и болши“ [6]). Главное назначеніе большей части этой «животины» было—пополнять опустошенія, производившіяся, время отъ времени, въ составѣ подмосковныхъ дворовъ многочисленными потребителями государевыхъ запасовъ [7]).

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1504; т. 23, ст. 1278.

[2]) Ib., т. 21, ст. 1456.

[3]) Ib., ст. 1038; ср. ів., ст. 1064.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1261—2.

[5]) Ib., ст. 1094, 1351.

[6]) А. М. Ю, Бѣлгор. ст., № 586, л. 31 Позднѣе же въ Богородицкомъ однѣхъ лошадей было 400 Р. И. Б., т. 21, ст. 1351.

[7]) Обычнымъ, повидимому, явленіемъ, были заболѣванія скота. Въ отчетѣ о состояніи скотнаго двора на Скопинѣ воевода пишетъ: «и тѣ овцы и бараны и свиньи и поросята худы, потому что во 174-мъ году лѣтомъ на овцы и на ягнята былъ уронъ большой, и по се число отъ той скорби не оправились“. Р. И. Б., т. 21, ст. 1261. Въ приходо-расходной книгѣ с. Измайлова за 185 г. читаемъ: «да сентября съ 1-го числа по сентября ж 1-й день 186-го году померло: иноходецъ чюбаръ, меринъ

Видной статьей, близкой къ той же отрасли государева хозяйства, являются пасѣки. Особые „дворы пасечные“ упоминаются въ Скопинѣ, Романовѣ, с. Дехтяномъ (Рязанскаго у.), с. Сасовѣ (Шацкаго у.), въ Славецкой волости (Владимирскаго у.) и изъ подмосковныхъ селъ въ Измайловѣ—Николаевскія пасѣки [1]) и въ с. Васильевскомъ [2]). Пасѣки заводились тѣмъ же способомъ, что и скотные дворы,—посредствомъ сбора ульевъ съ мѣстныхъ крестьянъ. «Въ Славецкой волости, гдѣ пристойно завесть пчельной дворъ, значится въ одной изъ записей государевыхъ распоряженій, и завесть впредь ульевъ 3000 или сколько мочно, а тѣ ульи собрать со крестьянъ по улью з двора, или по 2, а будет мочно и не в тягость, и по 3“ [3]). Съ Бѣлгородскихъ „новоотписныхъ“ пасѣкъ велѣно было сразу „взять“ 2000 ульевъ, которые были привезены „къ Москвѣ“,—вѣроятно для подмосковныхъ селъ [4]). Если, однако, устроенную уже пасѣку хотѣли расширить, то предписывали „въ прибавку у крестьянъ пчелы покупать повольною цѣною, а безденежно у нихъ не имать“ [5]) или „сильно у крестьянъ не отымать“ [6]), косвенно характеризуя, такимъ образомъ, ранѣе практиковавшійся пріемъ. Впрочемъ, при заведеніи пасѣчнаго двора въ Романовѣ, воеводѣ указано было „ульі просить у крестьянъ взаймы“ [7]), и потомъ за каждый улей было заплачено имъ по 25 алтынъ [8]). Ульи держали зимой въ спеціально построенныхъ для нихъ „амшеникахъ“; при роеньи, сажали „для проку по 2 роя въ улей“ [9]). Въ описаніи пасѣчнаго двора въ селѣ Васильевскомъ, названы въ качествѣ „пасечныхъ снастей“: „2 топора да отсѣкъ, 2 скобеля, долото болшое, бу-

---

голуб..., мерин буръ..., меринъ мухортъ, кобыла солова... 58 коровъ, 112 быковъ, 113 телицъ, 12 быковъ, тоже число телок, да 56 телятъ, прикладныхъ, 1 поросенокъ, 11 барановъ». Приходо-расх. кн. с. Измайлова л. 419 об. и 420. Причина такого огромнаго „урона“ совсѣмъ не указана, а выраженіе «померло» какъ будто отсылаетъ только къ общимъ причинамъ смертности всего живущаго.

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1275. У издателя ошибочно—«Никольскіе»: Николаевское—„приселокъ“ села Измайлова.

[2]) Ib., ст. 264.

[3]) Г. А., XXVII, № 526, л. 10.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1098. 1176. Объ этихъ пасѣкахъ см. Миклашевскій: Къ исторіи хоз. быта Моск. государства, ч. 1, стр. 130,

[5]) Ib., ст. 1138.

[6]) Ib., ст. 1178.

[7]) Ib.. ст. 1039.

[8]) Ib.. 21, ст. 1111. [9]) Ib.,

равъ, 2 теслы". Количество ульевъ, конечно, было измѣнчиво, но росло, повидимому, не быстро: такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, производитъ отчетъ Романовскаго воеводы: „А на пасеке пчелъ: въ зимовье было поставлено старыхъ зборныхъ купленыхъ пчелъ 400 ульевъ, да молодыхъ 50 ульевъ; а ныне на выставке старыхъ 370 ульевъ; молодыхъ 41 улей. А обезматчели и померли старыхъ 30 ульевъ, молодыхъ 9 ульевъ" [1]). Та же картина въ отчетѣ Скопинскаго воеводы. Съ этихъ 400 ульевъ изъ Романова однажды доставлено было,—вѣроятно, за годъ—38 пудовъ меду и 16 пуд. воску [2]). Рядомъ съ пасѣками держались въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другой, старинной, формы пчеловодства. Въ вотчинѣ Н. Зюзина с. Гридинѣ (Нижегородскаго у.) великому государю досталось: „пять ухожеевъ бортныхъ, въ длину на 30, поперекъ на 18 верстъ, 44 дерева с пчелами, 1802 дерева дѣлнова; в пусте черемисских знаменных, которые отписаны к тому селу, 7 дерев со пчелами, 1000 д. дѣльнова" [3]). Послѣ того Мурашкинскому воеводѣ, въ вѣдѣніи котораго состояло Гридино, велѣно было государевой грамотой «порадѣть—призвать въ Гридинские бортные ухожьи... всякихъ охочихъ людей, чтобы въ дѣльныхъ деревьяхъ завесть пчелы і вновь дѣльного деревья прибавливать, и медъ бы збирать на государя» [4]).

Замышляя развести улучшенныя породы скота и устраивая обширныя пасѣки, въ приказѣ такъ же настойчиво, какъ и для болѣе сложныхъ земледѣльческихъ работъ, искали людей, которымъ такія дѣла „были бы за обычай". Съ этого даже начали. Первыя попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы еще въ 1662-мъ году, когда только собирались устраивать хозяйство. О ней мы узнаемъ изъ отписки въ Тайный приказъ воеводы черкасскаго И. Некрасова: „в нынешнемъ, государь, во 170-мъ году, читаемъ тамъ, велено мнѣ, холопу твоему, въ Черкаском из уѣздных и из городовых черкас приговорить в твоі государевы дворцовыя подмосковные села человѣкъ пяти или шти добрых и правдивых и радѣтельных людей, которые всякую животину и дворовые всякіе птицы водить умѣли б». Попытка, однако, окончилась ничѣмъ. Хотя воевода государеву грамоту „вычиты-

[1]) Ib , ст. 1198.
[2]) Ib., ст. 1379.
[3]) Г. А.. XXVII, № 213, л. 123.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1127.

валъ“ въ съѣзжей избѣ «не пооднажды» и «о жалованье великого государя милостивой указ... сказывалъ“, тѣмъ не менѣе черкасы «атаман и редовые казаки» ему „про то сказали: у них-де таких строительныхъ на такое дѣло никово нѣтъ“ [1]). Черезъ годъ государь наказывалъ о томъ же въ извѣстной намъ грамотѣ Д. Башмакову: «да и людей (бы), которые за такою животиною ходить умѣютъ, приговорил же». Въ 1664 г. потребовали отъ Бѣлгородскаго воеводы, чтобы онъ выслалъ „ис тамошнихъ городовъ мужиковъ человѣкъ 15 или 20, которые умѣютъ строить пасеки и водить пчелы і всякую скотину: волы и коровы и овцы“ [2]). Одновременно съ этимъ изъ Смоленска вызываютъ цѣлый транспортъ разныхъ мастеровъ,—«семей 30 и болши» и среди нихъ—„животинниковъ, которые животину строятъ и которые всякие птицы водятъ: лебеди, гуси и іные, пасечниковъ, зверовщиковъ, кожевниковъ, сыромятниковъ“ [3]). Точно также велѣно было и въ другія мѣста—на Скопинъ, въ Романовъ, въ Сасово мѣстнымъ воеводамъ „для строенья свиней и овецъ призывать ис Черкаскихъ городовъ семьянистыхъ людей заобычныхъ“ [4]). Желаніе имѣть спеціалистовъ удовлетворялось, но, кажется, не въ полной мѣрѣ; во всякомъ случаѣ въ записныкъ книгахъ отмѣчено только прибытіе въ Москву изъ Бѣлгорода 23 пасѣчниковъ и 2 черкасъ скотниковъ [5]). Еще, конечно, труднѣе было достать „мастеровъ“ для уѣзда, и потому подмосковнымъ селамъ приходилось уступать на время своихъ; такъ, пасѣчники „чугуевцы“ и черкасы, въ числѣ 6 человѣкъ, посылались изъ Измайлова въ Сасово—„строить пасеки і водить пчелы“ [6]). Можетъ быть, потому государь особенно и оцѣнилъ, когда одинъ пасѣчникъ съ Украйны „собою пришелъ“,—велѣлъ дать ему «въ приказъ 5 рублевъ» [7]).

Много вниманія удѣлялось въ государевомъ хозяйствѣ садоводству и огородничеству. Сады и огороды были только въ подмосковныхъ селахъ, зато въ нѣкоторыхъ по нѣскольку (напр., въ Измайловѣ 2 сада—Виноградный и Просянскій и 2 огорода:

---

[1]) А. М. Ю., Бѣлгород. ст., № 514, л. 165.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1032.
[3]) Ib., ст. 1034.
[4]) Ib., ст. 1055, 1075, 1088.
[5]) Ib., ст. 1061—2.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 627.
[7]) Ib., ст. 724.

Просянскій и такъ называемый круглый), и имѣли обширные размѣры. По описи с. Измайлова 1687 г., Измайловскій Виноградный садъ былъ „по мѣрѣ въ длину 210 сажень, поперечнику 190 саж., кругомъ 800 саж.“, Просянскій—„длиною 138 саж., шириною 135 с., кругомъ 520 с. [1]). Въ садахъ въ огромномъ количествѣ росли обычныя на сѣверѣ фруктовыя деревья—яблони, вишни, груши и ягодныя растенія—смородина, крыжевникъ, малина, клубника. Въ с. Котельникахъ, напр., за одинъ годъ велѣно было посадить 3000 „пенковъ яблоновыхъ“, взятыхъ изъ Пахринскаго „яблонного“ сада, да 200 накопанныхъ крестьянами „въ лесахъ“ [2]). Упоминаются яблоки разныхъ сортовъ: „наливу“ („титова“, „отборнаго“, „большого“, „бѣлаго“), „аркаду“, „любщины“, „бѣлого скруту“. По приход.-расх. книгѣ с. Измайлова, въ теченіе 1676—7-го года изъ Измайловскихъ только садовъ «было в приходе» фруктовъ и ягодъ: 3938 яблокъ, 93 ведра смородины черной, 68 вед. красной, 11 вед. бѣлой, 19 ведеръ малины красной, 2 вед. бѣлой, 25 вед. „крыжу берсеню“, 7 вед. „клубницы“, 12 вед. вишенъ [3]). Изъ Пахринскаго сада въ 1666—7 году было прислано въ Москву 2850 яблокъ [4]). Изъ овощей особенно много сажали въ огородахъ капусты и огурцовъ; за тотъ же 1675—6 годъ «в приходе» показано: 65400 огурцовъ и 4767 грядъ капусты [5]). Сверхъ того, разводились во множествѣ всякія травы и цвѣты: салатъ, „кропъ“, зоря, рябинка, кошечья мята, клопецъ, изопъ, рута, „романъ“, чаберъ, шалѳей, дѣвичья красота, гвоздика, ушки, маки разные, „уклей“, васильки, „нохти“, уваръ, драгунъ и многіе другіе. Подъ овощи земля старательно удобрялась; гряды обивались „дранью“ [6]); огурцы и „волоскій горохъ“ предварительно сажали „въ садилахъ“ (въ концѣ апрѣля) [7]); а „часовникъ“ Моисѣй Терентьевъ, онъ же и мастеръ „водовзводнаго дѣла“, пробовалъ, при помощи «трубника» да «паникадильщика», устроить въ Виноградномъ саду водопроводъ [8]).

[1]) Оп. с. Измайлова, л. 149, 152.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1675.
[3]) См. л. 324 и об.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1223, 1221,
[5]) Пр.-расх. к. с. Измайлова, л, 325.
[6]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1405.
[7]) Приход,-расх. книги с, Измайлова, л, 313,
[8]) Р. И. Б., т, 24, ст. 4494—4.

Но у царя Алексѣя были замыслы, которымъ далеко не могла удовлетворить скромная мѣстная флора. Полагаясь на искусство мастера, онъ, видимо, хотѣлъ создать у себя подъ Москвой образцовый питомникъ, который давалъ бы ему всѣ, особенно цѣнившіяся тогда на Руси, богатства растительнаго міра другихъ странъ, включая сюда и отдаленныя области его собственнаго государства. Въ Измайловскихъ садахъ должны были, по его плану, встрѣтиться для совмѣстнаго процвѣтанія русскій виноградъ и огурцы Кизильбашскіе, дыни Бухарскія и Трухменскія и пшеница Цареградская, арбузы Шемахинскіе и Астраханскіе и финиковое дерево, тыквы „долгошеи“ и ягода „инде“ (индиго?), миндаль и перецъ Астраханскій, Кавказскій кизиль и дули Венгерскія, трава марена, дерево бумажное (хлопчатникъ) и тутовое. Хотѣли имѣть даже просто деревья или растенія, о которыхъ знали одно,—что они должны быть не похожи на свои—московскія: въ спискѣ предметовъ, которые было поручено купить за границей постоянному царскому комиссіонеру Гебдону, рукой царя вписано: „дерев немецких мѣрою по сажени“,—безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій [1]); или: въ 1662 году ѣздившіе послами въ Англію князь Прозоровскій и И. Желябужскій должны были привезти оттуда, по наказу царя, „сѣменъ всяких, которые, чаять, на Москвѣ взойдутъ из земли“ [2]). Царь не разъ и нарочно посылалъ довѣренныхъ людей, обыкновенно—своихъ подъячихъ и сокольниковъ, за сѣменами деревьевъ и растеній въ Симбирскъ, Астрахань, на Терекъ [3]). Оттуда же, по его распоряженію, привозили плодовыя деревья черенками „съ кореньемъ“, причемъ иногда, въ нетерпѣливомъ ожиданіи скорѣйшихъ результатовъ, царь наказывалъ „выбирати деревье самое доброе, чтобы отъ нихъ нынешнимъ лѣтомъ плодъ былъ“ [4]). Выписывая иноземныя породы, старались, какъ умѣли, создать для нихъ на новомъ мѣстѣ подходящія условія. Прежде всего поручали на ихъ же родинѣ „сыскивать садовниковъ самыхъ добрыхъ, смирныхъ и не гордыхъ людей“,—для винограда и арбузовъ, напр., въ Астрахани,—„чтобъ имъ тѣ сады завесть на Москвѣ противъ Астраханскихъ садовъ“, для тутовыхъ деревьевъ—„въ Астрахани, или на Теркѣ... или изъ-за моря при-

[1]) Г. А. XXVII, № 118, ч. IV, л. 42.
[2]) М. А. М. И. Д., Дѣла Англійскія, 1662 г., № 5.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1178, 1206, 1279—80, 1355, 1401, 1485, 1625, 1693.
[4]) Іb., ст. 1169.

звать“ [1]); для южныхъ русскихъ деревьевъ и растеній выписали сначала изъ Кіева „старца Филарета“, который, живя въ Чудовомъ монастырѣ, долженъ былъ „в Измайлово въ сады ѣздить съ полковникомъ и головою съ Артемономъ Матвѣевымъ“ [2]), а потомъ его смѣнили 2 старца славившагося на Украйнѣ своимъ садоводствомъ Мгарскаго монастыря Геннадій и Анофрій [3]). Царь наказывалъ еще „привесть таково человѣка, кто бывалъ въ Трухменехъ, і въ Хивѣ, і въ Балхѣ, і въ Бухарехъ“ [4]). Тутъ же видимъ и „нѣмцевъ“: „Иноземецъ Анбурчанинъ Горицынъ, записано въ записныхъ книгахъ, ударилъ челомъ великому государю барбарисовыми деревьями и Немецкими травами и сѣмяны, и тѣ деревья и травы насадилъ въ Виноградномъ саду і въ новомъ огороде“ [5]). Какъ люди ученые, слѣдовательно, больше другихъ въ глазахъ русскихъ людей понимавшіе тайны аптечнаго дѣла, и два другіе нѣмца—садовника, Григорій Хутъ и Валентинъ Давидъ „строили всякие травы“—одинъ на Просянской пустоши, другой въ Виноградномъ саду [6]). Подъ руководствомъ этихъ мастеровъ дѣйствовали свои садовники, большей частью изъ стрѣльцовъ [7]). Объ особой тщательности ухода за привозными растеніями говоритъ, напр., указаніе, что земля на гряды, гдѣ они сажались, просѣвалась черезъ рѣшета [8]). А иногда сами мастера, отправляясь по царскому вызову въ Москву, везли съ родины земли, по своей спеціальности каждый; такъ садовники «Виноградныхъ и Арбузныхъ садовъ» доставили изъ Астрахани по 200 пудовъ «виноградной и арбузной земли» [9]).

Но предметомъ исключительнаго вниманія и вмѣстѣ источникомъ особенно широкихъ ожиданій служило тутовое дерево. Если мы припомнимъ, какое значеніе шелкъ имѣлъ въ тогдашней русской торговлѣ, то для насъ будетъ понятно увлеченіе, съ какимъ царь Алексѣй стремился завести шелководство подъ Москвой. Первую попытку къ этому сдѣлали, имѣя, кажется,

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А. т. II, ст. 377.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1184.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1334.
[4]) Р. И. В., т. 21, ст. 1352.
[5]) Ib., ст. 1407.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1140.
[7]) Ib., ст. 885.
[8]) Ib., ст. 953.
[9]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1626.

еще очень смутное представленіе о томъ, какъ и въ какихъ условіяхъ растетъ тутовое дерево. Такое впечатлѣніе производитъ, по крайней мѣрѣ, въ передачѣ записныхъ книгъ, наказъ, съ которымъ поѣхалъ сокольникъ Д. Раковъ въ Симбирскъ къ воеводѣ Дашкову: «будетъ тутовое деревье растетъ кустами, и ему б (Дашкову) прислать к Москве 100 кустовъ, да тѣхъ же деревъ нарѣзать черенковъ, сколько мочно, и прислать то все на Ямских подводах тотчасъ съ нимъ Дмитреемъ, чтобы то деревье привести и на Москвѣ разсадить нынешнею осенью до заморозья» (грамота послана 21 октября) [1]). Вскорѣ, однако, (приблизительно черезъ полгода—въ 1665 г.) въ Москвѣ появляется «шелкового дѣла заводчикъ» армянинъ Ларіонъ Льговъ и къ этому, вѣроятно, времени надо относить отмѣченныя въ описи «четверы роспросные рѣчи о шелковомъ, и о тутовомъ, и о арбузномъ и о бумажномъ строенье Лариона Лгова съ товаищи» [2]). Заручившись спеціалистомъ, дѣлу сразу же дали широкую постановку; въ январѣ 1665 г. въ Астрахань отправился самъ Л. Льговъ, чтобы привезти оттуда «травы марины, да шолковыхъ червей и хлопчатой бумаги сѣмена», а одновременно съ этимъ сокольники Раковъ и Батоговъ были посланы въ Кіевъ и въ Симбирскъ съ грамотами къ мѣстнымъ воеводамъ о «высылке» изъ Кіева 30000, изъ Симбирска 20000 черенковъ тутового дерева—„всѣ мѣрою по аршину съ четью, а чтобъ были съ почки, на которыхъ впредь чаять отростковъ“ [3]). Л. Льговъ послѣ того еще нѣсколько разъ ѣздилъ въ Астрахань, привозя «сѣмянъ всякихъ по росписи» и исполняя нѣкоторыя другія порученія [4]). Въ то же время (около 1667 г.) устраивается тутовый садъ въ Симбирскѣ, при чемъ «къ строенью» сада привлечены были симбирскіе служилые люди, только на время дѣйствительной службы замѣнявшіеся «наемными знающими и непричинными людьми» [5]); а сѣмя тутовое должно было доставляться туда изъ Астрахани, въ виду чего «у астраханскихъ жильцовъ» были даже переписаны тутовыя деревья въ садахъ [6]). Впрочемъ, вскорѣ послѣдовалъ государевъ указъ Сим-

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1121.
[2]) Ib., ст., 862.
[3]) Ib., ст. 1149.
[4]) Ib., ст, 1279—80, 1351—3.
[5]) Ib., ст. 1318.
[6]) Зап. Отд. Р. и С. А. т. II, ст. 381—7.

бирскому воеводѣ—«на рѣку Сокъ и на иные рѣки послать человѣка добра..., и по тѣмъ рѣкамъ искать молодого тутового деревья [1]). Въ 1667 г., повидимому, заведены были «государевы шолковые заводы» въ Астрахани; по крайней мѣрѣ изъ Москвы посланъ былъ туда «шолкового дѣла мастеръ», который долженъ былъ «тутовые сады» разводить и шолкъ варить съ великимъ радѣньемъ» [2]). Въ Москвѣ между тѣмъ искусствомъ Л. Льгова, повидимому, не совсѣмъ были удовлетворены. Въ 1672 г. былъ посланъ въ Астрахань подъячій Тайнаго приказа Маркелъ Ватолинъ съ цѣлымъ рядомъ статей къ астраханскому воеводѣ Я. Н. Одоевскому. Эти статьи, какъ уже говорилось, сохранились [3]), и изъ нихъ видно, что въ Москвѣ царь собирался продолжать дѣло въ еще болѣе широкомъ масштабѣ. Потому, вѣроятно, что попытка „шолкового дѣла заводчика» плохо удалась, Одоевскому дается порученіе — «въ Астрахани или на Теркѣ сыскать или изъ-за моря призвать тутовыхъ садовъ садовниковъ самыхъ добрыхъ, которые бъ умѣли тутовый садъ завесть и на Москвѣ и промыслить сѣмени тутового дерева и шолковыхъ червей...; да тутового молодово деревья зъ землею и съ кореньемъ съ Ахтубы рѣки или откуды пристойно прислать къ Москвѣ» [4]). Это—старая забота; но явилась и новая: неудачные опыты Л. Льгова, должно быть, поселили сомнѣніе въ возможности акклиматизировать тутовое дерево въ Измайловскихъ садахъ, и царь, не желая легко отступиться отъ своей мечты, на всякій случай проектируетъ новый способъ шелководства, заранѣе предполагая, что исполнитель долженъ найтись. Кромѣ «шолковыхъ заводчиковъ», «которые бъ умѣли червей кормить и шолкъ дѣлать», царь наказываетъ еще „такова мастера сыскать, хотя дорого дать, хто бъ умѣлъ завесть и червей кормить такимъ кормомъ, который бы былъ подобенъ туту, или исъ тутового дерева бить масло и, въ то масло иныхъ деревъ листъ или траву обмакивая, кормить червей и за помощію Божіею завесть шолкъ на Москвѣ“ [5]). Но предпріятіе, по замыслу, должно въ результатѣ давать продуктъ, которой былъ бы годенъ для практическаго употребленія, и отсюда въ наказѣ—

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1327.
[2]) Ib., ст. 1341.
[3]) Г. А., XXVII, № 255; напеч. въ Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 376—387.
[4]) Зап. Отд. Р. И. С. А., т. II, ст. 377.
[5]) Ib., ст. 377.

новая статья: „Съ иноземцами жъ уговоритца, поставить всякихъ шолковыхъ красокъ самыхъ добрыхъ, чѣмъ шолкъ красить... Красильниковъ, которые бъ съумѣли красить шолкъ всякими цвѣтами, и знали въ какихъ мѣстѣхъ краски живутъ и какимъ подобіемъ и на тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ такіе краски есть, признаки и травы и лѣса растутъ“ [1]). Итакъ, шолковый промыселъ во всѣхъ условіяхъ и на всѣхъ стадіяхъ производства долженъ быть обставленъ собственными средствами. Рядомъ съ этимъ воображеніе царя начинаетъ столь же сильно занимать другой проектъ. Еще въ 1666 г. въ Астрахань къ тому же кн. Одоевскому посылался подъячій Тайнаго приказа съ государевой грамотой – „призвать Индѣйцов мастеровыхъ людей, которые умѣютъ дѣлать киндяки и бязи, да прислать травы марены сто пучковъ да... хлопчатой бумаги, по скольку пудъ пригоже“. Тогда, по розыску воеводы, оказалось, что въ Астрахани „индѣйцовъ мастеровъ нѣтъ и не сыскать“, а нашелся только „Бухарскаго двора жилецъ Кудабердейка, красильный мастеръ“ [2]). Были ли использованы таланты Кудабердейки въ Москвѣ,— изъ документа не видно; но изъ записныхъ книгъ узнаемъ, что въ 1668 г. Л. Льговъ купилъ на царя (въ Астрахани) 300 кипъ хлопчатой бумаги (по 6—7 пуд. въ каждой) и снова искалъ „мастеровыхъ людей, кто бы бязи дѣлалъ, кто бы краски зналъ въ травахъ“ [3]). Оставался послѣдній шагъ — разводить хлопчатникъ подъ Москвой—и, по наказу Одоевскому, этотъ шагъ сдѣлали въ 1672 г.: „чтобъ въ Астрахани у иноземцовъ, читаемъ тамъ, сыскать сѣмени бумаги хлопчатой самого доброва, сколко мочно, и садовника знающаго, самого ж доброво и смирнова, который бы умѣлъ завесть бумагу на Москвѣ. А будетъ въ Астрахани сѣмени не сыщетца, и боярину и воеводѣ сѣмени подрядить вывесть изъ-за моря... и мастера призвать изъ-за моря жъ“ [4]). И это — тоже не простая забава; практическая цѣль предпріятія подчеркивается дополнительнымъ порученіемъ: „ткачей (сыскать), которые бъ исъ хлопчатой бумаги умѣли дѣлать миткали, кисеи, киндяки, ѳереспири, бязи и бумагу“ [5]).

Обладай искусство тѣмъ могуществомъ, какимъ надѣлялъ

---

[1]) Ib., ст. 378—9.
[2]) Доп. къ А. И., т. 5, № 16; ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 1139.
[3]) Р. И. Б. т. 21, ст. 1351.
[4]) Зап. Отд. П. и С. А., т. II, ст. 379.
[5]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 378.

его царь,—и Московская Русь, пожалуй, совершенно заслонила бы собой промышленный востокъ въ наиболѣе цѣнныхъ дарахъ его природы. Но царь переоцѣнивалъ силы мастера. Правда, добились того, что въ садахъ и огородахъ подмосковныхъ селъ выращивались дыни; по приход.-расходной книгѣ с. Измайлова, ихъ было „въ приходѣ“ за 1676—7 годъ 1648 штукъ [1]); удалось, повидимому, получить виноградъ: по крайней мѣрѣ въ описи упоминается среди „овощей въ патокѣ“ „винограду измайловскаго съ чети ведра“ [2]). Но тутовое и бумажное деревья обманули надежды. Кромѣ Виноградная сада въ Измайловѣ, устроены были два спеціально тутовыхъ сада—въ Пахринѣ и Алексѣевскомъ (въ послѣднемъ еще въ 1666—7 году было „посѣяно на грядахъ“ 15000 деревъ). Въ описаніи Пахринскаго тутоваго сада, производившемся послѣ смерти царя Алексѣя, однако, отмѣчено только: „а деревья на грядахъ по чети аршина и больши“ [3]), т. е. остались, вѣроятно, въ томъ видѣ, какъ были посажены въ 1666—7 году; бумажныя же деревья опись и совсѣмъ не нашла чѣмъ помянуть [4]).

Тутовые сады, имѣя своимъ назначеніемъ служить „шолковому заводу“, являются, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, наполовину промышленнымъ предпріятіемъ. Съ бо́льшей ясностью, хотя и не въ одинаковой степени, выступаетъ этотъ моментъ въ другихъ отрасляхъ царскаго хозяйства. Таково рыболовство. Разводили, прежде всего, живую рыбу, въ разсчетѣ имѣть ее всегда на-готовѣ „про государевъ обиходъ“, въ прудахъ, которые были выкопаны, отчасти, вѣроятно, съ этой цѣлью, въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ селахъ. Въ одномъ Измайловѣ было 37 прудовъ, въ Степановскомъ 10, въ Алексѣевскомъ 9, по одному въ Кудрявцевѣ и Чашниковѣ. Повидимому, разные пруды предназначались для

---

[1]) Приход.-расход. кн. с. Измайлова, л. 178 об.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 227.

[3]) Ib., ст. 245.

[4]) Въ Симбирскѣ нѣкоторые результаты были, повидимому, достигнуты. Въ сентябрѣ 1667 г. оттуда было прислано въ Москву „нового шолкового заводу“, какъ значится въ записныхъ книгахъ, варенья 175 года: вареного доброго шелку сырцу полфунта, зборново плохово шолку... 11 зол. съ полузолотникомъ, изъ маточныхъ пузырей вареного шолку 8 зол. съ полузол., да для образца пузырекъ и маточный червь съ крылами“. Р. И. Б., т. 21, ст. 1353. Не ясно, однако, пользовались ли въ Симбирскѣ при разведеніи шелковичныхъ червей своими тутовыми деревьями или изъ астраханскихъ тутовыхъ садовъ.

опредѣленныхъ породъ. Однажды въ Москвѣ у „живого мосту“ было куплено по государеву указу за-разъ 203 живыхъ рыбы:— „стерлядей и щукъ, судаковъ, лещей, язей, карасей, линей, окуней да сазанъ“, и всѣ были отправлены „въ прорезномъ стругу“ въ с. Степановское“ [1]); потомъ, при составленіи описи с. Степановскаго, противъ каждаго пруда, отмѣтили: прудъ такой то, „а въ немъ лини, караси“, или „окуни, плотицы“, или „щуки“, или „стерляди“ [2]),—очевидно, привезенная рыба была разсортирована по прудамъ. Рыбу можно было брать изъ пруда только по государеву указу или по памяти изъ приказа въ точно опредѣленномъ количествѣ [3]), и потому приходилось помнить ей точный счетъ, невзирая на явную его призрачность; въ описи села Кудрявцева читаемъ, напр.: „пруду длина 120 сажень, а въ пруде посажено рыбы: 50 щукъ, 170 лещей, 90 головлей, 50 язей“ [4]). Пруды были, однако, какъ бы домашнимъ дѣломъ. Въ вѣдомствѣ же Тайнаго приказа состояли, какъ мы знаемъ, взятые изъ Казанскаго Дворца Астраханскій, Черноярскій и Яицкій рыбные и насадные промыслы. Съ 1666 года намѣчаетс и способъ ихъ эксплоатаціи: въ этомъ году поручено было стрѣлецкому головѣ А. Лопухину, „будучи въ Нижнемъ і въ Лыскове і въ Мурашкинѣ, говорить съ насадными промышленниками, мочно ль нынешніе весны устроить на государевы деньги насадъ і во что онъ совсѣмъ станетъ“ [5]). Въ самую организацію рыбныхъ промысловъ приказъ, повидимому, не входилъ. Все дѣло поручено было опытнымъ людямъ изъ торговой среды, такъ называемымъ „промышленникамъ“: въ Астрахани — Муромцу Павлу Дубенскому, на Черномъ Яру—Кадашевцу М. Щербаку, на Яикѣ—Симбирянину Степану Трофимову [6]). Въ качествѣ ближайшихъ помощниковъ велѣно „съ ними быть“ у насадного дѣла — „наймовать работниковъ і всякие заводы заводить“ нѣсколькимъ нижегородскимъ и Астраханскимъ посадскимъ людямъ [7]), а нижегородскимъ посадскимъ людямъ вообще —

---

[1]) Арх. Окруж. Пал., изъ неопис. столб. Тайнаго приказа.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 355–6.
[3]) Ib., ст. 1664—6.
[4]) ib., ст. 269.
[5]) Ib., ст. 1164.
[6]) ib., ст. 278.
[7]) ib., ст. 1504—7.

поставлять „къ рыбной ловлѣ“ цѣловальниковъ. Довольно скоро, однако (въ 182 г.), послѣдовало обычное явленіе: нижегородцы „посацкіе людишки“ били государю челомъ объ освобожденіи ихъ отъ этой „новоприбылой службы“ по тому соображенію, что отъ нея „многіе посацкіе люди из Нижнего врознь бредут, а остальные в конец погибают“; и, по государеву указу, нижегородцы были замѣнены тѣхъ городов и селъ людьми, „которые городы и села вѣдомы въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ“ [1]). Но „промышленники“ и ихъ товарищи оставались до конца, въ извѣстные сроки „присылая“ въ Москву продукты своего промысла и представляя въ приказъ „приходные и расходные книги“ [2]). Были рыбные промыслы и въ другихъ мѣстахъ. Еще въ 1664 г. велѣно было воеводамъ Скопинскому и Романовскому „провѣдывать про рыбныя ловли всякими сыски накрепко, а провѣдавъ писать къ Москвѣ“ [3]). „Рыбныя ловли“ и нашлись,—по крайней мѣрѣ въ Романовѣ, на рѣкѣ Воронежѣ и въ озерахъ [4]). Въ большомъ количествѣ рыба ловилась на государя въ Городецкой волости Балахонскаго у. [5]). Но тамъ и здѣсь промыселъ не отличался сложностью. Рыба доставлялась въ свѣжемъ видѣ въ Москву или въ подмосковныя села и здѣсь подвергалась обработкѣ уже подъ наблюденіемъ приказа,—коптилась и вялилась. Въ этихъ видахъ государевыми грамотами вызвали однажды въ Москву изъ Тамбова, Воронежа, Мурома и Темникова „рыбниковъ, которые строятъ вялую и копченую рыбу“, а предварительно потребовали прислать для образца „рыбы вялой и копченой, построя и запечатавъ“ [6]). Этой операціей интересовался и самъ царь Алексѣй Михайловичъ, если ее именно имѣлъ въ виду авторъ одного изъ докладовъ, сообщая государю: „Рыба у Артемона Сергѣевича (Матвѣева) взята и к Картерью (Рудневу, прикащику с. Кудрявцева и Соколова) отпущена, и онъ, смотря тое рыбы, сказал, что у него в Соколове дѣлают лутче тово гораздо“ [7]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VI, № 98.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 291, 1505, 1692, 1703–4.
[3]) ib., ст. 1040.
[4]) ib., ст. 1750.
[5]) ib., ст. 1546, 1574, 1613 и др.
[6]) ib., ст. 1617.
[7]) Г. А., XXVII, № 524, л. 33.

Болѣе широкіе размѣры и болѣе самостоятельное значеніе въ составѣ царскаго хозяйства получили промыслы—соляной и поташный.

Солевареніе входитъ въ кругъ постояннаго вѣдѣнія Тайнаго приказа, начиная съ 1665—6 гг. Въ этомъ году «отпущены» были изъ Москвы стрѣлецкій голова П. Лопухинъ и подъячій Тайнаго приказа А. Аѳанасьевъ съ штатомъ «трубниковъ» (соляныхъ мастеровъ) въ Ростовъ и въ Переяславль Залѣсскій «для соляного варенья» [1]). Въ Ростовѣ агенты приказа стали на готовое мѣсто: тамъ уже содержались соляныя варницы Казенной слободы тяглецомъ Ѳ. Ростовцемъ, а теперь они были взяты на государя,—повидимому, съ уплатой за нихъ владѣльцу, по оцѣнкѣ „Ростовцевъ посадцкихъ людей“ [2]). Были ли раньше въ чьемъ-нибудь владѣніи соляныя варницы въ Переяславлѣ,—указаній на это въ дѣлахъ Тайнаго приказа не нашлось; но съ 1666 г. оба города становятся центральными пунктами по добыванію соли въ вѣдомствѣ приказа. Съ слѣдующаго 1667 г. устраиваются «соляные заводы» и подъ самой Москвой на Дѣвичьемъ полѣ [3]), а затѣмъ въ 1668 г. въ Хамовникахъ [4]) и, вѣроятно, вскорѣ подъ с. Коломенскимъ. И послѣ того мысль о расширеніи соляного промысла не оставляется въ приказѣ. Завѣдывавшій Ростовскими и Переяславскими варницами полковникъ Стормъ долженъ былъ, согласно государеву указу, «доискиватца соляного расолу» «въ старыхъ соляныхъ засыпаныхъ колодцахъ и трубахъ» [5]); точно также извѣстнымъ уже намъ Ѳ. Елизарову и дьяку Насонову было наказано во время командировки въ Скопинъ и Романовъ «роспрашивать всякими мѣрами и довѣдыватца соляныхъ озеръ» [6]). Очень внимательно относились и къ заявленіямъ частныхъ лицъ о новыхъ мѣстонахожденіяхъ соли. Получивъ отъ Симбирскаго воеводы Дашкова сообщеніе о соляномъ Бускунчарскомъ озерѣ (подъ Чернымъ Яромъ), со словъ какого-то Якушки Щербака, изъ приказа предписывали воеводѣ „послать изъ Симбирска с-ызвѣтчикамъ... ково пригожъ... для досмотру и описи“ названнаго озера „и для взятья образцовой соли“. Рѣшеніе о пригодности новаго

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1209.
[2]) Ib., ст. 395.
[3]) Ib., ст. 1356, 1373, 1380. Ср. т. 23, ст. 866.
[4]) Ib., т. 23, ст. 943.
[5]) Ib., т. 21, ст. 1431.
[6]) Г. А., XXVII, № 339, л. 6.

мѣста для разработки примутъ въ приказѣ, и потому тамъ хотятъ имѣть „досмотру роспись, и тому озеру чертежъ и образцовую соль“ [1]). Тоже вниманіе—и къ самой организаціи работъ. Въ Соли Галицкой мѣстному воеводѣ велѣно было съ 1665 г. «выбрать» и прислать къ Москвѣ «соловарного дѣла поваровъ, подварковъ, содильщиковъ, водоливовъ по 2 человѣка» [2]); изъ присланныхъ мастеровъ половина отправлена была на Переяславскія варницы, другая—на Ростовскія [3]). Завѣдующими варницами были назначены иноземцы: въ Ростовѣ и Переяславлѣ—полковникъ Стормъ, на Дѣвичьемъ полѣ, въ Хамовникахъ и подъ Коломенскимъ—полуголова К. Кромъ [4]),—въ расчетѣ на ихъ спеціальныя знанія. Мало того; слѣдя за ходомъ работъ по отчетамъ мѣстной администраціи и посылаемыхъ имъ агентовъ, приказъ иногда предписываетъ послѣднимъ „брать съ собой“ при возвращеніи въ Москву „трубныхъ мастеровъ“ и «объявлять» ихъ въ Тайномъ приказѣ,—надо думать, для разспросовъ о техническихъ подробностяхъ промысла [5]). На варницахъ примѣнялся наемный трудъ; только въ цѣловальникахъ, на обязанностяхъ которыхъ лежали, вѣроятно, вспомогательныя операціи, въ родѣ закупки дровъ, отправки или продажи соли и т. п., были сначала выборные посадскіе люди, а потомъ, спеціальнымъ государевымъ указомъ, велѣно было „призывать въ цѣловальники изъ бобылей охочихъ добрыхъ и семьянистыхъ людей“ за „государево жалованье“, „а посацкимъ людямъ, какъ исполнитца охочихъ людей то жъ число, у тѣхъ заводовъ въ цѣловальникахъ быть не велѣть“ [6]). Въ документахъ точно обозначается число рабочихъ на Дѣвичьемъ полѣ—всего 15 человѣкъ: 2 трубныхъ мастера, 1 кузнецъ и 12 чел. „работниковъ“ [7]). На Ростовскихъ и Переяславскихъ варницахъ, отличавшихся, повидимому, большими размѣрами, рабочихъ было, надо думать, больше. Есть указаніе, что въ Ростовѣ работали солдаты, а въ «нарядчикахъ» были стрѣльцы [8]). За отсутствіемъ данныхъ, нельзя точно сказать, какъ велико

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1362—3.
[2]) Ib., ст. 1201—2.
[3]) Ib., ст. 1214—5.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 353.
[5]) Р. И. Б., т. 21, 1335—6.
[6]) Ib., ст. 1385.
[7]) Ib., ст. 1384.
[8]) Ib., ст. 1676, 1417.

было количество добываемой соли на всѣхъ варницахъ. Во всякомъ случаѣ оно должно быть значительнымъ, судя по производившимся на нихъ затратамъ; напр., въ Ростовъ за одинъ только разъ было послано изъ приказа «на всякіе расходы и на кормъ работнымъ людемъ 1000 руб.» [1]).

Поташное дѣло среди промышленныхъ предпріятій появляется съ 1668 г. Въ этомъ случаѣ приказъ воспользовался наслѣдствомъ боярина Б. И. Морозова, начавъ новыя операціи эксплоатаціей устроенныхъ прежнимъ владѣльцемъ будныхъ становъ въ „новоотписномъ“ селѣ Сергачъ (Нижегород. у.), перешедшемъ въ вѣдомство Тайнаго приказа послѣ смерти вдовы Морозова. Въ 1675 г. «взята была на великаго государя для заводу будныхъ майдановъ» вотчина И. С. Хитрово, с. Шишковердь (тоже Нижегород. у.) [2]). Въ томъ же 1675 г. предпринятъ былъ обширный розыскъ «угожих лесов, которые б годились его, великаго государя, на поташное и смольчужное дѣло». Розыскъ производили сначала черезъ Разрядъ. «Великому государю вѣдомо учинилось, гласилъ государевъ указъ, что в Путивльском і в Олешненском і в Обоянскомъ уѣздех лесов на поташное дѣло будет на многие и на великие заводы по рекѣ по Пслу на Гнилицкой Родени... А наперед сего в тѣх урочищах леса на поташное дело отданы были стольнику Ѳедору Меньшому Ртищеву, да гостю Аверкию Кирилову“. Въ виду этого, посланный изъ Разряда въ названныя мѣста, взявъ «в тѣхъ городѣхъ... тамошних жителей торговых, лутчих, знающих людей, которым поташное дело і промыселъ в обычай», долженъ былъ вмѣстѣ съ ними «описат леса. которые на поташное дело годятца, и разсмотрѣт, гдѣ у тѣх лесов быт будным станом». Потому ли, однако, что экспедиція изъ Разряда не состоялась или потому, что сообщеннымъ ею свѣдѣніямъ придавали въ Тайномъ приказѣ только значеніе предварительной развѣдки, — черезъ мѣсяцъ „великій государь указал по імянному своему великаго государя указу“ послать на этотъ разъ уже изъ Хлѣбнаго приказа (въ вѣдомствѣ котораго состояли Сергачъ и Шишковердь) — „въ Брянскій, в Сѣвской, в Обоянской, в Путивльской, в Серпейской и иных городов в уѣзды“ особую комиссію, въ составъ которой вошли два спеціалиста—„поливочъ да будникъ“, присланные съ Сер-

[1]) Ib., ст. 1438.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1376.

гацкихъ «будныхъ майдановъ». Комиссія должна была осмотрѣть „леса великаго государя", а „буде обыщет такие угожие леса в помѣщиковых і в вотчинниковых лесах, и тѣ леса нанимат... повольною цѣною" [1]). Одновременно, повидимому, съ этимъ въ приказѣ проектъ разрабатывался съ финансовой стороны. На такое предположеніе наводитъ сохранившійся въ дѣлахъ приказа документъ, по формѣ—отрывокъ доклада, содержащій вычисленіе расходовъ на поташные заводы и предполагаемой отъ послѣднихъ прибыли. Интересно, что примѣрный расчетъ сдѣланъ на 1, на 10 и на 100 будныхъ становъ: если не думать, что онъ производился исключительно теоретически, внѣ соображеній о размѣрахъ осуществимости,—то послѣдняя цифра должна будетъ служить подтвержденіемъ грандіозности плана, а самый докладъ—свидѣтельствомъ его обдуманности [2]). Планъ этотъ явился слишкомъ поздно, чтобы получить практическое значеніе; но оттого онъ, конечно, не перестаетъ быть характернымъ для хозяйственной предпріимчивости приказа.

Такимъ образомъ, добываніе поташа фактически сосредоточено было въ двухъ пунктахъ—въ с. с. Сергачъ и Шишковерди, изъ которыхъ первому принадлежала главная роль. Здѣсь оставленъ былъ «дѣлать поташъ» бывшій Сергацкій управляющій боярина Морозова А. Кучецкій, которому государь назначилъ и жалованье «въ ту мѣру», какъ онъ получалъ отъ боярина [3]). Можно думать, однако, что въ приказѣ не хотѣли оставаться совершенно пассивными въ дѣлѣ организаціи промысла. Въ дѣлахъ приказа имѣется документъ, озаглавленный: «159 году. Роспись середние Буды поташному дѣлу, какъ въ ней что построено и кому что, по чему от чево найму даетца» [4]). Какъ видно изъ заглавія, это—описаніе, очень подробное, устройства буднаго стана и добыванія поташа во всѣхъ его стадіяхъ, съ обозначеніемъ размѣровъ жалованья рабочимъ разныхъ спеціальностей. Что надо понимать подъ терминомъ «середняя Буда»,—не ясно; но изъ того, что документъ переводитъ литовскія мѣры и деньги на московскія, видно, что за образецъ принята въ немъ организація поташнаго промысла въ Западной Руси. Въ документѣ нѣтъ указаній, откуда онъ попалъ въ Тайный приказъ;

[1]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст., № 813, л. л, 201—209.
[2]) Г. А., XXVII, № 504.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1382.
[4]) Арх. Оруж. Пал., № 50670—4.

зато, въ виду интереса приказа къ поташному дѣлу, само собой ясно, зачѣмъ онъ попалъ сюда. Къ сожалѣнію, внутренній строй государевыхъ поташныхъ промысловъ почти совсѣмъ не отразился въ собственныхъ документахъ приказа. Изъ записныхъ книгъ видно, что вскорѣ послѣ назначенія управляющимъ Сергацкими заводами А. Кучецкаго, въ Москву изъ Сергача явились челобитчики, и по ихъ, очевидно, челобитью тутъ же послѣдовалъ государевъ указъ—«ис Сергацких заводов Андрея Кучина (Кучецкаго) перемѣнить і въ ево мѣсто... быть (въ помощь мѣстному прикащику) съ Лыскова да съ Мурашкина по человѣку лутчимъ и заводнымъ людемъ, которымъ бы было то поташное дѣло за обычай»[1]). При боярині Морозовѣ для лысковцевъ и мурашкинцевъ «будное дѣло» на Сергацкихъ станахъ,—главнымъ образомъ доставка дровъ и золы,—было повинностью, которая часто выполнялась ими натуральнымъ способомъ; поэтому они и могли быть привлечены къ управленію заводами, въ качествѣ цѣловальниковъ при прикащикѣ, можетъ быть, новичкѣ въ этомъ дѣлѣ. И теперь дрова на майданы въ Сергачъ доставлялись изъ Лыскова и Мурашкина, а овесъ лошадямъ — изъ Терюшевской волости,—но кѣмъ и на какихъ условіяхъ, — изъ документовъ не видно[2]). Всѣ работы велись наемнымъ трудомъ, и рабочихъ набирали иногда издалека. Такъ, въ 1674 г. государь указалъ «нанять работныхъ людей на свої великаго государя Сергацкие будные майданы 800 человѣкъ» въ Галичѣ и его „пригородахъ“[3]). Какъ видно изъ доклада о Сергацкихъ будныхъ станахъ 187 г., и цѣловальникамъ давалась „подмога“ въ размѣрѣ 2-хъ рублей на человѣка,—порядокъ, установленный, вѣроятно, Тайнымъ приказомъ[4]). Есть основаніе думать, что подъ управленіемъ Тайнаго приказа Сергацкій заводъ былъ расширенъ. По „приходной книгѣ вотчинъ А. И. Морозовой на 172 годъ“, въ Сергачѣ было два майдана—Песоченскій и Молебенскій; на оба было издержано (на дрова, золу, бочки, плату рабочимъ) 700 – 750 руб.; поташу

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1408.

[2]) Ib., ст. 1403.

[3]) А. М. Ю., Москов. ст., № 440, л. 97. Память въ Разрядъ о послушной грамотѣ галичскому воеводѣ для оказанія содѣйствія посланному для найма стряпчему С. Готовцеву послана изъ Хлѣбнаго приказа. Ib., № 100.

[4]) Арх. Оруж. Пал., № 51760.

добыто 6688 пуд. [1]). Между тѣмъ, по докладной выпискѣ Хлѣбнаго приказа, въ 1671—2 г. издержки составляли 28381 р., 7 ал. 5 д., а поташу «здѣлано» 4869 берков. 3 пуд., стоимостью въ 36519 р. 25 ал. (по 15 ефимковъ берковецъ); значитъ съ прибылью въ 8138 р. 28 ал. 1 д. [2]). Такимъ образомъ, добыча поташа въ Сергачѣ увеличилась въ 7 разъ; во столько же разъ увеличилось, вѣроятно, и количество будныхъ становъ въ Сергачѣ, т. е., было доведено приблизительно до 15. Зато относительная прибыльность промысла значительно понизилась. При боярынѣ Морозовой берковецъ обходился владѣлицѣ около 1 руб, тогда какъ приказу стоилъ около 6 руб. (съ провозомъ до Вологды) Эту разницу можно было бы отнести на счетъ дарового труда, примѣнявшагося въ извѣстной мѣрѣ при Морозовой; но и сопоставленіе съ производствомъ при аналогичныхъ условіяхъ даетъ почти тотъ же выводъ. Въ 1678—9 г. на Сергацкихъ заводахъ было выработано поташу, какъ значится въ докладной выпискѣ для Ѳедора Алексѣевича, 1399 берк. 6 пуд. при затратѣ, съ провозомъ до Вологды, 2302 р. Правда, изъ 4-хъ, дѣйствовавшихъ теперь, майдановъ, одинъ «держали» Сергацкіе крестьяне «за денежный оброкъ и за столовые запасы» [3]); но и повышая на соотвѣтствующую сумму общій расходъ (2302 р. — 3 майдана, слѣдовательно, 4 майдана—3 т. руб.), получимъ стоимость берковца всего около 1½ руб. [4]). И даже по упоминавшемуся ранѣе проекту, предусматривавшему обзаведеніе заводовъ всѣми принадлежностями заново (напр., избами для рабочихъ и прикащиковъ, хлѣбными амбарами) расходъ вычисленъ около 4 руб. на берковецъ (5840 р. на 15 т. пуд. поташа). Конечно, расходы на обзаведеніе должны были имѣть мѣсто и при расширеніи Сергацкихъ промысловъ, произведенномъ, какъ только что было указано, Тайнымъ приказомъ; все же получается излишекъ, происхожденіе котораго остается неяснымъ.

Въ области обрабатывающей промышленности Тайный приказъ также произвелъ нѣсколько опытовъ приложенія своей

---

[1]) Арх. Оруж. Пал., № 33292.

[2]) Доп. къ А. И,. т. VI, № 78.

[3]) Арх. Окруж. Пал., № 51760.

[4]) Близкая къ этой цифра (6 р. 2 ал. бочка, слѣдовательно, берковецъ 2 р. 3 д.) указывается для Починковскихъ будныхъ становъ въ самомъ началѣ 18 в. г. Симсономъ въ ст. «Поташное дѣло въ Московскомъ государствѣ на порогѣ 17-го вѣка». Ж. М. Н. Пр., 1913 г., май, стр. 134.

хозяйственной энергіи, въ результатѣ чего явились заводы—желѣзные, стеклянные, сафьянный и кожевенный.

Въ 1658—9-мъ году государевымъ указомъ велѣно было „вѣдать“ въ Тайномъ приказѣ знаменитые Тульскіе и Каширскіе заводы иноземцевъ П. Марселиса и Ѳ. Акемы, до того времени вѣдавшіеся въ Приказѣ Большой Казны. Принявъ ихъ въ свое вѣдѣніе, Тайный приказъ, однако, во внутреннюю жизнь заводовъ не вмѣшивался, ограничиваясь лишь наблюденіемъ за исполненіемъ тѣхъ условій, на которыхъ правительство предоставило владѣльцамъ „тотъ заводъ держать“.[1]) Гораздо ближе Тайный приказъ стоялъ къ тремъ другимъ, такъ называемымъ „Звенигородскимъ“ желѣзнымъ заводамъ, находившимся въ предѣлахъ подвѣдомственной ему территоріи, — Степановскому, Обушковскому и Брондиковскому. Изъ приказа назначался сюда управляющій (М. Кобыльскій, прикащикъ с. Степановскаго); отсюда требовалось „присылать росписи наличному желѣзу въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ помѣсячно“ [2]), здѣсь, наконецъ, не рѣдкость было видѣть и непосредственныхъ агентовъ приказа,—его подъячихъ, задерживавшихся иногда на заводахъ подолгу [3]). Мысль объ устройствѣ собственныхъ желѣзныхъ заводовъ явилась въ приказѣ, повидимому, въ 1668—9 г.г. и, какъ видно изъ одной записи приходо-расходныхъ книгъ, для ея осуществленія приказъ воспользовался мастерами иноземцами, работавшими у Марселиса: записавъ тамъ подъ 21 сент. 1668 г. государевъ указъ о выдачѣ государева жалованья 20 руб., для праздника, «желѣзнова заводу мастеру и плавильщику иноземцу новокрещенцу Дементію Іванову сыну Буди с сыномъ ево, Андрюшкою, которые были на желѣзныхъ заводехъ... у иноземца у Петра Марселиса“, подъячій поясняетъ: «а посланы они для досмотру желѣзные руды и для желѣзныхъ заводовъ въ Звенигородской уѣздъ и на пустошь Сумароково“ [4]). Всѣ три завода были устроены на «рѣчкѣ Бѣлой» и работали водой. Въ «молотовыхъ анбарахъ» было по 2 горна и посредствомъ водяныхъ колесъ приводились въ движеніе молоты, вѣсившіе по 14—15 пудовъ. Наиболѣе обширнымъ былъ Степановскій заводъ. На немъ кромѣ листового желѣза („досокъ желѣзныхъ“), лопатъ, топоровъ, гвоздей

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 676, 680.
[2]) Ib., ст. 1747.
[3]) См. выше, стр. 74—5.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1105.

изготовлялись еще, какъ мы знаемъ уже, „пушки кованые". Поэтому здѣсь, помимо обычнаго молотоваго амбара, былъ амбаръ «сверлишной, гдѣ просверливаютъ пушки», имѣвшій совсѣмъ особое сложное устройство: „въ немъ, по описи, колесо водяное, колесо сухое, да 3 колеса въ верху подъемные». На Степановскомъ заводѣ были еще «анбаръ мѣдной» и „анбаръ кузнишной". Въ моментъ производства описи на заводѣ оказалось выработанныхъ продуктовъ «связного и прутового желѣза 1308 пуд., 2 пушки по 28 пуд., 170 «досокъ» (85 п.), 180 лопатъ, 100 топоровъ, 3 т. гвоздей «пробойныхъ», 12 п. красной мѣди и, сверхъ того, желѣзной руды 46 т. пуд. да чугуну 6200 пуд.". [1]) На Обушковскомъ заводѣ выдѣлывались еще „доски црѣнные",—очевидно, для соляныхъ колодцевъ. Къ заводамъ для обезпеченія ихъ дровами была пріобрѣтена (и «приписана») пустошь Сумароково, и по близости же въ сельцѣ Ивакинѣ (Боров. у.) „въ вотчинной деревнѣ" Архангельскаго протопопа Ѳедора производилась „за наемныя деньги", 50 руб. въ годъ, ломка желѣзной руды[2]). Составъ мастеровыхъ людей на всѣхъ трехъ заводахъ—довольно скромный: «доменыхъ 2 человѣка, молотовыхъ 6 ч., подмастерьевъ 5 ч., поддатней 6 ч., кузнецовъ 4 ч., мельникъ 1 ч.» [3]) Въ приходо-расходныхъ книгахъ находимъ еще «роспись солдатамъ, которые живутъ въ селѣ Степановскомъ на государевыхъ звенигородскихъ желѣзныхъ заводахъ»—17 человѣкъ, [4])—въ отличіе отъ «мастеровыхъ людей»—спеціалистовъ они исполняли, вѣроятно, всякія предварительныя работы.

Стеклянныхъ заводовъ въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа было два: въ Измайловѣ и въ Черноголовской волости. Записныя книги довольно точно указываютъ время, когда устраивали первый, отмѣтивъ въ записи подъ 14 янв. 1669 г. выдачу государева жалованья стрѣльцамъ—плотникамъ, которые дѣлали въ селѣ Измайловѣ анбаръ, гдѣ скляницы дѣлать». [5]). Тогда же подъячимъ Тайнаго приказа М. Ватолинымъ было куплено къ стеклянным заводамъ «у иноземки у Ивановы жены Ѳан-Стадена у вдовы Овдотьи" на 138 р. 20 к. «горшковъ и сковородокъ мѣдныхъ и

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 256—8.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1400; 21, т. ст. 258,—60.
[3]) Р. И. Б. т. 21, ст. 259.
[4]) Р. И Б. т. 23, ст 186—7,
[5]) Р. И. Б. т., 21, ст. 1444.

іныхъ всякихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ снастей и золы»[1]). Но мысль объ устройствѣ стекляннаго завода подъ Москвой явилась у царя Алексѣя много раньше. Еще въ 1657—8 году онъ поручалъ Гебдону прислать изъ-за границы «земли, въ чемъ дѣлается веницейское стекло» «и мастеровъ стклянишныхъ самыхъ добрыхъ»[2]), и даже годомъ раньше—«вывести к Москве из Виницѣи золы лутчей, в чом скляничные всякие суды дѣлать на хрустальной цвѣтъ, с тысячю пудовъ»[3]). Въ 1669 г. на Измайловскомъ заводѣ работали тоже «стеклянные мастера Виницѣяне»—Ловисъ Моэтъ (или Міотъ, по Кильбургеру—Мигнотъ), Янъ Арцыпухоръ, Петеръ Балтусъ, Индрикъ Леринъ, а по упрощенному московскому наименованію—Иванъ Мартыновъ «съ товарищи»[4]). Въ томъ же 1669 г., но нѣсколько позднѣе, были еще, какъ сообщается въ записныхъ книгахъ, привезены «скляничные мастеры Борисъ Ивановъ, Григорій Васильевъ и отосланы въ Преображенское»[5]), —по всей вѣроятности, на ауді-енцію къ бывшему тамъ въ то время государю. Ловисъ Моэтъ (онъ же Иванъ Мартыновъ), можно думать, былъ главнымъ строителемъ Измайловскаго завода, хотя съ своей стороны и Тайный приказъ, повидимому, принималъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ. Какъ разъ въ то время, когда заводъ устраивался, подъячій Тайнаго приказа Ѳ. Годовиковъ былъ командированъ «въ Московскій уѣздъ до стеклянныхъ заводовъ»[6]), —вѣроятно, на Духанинскій заводъ (въ 40 верстахъ отъ Москвы) съ цѣлью ознакомленія съ его устройствомъ и постановкой производства. Названные мастера сняты были для Измайловскаго завода съ живого мѣста, можетъ быть, съ того же Духанинскаго завода[7]) на время, а потомъ ихъ предполагали замѣнить другими. Въ памяти Разряду изъ Тайнаго приказа отъ 26 февр.

---

[1]) Р. И. Б. т. 23, ст. 1337.

[2]) Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 2.

[3]) Ib., ч. IV, л. 39.

[4]) Р. И. Б. т. 23, ст. 1337; 21 т., ст. 1450

[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1437.

[6]) Ib., ст. 1445.

[7]) Духанинскій заводъ, по свѣдѣніямъ Кильбургера, былъ устроенъ частнымъ лицомъ по имени Юліемъ Койетомъ, который долженъ былъ выписывать матеріалы „изъ Нѣмецкой земли“; а, можетъ быть, оттуда же получилъ и мастеровъ. Другихъ стеклянныхъ заводовъ (кромѣ Измайловскаго и Духанинскаго) Кильбургеръ не зналъ. См. Курцъ: Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ, стр. 118—9.

1672 г. читаемъ: «Великій государь по имянному своему государеву указу указалъ изъ села Измайлова стекляного заводу мастеровъ Івана Мартынова да Бориса Григорьева с товарищи десять человѣкъ отпустить на старой их стекляной заводъ, а в их мѣсто указал великій государь в село Измайлово на стеклянные заводы взять стекляных мастеров ис Путивля і из Сѣвска і из Трубчевска и из иных порубежных городов, гдѣ сыскать мочно, десять человѣкъ добрыхъ, чтоб которые стекло варит и горшки и пѣчи и всякіе стекляные суды і шурупы были дѣлат горазды и перевесть их тотчас». Государевъ указъ оказался, однако, недоразумѣніемъ. На посланныя изъ Разряда грамоты полученъ былъ отвѣтъ, что въ Сѣвскѣ, Путивлѣ, Недрыгайловѣ, въ Каменномъ и «тѣхъ городовъ въ уѣздахъ стекляных мастеров нѣт и преж сего не бывало»: только «были де стекляные мастеры въ Лебедянскомъ уѣзде», да и тѣ оттуда «сошли невѣдомо куда» [1]). Въ приказѣ съ неудачей сразу не помирились и, противопоставляя житейскому факту силу государева указа, продолжали настаивать: «великій государь велѣлъ послать, узнаемъ изъ дальнѣйшей переписки, въ тѣже городы свои другіе грамоты з болшимъ потверженіемъ... на спех», потому что «за мастерами ныне в селѣ Измайлове стекляное дѣло стало [2]). На этотъ разъ отвѣтъ неизвѣстенъ; но онъ вѣроятно и интересенъ былъ бы только въ психологическомъ отношеніи. А практически пришлось оставить въ Измайловѣ часть «Виницѣянъ», во главѣ съ И. Мартыновымъ, и послѣ присоединить къ нимъ еще двухъ иноземцевъ — «стекляного мастера» Януса Пухора да «стекляного ж резного дѣла мастера» Анца Фредриха [3]).

По описанію с. Измайлова 187-го года, Измайловскій заводъ былъ значительно больше Черноголовскаго. Измайловскій состоялъ изъ трехъ „анбаровъ“; въ одномъ вырабатывалось стекло, два другіе служили кладовыми. Вотъ принадлежности перваго, которыя могутъ дать представленіе и о способѣ самаго производства: кирпичная печь, «в которой стоятъ горшки и в нихъ дѣлаютъ стекляные суды; у ней труба для каленья стекляныхъ судовъ;... печь кирпичная с трубою, в которой стекло обжигаютъ; 4 очага кирпичныхъ с трубою, въ нихъ 4 котла литых

[1]) А. М. Ю., Сѣвскій ст., № 238, л. л. 24—34.
[2]) Ib., л. 40.
[3]) Арх. Оруж. Пал., № 51490, л. 5.

желѣзныхъ, в которых золу варят; 3 тчана большихъ, в которыхъ бываетъ щелокъ; очагъ кирпичной, в которой ис печи кладут уголье». Въ двухъ амбарахъ сложены были инструменты («снасти»): «сковороды, на которыхъ колютъ стекляные суды; 3 заслона; двѣнадцатеры ножницы больших, которые имянуютца боршели, четверы ножницы, что обрѣзываютъ стекло, пятеры щипцы, двенадцатеры клещи, размѣр, 54 трубки, 12 пантелей, 5 ралокъ желѣзныхъ, что стекло мешаютъ, 7 уполовниковъ, что стекло перемѣшиваютъ, 3 доски, на которыхъ стекляные суды дѣлаютъ, 8 клюкъ желѣзныхъ, которыми горшки очищаютъ, трои вилки, которыми стекляные суды принимаютъ, 3 пріема, которыми принимаютъ кувшины водяные, игодь мѣдная, 14 фурмъ мѣдныхъ заливныхъ, 7 ситъ, 6 рѣшетъ»... Имѣлпсь особыя «снасти», «которыми дѣлаютъ стекла коретные» [1]). Нужные для завода матеріалы добывали по сосѣдству: песокъ—съ Воробьевыхъ горъ, золу съ—пустошей, гдѣ усиленно производилась чистка лѣса [2]); близко была также знаменитая акжельская глина, которой на Черноголовскомъ заводѣ въ 187 г. оставалось, по описи, 5 возовъ [3]). На Измайловскомъ заводѣ оказались, кромѣ того, «всякие запасы къ өигурному дѣлу»: «пудъ стекла тянутово з золотом и с өиниөтью и с красками; өиниөти бѣлой, желтой, лазоревой полчетверти фунта; королков бѣлых чет фунта, бисеру желтово, зеленово 2 фунта без чети фунта, 12 золотниковъ краски дракомблею» и т. п., а также разныя приспособленія, «чѣмъ дѣлаютца фигуры» [4]). Издѣлія завода должны были, значитъ, удовлетворять не только практической нуждѣ, но и требованіямъ эстетическаго вкуса. По отзыву Кильбургера, управлявшій заводомъ Мигнотъ (Мартыновъ) славился своимъ искусствомъ и дѣлалъ «довольно чистое стекло». Изъ приходорасходныхъ книгъ с. Измайлова видно, что на Измайловскомъ заводѣ изготовлялись «стекляные суды» зеленаго и бѣлаго стекла различной формы: стаканы „высокіе, плоскіе, гладкіе, чешуйчатые, витые и съ обручиками»; солонки; «сулейки льдовые, витые, полосатые»; «скляницы виницѣйки съ шурупами»; „скляницы витыя съ шурупами и безъ шуруповъ;» кубки «съ кровлями и безъ кровель»; рюмки граненыя, тройныя, братинки, перешницы, му-

[1]) Оп. с. Измаилова л. л. 140—144.
[2]) Р. И. Б., т. 21 ст. 1451—2.
[3]) Оп с. Измайлова л. 271 об.
[4]) Оп. с. Измайлова, л. 147 обл.

холовки. Чтобы восполнить однообразіе формы, старались разнообразить размѣры: „суды“ чуть не каждаго вида дѣлали большіе, „середніе“ и «самые маленькіе», проявляя въ этомъ направленіи даже нѣкоторую игривость воображенія,—изготовили, напр., „200 сулеек въ золотникъ“, „5 стакановъ въ четверть ведра и больши», «рюмку в сажень»[1]),—послѣднюю, можно подумать, въ pendant къ царю-колоколу. Слѣдующій случай, разсказанный въ Дворцовыхъ Разрядахъ [2]), рисуетъ издѣлія Измайловскаго завода съ эстетической стороны. Однажды послѣ посѣщенія царемъ Алексѣемъ Измайлова обнаружено было исчезновеніе „золоченыхъ скляничныхъ достакановъ»; оказалось, что ихъ „украли“, какъ эпически—простодушно выразился составитель, сопровождавшіе государя стольники и стряпчіе. Если тутъ не сказалась профессіональная привычка тогдашнихъ камергеровъ, то проявившійся въ этомъ случаѣ успѣхъ измайловскихъ издѣлій въ наиболѣе изысканномъ кругу московскаго общества, конечно, долженъ свидѣтельствовать объ ихъ привлекательности.

Въ приходо-расходной книгѣ с. Измайлова содержатся данныя, которыми хорошо иллюстрируется общая продуктивность работъ на Измайловскомъ заводѣ. Эти данныя относятся къ 1676—7 г. и, слѣдовательно, вполнѣ могутъ характеризовать порядокъ, дѣйствовавшій въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа. Именно за годъ было выработано судовъ зеленаго стекла: «по сту скляницъ четвертныхъ і виниѣекъ и самыхъ маленькихъ съ шурупами, по сту жъ скляницъ середних і витыхъ безъ шурупов, 200 скляницъ четвертных без шурупов же, 49 сулей ведерныхъ, 42 сулеи полуведерных, по 50 четвертных и получетвертных, 50 братинок, 56 ставцовъ, 50 кружекъ, 100 мухоловокъ, 60 кувшиновъ самыхъ маленькихъ, 26 блюдъ, 25 стаканов болшихъ, по 30 середних и самых маленьких, 15 чарокъ, 20 перешницъ»; бѣлаго стекла: „43 кубка с кровлями, і в том числѣ два с цвѣтными репьями, один прозолоченъ, 54 кубка безъ кровель, 17 кубков (поддоньи отломаны), 16 кубков долгихъ потѣшных, 9 кубков плоских, 24 кубка потѣшных, 72 рюмки, 15 рюмокъ граненых, 1 рюмка в сажень, 30 сулей в четверть ведра, 1792 сулеи малых, 87 кувшинов, в коих цвѣты подаютца, 30 кувшинов, 2 кувшинов водяных, 2 подсвѣшника прозолочены, 47 ско-

[1]) Приходо-расход. кн. с. Измайлова, л. 216—18. об.
[2]) Дв. Разр. т. III. ст. 1598—9.

вородок болших и малых, 163 оловеничника, 5 стаканов в четверть ведра и больши, 50 стаканов болших—за два одинъ, 87 лампат, 25 солонок, 3067 стаканов высокихъ, 2850 стаканов плоскихъ, 10 блюдечекъ, 4 ставца, 416 склянокъ, 11 кружечок, 35 братинокъ 7 чашъ гладких илдовыхъ (?), 200 сулекъ в золотникъ"[1]).

Сафьянный заводъ, состоявшій въ вѣдѣніи Тайнаго приказа, былъ менѣе удачнымъ предпріятіемъ, и имѣлъ довольно сложную исторію. Первоначально онъ былъ устроенъ въ Москвѣ, на дворѣ суконной сотни тяглеца Михаила Бечевина, пріобрѣтенномъ Тайнымъ приказомъ. Объ учрежденіи его въ „книгѣ сафьянаго завода" сообщается: „174 года апрѣля съ 1-го числа великій государь указалъ на Михайловскомъ дворѣ Бечевина завести заводъ для сафьянного дѣла, а быть на томъ дворѣ мастеру Арменину Арабиту Мартинову»[2]). Завѣдываніе заводомъ поручено было подъячему Тайнаго приказа Кириллу Демидову, по смерти котораго въ 1667—8 году перешло къ другому подъячему Артемію Степанову. Устроенныя въ первое время на Бечевиномъ дворѣ зданія нѣсколько разъ потомъ передѣлывались, такъ что только «на хоромную починку и на всякій заводъ", очень несложный, вышла значительная сумма—103 руб. 20 ал. 3 д.[3]). Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1669—70 г., по государеву указу, былъ устроенъ еще другой сафьянный заводъ въ государевомъ селѣ Чашниковѣ, на этотъ разъ—«ис Приказу Володимерские Чети»; «а мастеру сафьяного дѣла на томъ дворѣ велено было быть Борису Іванову, да с ним учеником двум человѣком, которой мастер и ученики вѣдомы были въ Приказе Тайныхъ Дѣл". Такимъ образомъ, „двор строил, и на строенье и на всякие заводы денги в расход давал из Володимерские Чети" подъячій этого же приказа, израсходовавшій на все 158 р. 27 ал. 4 д. [4]). Въ слѣд. году рѣшено было оба завода соединить, и «сафьяной дворъ, что за Яузою (т. е. на Бечевиномъ дворѣ), которой вѣдомъ былъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, со всякимъ дворовымъ строеніемъ и з заводы и с мастером и с ученики и с сафьяны и с козлины... велено взять в Приказ Володимерские Чети и мастера и учеников перевесть на сафьяной же двор и

[1]) Приходо-расходн. кн. с. Измайлова, л.л. 216—218 об.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1601.
[3]) Ib., ст. 1626.
[4]) М. А. М. И. Д., Дѣла, вновь разобранныя, № 973, л. 1.

быти сафьяному двору в одном мѣсте в селѣ Чашникове“ [1]). Мастеръ, теперь уже новый, но тоже армянинъ, Мартынъ Мардьясовъ съ учениками и были переведены; покинутое же на Бечевиномъ дворѣ «дворовое строеніе» „въ пожарное время згорѣло»[2]). Все это было въ 20-хъ числахъ сентября 1670-го года, а „в том же во 179 году октября въ 1 день по досмотру мастера Мартына Мардьясова и учеников» выяснилось, что «сафьяному двору в селѣ Чашникове быть не мочно—для того, что неключевая вода». Мастеръ, оказалось далѣе, по собственному почину тогда же „обыскалъ... воду на Москвѣ в Земляном городе на Воронцовском поле, самотекъ вода, ключевая, чистая“, и обѣщалъ, что «тою водою учнетъ онъ, Мартынъ, сафьяны добрые (дѣлать)». Согласно съ этой экспертизой и обѣщаніемъ принято было (10 октября) рѣшеніе: «по указу великаго государя сафьяного двора строенье і всякие заводы села Чашникова перевезено, и устроен сафьяного дѣза двор на ключевой водѣ на Воронцовском поле» [3]). На новомъ мѣстѣ заводъ поступилъ въ новое вѣдомство: «179 году октября в 1 д. великій государь (т.) указалъ... отдать» его, со всѣми мастерами и со всякими запасами «въ Приказъ Малыя Россіи стольнику и полковнику Артемону Сергѣеву сыну Матвѣеву. Государевъ указъ о томъ сказалъ онъ же, Артемонъ» [4]). Конечно, между изготовленіемъ сафьяновъ и задачами Малороссійского приказа никакой связи не было; но Матвѣевъ лично всегда стоялъ фактически близко къ Тайному приказу и его хозяйственнымъ дѣламъ и нѣкоторое время, кажется, завѣдывалъ хозяйствомъ с. Чашникова, можеть быть, вмѣстѣ даже и сафьяннымъ заводомъ [5]). Впрочемъ, и внѣшнимъ образомъ сафьянный заводъ продолжалъ сохранять связь съ Тайнымъ приказомъ, потому что жалованье, хлѣбное и денежное, мастерамъ должно было и теперь итти изъ Хлѣбнаго приказа [6]). На этомъ, однако, вѣдомственныя мытарства сафьяннаго завода не остановились: «въ 181 г. велено было вѣдать его въ Галицкой чети», которой тогда сталъ управлять Матвѣевъ, а въ слѣд. году и оттуда заводъ былъ «взятъ»

---

[1]) Ib., л. 2—3.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 205—6.
[3]) М. А. М. И. Д., Дѣла, вновь разобранныя, №. 973, л. 4.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1640—1.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1356.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1641

и переданъ въ вѣдѣніе приказа «Новой Оптеки», т. е. вернулся, наконецъ, снова въ вѣдомство Тайнаго приказа, которому Новая Аптека непосредственно была подчинена.

Устройство сафьяннаго завода было несложное; на Бечевиномъ дворѣ, напр., были поставлены 3 избы для мастеровъ и рабочихъ, «омшеникъ, въ которомъ сафьяны дѣлают»; въ «амшеникѣ» 4 колоды большихъ и 8 короткихъ, «в чемъ кожи мочатъ»; колодезь «подъ кровлею», изъ котораго, съ помощью «колодезнаго насоса» съ желѣзнымъ коромысломъ, проводилась вода въ колоды; «анбаръ, на немъ сушило». Не хитры были и «снасти»: струги, «чѣмъ с козлинъ шерсть чистятъ», скобели, скребницы, клевецъ жерновной, «доски, которыми сафьяны мяхчатъ» и, наконецъ, разная «посуда»: котлы, кади и пр.[1]). Матеріалами для сафьяннаго производства служили: чернильные орѣшки, купоросъ, квасцы, поташъ, соль, зола, разныхъ цвѣтовъ сандалъ и святогорскій листъ. Козлиныя кожи, изъ которыхъ по преимуществу дѣлались сафьяны, покупались или въ Москвѣ въ «рядахъ», вѣроятно, подъячими, или въ городахъ—черезъ мѣстныхъ «выборныхъ» цѣловальниковъ; иногда поставлялись на заводъ по подряду. Города, гдѣ закупались «козлины», какъ разъ числились за Владимірской или за Галицкой четями (напр., за первой — Владиміръ, Торжокъ, Переяславль Рязанскій, Калуга, Тверь и др.; за второй—Кашинъ, Ростовъ, Шуя, Коломна, Кашира и др.), и, вѣроятно, отчасти и этимъ можно объяснять, почему та и другая получали въ свое вѣдѣніе самый заводъ. Закупка производилась и поштучно и большими партіями; напр., на Чашниковскій заводъ было пріобрѣтено однажды «подрядныхъ» 2 т. козлинъ на 580 руб.; въ другой разъ—въ Торжкѣ 1523 козлины на 323 руб. Размѣры производства характеризуются слѣдующими данными: съ завода на Бечевиномъ дворѣ (до перевода въ Чашниково) въ теченіе 176—9 годовъ «отдано въ приказъ великаго государя Тайныхъ Дѣлъ» 1374 сафьяна и замшъ, да перевезено въ Чашниково 300; на Чашниковскомъ заводѣ съ 178 по 182 годъ „сдѣлано было 3615 сафьяновъ (съ указанными 300). Самая постановка производства характеризуется, однако, не этими цифрами. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что расходы по производству значитеельно превосходили затраты на кожи. Съ 176-го—

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1608, 1642.

по 179 годъ куплено было, напр., 1672 кожи (изъ нихъ сафьяновъ вышло 1374) на 330 р. 7 ал. 2 д,; а на плату рабочимъ, ремонтъ зданій, покупку орѣшковъ и красокъ было израсходовано 529 р. 12 ал.[1]). Съ другой стороны, мастера рѣшительно не были на высотѣ положенія. Первый мастеръ Арабитъ Мартыновъ «по Русски языку не зналъ», какъ о немъ записано въ «Книгѣ сафьяного заводу», такъ что при немъ состоялъ особый «толмачъ для толмачества»—Бориско Ивановъ[2]); тѣмъ не менѣе ему подобрали русскихъ учениковъ. Черезъ годъ Арабитъ умеръ, и мастеромъ сдѣлали этого Бориска Иванова, который за годъ испортилъ 70 кожъ и былъ «из мастеров отставленъ». На смѣну ему явился Мартынко Мардьясовъ, который «выѣхалъ исъ Кизылбашской земли собою». Онъ извѣстенъ намъ, какъ иниціаторъ перенесенія Чашниковскаго завода на «воду самотекъ»; однако, черезъ нѣкоторое время и самъ онъ и ученики его (6 человѣкъ) были «от сафьянаго дѣла отставлены, потому что они многие сафьяны портили». Пробовали пристроить къ дѣлу стрѣльцовъ, но на этотъ разъ и стрѣльцы обманули ожиданія. Когда, наконецъ, „выбрали“ 6 человѣкъ «изъ добрыхъ мастеровъ» (откуда—неизвѣстно), то нашли даже нужнымъ обезпечить себя особымъ договоромъ, обязавши ихъ «дѣлать по 1 тысячѣ сафьяновъ на год ис прежняго годового жалованья». Въ довершеніе всего и закупленный матеріалъ иногда оказывался недоброкачественнымъ; такъ изъ 1523 «козлинъ новоторжскихъ» 731 въ дѣло не погодились—«для того: малы и тонки, а иные горѣлые»[3]). Эти затрудненія подъ конецъ были, повидимому, улажены, но при помощи комбинаціи, которая сама по себѣ представляетъ, можетъ быть, большій интересъ, чѣмъ сафьянное дѣло: къ устройству сафьяннаго завода долженъ былъ приложить таланты ближайшій другъ государя и глава московской дипломатіи.

Сафьянный заводъ пробовали использовать еще въ цѣляхъ другого производства: „великій государь (т.) указалъ, значится въ книгѣ сафьянного завода, на сафьяномъ дворѣ иноземцомъ Грузинцу Саѳару Давыдову да Кизилбашенину города Тевриза Асию Муратову для обрасца окрасить миткаля и холста на кумашное дѣло“[4]). Куплены были необходимые матеріалы, и работа

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1630—8.
[2]) Ib., ст. 1601.
[3]) А. М. И. Д., Дѣла, вновь разобранныя, № 973, л. 5.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1618.

была выполнена, причемъ аршинъ миткаля, окрашеннаго въ красный цвѣтъ, обошелся въ 4 ал. 2 д., аршинъ холста, окрашеннаго въ вишневый цвѣтъ,—въ 2 ал. 2 д. «Обрасцы» были представлены въ Тайный приказъ. Потомъ произвели, также по государеву указу, опытъ другого рода: красили „Коленского и Руского полотна для обрасца на киндяшное дѣло по аршину въ цвѣтъ“ И эти „обрасцы“ были „поданы к великому государю в Верхъ“ [1]). Было ли продолженіе опытовъ,—изъ книги и другихъ документовъ не видно.

Едва ли не остановилось въ положеніи опыта близкое къ сафьянному кожевенное дѣло. Распоряженіе объ устройствѣ кожевеннаго завода, какъ и всѣхъ другихъ, вышло отъ государя: въ одномъ изъ memorandum'овъ царя записано: „приказать (Семену Нестерову, управляющему Хлѣбнымъ приказомъ) завести кожевной заводъ, гдѣ пристойно, и кожи велѣть покупать в Мордве и в Черемисе, в тѣх мѣстех, в которыхъ не бывает покупки торговых людей“ [2]). Какъ видно, для обезпеченія успѣха будущему предпріятію царь предусмотрительно намѣчаетъ даже районъ для закупки матеріаловъ, гдѣ приказъ могъ бы дѣйствовать безъ конкуррентовъ. Съ другой стороны, въ дѣлахъ Тайнаго приказа имѣется документъ, представляющій изъ себя подробное описаніе процесса кожевеннаго производства и необходимыхъ приспособленій: очевидно, въ приказѣ знакомились этимъ путемъ съ кожевеннымъ дѣломъ. Тутъ же приведенъ расчетъ, согласно которому 6 человѣкъ рабочихъ (2 „мастера“ и 4 „дуботолка“) могутъ въ теченіе года изготовить до 1000 кожъ [3]). Мѣстомъ для устройства завода выбрали деревню Тимонину на Клязьмѣ, гдѣ и былъ построенъ „анбаръ каменной круглой, вдоль и поперекъ 11 саж.“ [4]). Въ Нижнемъ (въ 1670 г.— первая дата) заказано было „изготовить золы на кожевное дѣло 600 чети и прислать водою“ [5]); а въ Астрахани поручено было (въ томъ же 1670 г.) купить 10000 юфтей кожъ яловишныхъ“ [6]). Однако о практическихъ результатахъ всѣхъ этихъ приготовленій документы молчатъ.

---

[1]) Ib., ст. 1624.
[2]) Г. А., XXVII, № 526, л. 24.
[3]) Г. А., XXVII, № 506, л. 1—5.
[4]) Ib.
[5]) Р. И. Б. т. 21, ст. 1521.
[6]) Ib., ст. 1504.

Въ огромныхъ количествахъ вырабатывался въ царскомъ хозяйствѣ кирпичъ. Кирпичный заводъ устроенъ былъ на пустоши Строкинѣ въ томъ, безъ сомнѣнія, расчетѣ, что тамъ имѣлся большой запасъ дровъ, благодаря производившейся чисткѣ лѣса. Заводъ имѣлъ обширные размѣры, какъ можно судить хотя бы потому, что за одинъ разъ было заказано сдѣлать „к кирпичному дѣлу“ въ Сорокинѣ 700 липовыхъ становъ[1]). Работали здѣсь по преимуществу „работные люди“ — каргопольцы, вызывавшіеся съ мѣстъ по „наряду“ изъ Тайнаго приказа, причемъ для обученія ихъ искусству взяты были въ Строкино 16 чел. „кирпичниковъ“ изъ Каменнаго приказа, за особое вознагражденіе[2]). Несмотря на расходъ, на заводѣ оставались огромные склады кирпича; при составленіи описи насчитали, напр., въ Строкинѣ «11 сотъ 20000 кирпичю», т. е. 1200000[3]). Но строкинскій кирпичъ былъ невысокаго качества; приход.-расходная книга с. Измайлова замѣчаетъ о немъ: «плох, в дѣло мало годитца»[4]).

Въ селѣ Пахринѣ (Домодѣдов. волости) были также заведены «государевы печи» для обжиганія извести[5]). Отсюда известь развозилась въ разныя государевы села сотнями, даже тысячами бочекъ[6]).

Была еще отрасль промышленности, которую царь Алексѣй настойчиво стремился ввести въ кругъ хозяйственныхъ операцій своего приказа и въ которой онъ особенно много ждалъ отъ искусства мастера-иноземца, — добыча металловъ. Цѣлый рядъ экспедицій былъ снаряженъ изъ Тайнаго приказа въ самыхъ различныхъ направленіяхъ для отысканія руды всякихъ видовъ. Первый подобный опытъ былъ произведенъ едва ли не въ 1663 году. Во всякомъ случаѣ въ этомъ году «копали руду» въ Кадомскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго с. Соватмѣ, по указанію «извѣтчика» Ивашки Яковлева и подъ руководствомъ спеціалиста «рудознатца»[7]). Но особенно настойчивыми поиски становятся, повидимому, съ 1666 года. Въ іюлѣ этого года

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 954.
[2]) Ib., ст. 31, 73.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 231.
[4]) Приход.-расход. кн. с. Измайлова, л. 190.
[5]) Р. И. Б., т. 23, ст. 235, 938.
[6]) Ib., ст. 938; ср. 21 т., ст. 1632, 1667.
[7]) Г. А., XXVII, № 214, л. 38—9.

были „отпущены на Кевролу и Мезень рудознатцы Сербяня князь Богданъ да князь Степанъ Милорадовы», въ сопровожденіи стрѣлецкаго сотника и 2-хъ стрѣльцовъ «для сыску серебряной и золотыхъ и іныхъ рудъ». А черезъ три дня съ той же цѣлью отправилась другая экспедиція къ «Архангельскому городу», во главѣ съ полковникомъ Густавомъ фонъ-Кампеномъ. Задача этой была, впрочемъ, сложнѣе: Густавъ фонъ-Кампенъ долженъ былъ прежде всего обслѣдовать и описать «гору каменную алебастровую», о которой великому государю «вѣдомо учинилось», что таковая находится на Двинѣ рѣкѣ, «выше Колмогоръ 100, а отъ Архангельскаго города с 160 верстъ»; послѣ же того—«сыскивать всякихъ рудъ, слюды, соляныхъ разсоловъ или гдѣ пристойно соль варить въ морской водѣ; рѣкъ, на которыхъ мельницы строить для ростирки лѣсу при лесныхъ мѣстехъ, осмотрить леса, ис которыхъ мочно рубить к корабельному дѣлу на шоглы и на доски» [1]). Въ іюлѣ слѣдующаго года искали серебряной руды подъ с. Кременскимъ, Боровскаго у., стряпчій И. Образцовъ и рудознатецъ Івашко Неумоинъ, а „для указыванья мѣста“ съ ними отправленъ былъ „присыльной мужикъ вотчины князь Михаила Черкаского села Богородицкого крестьянинъ Гурко Шпенковъ“ [2]); тотъ же „рудознатецъ Івашко Неумоинъ“ былъ снова посланъ черезъ мѣсяцъ „для сыску серебряной руды“ со стольникомъ Е. Пашковымъ во Владиміръ [3]). По новому маршруту отправленъ былъ въ 1669 г. подъячій Тайнаго приказа Еремѣй Полянскій, „а съ нимъ рудознатцы: гречанинъ Іванъ Миколаевъ; Грузинцы Татулъ Мамукаевъ, Давыдъ Мамукаевъ“; имъ велѣно было искать серебряную руду, „ѣдучи Москвою и Окою и Волгою реками“ до Казани „по обе стороны тѣхъ рѣкъ“ [4]). На Волгѣ же отъ Ярославля до Астрахани, „и по инымъ рѣкамъ, которые въ Волгу впали“, пробовалъ счастья въ 1673—4 году «Вологжанинъ посацкій человѣкъ“ Яковъ Галахтіоновъ [5]), получившій изъ Тайнаго приказа обширныя полномочія искать золотую и серебряную руду «по всѣмъ Московскаго государства уѣздамъ по извѣтчиковымъ рѣчамъ» [6]). Загля-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1218.
[2]) Ib., ст 1336.
[3]) Ib., ст. 1343.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1466.
[5]) Ib., ст. 687.
[6]) Доп. къ А. И., т. VI, ст. 164.

нули и въ далекую Сибирь: въ 1672—3 гг. ѣздили туда все съ тѣмъ же—„для сыску серебряной руды“ —думный дворянинъ Яковъ Тимоѳеевъ Хитрово съ сыномъ, подъячій приказа Е. Полянскій, «да съ нимъ же рейтарского строю полковникъ Давыдъ Ѳанъ-дер-Нисин», побывавъ на Верхотурьѣ и въ Натайскомъ острогѣ [1]). Посылая экспедиціи въ отдаленныя мѣста, въ то же время не отказывались отъ надежды найти руду и по близости отъ Москвы. Такъ, въ 1669 году, желая, можетъ быть, испробовать искусство рудознатцевъ, „которыхъ привезъ изъ-за рубежа полковникъ Ѳан-Стаденъ“, послали ихъ, подъ присмотромъ подъячаго Иванѣ Полянскаго, искать серебряной руды въ Дмитровскомъ уѣздѣ [2]). И даже подъ Измайловымъ приход.-расходняя книга 174 г. отмѣчаетъ «земляную копку, гдѣ ищутъ мѣдные руды» [3]).

Какъ видимъ, руководителями этихъ предпріятій являются «знающіе люди» разныхъ національностей, иноземцы съ запада и востока; но былъ судя по прозвищу, одинъ, какъ будто, и домашній «рудознатецъ». Царь усиленно искалъ такихъ людей и, главнымъ образомъ,—на западѣ. Еще по «росписи» изъ приказа 166 г. царскій комиссіонеръ Гебдонъ долженъ былъ призывать на службу изъ-за границы «алхимистов самых ученых, рудознатцов серебряных и мѣдных и желѣзных руд.» [4]). Въ 1667 г. былъ отправленъ за рубежъ уже изъ Москвы спеціально «для призыванья въ Московское государство ремесленныхъ людей» иноземецъ Іванъ Ѳанъ-Сведенъ [5]). Въ 1669 г. ѣздилъ «за море» «по государеву указу за всякими мастеровыми людьми и рудознатцами» полковникъ «Николай Ѳанстаденъ» [6]); и онъ же въ слѣдующемъ году нанималъ для государя «рудознатныхъ и плавильныхъ мастеровъ» въ «Курляндской землѣ» [7]). Призывая ученыхъ рудознатцевъ изъ-за границы, царь Алексѣй не хотѣлъ, однако, чтобы и русскій человѣкъ оставался безпомощнымъ въ этомъ дѣлѣ. Посылая въ 1662 г. Прозоровскаго и Желябужскаго въ Англію, царь ассигновалъ имъ 4 т. ефимковъ «на наемъ мастеровыхъ людей», и вмѣстѣ «на покупку рудъ всякихъ» [8]);

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 687.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 29.
[3]) Ib., стр. 790.
[4]) Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 70.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1305.
[6]) Ib., ст. 1447.
[7]) Г. А., XXVII, № 285, ср. т. 21, ст. 1519.
[8]) А. М. Д., Дѣла Англійскія, № 5.

и точно также позднѣе (около 1672 г.) извѣстный Андрей Виніусъ въ одну изъ своихъ заграничныхъ «посылокъ», «хотя великому государю послужить, досталъ... для образца самые добрые серебряные и золотые руду»[1]). Можетъ быть, вспоминая народное повѣрье о цвѣткѣ папоротника, какъ о вѣрномъ признакѣ кладовъ, царь, между прочимъ, поручалъ упомянутымъ Прозоровскому и Желябужскому „промыслить (въ Англіи) травъ, которые ростутъ, гдѣ бываетъ серебряная руда и каковы в тѣх мѣстех бывают признаки“[2]),—очевидно, въ руководство русскимъ людямъ при будущихъ самостоятельныхъ изысканіяхъ. Каковы были результаты всѣхъ этихъ усилій,—изъ дѣлъ Тайнаго приказа не видно. Навѣрное знаемъ только, что первая изъ указанныхъ попытокъ не вознаградила затраченныхъ трудовъ и денежныхъ средствъ: „копалі, читаемъ въ донесеніи Кадомскаго воеводы, сажен по пяті и по шти — доискивались руды серебреные, и никакие руды в тѣхъ мѣстех, гдѣ копалі, не нашли ничево“[3]). Потомъ руду все-таки нашли, но выплавилось изъ нея не серебро, а желѣзо. Оказалось, что искатели серебра были на этотъ разъ жертвами мистификаціи: объявившій руду Ивашка Яковлевъ обманулъ ихъ, показавъ за образецъ руду съ подмѣшаннымъ серебромъ[4]). Можно подозрѣвать, что и въ послѣдующихъ опытахъ разочарованія случались много чаще, чѣмъ удачи. За то достигнутъ былъ несомнѣнный побочный результатъ: настойчивость царя разбудила въ извѣстной мѣрѣ общественную предпріимчивость. Появились „извѣтчики“, которые знали „призначныя рудныя мѣста“, напр., города Пензы соборный попъ Лука Степановъ съ двумя своими «духовными дѣтьми» Михаиломъ и Яковомъ Безобразовыми; а посылавшійся изъ Разряда «для сыску всякихъ рудъ» жилецъ Семенъ Захаровъ сталъ, повидимому, настоящимъ спеціалистомъ въ этомъ дѣлѣ,—какъ писалъ о немъ Виніусъ, „по многимъ мѣстамъ ѣздя, къ тому дѣлу признался и... имѣетъ радѣнье великое“; образовалась даже компанія изъ русскихъ людей, испрашивавшая у государя разрѣшеніе „сыскивать руду своими проторми“ по всему Московскому государству, причемъ во главѣ ея оказался

---

[1]) Доп. къ А. И., т. II, ст. 161.
[2]) А. М. И. Д., Дѣла Англійскія, № 5.
[3]) Г. А., XXVII, № 214, л 39.
[4]) Іь., л. 144.
[5]) Доп. къ А. И., т. VI, № 24.

другой попъ—„церкви Успенія Пр. Богородицы, что на Москвѣ у новаго гостинаго двора, Дементій Ѳедоровъ“ [5]). Впрочемъ, эти дѣла проходили, главнымъ образомъ, черезъ Посольскій, а не черезъ Тайный приказъ [6]).

Каковы бы ни были практическіе результаты хозяйственной дѣятельности приказа, самая постановка ея говоритъ о необычной для 17 в. широтѣ замысла. При удачѣ, по разнообразію культивируемыхъ отраслей, царское хозяйство могло бы чуть ли не исчерпывающимъ образомъ обслуживать потребности тогдашняго предпринимателя и не только въ такихъ предметахъ, которые съ давнихъ поръ вошли въ повседневный обиходъ русскаго человѣка, а и въ такихъ, которые въ качествѣ рѣдкостей стали сравнительно незадолго передъ тѣмъ приходить къ нему изъ заморскихъ странъ. Широтѣ замысла соотвѣтствовало, насколько можно, конечно, ждать отъ того времени, и техническое оборудованіе—усовершенствованные хозяйственные пріемы и подборъ рабочихъ средствъ. Откуда пришла идея столь сложнаго предпріятія, объ этомъ можно говорить, только имѣя передъ глазами составъ хозяйственнаго оборота въ цѣломъ, съ одной стороны, и совокупность внѣшнихъ условій, въ обстановкѣ которыхъ складывалось вѣдомство приказа,—съ другой. Это будетъ предметомъ дальнѣйшаго изложенія; но одинъ моментъ, дѣлавшій подобный опытъ психологически возможнымъ, ясно выступаетъ и въ изложенныхъ уже наблюденіяхъ, это—наивная увѣренность въ техническомъ, почти всеоблемлющемъ, могуществѣ мастера—иноземца. Въ смутномъ видѣ такое чувство возникало у русскаго человѣка вообще по мѣрѣ того, какъ онъ, урывками и по частямъ, знакомился съ чудесами западной культуры; а у Алексѣя Михайловича оно выросло, повидимому, до степени прочнаго убѣжденія, ярко сказавшись нѣкоторыми увлеченіями и въ области руководимаго имъ хозяйства. Не имѣя точнаго представленія объ основахъ матеріальной культуры Запада и воспринявъ ея результаты, главнымъ образомъ, въ видѣ всякихъ, какъ онъ самъ однажды выразился, „диковинокъ,

[1]) Доп. къ А. И., т. VI, № 24.

[2]) Опись отмѣчаетъ также среди взятыхъ изъ архива Тайнаго приказа дѣлъ—„отпуски и писма всякие о серебряной рудѣ и о соли и иные Приказу Болшие Казны дела съ 170-го по 183 г.“: очевидно и Большая Казна дѣйствовала параллельно съ Тайнымъ приказомъ. Р. И. Б., т. 21 ст. 687.

какихъ въ Московскомъ государствѣ нѣтъ", царь Алексѣй былъ склоненъ вообще источникъ культурно-бытовыхъ отличій сводить къ умѣнью и изобрѣтательности, черезчуръ расширяя границы ихъ приложенія въ ущербъ значенію естественныхъ условій. Поэтому онъ съ большой свободой надѣляетъ Западъ разными „хитростями" даже изъ запаса собственнаго воображенія и потомъ разсчитываетъ съ помощью вызваннаго оттуда мастера имѣть ихъ у себя въ реальномъ видѣ. Вотъ одинъ—два примѣра—въ поясненіе. Царь любилъ, напр., смотрѣть, какъ „дѣлаютъ комедію" люди,—а какъ бы стали дѣлать то же птицы, къ которымъ, какъ извѣстно, онъ питалъ большое пристрастіе? И Гебдону дается порученіе—прислать изъ-за границы „мастеровъ такихъ, чтоб умѣли то здѣлать так, чтоб всякие птицы пѣли и ходили и кланялись и говорили, какъ въ комедіи дѣлаетца" [1]). Или: царю во время его походовъ, вѣроятно, много затрудненій причиняли разныя естественныя преграды,—но вѣдь долженъ быть мастеръ, который въ состояніи устранить ихъ? И, упреждая инженеровъ 20 вѣка, царь требуетъ, чтобы тотъ же Гебдонъ нашелъ ему въ Европѣ „подкопщиковъ самыхъ добрых, которые б умѣли подкопъ весть под реки, і под озеро, и сквоз горы каменные, и на гору вверхъ и сквоз воду" [2]). Тотъ же строй мысли, въ значительной степени, даетъ себя знать и въ области хозяйственныхъ предпріятій Алексѣя Михайловича: безъ сомнѣнія, прежде всего имъ объясняется возможность такихъ,—примѣняя выраженіе царя къ нему самому,—„диковинныхъ затѣекъ", какъ виноградный или тутовый садъ подъ Москвой. Но, конечно, эти вольности воображенія, только что выпущеннаго изъ одного плѣна и уже готоваго попасть въ другой, не должны закрывать передъ нами серьезнаго смысла основного факта.

---

[1]) Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 70.

[2]) Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 1. Редакція обоихъ порученій принадлежитъ самому Алексѣю Михайловичу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Какъ слѣдуетъ изъ исторіи образованія подвѣдомственной Тайному приказу территоріи, въ составъ крестьянскаго населенія государевыхъ владѣній вошли крестьянскія группы разныхъ категорій: владѣльческія, дворцовыя и государственныя, имѣвшія извѣстныя отличія—юридическія и бытовыя. Съ переходомъ въ вѣдомство Тайнаго приказа сохраняла ли каждая свои особенности или для всѣхъ нихъ создавалось одинаковое положеніе, и, въ послѣднемъ случаѣ, перестраивалось ли ихъ положеніе за-ново или какая-нибудь одна группа являлась образцомъ, по которому ровнялись двѣ другія? Конечно, основнымъ закономъ, подъ которымъ жилъ крестьянинъ и въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, было Уложеніе: недаромъ Уложенную книгу должны были держать прикащики и воеводы въ приказной избѣ [1]). Но Уложеніе какъ разъ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ всего ощутительнѣе сказывалась разница между указанными категоріями крестьянъ, напр., въ вопросѣ о предѣлахъ власти надъ личностью крестьянина и его животами, о составѣ и размѣрахъ его повинностей, или молчитъ или начинаетъ говорить уклончиво и невразумительно, предоставляя практикѣ вырабатывать болѣе категорическія рѣшенія и проводить болѣе опредѣленныя грани. Поэтому и въ данномъ случаѣ практика и создавшееся ею фактическое положеніе должны быть главными критеріями при опредѣленіи особенностей крестьянскаго состоянія.

Самымъ острымъ признакомъ въ положеніи владѣльческаго крестьянина была молчаливо допускавшаяся по отношенію къ

[1]) См. выше. стр. 59.

нему закономъ возможность быть предметомъ купли и продажи. Противъ такой возможности и въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа личность крестьянина, кажется, не могла имѣть гарантій. Самъ царь во взглядахъ на этотъ предметъ не возвышался надъ рядовыми вотчинникамм своего времени. Въ записныхъ книгахъ подъ 19 апр. 1662 г. находимъ, напр., слѣдующую запись: «послана государева грамота къ окольничему и воеводѣ ко князю Г. Г. Ромодановскому..., чтобы послалъ въ Запорогі ково пригожъ и велѣлъ купить тайно Татарченковъ молодыхъ человѣкъ 50 или 60 и прислать къ Москве съ кѣмъ пригожъ тотчасъ» [1]). Татары, въ качествѣ слугъ, были, можно думать, въ модѣ у тогдашнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ; у боярина Морозова, напр., мы видимъ ихъ въ роли приставовъ» или надсмотрщиковъ на сельскихъ работахъ, причемъ они смѣняютъ другъ друга «по недѣлямъ» [2]); они встрѣчаются также среди дворовыхъ людей—«стольниковъ», «слугъ» и «комнатныхъ жильцовъ»—у б. Н. И. Романова [3]). Повидимому, и царь Алексѣй, покупая татарченковъ, слѣдовалъ той же модѣ: нѣкоторые изъ нихъ были потомъ въ царскихъ сокольникахъ [4]); татарамъ же государь указываетъ «быть» на его мельницахъ „вмѣсто работниковъ“ и на конюшенныхъ дворахъ [5]). А вотъ картина—уже совсѣмъ во вкусѣ крѣпостной усадьбы: «по указу великаго государя (т), читаемъ въ приходо-расходной книгѣ Тайнаго приказа, (дано) ево государева жалованья Василью Борисову сыну Благово, въ приказъ, сто рублевъ за то, что онъ великому государю челомъ ударилъ двемя человѣки да десять лошьихъ собакъ“ [6]). Можетъ быть, здѣсь даже интереснѣе состава подарка то простодушіе, съ какимъ официальный документъ воспроизвелъ эту комбинацію, не смущаясь юридической близостью, въ которой оказались «человѣки» и собаки. Эти два случая, конечно, не совсѣмъ то, что прямая торговля людьми; но послѣ нихъ покупка крестьянъ въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа во всякомъ случаѣ не будетъ неожиданностью. Въ указѣ Ѳедора Алексѣевича отъ 16 февр. 1681 г., содержащемъ предписаніе о сыскѣ Измайловскихъ

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1009.
[2]) См. напр., Арх. Ор. Пал. № 42297, лл. 7, 53 и об., 69, 138.
[3]) М. А. М. И. Д., Прик. дѣла ст. л., 1652 г., № 89, л. 56—8.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 611.
[5]) Г. А., XXVII, № 35, л. 3—4.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 584.

крестьянъ, разсказана, между прочимъ, исторія с. Измайлова, и тутъ мы читаемъ: «А село—де Измайлово съ приселки и з деревнями по именному блаженные памяти великого государя (т.) Алексѣя Михайловича указу построено внове, и крестьяня свезены изо многихъ дворцовыхъ селъ и волостей и ис купленыхъ вотчинъ, а иные браны у всякихъ чиновъ людей, ...а иные призваны были литовские выходцы, а иные браны для того, что служилі во дворахъ у всякихъ чиновъ людей посацкие тяглые люди и дворцовыхъ селъ крестьяня и крестьянские дѣти, а иные куплены». Указъ далѣе предписываетъ составить роспись крестьянамъ, «кто у кого взятъ, и призванъ Литовскихъ выходцевъ, или купленъ и по какому случаю» [1]). Терминъ «купленъ», употребленный въ указѣ въ примѣненіи къ крестьянамъ дважды, нельзя считать обмолвкой. Та же терминологія выдерживается и въ другомъ указѣ Ѳедора Алексѣевича отъ 1-го іюля 1678 г., содержащемъ распоряженія по ликвидаціи хозяйственныхъ предпріятій его отца: указомъ требуется прислать въ Судный Дворцовый Приказъ «купчие і всякие крѣпости, что покупаны при отце ево государеве въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ розныхъ чиновъ у людей села, і деревни, і пустоши, і всякие угодья въ Московскомъ и іныхъ городовъ въ уѣздехъ і крестьяня» [2]). Одну изъ такихъ купчихъ на людей имѣетъ, можно думать, въ виду и опись, отмѣчая среди купчихъ на землю, найденныхъ въ архивѣ Тайнаго приказа, слѣдующій документъ: «Запись Якова Васильева сына да Ѳедора Ѳедорова сына Демьяновыхъ, 182-го марта въ 25 день, на крестьянина ихъ на Стеньку Васильева з женою и з детми, что взяли они за него ис Приказу Тайныхъ Дѣлъ денегъ сто рублевъ, которой крестьянинъ ихъ деревни Хлуденева живетъ въ государеве дворцовомъ селѣ Дмитровскомъ“ [3]). Возможно, что описанный въ такой формѣ документъ былъ поступной записью, хотя опись вообще, надо сказать, всегда очень точно обозначаетъ родъ актовъ, переданныхъ ликвидаціонной комиссіи «для розбору»,—въ томъ числѣ и поступныя записи, заимствуя даже при описаніи выраженія изъ ихъ формулы («что поступился») [4]). Во всякомъ случаѣ мѣсто, отведенное этой записи—среди купчихъ, прямо

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 836.
[2]) Ib., ст. 824.
[3]) Ib., ст. 376.
[4]) Ib., ст. 317—20.

выдаетъ, какое значеніе придавали ей въ дѣйствительности, предпочитая, можетъ быть, только прямо не называть ее купчей.

Для государевыхъ крестьянъ было счастливымъ обстоятельствомъ, что ихъ владѣлецъ не имѣлъ нужды пускать ихъ въ оборотъ въ качествѣ товара и ограничивался только ихъ пріобрѣтеніемъ. Зато чрезвычайно широкое примѣненіе въ практикѣ приказа получилъ другой хозяйственный пріемъ, также выражающій собой зависимость крестьянина отъ владѣльца въ личныхъ и имущественныхъ правахъ,—переселевіе крестьянъ. Уже извѣстный намъ указъ отъ 16 февр. 1681 г. содержитъ указаніе на перевозы крестьянъ при устройствѣ с. Измайлова. Изъ другихъ документовъ видно, что Измайлово заселялось въ нѣсколько пріемовъ. Такъ, въ 1662—3 г. изъ Колдомской волости (Костром. у.) за одинъ разъ было переселено туда 738 семей [1]); докладная записка 1675-го года о бѣглыхъ Измайловскихъ крестьянахъ давая, несомнѣнно, невѣрную общую цифру (664) перевезенныхъ крестьянъ, упоминаетъ еще о крестьянахъ, взятыхъ въ Измайлово изъ Славецкой волости (Влад. у,), изъ села Забѣлина и дер. Аламовой (Переясл.—Зал. у.), изъ селъ Порѣцкаго и Семеновскаго (Алатор. у.), изъ Аргуновской волости [2]); наконецъ, записная книга 1667 г. приводитъ указъ о выборѣ «на житье» въ Измайлово 222 человѣкъ «крестьянъ мастеровыхъ людей» изъ дворцовыхъ волостей вообще, не перечисляя послѣднихъ [3]). Тѣмъ же способомъ увеличено было населеніе другого подмосковнаго владѣнія—Домодѣдовской волости: сюда были переведены жители городовъ Каширы, Керенска и двухъ Ломовыхъ—Верхняго и Нижняго [4]). Для заселенія г. Богородицкаго удѣлили изъ «Измайловскихъ селъ» 300 крестьянскихъ семей, да изъ Пошехонскихъ 100 [5]); туда, затѣмъ, были направлены въ 1664 г. ломовцы и керенцы 108 семей, не погодившіяся для Домодѣдовской волости [6]), а въ 1670 г. тамъ же поселены были «на вѣчное житье», какъ мы знаемъ, 100 чел. солдатъ изъ полка А. Шепелева [7]). 20 крестьянскихъ дворовъ

---

[1]) А. М. Ю., Приказ. ст, № 786, л. 173.
[2]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст, 387,
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1357.
[4]) А. М. Ю., Влад. ст., № 144, л. 17—19.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 705.
[6]) А. М. Ю., Приказ., ст. № 584, л. 195 и сл.
[7]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1528—9; см. выше стр. 118.

«съ семьями и съ племенемъ» были переведены изъ Аргуновской волости въ с. Чашниково [1]). Когда у государя явилась мысль «завесть десятинную пашню» въ Арзамасскомъ и Алаторскомъ уѣздахъ, послѣдовалъ указъ—«на ту пашню свесть и поселить семей 400 или болши» изъ Городецкой волости [2]). Но наиболѣе обширные размѣры эта мобилизація должна была получить, когда въ 1662—3 г. былъ данъ изъ Тайнаго приказа государевъ указъ объ отпискѣ изъ-за монастырей, помѣщиковъ и вотчинниковъ въ Бѣжецкомъ Верху корелянъ—выходцевъ въ числѣ 1069 дворовъ (или 3430 человѣкъ) и о поселеніи ихъ на «порозжихъ государевыхъ земляхъ», частью—въ Измайловѣ [3]). Отписка произведена была на томъ основаніи, что кореляне при выходѣ изъ-за Свейскаго рубежа «откупные деньги платили сами и платежные отписи положили», а «въ писцовыхъ и въ переписныхъ книгахъ за монастыри и за помѣщики и за вотчинники не написаны, и ссуды не имали».

При переселеніяхъ, разумѣется, не приходилось считаться съ интересами крестьянъ. Самый подборъ переселяемыхъ производился администраціей, которая должна была руководиться хозяйственными соображеніями. Повидимому, старались выбирать для подмосковныхъ селъ болѣе зажиточныхъ людей, а «худыхъ» отправляли подальше. Изъ Колдомской волости однажды, напр., по словамъ указа 1680 г., въ Измайлово «написано было вмѣсто причинныхъ людей 30 дворовъ самыхъ лутчихъ людей» [4]). Изъ предназначавшихся для Домодѣдовской волости ломовцевъ и керенцевъ тѣ, которые оказались, по ихъ собственному объясненію, «стары и увѣчны и бездѣтны, иные малы», отправлены были «на житье» въ г. Богородицкой, и мѣстный воевода, ознакомившись съ ними, подтвердилъ, что они, дѣйствительно, «безмѣрно бѣдны» [5]). Хозяйственными соображеніями опредѣлялся и способъ отбора; предписывая одному изъ агентовъ приказа перевести крестьянъ изъ с. Воронья (Кашир. у.), вѣроятно, въ Измайлово, наказъ предоставляетъ ему на мѣстѣ рѣшить: «какъ прибыльнѣе, дворами ли или от

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1229.

[2]) Г. А., XXVII, № 526, л. 23.

[3]) Г. А., XXVII, № 214, л. 103—5; ср. Р. И. Б., т. 23, ст. 155; 23 т., ст. 413, 427.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 836.

[5]) А. М. Ю., Влад. ст., № 144, л. 133.

семей 300 семей взять» [1]). Перебрасывая крестьянъ, по указаніямъ хозяйственнаго интереса, съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, иногда большими партіями, въ приказѣ очень мало были озабочены самой организаціей переселенія и, кажется, считали свои обязанности выполненными съ назначеніемъ къ переселенцамъ провожатаго. Отсюда получались положенія, можетъ быть, и обычныя въ правительственной практикѣ Московской Руси, къ которымъ, однако, граждане послѣдней врядъ ли могли вполнѣ привыкнуть. Вотъ, напр, какая эпопея раскрывается изъ переписки между мѣстными властями и приказомъ по поводу переселенія упоминавшихся только что ломовцевъ и керенцевъ. Признанныя, «по розбору» въ Москвѣ, непригодными для пашни въ Домодѣдовѣ 108 семей были «отпущены» въ Богородицкой въ сопровожденіи боярскаго сына Кузьмы Волчкова. Когда они добрались до Каширы, то обнаружилось, что съ дороги часть ихъ сбѣжала и «на Каширѣ, по донесенію мѣстнаго воеводы, ихъ объявилось з женами и з детьми только 70 семей», а въ то же время и самъ ихъ «провожатый», сынъ боярскій, вѣроятно въ виду поведенія своихъ кліентовъ, «с Каширы збѣжал, невѣдомо куды». Произошла невольная задержка, и переселенцы остались «на многое время», до государева указу, на рукахъ у Каширскаго воеводы; „а городъ (Кашира), писалъ воевода въ приказъ, малолюдной, прокормить нѣкому". Велѣлъ имъ воевода для прокормленья «покупать лотки»; но попытка превратить переселенцевъ въ торговыхъ людей не удалась: «тѣ лотки покупая, они опять продавалі»,—можетъ быть, по непривычкѣ къ торговой профессіи, а скорѣе всего—за отсутствіемъ покупателей. Въ результатѣ—«иные наша братья, писали неудачные коммерсанты въ своей челобитной, на Кашире с мыту померли, і дѣти наши с мыту ж померли ж: то наша і скаска». Уцѣлѣвшіе были, наконецъ, доставлены въ Богородицкой, но, какъ и естественно ожидать, явились туда, по описанію воеводы, «всѣ бѣдны, и безлошадны, и безодежны; всего, государь, доносилъ воевода, у нихъ объявилось у 50-ти человѣкъ только 6 лошадей и тѣ худы, а то—де всѣ лошади испроѣли на хлѣбе, живучи на Кашире» [2]). Поселенцы на новыхъ мѣстахъ, впрочемъ, не оставлялись безъ поддержки. По прибытіи тѣхъ

---

[1]) Г. А., XXVII, № 526, л. 3.

[2]) А. М. Ю., Влад. ст., № 144, л.л. 17—75.

же ломовцевъ и керенцевъ въ Богородицкой, воевода, по государеву указу, «учелъ имъ давать хлѣб и соль помѣсячно, і велѣлъ имъ строить дворы и избы рубит, а лѣсъ на избы велѣл возит тѣмъ... ратным людемъ, которые на работе у хлѣбного заводу». Онъ писалъ, однако, въ приказъ: «а озаводитца, государь, имъ лошадьми и животиною і всякою домовою нужею нѣчимъ», и можно думать, что и въ этомъ отношеніи переселенцамъ впослѣдствіи также была оказана помощь. Вотъ другой подобный случай: „новопривезеннымъ“ крестьянамъ с. Чашникова велѣно было, какъ значится въ приходо-расходныхъ книгахъ, выдать изъ приказа «государева жалованья» по 2 рубля человѣку «на дворовое строенье» [1]). Конечно, оказывавшаяся помощь, независимо отъ того, въ какой мѣрѣ она была достаточна, не закрываетъ собой самаго факта распоряженія личностью крестьянина, и нельзя думать, что переселенецъ легко мирился съ новымъ положеніемъ. Крестьянина тянуло къ роднымъ мѣстамъ, и объ этомъ лучше всего говорятъ крестьянскіе побѣги, съ которыми Тайному приказу постоянно приходилось, какъ увидимъ, бороться и одной изъ причинъ которыхъ были, безъ сомнѣнія, насильственныя переселенія [2]).

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 782.

[2]) Вотъ наивно-трогательная исторія, въ которой ярко сказалась тоска крестьянина по своей деревнѣ. Изъ села Дмитровскаго Колдомской волости сосланы были въ Бѣлгородъ два крестьянина—староста Куземка Обросимовъ, да Алешка Семеновъ, послѣдній—«з женою и з детми». Виновникомъ ихъ ссылки былъ земскій дьячекъ Панка Пополитовъ, который донесъ, что въ то время, какъ въ село Дмитровское пріѣзжалъ подъячій (1662 г.) «отписывать... въ подмосковное село Измайлово крестьян на вѣчное житье», оба названные крестьянина «великаго государя указу чинилися силны и ослушны и невѣжливы бутто слова говорили». Проживъ въ Бѣлгородѣ «по Николинъ день зимней», оба рѣшили вернуться на родину и «без отпуску пришли к Москве». Въ Москвѣ Алешка потерялъ своего товарища, и одинъ «с Москвы сошел... в Костромской уѣздъ» на «прежній свой дворъ». Здѣсь, по ево челобитью», односельчане «дали ему миром челобитную», въ которой заявляли, что дьячекъ Панка Пополитовъ наговорилъ на пострадавшихъ «поносные ложные слова», желая «на нихъ взять мзды болшие» и просили «ево (Алешку) изъ ссылки свободить». Съ этой челобитной бѣглецъ снова явился въ Москву и «ходил... в село Покровское бит челом великому государю», но видѣть государя ему не удалось. Въ этомъ положеніи Алешкѣ продложилъ свою помощь одинъ случайный знакомый Ѳедька Тулянинъ; по его словамъ выходило, что „у него такой доброй человѣкъ есть, которой ево Алешкину челобитную подпишетъ, и онъ бы, Алешка, дал ему сию челобитную для

Формально, возможностью насильственнаго переселенія можетъ, конечно, характеризоваться положеніе крестьянъ любой категоріи (и даже не только крестьянъ). Фактически, однако, оно чаще всего имѣло мѣсто въ жизни владѣльческихъ крестьянъ потому именно, что примѣненіе его въ качествѣ хозяйственнаго пріема предполагаетъ заинтересованность и иниціативу въ такой мѣрѣ, въ какой онѣ свойственны гораздо болѣе частному владѣльцу, чѣмъ казенному учрежденію. И въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа усиленная практика переселеній, сближавшая государевыхъ крестьянъ съ владѣльческими, была, безъ сомнѣнія, результатомъ проявляемой вообще приказомъ исключительной хозяйственной энергіи. Аналогичными послѣдствіями эта особенность Тайнаго приказа отражалась на крестьянахъ и въ другомъ отношеніи,— на ихъ имущественномъ положеніи.

Въ условіяхъ обычнаго теченія жизни крестьянинъ государевыхъ владѣній представляется собственникомъ нажитого имъ имущества. Помимо хозяйства на отведенномъ ему жеребьѣ, для него открыта возможность заработка и на сторонѣ, хотя, какъ мы знаемъ [1]), въ зависимости отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. Эта возможность обезпечивается иногда даже спеціальнымъ распоряженіемъ: „да ихъ, крестьянъ, читаемъ, напр., въ памяти изъ приказа Домодѣдовскому прикащику, отпускать на ту мельницу на работу; какъ ихъ крестьянъ станутъ нанимать на работу,—и имъ чаймоватца и за то имать денги“ [2]). Именно государевы крестьяне нерѣдко встрѣчаются въ подрядныхъ записяхъ на постройки и другія работы въ госу-

---

подписки». Благодѣтель и «за работу денег ничего не просил, только—де, показывалъ потомъ Алешка, говорилъ, что онъ, Алешка, станетъ ево, Ѳедку, во век памятоват». Продержавъ у себя челобитную 4 дня, Ѳедька Тулянинъ возвратилъ ее владѣльцу уже подписанной, но на этотъ разъ сказалъ, «чтоб ему дать на подошвы; и онъ, Алешка, Ѳедке дал денег 2 гривны, и то сошлос». Алешка, однако, не рѣшился сразу пустить въ ходъ свою челобитную; онъ опять пошелъ въ Костромской уѣздъ въ свое село Дмитровское, прожилъ тамъ «до зимнего пути», и тогда уже «с тою ж челобитною пришел к Москве бит челом о государеве грамоте, чтоб ему из Бѣлагорода освободитца». Въ приказѣ подлогъ, конечно, обнаружили, и довѣрчивый искатель свободы, вмѣсто возвращенія на родину, былъ «битъ батоги» и сосланъ обратно «съ приставомъ». А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 599, лл. 169—173.

[1]) См. выше стр. 63—4.

[2]) Р. И. Б., т., т. 21, ст. 1200.

даревомъ же селѣ Измайловѣ [1]); а крестьянинъ села Измайлова Ульянъ Осѣевъ является самъ постояннымъ подрядчикомъ Тайнаго приказа по поставкѣ разныхъ матеріаловъ [2]). Нѣкоторымъ изъ Лысковскихъ крестьянъ даются изъ приказа даже ссуды на ихъ торговыя операціи [3]). За крестьяниномъ признается право назначать цѣну своимъ продуктамъ или товару, хотя бы они пріобрѣтались для царскаго хозяйства. Сдѣлавъ распоряженіе объ устройствѣ пасѣки въ селѣ Дехтяномъ, царь предупреждалъ прикащика въ грамотѣ: «а пчелы у крестьянъ покупать повольною цѣною, какъ пристойно, а сильно не отымать» [4]). Въ другой разъ при покупкѣ извести у Домодѣдовскихъ крестьянъ, царь, находя назначенную ими цѣну высокою, хотѣлъ бы заплатить имъ „меньши той цѣны“; однако, онъ противъ принужденія: «а буде не возмутъ, наказывалось въ грамотѣ прикащику, и имъ велѣть ставить в-Измайлово и по той ценѣ» [5]). Царь, какъ мы видѣли, даже входитъ въ долговыя обязательства по отношенію къ крестьянамъ: при устройствѣ пасѣки въ Скопинѣ мѣстному воеводѣ велѣно было «улы просить у крестьянъ взаймы» [6]). Другой вопросъ, могъ ли крестьянинъ не продать вовсе или не дать взаймы, разъ къ нему обращались съ государевымъ указамъ. Тому же Скопинскому воеводѣ предписывалось—на разныя «покупки» при обзаведеніи хозяйства «деньги занять у Скопинскихъ и у Романовскихъ крестьянъ»; но въ государевой грамотѣ предусматривается возможность и отказа со стороны крестьянъ, и на такой случай заранѣе указывается выходъ изъ затрудненія: „а будетъ крестьяня взаймы денегъ не дадутъ, и ему противъ сей росписи (т. е. «покупокъ») все имать въ долгъ; а какъ деньги въ казнѣ въ зборе будутъ и крестьяномъ тѣ деньги заплатить тотчасъ безволокитно» [7]),—другими словами: добровольное соглашеніе, при отказѣ, замѣнялось принудительнымъ. Такъ, надо думать, было всегда, и сказывающаяся здѣсь условность крестьянской собственности ясно обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ самовольно

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, 244—5, 373.
[2]) См., напр., Р. И. Б., т. 21, ст. 814—18.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1128, 1252, 1429
[4]) Ib., ст. 1178.
[5]) Ib., ст. 1260.
[6]) Ib., ст. 1039.
[7]) Ib.

дѣлалъ попытку выйти изъ условій крѣпостного существованія. Въ Домодѣдовской волости одинъ крестьянинъ бѣжалъ, предварительно вывезя и частью распродавъ свое имущество; по этому поводу Домодѣдовскій прикащикъ получилъ изъ приказа распоряженіе: бѣглеца „сыскивать, а про животы и про хлѣб и про всякую домовую посуду розысквать, впрямъ ли онъ отвезъ (какъ, повидимому, доносилъ прикащикъ) Помѣсного приказу подъячаго... х крестьянину ево къ Савке Гаврилову, и про животину, что онъ отдалъ Елисѣйку Іванову да Ѳедосѣйку Іванову, кому то вѣдомо, сколько оні ему денегъ за нее дали“ [1]). Значитъ, крестьянинъ оставался собственникомъ имущества, пока сидѣлъ на государевой землѣ и пока оно служило, такимъ образомъ, источникамъ государевыхъ доходовъ, обусловливая крестьянскую способность къ несенію оброковъ и повинностей. Съ другой стороны, послѣдовательнымъ осуществленіемъ того же взгляда на крестьянскіе „животы“ было предписаніе „отписывать“ на государя хлѣбъ „отдаточныхъ“, т. е. переданныхъ „законнымъ“ владѣльцамъ крестьянъ и „обмолотя, всыпать въ житницу къ десятинному хлѣбу“ [2]). Въ этихъ хозяйственныхъ соображеніяхъ лежалъ, безъ сомнѣнія, и главный источникъ нѣкоторыхъ мѣръ, направленныхъ къ поддержанію, на извѣстномъ уровнѣ, хозяйственнаго благосостоянія крестьянъ. Въ государевыхъ владѣніяхъ силу постояннаго правила имѣло предписаніе воеводамъ и прикащикамъ: «крестьянамъ бѣднымъ и погорѣлымъ и безлошаднымъ лошаді і всякую ссуда давать... по разсмотрѣнью» [3]). Ссуды давались или въ виду чрезвычайнаго бѣдствія (пожара, падежа скота, градобитія), или—особенно часто—на сѣмяна, во всѣхъ случаяхъ—«з доброю порукою, чтобъ тотъ хлѣбъ впредь было на комъ взять» [4]). Ссуда на сѣмяна иногда получала правильную организацію. Въ Измайлово, напр., отпущено было однажды, по государеву указу, 1200 четв. ржи «измайловскимъ крестьяномъ взаймы на семяна до нови»,—съ условіемъ: «какъ новь поспѣетъ, и тотъ хлѣбъ у нихъ взявъ, держать въ Измайлове жъ въ житницахъ и давать впредь имъ же крестьяномъ на сѣмяна потому жъ взаймы [5]). Рядомъ съ этимъ

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1319.
[2]) Ib., ст. 1226.
[3]) Ib., ст. 1185, ср. 1170, 1215, 1296—7, 1594 и др.
[4]) Ib., ст. 1048 и др.
[5]) Ib., ст. 1473.

замѣтно стремленіе держать подъ извѣстной опекой вообще хозяйственную жизнь крестьянина. Такой смыслъ имѣетъ, напр., государева грамота къ прикащику селъ Дехтяного, Сасова и дер. Кучиной, «чтобъ онъ крестьяномъ (названныхъ селъ) лѣсовъ и лубья (которыми они платили оброкъ) закупать у подрядчиковъ не велѣлъ, а велѣлъ готовить самимъ» [1]).

На крестьянинѣ лежали подати общаго характера (ямскія, стрѣлецкія и полоняничныя деньги) и разнообразные владѣльческіе сборы или оброки. Какъ видно изъ грамоты Лысковскоиу воеводѣ, тѣ и другіе собирались съ крестьянъ мѣстными воеводами или прикащиками, хотя въ дальнѣйшемъ движеніи расходились: первыя черезъ представителя общей администраціи, а иногда, повидимому, непосредственно изъ Тайнаго приказа шли въ соотвѣтствующія общія учрежденія [2]); вторые поступали всегда въ распоряженіе Тайнаго приказа. Окладной единицей въ государевыхъ владѣніяхъ служила въ однихъ случаяхъ выть, въ другихъ—дворъ. Выть имѣла двойственное значеніе. Прежде всего она означала опредѣленное количество „живущей“ пашни, т. е. записанной за крестьянами извѣстной административной группы въ писцовую книгу и являвшейся прямымъ объектомъ обложенія. Это—„живущая выть“ или, какъ еще точнѣе она называется, „живуцаго тягла выть“ [3]). Въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа размѣры „живущей выти“ отличаются значительнымъ разнообразіемъ, но въ среднемъ, если по крайней мѣрѣ судить по сохранившимся указаніямъ въ позднѣйшихъ источникахъ [4]), немного уклоняются отъ обычныхъ, колеблясь въ предѣлахъ отъ 20 до 30 четей живущей пашни. Съ другой стороны, какъ видно изъ документовъ, въ каждомъ почти владѣніи, кромѣ „живущихъ вытей“, имѣлись еще „пустыя выти“, т. е. брошенныя бѣжавшими крестьянами, „пустовая десятинная пашня“, т. е. часть земли, отведенной подъ десятинную пашню, но не распахивавшейся на государя, затѣмъ—пустоши, сѣнные покосы, поросшіе лѣсомъ участки. Эта земля обычно также поступала, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, въ пользованіе крестьянъ, и въ документахъ количество ея обыкновенно показывается какъ въ общей суммѣ, такъ и въ частныхъ доляхъ, которыя приходились на „живущую

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1025.
[2]) Ib., ст. 1162, ср. ст. 1266.
[3]) Ib., ст. 1161.
[4]) Книга Очистит. Арх. Оруж. Пал., № $\frac{120}{39}$, оп. 39.

выть". Согласно показаніямъ упоминавшейся ранѣе „Очистительной книги дворцовыхъ городовъ", приводящей часто данныя описи 1674, 1675 и 1676 годовъ, въ с. Хорошевѣ на 8 вытей с третью и полполтрети выти въ живущемъ, при 223 четяхъ „земли живущихъ вытей і в пустошахъ", „всего крестьянские пашни" было 1183 чети въ полѣ, „а на выть иметца по 141 четі" [1]; въ с. Измайловѣ на 18 вытей съ полувытью и полполчети выти «въ живущемъ», при 445 четяхъ «земли живущихъ вытей», «всего пашни»—1103 чети въ полѣ, «на выть иметца 61 четь» [2]; въ Домодѣдовской волости на «33 выти без треті выти», «при 653 четяхъ «крестьянской пашни» (т. е. живущей),—«всякой пашни 6270 чети в поле, на выть по 192 четі» [3]. При такихъ условіяхъ живущая выть въ ея прямомъ значеніи опредѣленнаго количества «живущей» пашни становилась, очевидно, только очень приблизительнымъ показателемъ налогоспособности населенія, и обозначавшаяся тутъ же доля «всякой пашни», разсчитанная на каждую живущую выть, должна была, надо думать, служить дополнительной мѣркой. Другой такой же мѣркой является дворъ, въ его соотношеніи съ живущей вытью. Очевидно, чѣмъ меньше крестьянскихъ дворовъ сидѣло на выти, тѣмъ они были состоятельнѣе, и потому налогоспособность населенія должна была обозначаться яснѣе, если было извѣстно количество приходившихся на выть дворовъ. Требуемый результатъ получался тѣмъ же чисто механическимъ способомъ — посредствомъ дѣленія наличнаго числа дворовъ, какъ выше — „всякой пашни", на число живущихъ вытей: по той же Очистительной книгѣ, въ Котельникахъ, напр., было 38 дворовъ, а живущихъ вытей—«пол—2 выти съ полуполтретью»,—и составители книги высчитываютъ: „на выть пришлось по 23 двора бес четі" [4]; въ с. Хорошевѣ — 86 дворовъ крестьянскихъ и 4 бобыльскихъ, „въ живущемъ вытей 8 с—третію и полполтреті выті", — „а на выть, читаемъ, иметца по 11 дворов бес пол—четверти" [5]. Принимая одновременно въ

---

[1]) Арх. Оруж. Пал., № $\frac{120}{39}$, оп. № 39, л. 40 об.

[2]) Ib., л. 68 и об.

[3]) Ib., л. 75—6 об.

[4]) Ib., л. 31.

[5]) Ib., л. 40; тамъ же много и др. примѣровъ.

разсчетъ количество и „всякой“ пашни, и дворовъ въ ихъ соотношеніи съ „живущей“ вытью, можно было, дѣйствительно, съ достаточной точностью измѣрять глубину источника доходовъ, какимъ являлось крестьянское хозяйство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выть выступаетъ, однако, съ инымъ значеніемъ. У Лысковскаго воеводы запрашиваютъ, напр., изъ приказа, „сколько ныне въ Лысковской волости крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и по скольку крестьянскихъ дворовъ въ выть положено“ [1]), и выраженіе „положено“ показываетъ, что въ Лысковѣ количество дворовъ служило исходнымъ моментомъ въ опредѣленіи размѣровъ самой выти, какъ окладной единицы, а не производнымъ показателемъ степени состоятельности двора,—другими словами, что здѣсь въ качествѣ окладной единицы примѣнялась такъ наз. „дворовая выть“. Возможно, что такъ было во всѣхъ частныхъ владѣніяхъ, переходившихъ въ вѣдомство Тайнаго приказа непосредственно.

Оброчное обложеніе въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа имѣло двѣ формы—„денежныхъ доходовъ“ и „столовыхъ запасовъ“. Денежный оброкъ налагался всегда на „пустовую десятинную пашню“ и на пустоши, сдававшіяся крестьянамъ или цѣликомъ или «по-десятинно», какъ было, напр, въ Мурашкинѣ [2]); въ той же формѣ облагались сѣнные покосы, рыбныя ловли, мельницы, кузницы, лавки и полки; деньгами обычно платили крестьяне за мякину, солому, ухоботье отъ десятиннаго хлѣба. По отношенію ко всѣмъ этимъ и подобнымъ статьямъ вообще проводился принципъ, «чтобъ нихто ничѣмъ безоброчно не владѣлъ» [3]). Иногда на деньги переводились натуральныя повинности. Такъ, въ Мурашкинѣ, при боярынѣ Морозовѣ, платили «за десятинную (т. е. вмѣсто) пашню и посопный хлѣбъ, столовые запасы и подводы по 22 руб. 29 ал. 2 д. съ выти, да за будное дѣло по 39 руб. 20 ал. съ деньгой; съ переходомъ Мурашкина въ вѣдомство Тайнаго приказа повинности по первымъ четыремъ статьямъ стали отбываться натурой, а «за будное дѣло» велѣно было «положить по 30 р., а «будетъ не мочно», то по 20 руб. съ выти» [4]). Впрочемъ, такая статья, надо сказать, была найдена только

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1161.
[2]) Г. А., XXVII, № 213, л. 100.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1078; ср. ib., ст. 1265—8.
[4]) Г. А., XXVII, № 213, л., л. 86 об.; ср. Р, И. Б., т. 21, ст. 1126.

для Лыскова и Мурашкина, въ виду ихъ зажиточности и, конечно, также ихъ близости къ Сергацкимъ буднымъ станамъ.

Сборы натурой въ подвѣдомственныхъ Тайному приказу владѣніяхъ были такъ же разнообразны, какъ въ дворцовыхъ или частныхъ, но по своей эластичности приближались болѣе къ послѣднимъ. Крестьяне доставляли: хлѣбъ (посопный), мясо (говяжье, баранье, свиное), гусей, утокъ, куръ, рыбу, сыръ, яица, масло, свиное сало, медъ, орѣхи [1]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, это разнообразіе уменьшалось вслѣдствіе нѣкоторой спеціализаціи сборовъ, объясняющейся желаніемъ приказа использовать мѣстныя особенности, примѣнительно къ нуждамъ царскаго хозяйства. Такъ, съ 1667 г. было установлено, что мордовское населеніе Терюшевской волости Арзамасскаго и Алаторскаго уѣздовъ, сверхъ денежныхъ доходовъ, должно давать только оброчный медъ: въ Терюшевской волости—270 пуд., въ Арзам. у.—224 пуд., въ Алатар. у.—827 пуд. Это постановленіе проводилось такъ послѣдовательно, что Терюшевской мордвѣ были даже уплачены деньги за взятыхъ раньше, въ качествѣ оброчныхъ, 288 быковъ и коровъ [2]). Села Карамышево и Товаркова доставляли масло конопляное, просо толченое и пеньку [3]), въ виду чего особымъ указомъ велѣно было съ этихъ селъ «за столовые запасы и денегъ ныне и впредь не имать» [4]). Крестьяне селъ Дехтянова и Сасова и д. Кучиной должны были платить «за 300 чт. ржи и овса тожъ и за столовые за всѣ запасы» лѣсомъ, дранью, лубьями и другими деревянными издѣліями, нужными «для всякихъ государевыхъ дѣлъ», раскладывая ихъ между собой «повытно» [5]). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ такая спеціализація была допущена условно; мѣстному прикащику наказывалось: «разсмотрить.. мочно лі съ нихъ сверхъ той работы взять з 4-хъ дворовъ по стягу говяжью и, будетъ мочно, взять; а будетъ за бѣдностью взять нѣ мочно, и имъ про то и не говорить» [6]). Кажется, прикащикъ нашелъ, что «взять мочно» [7]).

---

[1]) См. общій перечень Г. А., XXVII, № 532, л. 7.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1265—7.

[3]) Ib., ст. 1151, 1381.

[4]) Ib. ст. 1021. Впослѣдствіи, впрочемъ, отъ этого распоряженія было сдѣлано отступленіе,—см. ib., ст. 1178—9.

[5]) Ib., ст. 1159.

[6]) Ib., ст. 1014—17; 1022—1024.

[7]) Ib., ст. 1083.

Съ другой стороны, по отношенію къ отдѣльнымъ владѣніямъ составъ оброчныхъ «сборовъ» мѣнялся въ зависимости отъ текущихъ нуждъ царскаго хозяйства. Какъ уже указывалось, въ періодъ организаціи хозяйства съ крестьянъ, въ цѣляхъ обзаведенія скотомъ, брали коровъ и быковъ; такъ, съ Терюшевской мордвы взято было 296 головъ [1]), съ Лыскова и Мурашкина—652 [2]), съ Романова—230 [3]), съ Сасова—97 [4]), съ Популова—100 [5]). Живой скотъ явился въ этомъ случаѣ замѣной „стяговъ говяжьихъ“, составивъ оброкъ въ размѣрѣ одной „животины“ съ 4-хъ дворовъ крестьянскихъ или съ 8-ми бобыльскихъ [6]). На тѣхъ же, вѣроятно, основаніяхъ былъ произведенъ въ Славецкой волости, при устройствѣ тамъ государевой пасѣки, сборъ ульевъ—„по одному, и по два, а будетъ мочно и не въ тягость“ и по три съ двора [7]); со Скопина и Романова, вмѣсто свиныхъ тушъ, взяли по 500 живыхъ свиней [8]); со Скопина же, откуда не требовали рогатаго скота,—вѣроятно въ качествѣ компенсаціи,—900 барановъ, вмѣсто положенныхъ 500 [9]). Наоборотъ, съ крестьянъ с. Измайлова спрашивали работы и въ сборахъ ограничивались денежными доходами, сѣномъ и дровами, а при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ Измайловскіе крестьяне, „какъ писецъ Іванъ Ѳоросимовъ былъ“, и вовсе были освобождены отъ оброковъ и платежей „для того, что они, по словамъ составителя Очистительной книги, противъ иныхъ дворцовыхъ селъ крестьянъ государеву пашню пашутъ і сѣно косятъ і всякие работы и издѣлья чинятъ излишние“ [10]). Въ подобномъ положеніи находились, повидимому, и крестьяне Домодѣдовской волости, гдѣ если и производились сборы «запасовъ», то по особой, значительно уменьшенной, нормѣ,—по молодому барану съ выти [11]) и по опредѣленному количеству куръ съ осмака [12]). Изъ мелкихъ оброковъ наибольшую распро-

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 10.
[2]) Ib., 1042.
[3]) Ib., ст. 1066.
[4]) Ib., ст. 1043, 1089.
[5]) Ib., ст. 1054, 1072.
[6]) Ib., ст. 1127.
[7]) Г. А., XXVII, № 525, л. 10.
[8]) Р. И. Б., т 21, ст. 1039.
[9]) Ib., ст. 1101.
[10]) Кн. Очист., л. 69.
[11]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1181.
[12]) Ib., ст. 1370.

страненность и постоянство имѣли сборы свиными тушами, баранами и домашней птицей. Такъ, съ Романова и Скопина крестьяне должны были «готовить» къ Филиппову дню (а представлять въ Москву къ 20-му декабря) по свиной тушѣ «съ потрохомъ» съ двора,—«кому в мочь», а «кому не в мочь»,—«з дву дворовъ по туше съ потрохомъ же», «а тушя бы, значилось въ наказѣ, всякая была по 2 пуда» [1]). Тамъ же съ двора собиралось по барану, по 2 курицы или по 20 циплятъ, по гусю и по 2 утки (живыхъ или „сушеныхъ“) или по 20 циплятъ [2]); въ селахъ Чашниковѣ, Ермолинѣ и Черноголовской волости—по 2 барана и по 15 курицъ [3]); отъ крестьянъ с. Борку и Красной слободы требовали: щукъ, лещей, линей, масла и свиного сала, сыру, яицъ, тушъ свиныхъ, мясъ съ потрохами и съ саломъ, меду, утокъ,—словомъ, чуть ли не всего, что только могъ добыть крестьянинъ [4]). Повидимому, было правиломъ, что на первоначальное обзаведеніе животными и птицами—«племенными», изъ приплоду отъ которыхъ и шелъ оброкъ, крестьянамъ выдавались деньги,—на свиней по 20 ал., столько же на барана и овцу, по 2 гривны на 2 насѣдки или 2 алт. на курицу [5]). Для иллюстраціи разнообразія и вмѣстѣ—размѣровъ поступавшихъ въ теченіе года „столовыхъ запасовъ“ вотъ годовой окладъ г. Романова съ деревнями (1150 дворовъ) на 1666—7-й годъ: 1833 пуда „мясъ свиныхъ“ („а по счоту 1040 тушъ“), 50 пуд. свиныхъ потроховъ, 305½ пуд. сала свиного, 1000 гусей, 800 утятъ, 600 гусей вмѣсто утятъ („потому что у крестьянъ утятъ нѣтъ“), 12 пудовъ гусиныхъ и утячьихъ потроховъ [6]), 2444 курицы „сушеныхъ“ [7]) и 500 барановъ [8]); или другой примѣръ—село Сасово (100 дв.), которое, вмѣсто столовыхъ запасовъ, должно было поставить за годъ деревянныхъ издѣлій: 400 досокъ липовыхъ, 100 бревенъ липовыхъ, 200 досокъ дубовыхъ, 100 дубинъ „на столовые ноги“, 200 досокъ сосновыхъ „косяшныхъ“, 400 досокъ орѣховыхъ, кленовыхъ, яблоновыхъ, груше-

---

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 782.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1178—9, 1198; Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 783.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1024.
[4]) Г. А., XXVII, № 532, л. 7.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1178—9.
[6]) Ib., ст. 1262.
[7]) Ib., ст. 1276.
[8]) Ib., ст. 1324.

выхъ, 400 бревенъ „товожъ лѣсу“, 5000 скалъ, 500 ушатовъ, 600 кадокъ, 1000 корытъ, 50 изваръ, 10 „площадокъ самыхъ большихъ“ [1]).

Общей повинностью для государевыхъ крестьянъ были десятинная пашня и сѣнокосъ; освобождены были отъ нихъ развѣ только населеніе мордовскихъ селъ Алаторскаго уѣзда, которое само добивалось замѣны работъ денежнымъ оброкомъ [2]), и крестьяне с. Дехтяного, Сасова и дер. Кучиной, гдѣ, судя по значительному количеству наемныхъ работниковъ, пахали и косили наймомъ [3]). При заведеніи пашни въ предѣлахъ того или другого владѣнія, приказъ вообще не сообразовался съ количествомъ населенія, и потому нерѣдко совсѣмъ не наблюдается соотвѣтствія между размѣрами государевой запашки и мѣстными рабочими средствами. Такъ, въ с. Чашниковѣ и Черкизовѣ было 243 двора, а пашни всего 108 дес.; въ селѣ Балабановѣ дворовъ 19, пашни 16 дес.; въ Лысковѣ и Мурашкинѣ—1700 дв., пашни 320 дес.; наоборотъ: въ с. Васильевскомъ и приписанномъ къ нему с. Изваринѣ дворовъ было всего 24, а десятинной пашни по 70 дес.; въ с. Кудрявцевѣ и приписныхъ Семушкинѣ и Новоселкахъ 9 дв., пашни—85 дес.; въ Измайловѣ 239 дв., пашни—800 дес.; въ Домодѣдовской волости—465 дв., пашни 665 д. [4]). Это наблюденіе, само по себѣ, однако, не означаетъ, что въ распредѣленіи повинностей господствовали случайность и произволъ. Недостатокъ мѣстныхъ рабочихъ рукъ возмѣщался широкимъ примѣненіемъ въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа другихъ формъ труда, помимо обязательной работы мѣстныхъ крестьянъ. Заводя десятинную пашню, приказъ иногда заранѣе признавалъ необходимость наемнаго труда, слѣдовательно, количество обязательнаго труда вовсе не опредѣлялось общими размѣрами государевой запашки. Наказомъ Елизарову и Насонову устанавливалось для Скопина и Романова по 3000 десятинъ пашни; изъ нихъ мѣстнымъ крестьянамъ предписывалось пахать, „какъ имъ въ мочь“, а „достальную землю“ предполагалось „вспахать и посѣять наймом“ [5]); подобнымъ же образомъ, посылая Кирѣевско прикащику распоряженіе „сѣно косить все, чтоб одноконечно не-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1017.
[2]) Ib., ст. 1267; Р. И. Б., т. 23, ст. 660.
[3]) Г. А., XXVII, № Б. 5.
[4]) Г. А., XXVII, № 532, л. 54—9, 64—70.
[5]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 781.

кошеной травы не оставить", изъ приказа, какъ мы знаемъ, разъясняли: „а будетъ Кирѣевскими крестьяны покосить будетъ невозможно, и для той козьбы козцовъ нанять" [1]). Какъ опредѣлялась эта мѣра возможности для крестьянъ? Кажется и здѣсь, какъ и въ сборахъ „столовыхъ запасовъ", въ разныхъ случаяхъ примѣнялись различные пріемы. Крестьяне Хатунской волости, напр., должны были пріѣзжать въ Домодѣдовскую волость „какъ пашенное время придетъ" „съ сохами и з боронами" по 3 человѣка съ выти [2]); „з живущихъ вытей" предписывалось также пахать крестьянамъ Лыскова и Мурашкина [3]); но на Скопинѣ и Романовѣ вводили извѣстнымъ намъ наказомъ какъ будто иной порядокъ: „полнымъ (людямъ) велѣть пахать, будетъ мочьно по ниве, а на ниву выходить по 4 человѣка, а будетъ по ниве не в мочь пахать, а по десятине мало, и имъ, полънымъ, велѣть по полуторе десятине пахать; средним полностью по десятине, бѣднымъ по полудесятине или какъ мочно". Едва ли за этими, не совсѣмъ ясными, опредѣленіями можно предполагать какую нибудь другую единицу оклада, кромѣ двора,—тѣмъ болѣе, что о дворѣ, какъ объ окладной единицѣ, говоритъ одна изъ слѣдующихъ статей наказа: „а будетъ имъ наша десятинная пашня не въ мочь, зъ богатыхъ зъ двора по чему указано, а съ бѣдныхъ зъ дву дворовъ, и вамъ бы... имъ зъ жестокимъ указомъ отказать" [4]). По тому же, вѣроятно, разсчету опредѣлялось количество обязательной запашки и въ названныхъ выше селахъ; такъ, по крайней мѣрѣ, склоняетъ думать наблюденіе, что тамъ, гдѣ по общимъ размѣрамъ десятинной пашни приходилось на дворъ по десятинѣ или меньше, „пахали тѣхъ селъ крестьяне (Рюминское, Чашниково, Черкизово, Лысково, Мурашкино, Балабаново); гдѣ доля вышла бы больше, —къ мѣстнымъ крестьянамъ присоединялись наемные работники или крестьяне приписныхъ волостей, и такимъ образомъ размѣры обязательной запашки доводились приблизительоо до десятины на дворъ (съ возможными отклоненіями въ зависимости отъ степени достаточности); напр., въ с. Васильевскомъ изъ 70 д. Васильевскіе крестьяне (24 двора) пахали 24 д., крестьяне с. Соколова и приписныхъ селъ (93 двора) изъ 158 д.—70 д., въ с. Дмитровскомъ

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1334.
[2]) Ib., ст. 1049—50.
[3]) Ib., ст. 1053.
[4]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 785.

и Степановскомъ (60 дв.) изъ 200 д.—80; въ Домодѣдовской волости изъ 665 д. мѣстными крестьянами (465 дв.) пахались 500, а остальныя—крестьянами Хатунской волости. Потому же, вѣроятно, когда предположено было „вѣдать“ Славецкую волость и Юрьевскія села къ с. Измайлову, изъ Хлѣбнаго приказа были затребованы въ Тайный свѣдѣнія, „что въ той волости і въ селахъ і въ деревняхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и на нихъ тягла и всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ и столовыхъ запасовъ положено“ [1]). Благодаря примѣненію наемнаго труда, пашенная повинность распредѣлилась болѣе равномѣрно, хотя, разумѣется, полнаго равенства въ этомъ отношеніи между отдѣльными хозяйственными группами не было.

Крестьяне привлекались и къ другимъ полевымъ работамъ—къ жнитву и сѣнокосу, но въ какой мѣрѣ,—опредѣлить нѣтъ возможности. Объ участіи ихъ въ жнитвѣ отчетная вѣдомость за 1675 г., въ которой встрѣчаются наиболѣе точныя данныя о постановкѣ работъ въ государевыхъ селахъ, говоритъ только въ общихъ выраженіяхъ; напр., «да в вышеописанные ж села на жнитво десятиннаго хлѣба хрестьяномъ і к годовымъ работником в прибаву наймованы недѣльные работники и бабы“ [2]). Относительно сѣнокоса изъ той же вѣдомости узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ селахъ, гдѣ какъ разъ приходилось наименьшее количество пашни на дворъ (въ Чашниковѣ и Черкизовѣ), «косили тѣхъ же селъ и деревень крестьяня», въ другихъ, наоборотъ,—исключительно наемные работники (напр., въ Балабановѣ, Загорьѣ, Брынковѣ, Рюминскомъ, Соколовѣ, Васильевскомъ въ Скопинѣ и Романовѣ); въ третьихъ (Измайлово и Домодѣдово) встрѣчаемъ комбинацію тѣхъ и другихъ.

Помимо полевыхъ работъ, на крестьянахъ лежали повинности, имѣвшія уже менѣе регулярный характеръ. Самой тяжелой изъ нихъ была повинность подводная. И размѣры ея и поводы къ ней въ разныхъ мѣстахъ были очень разнообразны. Въ отдаленныхъ владѣніяхъ она сводилась, главнымъ образомъ, къ обязанности доставлять десятинный хлѣбъ и столовые запасы въ Москву [3]). Доставку столовыхъ запасовъ предоставлялось

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1725.

[2]) Г. А., XXVII, № 532, л. 73 об.

[3]) Впрочемъ, случалось, что крестьяне той или другой мѣстности привлекались къ перевозкѣ продуктовъ изъ другихъ и довольно отдаленныхъ областей. Съ лысковцевъ и мурашкинцевъ велѣно было, напр.,

крестьянамъ сдавать на подрядъ; но государевъ хлѣбъ, въ виду огромнаго количества его, приходилось, кажется, возить самимъ. Изъ Лыскова, Мурашкина, Скопина, Романова, Богородицкаго хлѣбъ, а изъ Дехтяного и Сасова деревянныя издѣлія везли на лошадяхъ до ближайшихъ рѣчныхъ пристаней, гдѣ устроены были спеціальные «анбары»; изъ Лыскова и Мурашкина—до Нижняго Новгорода, изъ Скопина и Романова—до Рановской пристани въ с. Троицкомъ; изъ Богородицкаго—«на рѣку Осетръ на Почепское городище». Съ пристаней до Москвы хлѣбъ шелъ уже на стругахъ. Это, конечно, облегчало трудъ, зато дѣлало повинность болѣе сложной: приходилось не только поставлять подводы, но и готовить лубья для покрытія струговъ, ставить плотниковъ и гребцовъ. Конкретная обстановка всей операціи хорошо рисуется нѣсколькими документами, относящимися къ перевозкѣ хлѣба изъ названныхъ мѣстъ въ 1667 году. Въ этомъ году государь указалъ «своихъ государевыхъ запасовъ взять к Москве изъ Богородицкого 1500 чети ржи, 2 т. чт. овса; с Скопина 8566 чети с осминою ржи и 15605 чети бес полчетверика овса, 133 чети сухарей; съ Романова 7 т. чети ржи, 17 т. чети овса, всего ржи и овса 51804 чети съ осминою бес получетверика». Перевозка должна была производиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ спеціально для того командированнаго начальника Хлѣбнаго приказа И. С. Хитрово. Въ виду огромнаго количества перевозимаго хлѣба, средствами мѣстнаго населенія могла быть, однако, выполнена только часть работы. Такъ, Романовскими крестьянами было доставлено 1000 лубьевъ для струговъ; а хлѣба перевезено изъ 7 т. ч. ржи и 17 т. ч. овса—только 2052 ч. ржи и 3195 ч. овса; «и романовскимъ, государь, крестьяномъ, писалъ въ Тайный приказъ Хитрово, болши того возит твоево государева хлѣба не в мочь потому, чтоб на веснѣ за безконствомъ твоя государева десятинная пашня не запустѣла». Хитрово имѣлъ полномочія привлечь къ дѣлу служилыхъ людей сосѣднихъ уѣздовъ—Добрянскаго, Лебедянскаго, Данковскаго, Елецкаго и Усманскаго, и отношеніе къ его требованіямъ со стороны служилыхъ людей, какъ и мѣстной администраціи, въ свою очередь, является чертой, характеризующей и самую повинность, и отчасти хозяйственную практику въ вѣдомствѣ Тай-

---

однажды собрать 200 подводъ, «подъ государеву Астраханскую рыбу до Москвы». Р. И. Б., т. 21, ст. 1254.

наго приказа. Хитрово пришлось доносить государю: «воеводы і приказные люди (перечисленныхъ уѣздовъ) твоему государеву указу учинились не послушны, и прислали подводы малые, и за тою их ослушкою учинилась в воске твоего государева хлѣба мѣшкота и недовоз в указное число»; точно также „они, по наряду и по 1 т. лубовъ не собрали и не отвезли, а на струги в работных людех отказали». А вотъ какую картину нарисовалъ въ своей отпискѣ въ приказъ, въ объясненіе своей «ослушки», Лебедянскій воевода: «выслалъ» онъ на Романовъ 730 человѣкъ «грацких и уѣздных всякихъ чинов людей», но «ис тѣх же, государь, подвотчиков лебедянцы дѣти боярские (имена), собрався с товарищи и пришод ко мнѣ, холопу твоему, в съѣзжую избу, от подвод от посылки на Романово городище от воски твоих государевых хлѣбных запасовъ от детей своих и от братьевъ, которые, государь, живут с ними в одних дворех..., отказалі, и по наряду, государь, на Романово Городище с подводы для хлѣбной воски не поѣхали, і впред, государь, никаких твоих великаго государя дѣл дѣдат і в посылки ѣздит не хотят» [1]). Усманскіе полковые казаки подробнѣе объяснили въ особой челобитной мотивы своего отказа, которые, несомнѣнно, въ значительной части могли бы повторить вслѣдъ за ними и Романовскіе крестьяне: «у нашей, государь, братьи, читаемъ въ ихъ челобитной, ныне на степи лошадіе у многихъ приустали, и телѣги пометали, что мы людишка бѣдные и от татар развоеванные...; а хлѣб у нас ныне не дородился, а дѣти наши и братья взяты в службу в солдаты, и нам, бѣдным холопем твоимъ, тысячи подвод взят негде, что нас немного, менши 300 человѣкъ, і то безлошадны, а пора приспѣла работная - хлѣб прятат и рож сѣеть» [2]). Но другихъ способовъ доставки въ Москву не было, почему и въ послѣдующіе годы приказъ оставляетъ ту же практику, стараясь ослабить ея недостатки угрозами воеводамъ «за поноровку» и «за печалованіе» [3]). Если пе-

[1]) А. М. Ю., Бѣлгор, ст., № 659, л. 4—74, 3. 3.

[2]) Ib., № 523, л. 361—2.

[3]) Въ 1671—2 году Пронскій воевода, подобно своимъ коллегамъ, Лебедянскому и Усмонскому, доносилъ, что посланные имъ въ Романовъ для «подъему» государева хлѣба «подводчики всякихъ чиновъ люди, не доѣхавъ до Романова, з дороги воротилис и в приказной избѣ словесно сказали, что им на Романов с подводы по тот хлѣб ѣхат нельзѣ, рѣка-де прошла и снѣгу на дороге нѣтъ». Отвѣтная царская грамота гласила:

ревозка хлѣба, за разстояніемъ и по сложности дѣла, была обременительна, зато крестьяне отдаленныхъ владѣній почти не знали другихъ, болѣе мелкихъ, повинностей. Развѣ изрѣдка заставятъ ихъ построить пасѣку, какъ въ Сасовѣ [1]), или скотный дворъ, какъ въ Романовѣ—и то лишь потому, что тамъ „наемныхъ людей не сыскано“—[2]), или привезти дровъ на винокурню, что было въ Терюшевѣ [3]); иногда еще поставятъ на дворы къ нимъ государевыхъ лошадей съ наказомъ «кормить и беречь»; или „раздадутъ „на кормъ“ государевыхъ овецъ [4]).

Значительно безпокойнѣе было положеніе крестьянъ въ подмосковныхъ селахъ. Здѣсь случаи, когда отъ крестьянина требовали подводы, были гораздо чаще и разнообразнѣе. Помимо доставки хлѣба и запасовъ, крестьянамъ очень много дѣла давали почти безъ перерыва производившіяся строительныя работы. Нужно ли было доставить къ мѣсту постройки лѣсъ, или навозить песку и камней, или перевезти известь и кирпичъ—въ подобныхъ случаяхъ изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ очень часто направлялась въ какое-нибудь изъ ближайшихъ селъ къ прикащику память, чтобы онъ „прислалъ“ нужное количество крестьянскихъ «подводъ»—рѣдко меньше 100 и всегда—„тотчасъ“ или «безо всякого замотчанья». Особенно много такой работы выпадало на долю Измайловскихъ и Домодѣдовскихъ крестьянъ. Вотъ примѣръ—для иллюстраціи: въ мартѣ 1673 г. Домодѣдовскіе крестьяне перевозятъ изъ Пахрина 1000 бочекъ извести въ Измайлово и 500 въ Алексѣевское [5]); въ сентябрѣ того же года—еще 1000 бочекъ извести въ то же Алексѣевское [6]); въ мартѣ слѣдующаго года—900 бочекъ извести въ Соколово,

---

«по прежнему и по сему нашему великаго государя указу хлѣба ржи и овса указное число сполна на Романовъ на Рановскую пристань привесть тотчас безо всякого мотчанья, и для воски того хлѣба работников выслат безо всякого мотчанья; а буде ты того хлѣба с Романова на пристан реки Рановы сполна вскоре не вышлешь, и тебѣ за то от нас, великаго государя, быт в всликой опале і в наказанье, и тот хлѣб отвезен будет на твоих подводахъ». Столь же суровый отвѣтъ получилъ Сапожковскій воевода на аналогичное представленіе. Изъ неоп. столб. Преображ. приказа.

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1138.
[2]) Ib, ст. 1111.
[3]) Ib., ст. 1122.
[4]) Ib., ст. 1359.
[5]) Ib., ст. 1632.
[6]) Ib., ст. 1667.

1000 бочекъ въ Котельники, 500 бочекъ да 4000 „камней трехчетвертныхъ“ на Аптекарскій дворъ [1]). На крестьянскихъ же подводахъ перевозится сѣно, солома, мякина, хмель и др. хозяйственные предметы, которыми постоянно обмѣниваются между собой разныя государевы села. Подводная повинность—самая хлопотливая; но кромѣ нея были и другія: разныя мелкія хозяйственныя нужды государева двора также удовлетворялись съ помощью даровыхъ крестьянскихъ рукъ. Крестьянъ требовали, если надо было навозить льду на погребъ [2]), вскопать огородъ и поправить „городьбу“ [3]), вычистить «палаты» и навозить на государевъ дворъ песку [4]); а то имъ выйдетъ приказъ—„набрать борщу молодова, гдѣ сыскать мочно... въ садѣхъ, и въ огородахъ, и на поляхъ, и въ лесахъ, и на пустошахъ, и на лугахъ и въ ыныхъ мѣстехъ, не испустя времени“ [5]); или—„накопать въ лесахъ ягодника, чернишнику да землянишнику и посадить около болотъ“ [6]); или „набрать сморчковъ и доставить на кормовой дворъ“ [7]),—все повинности не трудныя, но досадныя тѣмъ, что ради нихъ крестьянину приходилось отрываться отъ собственныхъ работъ. Надо, впрочемъ, сказать, что въ такихъ дѣлахъ приказъ „для ихъ (крестьянъ) многого издѣлья“ [8]) нерѣдко пользовался и наемнымъ трудомъ, особенно въ подводахъ. Съ другой стороны, существовала какая-то, хотя и устанавливаемая, вѣроятно, только „разсмотрѣньемъ“, норма, въ предѣлахъ которой работа была „безденежной“, но, переходя за которую, считалась уже „прибылымъ издѣльемъ“ и приносила крестьянину извѣстное вознагражденіе [9]). Крестьянамъ платили, напр., за подводы—деньгами, чаще солью, даже виномъ, иногда—по договору [10]), а иногда—просто по назначенію изъ приказа [11]); Измайловскіе крестьяне, напр., за „чищенье льна“

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1719.
[2]) Ib., ст. 1273.
[3]) Ib., ст. 1304.
[4]) Ib., ст. 1368.
[5]) Ib., ст. 1739.
[6]) Ib., ст. 1675.
[7]) Г. А., № 526, л. 9.
[8]) Р. И. Р., т. 21, ст. 1446,
[9]) Ib., ст. 1507.
[10]) Ib., ст. 1207.
[11]) Напр., ib., ст. 1056, 1400, 1161, 1191, 1207 и пр.

получили однажды по 1 руб. [1]). Въ Измайлово и Домодѣдово выдавалось ежегодно на крестьянъ по 1000 пуд. соли „безденежно“ [2]), и сверхъ того въ значительномъ количествѣ по тому или другому поводу—хлѣбные запасы «въ приказъ»; напр., Измайловскимъ крестьянамъ въ мартѣ 1669 г. дано было, вѣроятно на сѣмена,—1008 чт. овса [3]). Иногда крестьянъ угощали за государевъ счетъ; такъ крестьянъ Домодѣдовской волости и „приписныхъ селъ“ велѣно было однажды «для ангела великого государя марта 17 дня за ихъ многую работу накормить; а дать имъ старостамъ и целовальникомъ по 3, рядовымъ по 2 чарки вина, по кружке пива, по хлѣбу да по калачю двуденежному всѣмъ, да 4-мъ человѣкомъ по звену рыбы, каши съ кавардакомъ всѣмъ довольно» [4]). «Прибылыя издѣлья» даже не всегда обязательны для крестьянъ,—въ той мѣрѣ, въ какой предоставляемая имъ въ подобныхъ случаяхъ свобода могла быть использована въ интересахъ государева хозяйства. Изъ Домодѣдова надо было, напр., перевезти 10342 чтв. хлѣба въ Москву, и государевымъ указомъ мѣстному прикащику предлагалось—„подъ тотъ хлѣбъ подряжать въ Домодѣдове охочих людей и давать имъ за провозъ солью, а будетъ подъ тотъ хлѣбъ учнутъ подряжатца сторонние люди, и ихъ потому жъ подряжать, и которые взяли б дешевле“ [5]). Но если бы не оказалось не только конкуррентовъ „охочимъ“ Домодѣдовскимъ людямъ, а не нашлось бы и въ Домодѣдовѣ вообще „охочихъ людей“, то, конечно, хлѣбъ повезли бы всѣ Домодѣдовскіе крестьяне. Въ разнообразныхъ повинностяхъ, какъ и въ вознагражденіи за работу, крестьяне должны были „верстатца по тяглу“ или „повытно“,—все равно назначались ли первыя въ видѣ общаго урока на волость или группу (напр., перевезти 1000 бочекъ извести), или по опредѣленному окладу на дворъ (напр., перевезти „по копнѣ мѣрной на дворъ“), когда, слѣдовательно, дворъ является счетной единицей [6]).

При назначеніи оброковъ и повинностей въ Тайномъ приказѣ замѣтно стремленіе примѣняться къ тому уровню требованій, какой установился въ отдѣльныхъ владѣніяхъ раньше, чѣмъ они

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 604.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1426.
[3]) Ib., ст. 1464.
[4]) Ib., ст. 1719—20.
[5]) Ib., ст. 1374.
[6]) Ib., ст. 1069, 1159, 1217, 1317—8, 1617.

поступили въ его вѣдомство. Еще въ наказѣ Хомякову царь, какъ мы знаемъ, поручалъ допросить крестьянъ с. Забѣлина и Резанцева, «сколько они на боярина своего хлѣба пахали і сколько четвертей сѣвали на нево,... і сколько с которова хрестьянина оброку было боярину тому, і какой оброкъ со всѣхъ былъ» [1]). Вообще, пріобрѣтая земли частныхъ лицъ и собирая о нихъ предварительныя свѣдѣнія, всегда имѣли въ виду и этотъ пунктъ — о размѣрахъ оброковъ и повинностей, которыми крестьяне были обложены при прежнихъ владѣльцахъ [2]). Тоже самое—и относительно дворцовыхъ земель. Указавъ „вѣдать“ бывшія жалованныя вотчины боярина Морозова села Лысково и Мурашкино въ Тайномъ приказѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая возстановить десятинную пашню, отмѣненную бояриномъ, царь въ виду того, что оба села до пожалованія Морозову „вѣдомы были“ въ приказѣ Казанскаго Дворца, велѣлъ сдѣлать справку въ Казанскомъ Дворцѣ, „почему прежде сево с Лыскова, с Мурашкина каких доходов и десятинные пашни пахали или посопного хлѣба платили“ [3]). Конечно, удерживая размѣры оброковъ и повинностей, должны были сохранять и прежній порядокъ обложенія. Отсюда, слѣдовательно, объясняется разнообразіе практики Тайнаго приказа, но только отчасти. Желая примѣняться къ старымъ порядкамъ, не отказывались, однако, отъ перемѣнъ въ довольно опредѣленномъ направленіи. Въ государевыхъ грамотахъ, которыми предписывается мѣстной администраціи десятинную пашню или оброки «положить противъ прежняго», рядомъ съ этой директивой не разъ встрѣчаемъ и оговорки: «или по своему разсмотрѣнью, какъ бы государеве казне было прибыльнѣе», иногда же грамоты выражаются и болѣе рѣшительно: «и будетъ на что мочно оброкъ прибавить, и ты бъ о томъ чинилъ по своему разсмотрѣнью» [4]). Особенно выразительный примѣръ сочетанія этихъ двухъ тенденцій представляетъ государева грамота, въ которой преподается Мурашкинскому воеводѣ руководство относительно новоприсоединеннаго села Гридина: «на крестьянехъ, говорится тамъ, оброки і всякие доходы имать противъ прежняго, почему платили вотчиннику до государева указу», и тутъ же—добавленіе: «будетъ прибавить за бѣдностью

[1]) Г. А., XXVII, № 532, л. 143.
[2]) Ib., № 310.
[3]) Ib., № 526, л. 25.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1047, 1078, 1126, 1162.

нельзя»[1]. Конечно, у прикащиковъ и воеводъ было достаточно острое зрѣніе, чтобы видѣть, гдѣ и что можно прибавить, — и они прибавляли: въ Мурашкинѣ, напр., раньше крестьяне за «пустовую десятинную пашню» платили по 8 а. по 2 д. съ десятины, а теперь «по уговору вновь из наддачи» стали платить по 40 ал. по 2 д.[2]); тамъ же прежде держали квасы, сусло и уксусъ на откупку за 350 р. въ годъ, при новой администраціи съ перваго же года откупная сумма, путемъ «наддачи», повысилась сразу до 900 руб.[3]) Выраженіемъ того же принципа «какъ прибыльнѣе», но болѣе систематическимъ, было, надо думать, и широкое примѣненіе въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа двора въ качествѣ единицы оброчаго обложенія, если не вытѣснившей старую — выть, то умѣстившейся съ ней рядомъ. Еще болѣе значительныя перемѣны были произведены въ составѣ крестьянскихъ оброковъ и повинностей. Возстановленіе десятинной пашни въ Лысковѣ и Мурашкинѣ, введеніе ея въ Скопинѣ и Романовѣ на мѣсто драгунской службы, замѣна ея деревянными издѣліями въ Дехтяномъ, Сасовѣ и д. Кучиной, установленіе въ мордовскихъ селахъ «медвяного» оброка вмѣсто всякихъ другихъ сборовъ; чрезвычайное усиленіе разнообразныхъ натуральныхъ повинностей въ подмосковныхъ селахъ, особенно въ Измайловѣ и Домодѣдовѣ, за счетъ обычныхъ оброковъ въ формѣ столовыхъ запасовъ, привлеченіе мѣстныхъ крестьянъ къ содѣйствію и трудомъ и разными хозяйственными предметами «въ запросъ», при «заводѣ» новыхъ хозяйственныхъ статей, какъ пасѣки и скотные дворы,—все это было новостью для соотвѣтствующихъ крестьянскихъ группъ, обусловливавшейся задачами новой хозяйственной организаціи, въ предѣлахъ которой они теперь оказались.

Отправляя Ѳ. Н. Елизарова и дьяка Насонова въ Скопинъ и Романовъ для установленія хозяйственныхъ порядковъ, царь поручалъ имъ—«пріѣхавъ, городовых всякихъ чинов людемъ и тѣх городовъ уѣзднымъ крестьяномъ сказать наше великаго государя милостивое слово, и чтобъ они на насъ, великого государя, пашню пахали съ радостію, а ни о чемъ бы не оскорблялися»[4]). Царь, несомнѣнно, искренно хотѣлъ, чтобы крестьяне

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1110.
[2]) Г. А., XXVII, № 213, л. 94.
[3]) Ib., л. 87.
[4]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 780.

его владѣній не только выходили на работу съ «радостію», но и жили въ полномъ благополучіи. Въ другой разъ онъ наказывалъ начальнику Хлѣбнаго приказа «накрепко смотрить, чтоб в землях тесноты крестьяном нигде б не было» [1]). Если оказывалось, что ихъ настроеніе не соотвѣтствовало его ожиданіямъ, онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ по своему добросовѣстно старался войти въ ихъ положеніе. Однажды изъ села Сасова бѣжали 17 человѣкъ крестьянъ, и по этому поводу въ государевой грамотѣ стряпчему Головнину было предписано «сыскать» о бѣглецахъ, «отчего они бѣжали: отъ налога илі обиды чьей, илі крестьяня ставятъ себѣ во оскорбленье, что имъ указано готовить тесъ и дрань и лубья и іной всякой лѣсъ; и будетъ то имъ ставитца тягостно, и ему, значилось въ грамотѣ, велено крестьяномъ говорить и государевою милостию ихъ обнадеживать, что имъ впредь будетъ во всемъ лгота» [2]). Черезъ годъ съ небольшимъ, когда крестьянамъ с. Сасова вмѣстѣ съ ихъ сосѣдями изъ с. Дехтяного и д. Кучиной было задано новое «издѣлье», царь вспомнилъ свое обѣщаніе и особой грамотой велѣлъ мѣстному прикащику «съ старостами и съ крестьяны поговорить, въ мочь ли имъ тесъ и дрань» [3]). Но претензіи крестьянъ могли вѣдь быть и неправильными, — тогда царь, прежде чѣмъ примѣнить рѣшительныя мѣры, пробовалъ воздѣйствовать на недовольныхъ силой личнаго убѣжденія. Скопинцы и романовцы были недовольны введеніемъ у нихъ, съ переходомъ Скопина и Рожанова къ Тайному приказу, десятинной пашни и били государю челомъ, чтобы имъ, вмѣсто работы, нести попрежнему драгунскую службу. Отвѣчая на это, царь въ собственноручно написанной статьѣ наказа разъяснялъ челобитчикамъ, что они не понимаютъ собственныхъ выгодъ: «и они бы то разсудили, писалъ онъ, дома ли жить да пашню пахать и малые столовые запасы давать, или ежелѣть по человѣку з двора служить». Недовольство челобитчиковъ вызывали и положенные на нихъ столовые запасы, которые, видимо, они не находили «малыми»; по мнѣнію царя, это — недоразумѣніе: имъ дано на заводъ свиней по 20 алтынъ на дворъ, между тѣмъ „вездѣ“ даютъ только „по полтине на дворъ,... а емлютъ ежегодъ по туше“; тоже и о

[1]) Г. А., XXVII, № 526, л. 23.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1074.
[3]) Іb., ст. 1133.

курахъ: и на заводъ куръ имъ „денги даны болшіе“—по 2 алтына, а вѣдь совсѣмъ „малое дѣло, что по 2 курицы з двора дать“ [1]). Все это, можетъ быть, даже трогательно; но практически благожелательность царя выражалась въ очень скромныхъ результатахъ. Благожелательное отношеніе его къ крестьянамъ было проявленіемъ отзывчивости добраго человѣка и обнаруживалось при столкновеніи съ отдѣльными конкретными фактами; но отвлеченно, какъ вопросъ соціальной политики, положеніе крестьянина разсматривалось имъ подъ другимъ угломъ. Исходнымъ пунктомъ практическаго міровоззрѣнія царя Алексѣя было понятіе государства, которое въ конкретномъ своемъ существованіи воспринималось имъ, какъ государево дѣло; въ его пониманіи каждое общественное состояніе имѣетъ свое оправданіе въ той спеціальной функціи, которую оно выполняетъ въ жизни государства и свойствамъ которой должны соотвѣтствовать его права; и обязанность государства или государя состоитъ въ томъ, чтобы гарантировать разнымъ общественнымъ состояніямъ правду, т. е. ихъ права въ мѣру спеціальнаго значенія каждаго. Въ рамкахъ этой служебно-сословной схемы только и могъ царь Алексѣй оцѣнивать общее положеніе крестьянъ, не останавливаясь при проведеніи своей точки зрѣнія, если встрѣчалъ препятствіе, передъ „жестокимъ указомъ“. Въ общей экономіи государственной жизни у крестьянъ, какъ и у каждаго изъ остальныхъ сословій,—свое особое назначеніе, и они выполняютъ его „прирожденнымъ“ имъ способомъ: — „и то им в прикладъ сказать, писалъ царь, выдвигая, для убѣжденія скопинцевъ и романовцевъ, государственный аргументъ въ пользу десятинной пашни, дворяне, ройтары ежелѣть служатъ же, а вамъ для чево ежелѣть не служить? потомучто пашъня десятинная тяжело вам пахать?“ Отсюда и программа для администраціи: послѣдняя тѣмъ лучше осуществляетъ свою задачу, чѣмъ больше извлечетъ изъ крестьянскаго труда прибыли государевой казнѣ,—и ограниченіемъ для нея на этомъ пути будутъ не общіе интересы личности крестьянина, а—единственно тѣ немногія правила, которыми крѣпостное законодательство обезпечивало крестьянскую работоспособность.

Трудно говорить о томъ, хуже или лучше было положеніе государевыхъ крестьянъ по сравненію съ ихъ «братьей»—крестья-

---

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 782—3, 785.

нами другихъ владѣльцевъ; несомнѣнно только, что оно было тяжело, и крестьяне искали выхода изъ него доступными для нихъ способами. Какъ было уже отмѣчено выше, Тайному приказу приходилось вести постоянную борьбу съ крестьянскими побѣгами. Крестьяне бѣгутъ и массами, и по одиночкѣ. Въ государевыхъ грамотахъ о сыскѣ бѣглецовъ упоминаются крестьяне Ермолина, Сасова, Чашникова, Скопина, Романова, Лыскова и Мурашкина, Краснаго Села, Черкизова, Домодѣдовской волости; но число ихъ рѣдко обозначается (всего 3 раза: 1,17 и 20 человѣкъ). Болѣе полныя цифровыя данныя приведены въ «докладной выпискѣ о крестьянѣхъ, которые перевезены въ село Измайлово», относящейся къ 1675-му году; изъ нея узнаемъ, что изъ 664 семей, перевезенныхъ въ Измайлово «на вѣчное житье», къ 1675-му году 481 дворъ числился «въ бѣгахъ» и оставалось на лицо всего 183 двора, да и тѣ, говорится въ запискѣ, «готовы бѣжать мало не всѣ». Тамъ же находимъ цифры относительно крестьянъ, бѣжавшихъ изъ приписанныхъ къ Измайлову—Славецкой волости, Юрьевскихъ и Костромскихъ селъ; онѣ также внушительны: 212 крестьянскихъ семей, да „бобылей 7 семей“ [1]). Уже послѣ смерти Алексѣя Михайловича, въ 1681—2 году, произведенъ былъ, по указу Ѳедора Алексѣевича, общій сыскъ „села Измайлова и приписныхъ сел и дворцовыхъ и Хлѣбного приказу городов и сел і волостей бѣглыхъ крестьянъ“, которые живутъ «за помѣщики і вотчинники“ разныхъ уѣздовъ, и посланные съ этой цѣлью въ окраинные уѣзды стольникъ Огаревъ да подъячій Костинъ написали, что „бѣглыхъ крестьянъ в Донкове, Лебедяни, въ Ельце, въ Ефремове і в—ыныхъ городѣх живет многое число» [2]). Другой офиціальный документъ даетъ и объясненіе этому явленію,—по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ Измайловскимъ крестьянамъ: насчитавъ въ с. Измайловѣ «пустыхъ 110 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, а тяглыхъ жеребьевъ“ — 57 осмаковъ, оставшихся не занятыми еще къ 1700 году, составитель переписной книги отмѣтилъ: «а тѣхъ 57 осмаковъ... запустѣли от множественныхъ государских работ и іздѣлій и поѣздокъ и отъ хлѣбного недороду, а иные померли і разбѣжались и стали в солдаты» [3]). Мѣры борьбы съ бѣгствомъ со-

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А. т. II, ст. 387.
[2]) А. М. Ю., Приказ. ст., № 760, л. 32—33.
[3]) Арх. Оруж. Пал., Очист. кн., л. 69 об.

отвѣтствовали общей практикѣ. По исконной психологіи виноватаго, въ случаяхъ бѣгства прежде всего подозрѣвали дурное стороннее вліяніе и старались принимать мѣры къ пресѣченію этого зла. Когда обнаружилось бѣгство 20 крестьянъ села Черкизова,—велѣно было «сыскивать и провѣдывать накрѣпко всячески, отчего они побѣжали и хто ихъ подговаривалъ, чтобъ про все доискатца подлинно» [1]). А затѣмъ по бѣглецовъ посылали «сыщиковъ добрыхъ», и, если удавалось настигнуть, ихъ „строили въ тягло попрежнему", предварительно подвергнувъ публичной экзекуціи, „чтобъ инымъ бѣгать было не повадно" [2]). Изъ того же, несомнѣнно, источника выходило другое явленіе, также удостовѣряемое документами,—броженіе среди государевыхъ крестьянъ, выражавшееся въ довольно разнообразныхъ формахъ. Крестьяне пишутъ челобитныя „о мирской нуждѣ" [3]). Одну мы уже знаемъ—челобитную Скопинскихъ и Романовскихъ крестьянъ, вызвавшую посылку Елизарова и Наумова. По другой ихъ челобитной долженъ былъ ѣздить туда въ 1667 году начальникъ Хлѣбного приказа И. С. Хитрово, чтобы „ихъ скопинцовъ росмотрить і въ столовыхъ запасехъ обложить" [4]). Упоминается какая то «ложная мирская челобитная» крестьянъ с. Мурашкина, за которую составителю велѣно было «учинить наказанье при всѣхъ крестьянехъ» [5]). Бывали и болѣе рѣзкія проявленія недовольства. Про великаго государя, случалось, говорились неистовыя и непристойныя слова [6]). За это Юрьевскіе крестьяне Галанька Ивановъ «съ товарищи»—5 человѣкъ—были «нещадно биты кнутомъ», а Мурашкинскому бобылю Ильюшкѣ Поршневу вырѣзали языкъ «при многихъ людяхъ» и самъ онъ «з женою и з дѣтьми» былъ „отданъ въ Сибирскую ссылку". Документы отмѣчаютъ, наконецъ, и случаи открытаго мятежа. Бунтовали, напр., Романовскіе крестьяне въ 1664 г., такъ что изъ Москвы пришлось отправить на Романовъ отрядъ московскихъ стрѣльцовъ «для наказанья бунтовщиковъ, а иныхъ к Москве вести" [7]); приведено было 20 человѣкъ [8]). Когда под-

[1]) Р. И. Б., т. 21; ст. 1444.
[2]) Ib., ст. 1213.
[3]) Ib., ст. 732.
[4]) Ib., ст. 1261.
[5]) Ib, ст. 1163.
[6]) Ib., ст. 734, 1133, 1213.
[7]) Р. И. Б., т. 23, 413.
[8]) Ib., ст. 447.

нялъ возстаніе Разинъ, онъ нашелъ себѣ среди государевыхъ крестьянъ южныхъ уѣздовъ наиболѣе горячихъ послѣдователей. Дѣйствовавшій противъ Разина кн. Яковъ Долгоруковъ доносилъ государю: посылалъ онъ нарочныхъ людей въ Лысково, Мурашкино и Терюшевскую волость „отдать“ великаго государя грамоты жилецкимъ всякихъ чиновъ людемъ тѣхъ мѣстъ и „уговаривать ихъ, чтобы от прелести вора... обратились“, а они, вмѣсто того, «учали ихъ (присыльщиковъ) бить и роспрашивалі с пристрастьемъ и хотѣлі пытать и отсѣчь головы, а твои, великого государя, грамоты изодралі и говорили непристойные слова“ [1]). Въ другомъ донесеніи Долгорукій «съ товарищи» писали: „А о том тебѣ, великому государю, мы, холопи твои, объявляемъ, что пущие заводы воровские от Нижегороцкова уѣзду и от Лыскова и от Мурашкина и от Терюшевской волости» [2]). Въ подмосковныхъ селахъ такихъ явленій не было; все же опасались, какъ бы «воровскіе заводы» не были занесены и туда со стороны, и потому съ особенной внимательностью относились къ подбору крестьянъ при переселеніяхъ; возможность такого вліянія, безъ сомнѣнія, и имѣлъ въ виду царь, предписывая въ извѣстномъ намъ наказѣ: «А про переселенцовъ пашенныхъ и мастеровыхъ людей (изъ Колдомской волости въ Измайлово) развѣдать подлинно, чтоб в тѣх людехъ воров никаких отнюдь не было, а ведунов и шептуновъ и імяни бы ихъ не именовалось» [3]).

Кромѣ мѣстныхъ крестьянъ въ составѣ рабочаго населенія государевыхъ владѣній мы видимъ еще крестьянъ пришлыхъ.

Пришлые крестьяне образуютъ двѣ категоріи рабочихъ—„работныхъ людей“ и «наемныхъ работниковъ». Въ первой группѣ—каргопольцы, вятчане и тамбовцы. Всѣ они пришли сюда не по своей волѣ. Каргополь, Вятка и значительная часть Тамбовскаго уѣзда состояли въ вѣдомствѣ Приказа Большого Дворца, и для нихъ стало спеціальной повинностью – поставлять ежегодно въ распоряженіе Тайнаго приказа рабочихъ людей для подмосковныхъ селъ. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ изъ крестьянъ Верхоценской дворцовой волости были даже спеціально «написаны въ пашню (т. е. для пашни) въ подмосковные села“ 500

---

[1]) А. М. Ю., Приказ. ст., № 423, л. 184 и об.
[2]) Ib., л. 189.
[3]) Г. А., XXVII, № 526, л. 343.

семей, и велѣно было „описать в верхоценской же волости пашенных земел угожих, гдѣ ихъ поселить“ [1]). Создано было, такимъ образомъ, своеобразное рабочее поселеніе, которое должно было служить запаснымъ рабочимъ фондомъ для подмосковныхъ владѣній царя. Предназначавшіеся къ „пашенному“ и къ другимъ государевымъ дѣламъ крестьяне этихъ мѣстностей держались, повидимому, на учетѣ, и по спискамъ высылались мѣстными воеводами въ Москву «по наряду» изъ Тайнаго приказа, обыкновенно въ количествѣ отъ 400 до 700 человѣкъ отъ каждой. Выбранные, напр., на мѣстѣ „къ каменному дѣлу“ вятчане занесены были въ „выборные и высыльные списки“, по которымъ ихъ, въ случаѣ надобности, и разыскивали „на Вятке, во всѣхъ городехъ и уѣздехъ“, чтобы выслать «къ Москвѣ» [2]). За доставку „работныхъ людей“ въ назначенномъ количествѣ отвѣчалъ мѣстный воевода, которому указъ о высылкѣ „въ подкрѣпленье“ его энергіи ставилъ на видъ: «а буде не вышлетъ, и на немъ написано пени 500 рублевъ» [3]). Для мѣстнаго населенія выполненіе этой повинности сопровождалось нѣкоторымъ облегченіемъ въ платежахъ: „велѣно, читаемъ, напр., въ записныхъ книгахъ за 1660 г., съ каргопольцовъ которые небольшие доходы по разсмотрѣнью на нынешней годъ сложить, а въ то число выбрать ис каргопольцовъ и прислать къ Москве въ работу на нынешнее лѣто 700 человѣкъ работныхъ людей» [4]). За то на мѣстныя общества падала и отвѣтственность, въ формѣ поруки, за поведеніе ихъ земляковъ, для государя являвшаяся гарантіей противъ обычнаго недуга принудительныхъ организацій—бѣгства рабочихъ. Въ такое положеніе ставились, по крайней мѣрѣ, „приписныя“ волости, изъ которыхъ, напр., Городецкая заплатила однажды въ Тайный приказъ за взятыхъ съ нея „работныхъ людей“, бѣжавшихъ потомъ „отъ государева хлѣба с струговъ“, 429 руб. 16 а. 4 д. [5]). Ежегодно изъ Каргополя и Тамбова являлись въ Москву по 600—700 человѣкъ; такъ, въ іюнѣ 1666 г. на разныхъ работахъ состояло 660 ч. каргопольцевъ и 770 ч. тамбовцевъ; въ сентябрѣ 1668 г.—657 ч. первыхъ и 673 ч. вторыхъ; въ 1669—70 г. работныхъ людей

---

[1]) А. М. Ю., Новгор. ст., № 184, лл. 32—33.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1075.
[3]) Ib., ст. 1184.
[4]) Ib., ст. 1160, 1174.
[5]) Р. И. Б., т. 24, ст. 815.

числилось: 300 ч. изъ с. Воронья, 660 ч. каргопольцевъ, 650 тамбовцовъ и 248 ч. солдатъ вятчанъ. Работные люди должны были приходить въ апрѣлѣ или „къ Свѣтлому Христову Воскресенью“ [1]), и отпускались «по домомъ» въ концѣ сентября, а иногда ихъ задерживали и дольше—до декабря, даже до января [2]). Имъ могли дать всякую работу; но каргопольцы, по преимуществу, приставлялись къ плотницкому дѣлу или къ земляному, а тамбовцы—къ полевымъ работамъ и къ „лѣсному чищенью“; одно время даже всѣ они, въ количествѣ 630 человѣкъ, чистили лѣсъ подъ Измайловымъ [3]). Приставленные къ работѣ не по договору, а по государеву указу работные люди жили тѣмъ, чѣмъ жаловалъ ихъ великій государь. Имъ выдавалось денежное жалованье „въ приказъ“, въ размѣрѣ отъ 1 до $1^1/_2$ руб., обыкновенно въ нѣсколько пріемовъ: при самомъ приходѣ—по полтинѣ или по полуполтинѣ, иногда столько же въ серединѣ лѣта, и всегда «на отпуске по домомъ“—или по полтинѣ же, или по рублю, смотря, вѣроятно, по работѣ [4]). Отъ государя шелъ имъ также «кормъ», чаще всего сдававшійся на подрядъ приблизительно по 4 алт. въ недѣлю съ человѣка [5]); а иногда это дѣло бралъ на себя приказъ; въ приходо-расходныхъ книгахъ даже записано о выдачѣ 100 руб. жалованья особымъ работникамъ, которые пекли хлѣбы и развозили «всякой запасъ крупы и сухарей і сала Тамбовскимъ работникамъ» [6]). Упоминается еще о покупкѣ сала и снѣтковъ для работныхъ людей [7]). Кромѣ того, время отъ времени имъ выдавались, по государеву указу, то ветчина и крупы, то уксусъ и сбитень, чаще же и въ особенно щедрыхъ порціяхъ—вино (иногда сразу по 50 ведеръ); однажды государь лично указалъ 60 человѣкъ каргопольцовъ плотниковъ, только что пришедшихъ, „напоить и накормить“ съ дороги, «да имъ же дать по части человѣку мяса говяжья, да по части ж ветчины на подворьихъ» [8]). Записанъ также случай, когда по государеву указу

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1159.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 739.
[3]) Ib., ст. 1137—8.
[4]) Ib., ст. 714, 756, 768, 779, 867, 883 и др.
[5]) Ib., ст. 779.
[6]) Ib., ст. 954.
[7]) Ib., ст. 1160, 1364.
[8]) Р. И. Р., т. 21, ст. 1291, 1315, 1331, 1350, 1347, 1729.

дано было каргопольцамъ «на каѳтаны суконъ сѣрыхъ» [1]). Наконецъ, можно отмѣтить и еще одинъ фактъ, какъ выраженіе вниманія администраціи къ нуждамъ работныхъ людей: въ записныхъ книгахъ упомянутъ государевъ указъ, по которому было «велено дать государева жалованья лекарю Симону за лекарство Танбовцевъ—5 ведръ вина» [2]).

Существенно инымъ было положеніе, какъ указываетъ уже названіе, наемныхъ работниковъ. Въ этой группѣ мы встрѣчаемъ крестьянъ разныхъ категорій—«мирскихъ» (черныхъ), дворцовыхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ—и изъ самыхъ различныхъ мѣстъ; въ с. Дехтяное «на Резани» рядились, напр., какъ видно изъ порядныхъ, крестьяне Московскаго, Ростовскаго, Нижегородскаго, Козловскаго, Кашинскаго, Романовскаго. Костромского, Вологодскаго, Галичскаго, Пошехонскаго, Ярославскаго уѣздовъ и вмѣстѣ съ ними—даже посадскіе люди, напр., изъ Углича. Многіе приходили, вѣроятно, сами въ Москву, ища заработка; другихъ ставили подрядчики [3]); но бывало также, что «для найму работныхъ людей» командировались приказомъ особыя лица на мѣста, напр., въ Галичъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ и съ грамотами къ мѣстнымъ воеводамъ «о вспоможенье» [4]). По срокамъ различаются работники «лѣтніе», „зимніе“, «недѣльные». Первые, а также, вѣроятно, и вторые рядились «по записямъ». Въ дѣлахъ приказа, какъ упоминалось уже, сохранилось нѣсколько записей (въ отрывкахъ), данныхъ лѣтними работниками. Порядчики рядятся со 2-го мая по 14 ноября. Они обязываются «работать пашню и лѣс чистит и сенные покосы косит и всякую работу работать» и за это должны получить «по 3 рубли по 4 гривны человѣку». Они выговариваютъ также, чтобы имъ «хлѣб і всякой запас... ѣсть великаго государя, а на работе топорамі и косамі и серпами работат государевыми“. Вмѣстѣ съ тѣмъ они ручаются „другъ по другѣ“ «в житьѣ и в задаточных денгах». Въ концѣ записи—новыя обязательства, которыя сильно отзываются условіями обычной крестьянской порядной или ссудной записи: „а будучи нам, подрядчиком, в селѣ Дехтяномъ всякую работу, что ни нарядятъ, работат без лѣности і без прогулов и дурна никакова

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1189.
[2]) Ib., ст. 1469.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 786.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1392.

не учинит, не красть и не воровать, и не дожив до сроку и не заработав задатку, что взяли наперед, не збежат". Санкція: «если кто изъ порядчиковъ до сроку збежитъ"—на всѣхъ остальныхъ—пеня государева, „что великій государь укажетъ", и «задаточные денги всѣ сполна» [1]). Въ сохранившихся записяхъ идетъ рѣчь только о работахъ въ с. Дехтяномъ; но, несомнѣнно, по такимъ же записямъ и на аналогичныхъ условіяхъ рядились „вольные" или „наемные» работники, которыхъ въ большомъ числѣ мы видимъ въ другихъ, особенно подмосковныхъ, селахъ. Была разница лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Такъ, въ большинствѣ случаевъ срокъ поряда—нѣсколько продолжительнѣе: съ первыхъ чиселъ апрѣля и по то же 14 ноября, а въ зависимости отъ этого—нѣсколько выше плата: 3 р. 10 ал. 3 или 4 д. Нерѣдко работники перемѣщаются, смотря по обстоятельствамъ, изъ одного села въ другое. Разнообразнѣе, вѣроятно, была и работа; но, конечно, главные виды ея были тѣ же—«пахота», жнитво, сѣнокосъ, молотьба, „лѣсная чистка". Здѣсь также работники «ѣли государевъ хлѣбъ», и мы даже знаемъ изъ отчетной вѣдомости составъ отпускавшихся имъ «запасовъ»,—это: ржаная мука, крупа, сало и соль; „а іюля съ 1-го числа вмѣсто крупъ кормлены капустою», отмѣчаетъ вѣдомость, зато, по увѣренію ея,—«в довольность» [2]). Если интенсивная хозяйственная жизнь подмосковныхъ селъ могла дѣлать трудъ работниковъ болѣе тяжелымъ, то близость государя, съ другой стороны, являлась источникомъ нѣкоторыхъ не обусловливавшихся договоромъ благъ. Въ приходо-расходныхъ книгахъ приказа записана, напр., въ расходъ выдача Тененевскимъ работникамъ «села Воронова крестьяномъ, сорока семи человѣкомъ, на рукавицы и на онучи и на лапти" по полуполтинѣ человѣку, и пояснено: „пожаловалъ великій государь, указалъ имъ тѣ денги дать, какъ ходилъ онъ, великій государь, въ Троицкой Сергіевъ монастырь молитца" [3]). Это – не единственный случай: кромѣ рукавицъ и обуви [4]) нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, выдавались, по государеву указу, овчинные кафтаны [5]). То же обстоятельство сказывалось пріятнымъ разнообразіемъ въ меню работ-

[1]) Г. А., XXVII, № 512, ч. I и также № Б. 5.
[2]) Ib., № 532, л. 58—9.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1145.
[4]) См. еще, напр., ib., ст. 1345.
[5]) Ib., ст. 561.

никовъ; изъ Измайлова, напр., требуютъ, по памяти изъ приказа, прислать въ Москву на Аптекарскій дворъ 200 „лутчихъ полотъ» ветчины, и вспоминаютъ о рабочихъ: «а обрѣски прежней и нынешней ветчины и кожу велено, читаемъ въ записной книгѣ, взять на кормъ работникомъ» [1]); давалось еще вино и, подобно капустѣ, тоже, кажется, «въ довольность»,— однажды, напр., послано было для работниковъ въ Домодѣдовскую волость и „в—ыные села—1000 ведръ» [2]). Этими же чертами можно бы, вѣроятно, характеризовать и положеніе зимнихъ работниковъ. Нанимались они «в зиму—для дровяной и сенной повозок и молотьбы", съ платой отъ $1^1/_2$ до 2 руб. Число лѣтнихъ работниковъ колебалось между 600 и 700 человѣкъ, зимнихъ—между 85 и 95 ч. [3]).

«Недѣльные работники» рядились, главнымъ образомъ, въ помощь постояннымъ,—вѣроятно по устному соглашенію. Въ Измайловѣ, напр., бывало по 630 человѣкъ наемныхъ жнецовъ у ржаного жнитва, работавшихъ въ теченіе недѣли [4]); около 1000 человѣкъ жали ячмень и овесъ [5]); до 750 ч. пшеницу [6]). По расходнымъ столбцамъ, за лѣто 1665—6 г. на сѣнокосъ было нанято въ разныхъ подмосковныхъ селахъ больше 900 ч. [7]). Значительными партіями нанимали также чистить лѣсъ; напр., въ теченіе трехъ недѣль „росчищали" Глинковскіе луга, да пустошь «Врашки» на Клязьмѣ 150 чел. наемныхъ работниковъ [8]). Наймомъ, кромѣ полевыхъ, производились и другія работы; наемные работники «вычищали въ Виноградномъ саду (въ Измайловѣ) дороги и пололи немецкие травы и цвѣты и готовили в гряды землю» [9]); по найму въ томъ же саду „виноградъ раскрывалі и подъ виноградное семя гряды готовили" [10]); упоминаются наемные работники на соляныхъ и стеклянныхъ заводахъ, получавшіе, правда, изъ приказа жалованье помѣсячно [11]) и

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1559 ср. 1663.
[2]) Ib., ст. 1507.
[3]) Г. А., XXVII, № 352, л.л. 72 и 75.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 808.
[5]) Ib., ст. 871.
[6]) Ib., ст. 871.
[7]) Ib.
[8]) Ib., ст. 762.
[9]) Ib., ст. 1342, 1361 2.
[10]) Ib., ст. 953.
[11]) Ib., ст. 1350.

т. п. Размѣры платы колебались, въ зависимости отъ условій содержанія, и самая расцѣнка въ примѣненіи къ разнымъ работамъ производилась различнымъ способомъ. Жнецовъ, напр., разсчитывали сдѣльно, съ десятины по полтинѣ или по 16 а. 4 д., если работники «хлѣбъ ѣли государевъ», въ противномъ случаѣ по 7 гривенъ и по 23 ал. 2 д. [1]). Косецъ получалъ понедѣльно—отъ 6 до 7 алт. въ недѣлю, и кромѣ того за него платили по 5 денегъ на день подрядчику, который его «кормилъ" [2]); если подрядчикъ ставилъ косцовъ отъ себя, онъ получалъ за каждаго по 2 а. 2 д. на день или по 13 а. 4 д. въ недѣлю—за работу и за кормъ [3]). Нѣсколько выше, повидимому, оплачивалось «лѣсное чищенье»—по 14 а. 2 д. въ недѣлю [4]).

Особую разновидность наемныхъ рабочихъ представляютъ собой „дворовые люди": въ селахъ—сторожа, стадные конюхи, коровники и воловники, птичники и клушники, мельники и засыпки, кузнецы и токари; на Аптекарскомъ дворѣ—ключники, „свѣшникъ и печникъ", хлѣбные и поваренные помясы, овчинникъ и котельникъ, и къ нимъ же опись присоединила живописнаго дѣла учениковъ, «которые учатца у живописца у Дороѳея Ермолаева». Большинство ихъ изъ гулящихъ людей; но встрѣчаются среди нихъ и крестьяне „съ отпускными". Всѣ они получаютъ денежное жалованье, отъ 3 до 7 руб. и хлѣбное—ржи и овса по 5—13 четвертей [5]).

Въ земляныхъ и особенно въ строительныхъ работахъ широкое примѣненіе получалъ наемный трудъ въ формѣ подряда. Въ царскихъ владѣніяхъ работы этого рода производились безпрерывно, на нихъ рабочій людъ—плотники, каменьщики, прудники, извозчики—собирался тысячами, и въ приходо-расходныхъ книгахъ мы найдемъ не одинъ десятокъ заключенныхъ ими съ Тайнымъ приказомъ подрядныхъ записей. Контрагенты выступаютъ въ договорѣ въ разномъ видѣ: рядятся и цѣлымъ обществомъ—«старосты съ крестьяны» и случайной группой—крестьяне и посадскіе тяглецы, особенно же въ большомъ числѣ—московскіе стрѣльцы съ своими десятниками и пятидесятниками;

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 349, 351.

[2]) Ib., ст. 340.

[3]) Ib., ст. 45, 53.

[4]) Ib., ст. 762.

[5]) Приход.-расход. кн. с. Измайлова л.л. 87 об.—90 и 242—245; Р. И. Б., т. 21, ст. 216—218; т. 23, ст. 148, 1161.

часто принимаютъ на себя обязательство поставить работниковъ подрядчики—по одному, а иногда тоже группой; поряжаясь, напр., «къ плотинному дѣлу», каменьщики подрядчики обязываются «ту плотину дѣлать... своими работники, а у дѣла имъ, каменщикомъ, быть на всякой день по 30 мастеровъ, кромѣ работниковъ“ [1]). Обычные элементы договора—предметъ работы, способъ выполненія и поведеніе подрядчиковъ, вознагражденіе и неустойка. Относительно второго пункта въ порядной записи порядчики обязывались обыкновенно «дѣлать имъ то дѣло безпрестани, безъ всякого мотчанья»; иногда въ порядную запись вносилось особое условіе для обезпеченія контроля надъ работой: „а дѣлать все, договариваются, напр., плотники, какъ станетъ указывать плотничей подмастерья Андрей Ѳоминъ“, или каменьщики: „какъ учнетъ указывать подмастерья Дмитрей Костоусовъ“ [2]),—очевидно, царскіе инженеры. Въ условіяхъ о вознагражденіи почти всегда, кромѣ денегъ, выговариваются, въ опредѣленномъ количествѣ, „запасы“; вотъ, напр., какой списокъ составили себѣ 47 человѣкъ каменьщиковъ, порядившіеся дѣлать каменные погреба на Аптекарскомъ дворѣ: 250 чт. муки «аржаной», 250 чт. сухарей, 25 чт. крупъ овсяныхъ, 20 чт. толокна, 10 чт. гороху, 5 чт. снѣтковъ, 50 пуд. соли, 20 п. масла коровьяго, 5 в. масла коноплянаго, 150 пуд. ветчины, 50 пуд. рыбы соленой бѣлуги, 50 пуд. осетровъ, 10 пуд. икры, 200 сазановъ, 5 в. «жиру рыбьяго», 100 в. вина, 50 чт. солоду „оржоного и ячменного молотого». Какъ видимъ, «капуста крошевная», занимавшая столь почетное мѣсто въ меню работниковъ, здѣсь отсутствуетъ. Иногда къ списку добавляется: «а ѣсть варить въ государевыхъ котлахъ» [3]). Тоже самое относительно орудій работы: «а снасти к тому каменному дѣлу плотинному, условливаются, напр., каменьщики, ломы и топоры, кирпичи и заступы, ушаты и лопаты, и шайки, и начевки, и носилки, и гребки, и свайные ступы, и лыки, и веревки, и лѣсъ подвязной, и лѣсницы, и тщаны большие, и точила, и что к тому дѣлу понадобитца—и тесъ, и бревна и гвоздье,—то все изъ государевы казны. А быть у того каменного дѣла государевымъ двумъ лошадямъ с телѣги и с хомуты, что понадобитца к тому дѣлу привесть» [4]). Интересы работо-

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 764.
[2]) Ib., ст. 782. 793, 797.
[3]) Ib., ст. 335—6; ср. ib., ст. 765. 770, 772—3.
[4]) Ib., ст. 772.

дателя обезпечиваются порукой: при коллективномъ договорѣ всѣ подрядчики «ручались другъ по друге» круговою порукою, при одиночномъ—подрядчикомъ ставились особые порутчики; въ обоихъ случаяхъ, при нарушеніи договора, (вслѣдствіе «простою», «мѣшкоты», «небреженія» и т. п.) всѣ ручавшіеся принимали на себя пеню, „что великій государь укажетъ» и «всякую неисправу“ въ дѣлѣ [1]). Иногда подрядчики даютъ ручательство въ прочности произведенной работы: «а которому нашему каменному строенію впредь до десяти лѣтъ какая поруха учинитца, і намъ тѣ полаты вновь построить за тѣмъ же подрядомъ, не отымаяся никакими дѣлы» [2]).

Въ качествѣ договаривающейся стороны, Тайный приказъ обнаруживаетъ большую точность и даже строгость въ отношеніи къ обязательствамъ своихъ контрагентовъ. Его бухгалтерія можетъ иной разъ удивить тонкостью пріемовъ: рабочіе, напр., чистили лѣсъ въ теченіе 6 дней, съ 28-го мая по 3-е іюня; но въ приказѣ знаютъ, что изъ этихъ 6 дней «треть дня шелъ дождь», и, хотя опущеніе произошло по волѣ стихій, тамъ все же ставятъ его въ счетъ, выдавая плату рабочимъ съ убавкой—«за шесть дней безъ трети» [3]). Или—случай другого порядка: подрядчикъ, представившій къ каменнымъ работамъ въ Измайлово вмѣсто 50 ч. каменьщиковъ, какъ слѣдовало по договору, только 10, «въ достальныхъ» былъ, по распоряженію изъ Тайнаго приказа, поставленъ «на правежъ» [4]). Вообще приказъ располагаетъ всѣми средствами полностью блюсти свои интересы. Но какія гарантіи были у подрядчиковъ, что условія договора будутъ выполнены съ такой же точностью и со стороны приказа? Отвѣтъ на это можетъ дать повѣсть, какую разсказалъ о своихъ дѣловыхъ отношеніяхъ съ приказомъ одинъ изъ постоянныхъ его подрядчиковъ, Огородной слободы тяглецъ Мишка Прокофьевъ, въ челобитной, поданной уже Ѳедору Алексѣевичу. «По указу отца государева, блаженные памяти царя Алексѣя Михайловича», значится въ челобитной, работалъ онъ въ теченіе ряда лѣтъ «по подряду изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ въ розныхъ государьскихъ селехъ... і на желѣзные заводы и в—ные в—розные мѣста, гдѣ какие заведены... государьские

[1]) Р. И. Б., т, 23, ст, 245, 265, 301, 336 и др.
[2]) Ib., ст. 336.
[3]) Ib., ст. 780.
[4]) Г. А., XXVII, № 532, л. 154,

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

дѣла были,—каменную, и кирпичную, и песочную, и лесную і земляную прудовую работу, работалъ безкорысно и, работныхъ людей наймуючи, на свои деньги кормилъ, и передъ иными подрядчики ималъ дешевою цѣною, і чинилъ... государьской казнѣ прибыль"; однако, слѣдуемыхъ ему съ приказа денегъ 1032 руб. не получилъ, хотя въ приказѣ и было «вѣдомо про ту ево работу и по чему давано работникомъ человѣку на недѣлю». Между тѣмъ случившееся съ подрядчикомъ въ 184-мъ году несчастье—въ этомъ году онъ «погорѣлъ... з дворишкомъ и съ лавченками своими»—поставило его въ критическое положеніе. Какъ разъ въ томъ 184-мъ году подрядился онъ изъ Тайнаго же приказа на поставку каменныхъ матеріаловъ и получилъ въ задатокъ 592 рубля, но во—время, вслѣдствіе „пожарного раззоренья", выполнить подряда не могъ, и теперь въ виду того, что всѣ „тѣ государьские дѣла" со смерти Алексѣя Михайловича «астановились», за полученный имъ задатокъ (592 р.) велѣно отписать на государя и послѣдній, оставшійся у него «дворишко» въ Огородной слободѣ. Челобитчикъ просилъ зачесть въ уплату его долга часть заработанныхъ имъ денегъ и остатокъ выдать ему „бѣдному и скудному и до конца роззоренному» [1]). Офиціальной иллюстраціей къ этому драматическому эпизоду является судьба аналогичнаго челобитья другого подрядчика Тайнаго приказа Ф. Ануфріева. Дѣло рѣшалось также при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, но возникло раньше. Въ 1674—5-мъ году Кадашевской слободы тяглецъ Ѳилька Аноѳреевъ подалъ въ Тайный приказъ, при челобитьѣ, счетъ за поставленные имъ по подрядамъ изъ Тайнаго приказа въ теченіе 178, 179, 181, 182, 183-го годовъ лѣсные матеріалы на 1347 руб. Въ докладной выпискѣ государю было по этому поводу подтверждено, что «тѣхъ денегъ ему Ѳилке, ѳевраля по 15-е число нынешнего 183-го году не дано». Государь, «сей выписки слушавъ", указалъ—«смѣтить», сколько пришлось бы выдать челобитчику соли, если заплатить «за тѣ лесные запасы» вмѣсто денегъ, этимъ продуктомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ справиться въ Приказѣ Большой Казны, много ли въ тотъ моментъ было соли „на лицо" на соляномъ дворѣ. Въ приказѣ разсчитали, что соли «иметца за тѣ денги дать 7485 пуд.», а Большая Казна представила справку,

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 828—833; ср, почти совсѣмъ такую же исторію измайловскаго крестьянина У. Осѣева, ib., ст. 813—818.

что соли у нея на лицо «за всякими расходы» 15700 пудовъ; «и будетъ Ѳилке леснику дать», говорилось въ докладѣ, останется еще 8215 пуд. Изъ доклада Н. И. Одоевскаго, представленнаго имъ Ѳедору Алексѣевичу на основаніи выписокъ изъ дѣлопроизводства Тайнаго приказа и Приказа Большой Казны, узнаемъ, однако, что «кадашевцу Ѳилке Анофрееву по той докладной выписке за лесные ево взятые запасы денегъ ис Приказу Тайных Дѣлъ, а соли ис Приказу Большие казны не дано» [1]). Къ этому можно бы еще добавить, что предположенный государемъ способъ расплаты былъ привлекателенъ не для всѣхъ тогдашнихъ подрядчиковъ, и случалось, что государю приходилось отказываться отъ подобныхъ операцій при заключеніи договоровъ: «а чтоб вмѣсто денег взяли они солью или иными какими запасы, докладывали однажды государю «письмомъ» объ извозчикахъ подъ лѣсъ, о том с ними говорили, и они, государь, оприч денег ничѣм взять не похотѣли“ [2]).

Въ цѣляхъ лучшей постановки сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ предпріятій царя Алексѣя призывались, какъ мы знаемъ, мастера—спеціалисты, русскіе и иноземцы. Въ составѣ рабочаго населенія государевыхъ селъ они являются сравнительно постояннымъ элементомъ и, по особенностямъ своего положенія, образуютъ самостоятельную группу. Въ с. Измайловѣ и приселкахъ было нѣсколько слободъ, въ которыхъ числилось болѣе 200 человѣкъ «ремесленныхъ», «мастеровыхъ» и торговыхъ людей [3]), да въ селѣ Алексѣевскомъ, по словамъ описи, «зачата строить сдобода для всякихъ мастеровыхъ людей, поставлено 24 избы» [4]). Дворы мастеровъ ставились на государевъ счетъ; такъ псковскимъ «ольленикамъ» 6 человѣкамъ было выдано «на дворовое строенье» по 10 р. каждому [5]); мастера иноземцы устраивались комфортабельнѣе: дворъ, напр., садоваго мастера Григорія Хута обошелся государю въ 129 руб. 5 алт. [6]); дворъ другого иноземца «Ѳалентина» Давида—въ 50 руб. [7]). Мастера, какъ и ихъ ученики, получали денежное жалованье и

---

[1]) Г. А., XXVII, № 380, л.л. 1—22.
[2]) Ib., № 524, л. 27.
[3]) Ib., № 532, л. 77—8.
[4]) Р. И. Б., т 21, ст. 240.
[5]) Р. И. Б., т. 23, ст. 891.
[6]) Ib., ст. 908.
[7]) Ib., ст. 21.

«кормъ»,—послѣдній или натурой или деньгами. Жалованье было выше или ниже, смотря по спеціальности и по степени искусства, о которой едва ли не судили между прочимъ по національности. Выше другихъ цѣнилась работа стеклянныхъ мастеровъ: извѣстный намъ Ловисъ Міотъ (Иванъ Мартыновъ) получалъ 185 руб. въ годъ. другіе „стеклянные мастера"—Энорсъ Пухоръ—142 р. съ полтиной, Петръ Балтусъ, Индрикъ Леранъ и Анцъ Фредрихъ по 107 руб. Садовые мастера Валентинъ Давидъ и Григорій Хутъ получали по 100 руб.; кузнечнаго дѣла мастеръ Валентинъ Босъ—54 р. 7 а. 4 д; шелковаго дѣла мастеръ Ларіонъ Лговъ—50 руб. Вознагражденіе рѣзко понижается, когда мы переходимъ къ группѣ отечественныхъ спеціалистовъ: самую высокую плату изъ нихъ получалъ тоже встрѣчавшійся намъ «плотинный подмастерье» Андрей Ѳоминъ—20 руб.; впрочемъ, другой такой же подмастерье, судя по имени какъ будто иноземецъ, Якубъ Яновъ—только 15 руб.; зато жалованье несомнѣнно русскихъ садовниковъ—Микитки Ермолаева, Онтошки Дороѳѣева, Савки Леонтьева и Ѳедьки Исаева было всего 10 руб.; бумажнаго дѣла мастера Ѳедьки Аносова тоже 10 руб., а «шолковыхъ мастеровъ» Алешки Потапова и Ѳедьки Иванова даже 8 руб. [1]). Такая же разница—въ оплатѣ труда мастеровъ и учениковъ; льнянымъ мастерамъ, напр., платили по 15 руб., а ученикамъ по 1 руб. [2]). По жалованью измѣряли и аппетитъ: астраханцу Ларіону Лгову давали на годъ корму: по 40 чети ржи и овса, 20 полотъ ветчины, 10 ведеръ вина; а плотинный подмастерья Андрюшка Ѳоминъ получалъ: «по 2 чарки вина, по кружке меду, по ѣстве по трети калача или хлѣба на день» [3]); или деньгами: мастеру—по гривнѣ на день, ученику по 10 денегъ [4]). По сравненію съ другими рабочими мастера занимаютъ привиллегированное положеніе. «На пріѣздѣ» имъ обычно выдаются «въ приказъ» значительныя по тому времени суммы отъ 5 до 10 руб. [5]); къ большимъ праздникамъ или по случаю семейныхъ событій, напр., на свадьбу, «на родины» и крестины, а то и безъ видимаго повода, государь очень часто посылаетъ имъ, сверхъ «уговорнаго корма», ветчины и

---

[1]) Арх. Оруж. Пал. № 51490, л.л. 1—10, 26—28.
[2]) Р. И. Б., т. 23. ст. 767.
[3]) Р. И. Б., т. 21. ст. 1467.
[4]) Р. И. Б., т. 23. ст. 1602.
[5]) Ib., ст. 750 –1.

гусей, и «бѣлой рыбицы», и вина добраго [1]); иногда имъ пожалуютъ по сукну англійскому или кармазинному, на казенный счетъ сдѣлаютъ «штаны отъ стужи» и даже полное обмундированіе [2]). Мастеровъ изъ военныхъ людей повышали въ чинахъ: «капитана, алебастроваго дѣла мастера, Елизарья Балеара для ево мастерства» велѣно, напр., было «написать въ маеоры» [3]). Какъ формально обставлено было поступленіе мастеровъ на службу,—изъ документовъ не видно. Русскіе мастера, по всей вѣроятности, переселялись въ большинствѣ «на вѣчное жить»; такъ были поселены въ Измайловѣ упоминавшіеся раньше 222 человѣка [4]), и объ этомъ же говорятъ отмѣченные въ записныхъ книгахъ факты, что псковскіе «ольлеиики» перевозятъ своихъ женъ и дѣтей [5]), а съ другой стороны,—что пасѣчники, не пожелавшіе жить въ Измайловѣ, пытались освободиться отъ своей службы посредствомъ бѣгства, вызвавъ этимъ государевъ указъ, «чтобъ ихъ сыскавъ, выслать къ Москве» [6]). Можетъ быть, иноземные мастера пользовались большей свободой; напр., садовый мастеръ Гр. Хутъ, недовольный условіями службы въ Измайловѣ, «садъ строить покинулъ», какъ сообщалось въ докладѣ государю, хотя для «садового дѣла" онъ былъ необходимъ: безъ него садъ пришелъ въ разстройство; „а какъ бы онъ, Григорей, съ тѣхъ мѣстъ и по се время садъ строилъ, читаемъ въ докладѣ, и противъ указу великого государя (садъ) построенъ бы былъ въ совершенствѣ весь» [7]). Но и свобода иноземцевъ была очень относительная: Григорія Хута не придержали по опредѣленной причинѣ; однако, когда въ сентябрѣ 1667-го года бѣжалъ со службы состоявшій толмачемъ иноземецъ Василій Ерофѣевъ, его поймали и, судя по тому, что онъ упоминается среди толмачей въ 1674 г., заставили служить по прежнему [8]). Вообще, если между мастерами и государемъ и заключался договоръ по всей формѣ, то все же несомнѣнно,

---

[1]) Напр. Р. И. Б., т. 21, ст. 1406, 1411, 1433, 1450, 1451, 1496, 1527 и др.; т. 23, ст. 1136.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1411, т. 23, ст. 1592, 1599 и др.

[3]) Ib., ст. 1346.

[4]) Ib., ст. 1357.

[5]) Ib., ст. 1245, 1243.

[6]) Ib., ст. 1122.

[7]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 390.

[8]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1350, 1712.

что отношенія между обѣими сторонами зачастую опредѣлялись болѣе реальными факторами, чѣмъ формальными условіями. Сафьянный мастеръ Борисъ Ивановъ и его ученики испортили, при обработкѣ, 70 сафьяновъ, и «по указу великого государя мастеру Бориску за порченые козлины (было) учинено наказанье—бит батоги и из мастеров отставлен» [1]: врядъ ли, конечно, такой казусъ совершился на основаніи договора. Другой случай—исторія упомянутаго выше Гр. Хута. О причинахъ его отказа отъ садоваго строенья мы узнаемъ частью изъ доклада Алексѣю Михайловичу, частью изъ челобитной самого Хута, поданной имъ Ѳедору Алексѣевичу. По его словамъ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ его «службы», при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ему давалось «мѣсечного корму» на мѣсяцъ по 20 руб., а въ послѣдніе четыре года уплачено только «по сту рублев на год, и против прежнихъ трех лѣтъ за четыре года ему не дано по сороку по четыре рубли, на годъ». Поэтому «в прошлых годех он из села Измайлова от садов отстал», объяснялось въ челобитной, и «будучи... у его государевых садов, в четыре годы оскудалъ и одолжал великими неоплатными долги» [2]. Докладъ, представлявшійся въ свое время царю Алексѣю, подтверждаетъ справедливость претензіи садоваго мастера; только докладчикъ аргументируетъ желательность возвращенія мастера на службу не юридическими соображеніями, а практической необходимостью—привести садъ «въ совершенство». Григорій Хутъ былъ, однако, принятъ вновь только въ 1678—9-мъ году. Эти факты убѣждаютъ, что установить отличія въ правовомъ положеніи между разсматриваемой группой и другими довольно трудно.

Своеобразную группу въ составѣ рабочаго населенія государевыхъ селъ образуютъ Московскіе стрѣльцы разныхъ приказовъ и солдаты двухъ выборныхъ полковъ—М. Кравкова и А. Шепелева. Тѣ и другіе несутъ, въ общемъ, одинаковую службу. Видимо, они цѣнятся выше прочихъ рабочихъ и получаютъ болѣе отвѣтственное назначеніе. Обыкновенно они состоятъ «у наряду надъ работники» при разныхъ «государевыхъ дѣлахъ»—пашнѣ, сѣнокосу, молотьбѣ, на плотинахъ и огородахъ, у чистки лѣса и т. п. [3]. Ихъ способностями и профес-

[1]) А. М. И. Д., Дѣла, вновь разобранныя, № л. 2.
[2]) Г. А., XXVII, № 511.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 53, 63, 885—6; т. 21, ст. 1417, 1746.

сіональными навыками пользуются въ спеціальныхъ работахъ: постоянно встрѣчаемъ стрѣльцовъ плотниковъ, рѣже солдатъ, на разнообразныхъ постройкахъ; упоминаются среди нихъ рѣзчики, которые «рѣзи режутъ»; солдаты и стрѣльцы работаютъ въ садахъ, между прочимъ—«у тутового саженья» и на соляныхъ заводахъ; ихъ учатъ льняному, шелковому и сафьянному дѣлу съ разсчетомъ впослѣдствіи замѣнить ими привозныхъ мастеровъ. Но они же исполняютъ и рядовыя работы: ронятъ бревна, ломаютъ и возятъ камни къ постройкамъ, чистятъ лѣсъ или болото [1]). Одни изъ нихъ постоянно «живутъ» въ разныхъ селахъ „у государевыхъ дѣлъ“, это—главнымъ образомъ «работные солдаты»—устюжане и вятчане, въ числѣ отъ 240 до 400 человѣкъ [2]); другіе появляются по временамъ, большими или меньшими партіями,—смотря по надобности. Для работныхъ солдатъ работа—своего рода повинность, ради которой они вызывались съ родины сначала «на время» [3]), а потомъ взяты были «з женами и з дѣтьми» „к Москвѣ на вѣчное житье“ и „отданы“ въ с. Измайлово [4]). Они получаютъ государево жалованье по 31 алт. въ мѣсяцъ, да сверхъ того «прибавочного корму» за „работные дни“ по 3 деньги «на день» [5]). Въ такихъ же условіяхъ находились нѣкоторые, сравнительно немногіе, изъ Московскихъ стрѣльцовъ,—вѣроятно, тѣ, которые выбраны были на Вяткѣ же изъ старыхъ солдатъ и „Вятцкихъ городовъ ис посацкихъ людей добрыхъ и семьянистыхъ полныхъ и пожиточныхъ“ [6]). Въ значительномъ числѣ, человѣкъ по 150, по 200 и по 250, стрѣльцы же и солдаты выборныхъ полковъ, остававшіеся свободными отъ походовъ, привлекались на временныя работы, въ родѣ рубки или возки лѣса, съ вознагражденіемъ, размѣры котораго, кажется, опредѣлялись приказомъ [7]). Въ обоихъ случаяхъ, т. е. въ качествѣ постоянныхъ и временныхъ рабочихъ, они пользовались особымъ вниманіемъ. Тѣмъ и другимъ выдаются отъ государя деньги на «дворовое строенье» или

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1059, 1092, 1171, 1183, 1191, 1192, 1210, 1214, 1237, 1248 и др.; 1360 и др.; т. 23, ст. 620, 755.

[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 22—5; 60; ср. т. 21, ст. 1113.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1113.

[4]) М. А. М. И. Д., Прик. д. ст. л., 1671 г., № 556.

[5]) Р. И. Б., т. 23, ст. 25.

[6]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1525.

[7]) См. напр., Р. И. Б., т. 21, ст. 1285, 1342, 1391.

„на починки“ худыхъ избъ [1]). Гораздо чаще и щедрѣе, чѣмъ обыкновенныхъ работниковъ, государь жалуетъ ихъ деньгами и разными хлѣбными запасами «въ приказъ»; иногда велитъ дать имъ овчинъ на шубы или по сафьяну каждому [2]). Даже женамъ ихъ въ то время, какъ ихъ мужья на работѣ, идетъ особое государево жалованье—деньгами—по 3 д. [3]) или солью [4]),—знакъ того, что работа въ государевыхъ селахъ приравнивалась къ походной службѣ. А вотъ фактъ, который можно даже понять, какъ своеобразную форму страхованія стрѣльца въ несчастныхъ случаяхъ на государевой работѣ: по государеву указу, было выдано однажды «стрѣлецкой Івашковой женѣ Ермолина Маньке, по оценке, за кафтанъ мужа еѣ четыре рубли—для того, что мужъ еѣ, будучи у дѣла на льняномъ дворѣ, посѣкъ ноги и отъ того умеръ“ [5]). Однако и среди этой группы, не смотря на привилегіи, нѣтъ довольства своимъ положеніемъ, и бѣгство съ работы—такое же обыччое явленіе, какъ и среди другихъ представителей подневольнаго труда. Документы отмѣчаютъ рядъ случаевъ, когда бѣгутъ солдаты полка Кравкова,—вѣроятно потому, что изъ нихъ по преимуществу выбирались постоянные работники. Число бѣглецовъ значительно: въ одномъ, напр., случаѣ 68 человѣкъ [6]), въ другомъ—91 чел. [7]), въ третьемъ—153 ч. [8]). Послѣдствія – обычныя: «а бѣглыхъ солдатъ Степку Алексѣева съ товарищи 91 ч., которые збѣжали съ Москвы и изъ села Измайлова съ работы, сыскавъ, учиня наказанье, бивъ батоги, выслать тотчасъ» [9]). Впрочемъ, примѣнялась еще и другая мѣра: бѣглымъ солдатамъ выдавали потомъ кормовыя деньги, а женамъ ихъ и дѣтямъ—хлѣбъ, „съ убавкой“ [10]).

Разнообразіе рабочаго состава, свидѣтельствуя о сложности хозяйственныхъ задачъ, характеризуетъ до извѣстной степени и самый типъ хозяйственной организаціи. Пока мы

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1690; т. 23, ст. 582.

[2]) Ib., ст. 1191—2, 1239, 1240, 1349, 1377, т. 23, ст. 631, 868—870, 1145—6 и др.

[3]) Ib., ст. 1362.

[4]) Ib., ст. 1372.

[5]) Р. И. Б., т. 23 ст. 887.

[6]) Арх. Оруж. Пал., № 556.

[7]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1454.

[8]) Р. И. Б., т. 23, ст. 614.

[9]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1454.

[10]) Ib., ст. 1399, 1435.

ограничиваемъ предѣлы наблюденія положеніемъ мѣстныхъ крестьянъ въ государевыхъ владѣніяхъ, передъ нами—обстановка типичной крѣпостной вотчины, гдѣ крестьянинъ прежде всего—средство для осуществленія цѣлей внѣшней по отношенію къ нему организаціи. Потому здѣсь—все знакомыя картины: крестьянина покупаютъ, помимо его воли переводятъ съ одного мѣста на другое, берутъ съ него «по окладу» и „въ запросъ“ всякіе доходы, въ мѣру и безъ мѣры пользуются его трудомъ; а онъ, когда становится «не въ мочь», мечетъ свой крестьянскій „жеребей“ и бѣжитъ, рискуя вмѣсто воли попасть подъ батоги. Другая характерная черта—сосредоточеніе наиболѣе интенсивнаго труда въ опредѣленныхъ пунктахъ и привлеченіе къ нимъ добавочныхъ рабочихъ силъ—частью въ видѣ «работныхъ людей», собираемыхъ сюда въ принудительномъ порядкѣ, частью—въ видѣ вольнонаемныхъ работниковъ. Это—пріемъ, въ общихъ чертахъ наблюдающійся, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ крупныхъ вотчинъ 17-го вѣка (напр., б. Морозова); но въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа онъ осуществляется въ недоступномъ для частнаго владѣнія масштабѣ, обнаруживающемъ существенно отличный юридическій характеръ государевыхъ владѣній. Самый рѣшительный признакъ въ этомъ отношеніи—солдаты и стрѣльцы, отбывающіе свою службу на государевыхъ поляхъ. Такъ Тайный приказъ пользуется вотчинной организаціей, которая, припомнимъ кстати, перешла къ нему въ большинствѣ владѣній вмѣстѣ съ территоріей, какъ наиболѣе выгодной формой эксплоатаціи крестьянскаго населенія; но онъ не связываетъ себя рамками вотчинныхъ правъ, свободно утилизируя въ цѣляхъ расширенія рабочихъ силъ и имѣющіяся въ его распоряженіи средства государственной власти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ административномъ отношеніи подвѣдомственная Тайному приказу территорія распадалась, какъ мы знаемъ, на отдѣльныя, болѣе или менѣе обособленныя, группы, и этому ея строенію соотвѣтствовали опредѣленныя хозяйственныя соотношенія. Каждая группа образовала собой закругленное въ хозяйственномъ отношеніи цѣлое, въ которомъ былъ свой хозяйственный центръ, при служебномъ значеніи «приписныхъ» селъ и деревень. Правда, самъ хозяинъ-государь бывалъ далеко не во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, и даже не вездѣ имѣлись на случай его «пришествія» хоромы; но его замѣщали поставленные имъ прикащики и воеводы, и конкретно напоминали о немъ всякаго рода хозяйственныя постройки обычными своими эпитетами: „государевъ“ или «государева». У каждой группы былъ свой хозяйственный оборотъ, и въ то же время всѣ онѣ, при извѣстной самостоятельности и обособленности, являются частями одного болѣе сложнаго хозяйственнаго цѣлаго, участвуя въ осуществленіи нѣкоторыхъ общихъ задачъ.

Въ большинствѣ, ихъ собственный бюджетъ сравнительно не сложенъ: жалованье, денежное и хлѣбное, прикащику или воеводѣ, содержаніе хозяйственныхъ построекъ и развѣ еще плата наемнымъ рабочимъ,—вотъ и всѣ, болѣе или менѣе постоянныя, расходныя статьи. Бывали, кромѣ того, чрезвычайные расходы: по требованію изъ приказа, приходилось, напр., производить закупки для Москвы, чаще всего—скота, или тратиться на оборудованіе хозяйственныхъ предпріятій въ родѣ кружечнаго двора, винокурни, пасѣки; иногда возникали и свои экстраординарныя нужды, напр., расходы по сыску «выбѣжавшихъ вонъ» крестьянъ [1]). Всѣ эти, постоянные и чрезвычайные,

[1]) Г. А., XXVII, № 213, л. 119 об.

расходы покрывались изъ мѣстныхъ доходовъ. Если „зборныхъ“ денегъ въ мѣстной кассѣ не оказывалось,—изъ приказа давалось предписаніе продать часть имѣющихся на лицо хлѣбныхъ запасовъ или скота, иногда—въ точно обозначенномъ количествѣ, иногда—только съ общимъ указаніемъ, напр.: «которые устарѣли»—если рѣчь шла о животныхъ, или о хлѣбѣ: «изъ остаточного за сѣмяны» [1]). И всегда, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ, оставался излишекъ, который могъ поступить потомъ въ общій оборотъ.

Были, однако, хозяйственныя группы съ гораздо болѣе сложнымъ бюджетомъ—и въ доходныхъ и въ расходныхъ статьяхъ. Это—подмосковныя села, и среди нихъ, на первомъ мѣстѣ, с. Измайлово. Въ историческихъ повѣствованіяхъ обыкновенно изображаютъ Измайлово, какъ любимую лѣтнюю резиденцію Алексѣя Михайловича. Въ дѣйствительности, на такой титулъ больше правъ имѣютъ другія села, къ которымъ, кстати сказать, Тайный приказъ не имѣлъ никакого отношенія,—напр. Преображенское, Воробьево, Коломенское: тамъ, судя по крайней мѣрѣ по записямъ Дворцовыхъ разрядовъ и Дневальныхъ записокъ, царь бывалъ чаще и оставался дольше. Зато съ Измайловымъ, главнымъ образомъ, связаны хозяйственные планы и начинанія царя, и отсюда—исключительные размѣры Измайловскаго бюджета. Благодаря обширности и разнообразію производившихся здѣсь работъ, при быстротѣ ихъ темпа, опредѣлявъ-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1437, 1492, 1594, 1602 и др. Всего больше затрудненій въ этомъ отношеніи испытывалъ, изъ владѣній такой категоріи, г. Богородицкой, въ силу особенностей своего географическаго положенія. Какъ узнаемъ изъ отписки Богородицкаго воеводы въ приказъ, на жалованье поселеннымъ здѣсь 100 ч. солдатъ, причту «соборной церкви», тремъ подъячимъ приказной избы, конюхамъ и скотникамъ, а сверхъ того «на животинную покупку і на веретищи, и на сани, і на телеги і на всякие росходы» надобно было «съ шестьсотъ рублевъ» въ годъ, и «на тѣ... росходы велено (было) ему... продавать великого государя десятинной хлѣбъ». Между тѣмъ, по его словамъ, в Богородицкомъ... мѣсто пустое, хлѣба купит некому, а которые—де люди і пріѣзжают в Богородицкой по зимнему пути купит хлѣба, и они—де хлѣб купят дешевою ценою», рожь всего отъ 10 а. до 13 а. 2 д., овесъ по 6 а. 4 д. за четь, и по такой цѣнѣ онъ продавать «не смѣетъ». Въ виду этого изъ Тайнаго приказа велѣно было «для десятинного Богородицкого хлѣба» построить житницы на Тулѣ, «чтоб было гдѣ ево с возов ссыпат і продать во время, когда хлѣб бывает дороже“. А. М. Ю Бѣлгор. ст., № 1137, л.л. 84—6.

шагося однимъ только моментомъ—нетерпѣливымъ царскимъ «не замотчавъ», село съ прилегающими къ нему пустошами—Просянымъ и Меленками могло бы, вѣроятно, напомнить муравейникъ—количествомъ и движеніемъ занятыхъ въ разныхъ работахъ людей. Еще сравнительно незадолго передъ тѣмъ, въ 1623 г., оно имѣло, по изображенію писцовой книги, очень скромный видъ: «дворъ боярина Ивана Никитича (Романова), да дворъ охотной—псарской, 5 дв. нищихъ и 10 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ». Къ 1646 г., согласно переписной книгѣ, крестьянскихъ дворовъ стало 32 [1]),—но въ этомъ, кажется, и заключалась вся перемѣна. При царѣ Алексѣѣ, въ теченіе какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ, Измайлово превратилось въ образцово-устроенный по тому времени культурно-хозяйственный центръ обширныхъ владѣній, и когда, въ 1687 г., произведено было подробное хозяйственное описаніе его, то получилась цѣлая книга въ 273 листа [2]). Вотъ хотя бы главное, что было сдѣлано: построена церковь и начата постройкой другая; построены хоромы, 5 каменныхъ ригъ, каждая—съ двумя или тремя садилами, съ 5—6 печами, съ каменными токами отъ 30 до 75 саж. въ длину; 9 мельницъ, при нѣкоторыхъ изъ нихъ—каменные амбары о нѣсколькихъ „житьяхъ“ и каменныя же плотины, изъ которыхъ, напр., плотина на Виноградной мельницѣ была длиною 87 саж., шириною 12 и вышиною 3 саж.; дворы: конюшенный,—въ длину 73 саж., въ ширину—49 саж., скотный—въ длину 45 саж., въ шир. 24 саж. и въ немъ 16 «денниковъ, 3 избы и 4 анбара», житный—46 саж. въ длину и 36 с. въ шир., съ 20 житницами, «запасной» съ нѣсколькими погребами, льняной и хлѣбенный; винокурня и стеклянный заводъ; наконецъ, избы для дворовыхъ людей, солдатъ и мастеровыхъ; выкопано было 37 прудовъ, причемъ подъ нѣкоторые изъ нихъ, напр. подъ Строкинское „озеро“, приходилось вычищать болота; разбиты, какъ мы знаемъ, обширные сады и огороды, въ садахъ сдѣланы «хоромы четверня», 4 «чардака»—бесѣдки „разными образцами“, «писаны красками», въ Виноградномъ саду, сверхъ того, еще своеобразное сооруженіе—«часового строенія станокъ „в чемъ ходятъ колесы, вышиною полтора аршина, в длину два арш., в ширину в аршин в три вершка“; присоединимъ сюда также

---

[1]) У г. Кожевникова: Земельныя владѣнія дома Романовыхъ, стр. 66.
[2]) Имѣю въ виду уже цит. рукописное „Описаніе с. Измайлова».

пашню, расширенную до 2 т. десятинъ. А самые размѣры затраченныхъ на все это матеріаловъ и труда иллюстрируютъ своими записями записныя и приходо-расходныя книги. Такъ, только по подрядным записямъ отъ 9 февр. 1668 г. было поставлено на Измайловскія плотины 800 т. кирпичу [1]); на одну Измайловскую же «малую» плотину привезено 5 т. возовъ песку [2]); на разныя постройки вывезено, между прочимъ: изъ Рузы 10 т. сосновыхъ столбовъ «въ отрубѣ поларшина» [3]), изъ Черноголовской волости—въ одинъ разъ 30 т. бревенъ, въ другой—40 т., причемъ только въ первый разъ понадобилось 993 подводы [4]), изъ Солотчинскаго лѣсу—около 40 т. тесницъ, 6 т. лубовъ, 5 т. драницъ [5]); съ верховьевъ Москвы рѣки на стругахъ—9800 „каменей“ стѣнныхъ аршинныхъ и трехчетвертныхъ и полуаршинныхъ [6]), изъ Мячковской волости такихъ же «каменей» 80 тыс. [7]). То же самое, только въ меньшихъ относительно размѣрахъ, происходило въ нѣкоторыхъ другихъ подмосковныхъ селахъ, особенно—въ Степановскомъ и въ Алексѣевскомъ, на которыя преимущественно, послѣ того какъ закончено было устройство с. Измайлова, царь Алексѣй перенесъ свои хозяйственныя заботы. На основаніи предыдущаго, мы можемъ составить себѣ общее представленіе о томъ, какое количество денегъ и запасовъ должно было исходить на жалованье и выдачи „въ приказъ“ администраціи и рабочимъ во всѣхъ подмосковныхъ селахъ; а о размѣрахъ тратъ на строительные матеріалы позволяетъ, хотя бы до нѣкоторой степени, судить тотъ фактъ, что у одного только кадашевца Ѳ. Анофреева въ теченіе 5 лѣтъ куплено было лѣсу на 6781 руб. [8]). Сюда же, наконецъ, слѣдуетъ отнести спеціальные расходы, которыхъ требовали пріуроченные къ подмосковнымъ же селамъ культурно-хозяйственные опыты царя, какъ фруктовые и тутовые сады. Между тѣмъ безспорной доходной статьей, по крайней мѣрѣ въ первые годы, оставалось одно полевое хозяйство, и

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 915—17.
[2]) Ib., ст. 929.
[3]) Ib., т. 21, ст. 1146.
[4]) ib., ст. 1150, 1183, 1278.
[5]) Ib., ст. 1202.
[6]) Ib., ст. 1101.
[7]) Ib., ст. 1228 и 1401.
[8]) Ib., ст. 304—313.

ясно, что покрытіе всѣхъ этихъ издержекъ должно было ложиться на хозяйственное вѣдомство приказа въ его цѣломъ.

Все же это была только временная задача, поскольку былъ вѣроятенъ разсчетъ, что впослѣдствіи затраты, по мѣрѣ ихъ естественнаго сокращенія, будутъ покрываться изъ мѣстныхъ доходовъ. Но въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа были расходы, уже лишенные мѣстнаго характера и потому дѣлавшіе, можно думать, необходимымъ по существу постоянное согласованное участіе всѣхъ хозяйственныхъ группъ въ хозяйственныхъ оборотахъ приказа. Кромѣ лицъ, непосредственно занятыхъ въ разныхъ отрасляхъ труда и администраціи, изъ средствъ Тайнаго приказа постоянное государево жалованье получаютъ цѣлыя группы, въ полномъ своемъ составѣ вовсе не предназначавшіяся къ хозяйственной дѣятельности. Однѣмъ изъ этихъ группъ выдаются деньги и хлѣбные запасы, такъ что принадлежащія къ нимъ лица живутъ на полномъ содержаніи царя, „пьютъ и ѣдятъ царское“, по выраженію Котошихина. Это— сокольники и весь дворовый штатъ Потѣшнаго двора, мастера Гранатнаго двора (до передачи его въ Пушкарскій приказъ въ 1668 г.), пѣвчіе государевы дьяки, «верховые богомольцы», они же „верховые нищіе“, просто «нищіе» и „изъ нищихъ робята“, жившіе на Аптекарскомъ дворѣ, наконецъ, и отдѣльныя лица, не подходящіе ни подъ одну изъ этихъ категорій, какъ „алхимистъ Миколай Дмитреевъ“, „карла Тимоѳей“, „дуракъ Елька“. Особенно значительны расходы на содержаніе сокольниковъ. Кромѣ годового денежнаго жалованья въ размѣрѣ ок. 1000 руб. [1]), имъ отпускаются въ большомъ количествѣ очень разнообразные запасы; за 1665—6-й годъ, напр., на Потѣшный дворъ было отослано въ разное время: 1000 чт. ржи, 200 чт. овса, 1211 барановъ, 1200 гусей, 700 утокъ, 2400 куръ, 150 поросятъ, 300 полотъ ветчины, 1000 п. соли, 20 чт. крупъ, 50 чт. солоду, 1400 в. вина, 562 п. меду, 40 в. масла конопляного; въ слѣд. 1666—7-мъ году: 1512 барановъ, 1712 чт. ржи, 309 чт. овса, 1700 гусей, 500 утятъ, 3500 куръ, 3637 пол. ветчины, 1800 п. соли, 6 чт. маку, 1800 в. вина, 600 п. меду. Другимъ группамъ идетъ, по правилу, только денежное жалованье. Таковы: солдаты и рейтары полковъ Н. Бовмана и М. Кравкова, братія и стрѣльцы Саввино-Сторожевскаго монастыря; солдатамъ выдаются изъ

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 539, 853, 1104.

приказа «кормовыя деньги» помѣсячно,—полку Н. Бовмана отъ 1600 до 1700 руб. [1]). М. Кравкова—отъ 1000 до 1100 руб. [2]); стрѣльцамъ и братіи монастыря—за годъ, первымъ около—800 руб. [3]), вторымъ—отъ 1300 до 1500 руб. [4]). Сверхъ того, приказъ бралъ на себя, повидимому временно, жалованье деньгами и хлѣбомъ пушкарямъ и селитряннымъ мастерамъ [5]). Изъ его же средствъ ассигнуются иногда солдатамъ названныхъ полковъ и Московскимъ стрѣльцамъ, въ случаѣ ихъ выступленія въ походъ, деньги «на подъемъ», приблизительно въ размѣрѣ ихъ мѣсячнаго оклада [6]).

Помимо выдачъ въ формѣ постояннаго жалованья, Тайный приказъ несетъ большіе расходы въ экстренномъ порядкѣ. На рѣдкой страницѣ приходо-расходныхъ и записныхъ книгъ мы не встрѣчаемъ записи о государевомъ жалованьѣ, деньгами или хлѣбомъ, кому-нибудь „въ приказъ“, причемъ среди осчастливленныхъ царской милостью людей безусловно первое, по численности, мѣсто занимаютъ представители тѣхъ общественныхъ состояній, изъ которыхъ складывалась окружавшая царя въ тѣ или другіе моменты его повседневной жизни среда. Тутъ и духовныя лица разныхъ степеней, отъ Московскаго патріарха и до простого чернеца, и придворные чины, по преимуществу изъ „ближнихъ“, и дьякъ Тайныхъ Дѣлъ съ подчиненными ему подъячими, и „начальные люди“ Московскихъ стрѣльцовъ, сокольники и конюхи, и, наконецъ, люди, сильные не честью, а числомъ,—Московскіе стрѣльцы, солдаты выборныхъ полковъ, нищіе и тюремные сидѣльцы. Государь жалуетъ ихъ и порознь, и цѣлыми группами; однихъ—рѣже, другихъ чаще. Сравнительно рѣдко награждаются при этомъ „за службу“, и то—преимущественно высшіе чины; такъ было дано напр., однажды—1000 р. д. дв. Я. Т. Хитрово [7]), по 500 р.—Ю. А. Долгорукому и П. С. Урусову [8]). Зато наградой неизмѣнно сопровождается каждое экстренное порученіе царя или „посылка“, по хозяйственнымъ

[1]) Напр. Р. И. Б., т. 23, ст. 419—422, 436—442.
[2]) Ib., ст. 627, 638, 652, 681, 1332.
[3]) Ib., ст. 283, 466, 695, 1273.
[4]) Ib., ст. 598, 1227.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1507; т. 23, ст. 23, 517, 639.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1332, 1333, 1350, 1351.
[7]) Ib., т. 23, ст. 591.
[8]) Ib., ст. 697 и 1345.

ли или по общегосударственнымъ дѣламъ, и по этой статьѣ особенно часто получаютъ государево жалованье подъячіе приказа, головы Московскихъ стрѣльцовъ и рядовые стрѣльцы, конюхи стремянные и стряпчіе,—въ размѣрѣ отъ полтины до 100 руб. или въ соотвѣтствующемъ количествѣ разные запасы, смотря по характеру порученія, а главное—по положенію и заслугамъ исполнителя. Чаще всего, однако, поводомъ къ единичнымъ пожалованіямъ служатъ обстоятельства частнаго характера. Царь Алексѣй отличался исключительной отзывчивостью. Всякое событіе изъ личной жизни окружающихъ его людей, радостное и печальное, или просто нужда, вызываютъ въ немъ сочувствіе, за которымъ каждый разъ могло послѣдовать соотвѣтствующее распоряженіе въ Тайный приказъ. „На свадьбу“, „на приданое“, „на родины и крестины“, „на постриганіе“, „на погребеніе“, „на поминъ“, „на пожарное разоренье“, „за полонное терпѣнье“, „на окупъ долгу“, „на платежъ“ разныхъ сборовъ, „на дворовое строенье“, „на покупку лекарствъ для болѣзни“, „на сапоги“, „на шапку“, „на каѳтанъ“, наконецъ, вообще «для бѣдности» или «для скудости»,—все это термины, которые постоянно встрѣчаемъ въ расходныхъ статьяхъ приходо-расходныхъ и записныхъ книгъ приказа. И въ этихъ случаяхъ основной контингентъ дѣйствующихъ лицъ—тотъ же, только съ добавленіемъ нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, элементовъ, въ родѣ, напр., святѣйшаго патріарха Діонисія, которому дано 50 руб. «для ево разоренья, что ево Турченя разорилъ» [1]), или какимъ-то образомъ попавшаго на глаза государю Воронежскаго ямщика, который получилъ „для ево бѣдности“ 2 руб. и шапку, тутъ же снятую для него «передъ великимъ государемъ» съ головы какого-то Михайлы Щеголева,—вѣроятно, сокольника [2]). Также и даже еще болѣе разнообразны въ этихъ случаяхъ составъ и размѣры пожалованій, хотя самый принципъ, которымъ опредѣляется доля каждаго, остается тотъ же. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Подъячій Тайнаго приказа Артемій Степановъ сговорилъ свою дочь за сына другого подъячаго того же приказа Артемія Волкова, и въ виду предстоящаго семейнаго торжества государь указалъ выдать каждому: по 2 ведра вина „двойного“, по 3—«съ ани-

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 518.
[2]) Ib., ст. 1348, 1368.

сомъ», по 7—„простого“, по полуведру «романѣи, ренского, збитню и каразину», по 2 ведра «меду паточного ставленого», да меду «сырцу» по 5 пуд., ветчины по 5 полотъ, говядины по стягу, куръ Индѣйскихъ по 2, русскихъ по 10, гусей и утокъ «по 2 гнѣзда», по 5 барановъ живыхъ, масла конопляного по 2 пуда, рыбы „по белужкѣ да осетрику“, муки, «крупитчатой» по полъосминѣ, «простой» по полторы чети, по 20 ведеръ пива [1]). Или примѣръ государева жалованья «на пожарное разоренье»: въ одномъ случаѣ деньгами—по 300 руб. окольничему Р. М. Стрѣшневу и лѣкарю Симону Захарьеву“, 200 руб. д. дв. И. А. Прончищеву, 100 руб.—ст. Борису Васильевичу Бутурлину [2]), въ другомъ—хлѣбными запасами: крайчему П. С. Урусову—50 чт. ржаной муки, 20 чт. крупъ овсяныхъ, 20 чт. сухарей, 50 пол. ветчины, 3 чт. муки пшеничной, 50 в. вина, 10 п. меду; полковнику и головѣ Московскихъ стрѣльцовъ А. С. Матвѣеву—40 чт. муки ржаной, крупъ и сухарей по 20 чт., 50 полотъ ветчины, 4 чт. муки пшеничной, 100 в. вина, 20 п. меду, головамъ же Ѳ. Янову, В. Бухвостову и полуголовѣ В. Баранчѣеву—по 20 чт. муки ржаной, крупъ и сухарей по 10 чт., ветчины по 25 полоть, муки пшеничной по 2 чт., вина по 50 в., меду по 10 пуд. [3]). Въ столбцахъ приказа найдемъ нѣсколько челобитныхъ, въ которыхъ разные маленькіе люди, находясь въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, обращаются къ государю съ просьбами о помощи: вдова дьяконица Феклица, мужъ которой сосланъ, по государеву указу, „подъ началъ“, проситъ «на пропитаніе»,—безъ мужа она съ дѣтишками своими помираетъ „зъ голоду и съ холоду» [4]); о томъ же взываетъ „бѣдной и безпомошной и беззаступной, дряхлой і залежалой“ подъячій Большого Дворца Прошка Аверкѣевъ, заскорбѣвшій „на службахъ“ и „въ той скорби“ одряхлѣвшій [5]); „сынчишко боярской Сенька Королевской“, который въ судныхъ деньгахъ „лежитъ“ въ Челобитенномъ приказѣ многое время „скованъ“, умоляетъ не править на немъ «тѣхъ пошлинныхъ денегъ» [6]). И челобитчики получаютъ просимое: послѣднимъ двумъ изъ приказа даются деньги, а первой,

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1652.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1320, 1321, 1324, 1329.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1418.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 244.
[5]) Ib., ст. 247—8.
[6]) Ib., ст. 277.

сверхъ денегъ 2-хъ руб., еще хлѣбные запасы: четь муки ржаной, пол-осмины пшеничной, четверикъ крупъ грешневыхъ, полоть свинины, пол-осетрика, двѣ стерляди соленыхъ, пудъ соли. Судя, однако, по ничтожному числу подобныхъ документовъ въ дѣлахъ приказа и еще потому, что челобитчики не принадлежали къ обычному кругу жалуемыхъ изъ средствъ приказа лицъ, можно думать, что обыкновенно пожалованіе „въ приказъ“ происходило по собственной иниціативѣ государя, близко знавшаго жизнь окружавшихъ его людей. Въ общемъ, одними деньгами приказъ расходовалъ по этой статьѣ отъ $1^1/_2$ т. до 7 т. руб. въ годъ [1]).

Расходы прпказа пріобрѣтали особенно внушительные размѣры, когда государь жаловалъ не порознь отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыми категоріями. Это бывало обыкновенно или на большіе праздники—Пасху, Рождество, Благовѣщенье, Петровъ день и др., или въ знаменательные дни изъ жизни царской семьи—напр., „для помяновения блаженные памяти благовѣрныя государыни Маріи Ильичны“, или „для всемирные радости рождения“ кого-нибудь изъ царскихъ дѣтей, или „для ево государского многолѣтного здоровья второго браку“; изрѣдка—и по другимъ поводамъ. Въ однихъ случаяхъ пожалованіе производится по заранѣе составленному списку, съ разсчетомъ доли каждаго изъ жалуемыхъ лицъ, и тогда оно соразмѣряется съ ихъ общественнымъ положеніемъ или съ близостью къ государю. Высшимъ духовнымъ и придворнымъ чинамъ государь жалуетъ не много и не часто; зато отличаются изысканностью выбираемые для нихъ предметы: бѣлуга въ 3 арш. и „поменши“, осетръ отъ 2-хъ арш., «баранъ молодой Ордынской“. Жалованье средняго чина людей—уже компромиссъ между гастрономіей и экономіей. Дьяку Тайныхъ Дѣлъ назначено: 30 в. вина «съ анисомъ», 40 п. меду «сырцу», 45 тушъ свиного мяса, 50 гусей, 30 утокъ, 100 куръ сушеныхъ, 3 в. масла конопляного, 2 чт. маку и „за просо

[1]) Отдѣльнымъ лицамъ, очевидно, уже по ихъ просьбѣ, государь указываетъ иногда выдать изъ приказа или денегъ или хлѣба «взаймы»; такъ, получилъ однажды «взаймы до сроку, до Николина дни» 500 руб. окольн. Б. М. Хитрово; въ другой разъ роздано было хлѣба «до нови» въ маѣ 1667 г., очевидно на сѣмена, все «ближнимъ людямъ» (стольникамъ—Б. В. Бутурлину, И. В. Бутурлину, кн. В. Голицыну, Ѳ. О. Лодыженскому, А. И. Матюшкину, постельн. Г. И. Ртищеву, полк. и гол. А. С Матвѣеву и б-ну кн. Н. И. Одоевскому): 1100 чт. овса, 600 чт. ржи, 90 чт. ячменя и 15 чт. пшеницы. Р. И. Б., т. 21, ст. 1297—1306.

100 пуд. соли», по 100 чт. ржи и овса; старшимъ подъячимъ: по 5 в. вина, по 6 п. меду, по полустягу говядины, по 5 гусей, по 4 утки, по 50 куръ сушеныхъ, по 6 кружекъ масла; младшимъ: по 1 в. вина, по $1^1/_2$ п. меду, по 2 полтя свинины, по 2 гуся, по уткѣ, по 20 куръ сушеныхъ, по 2 кружки масла [1]). По монастырямъ, которые государь надѣляетъ запасами очень часто, развозили: то «по получетверику крупъ да по 2 гривенки масла коровья человѣку", то рыбы—напр., „по сазану или по стерляди на двоихъ"; или иначе: „въ Чюдовъ монастырь „170 человѣкомъ—17 белугъ, 1 ѣства, 4 теши», въ Ново-Спасскій «157 человѣкомъ—16 белугъ безъ 2 ѣствъ, 4 теши» и т. п. [2]),—составъ не сложный, но у государя богомольцевъ и особенно богомолицъ—великое число (въ 12 ж. монастыряхъ свыше 1700 ч.), и за годъ милостыня имъ должна произвести не малое опустошеніе въ его запасахъ.

Иногда раздача имѣла чисто массовый характеръ. Въ такомъ порядкѣ получаютъ обыкновенно свою милостыню нищіе, особенно въ послѣдніе годы царствованія. Государь не менѣе 10 разъ въ годъ обойдетъ въ сопровожденіи своихъ стрѣльцовъ тѣ церкви и дворы, при которыхъ устроены были для нищихъ богадѣльни, и частью изъ своихъ государскихъ рукъ, частью черезъ свою свиту одѣлитъ «безщетно» всѣхъ своимъ денежнымъ жалованіемъ; одновременно и съ той же цѣлью, случалось, посѣтитъ и другихъ несчастныхъ—тюремныхъ сидѣльцевъ по приказамъ и полоняниковъ; а въ завершеніе непремѣнно пожалуетъ и сопровождающихъ его стрѣльцовъ. Рѣдко Тайному приказу подобный обходъ обойдется меньше 1000 р., а часто и больше [3]). Но это—только болѣе крупный и почти окладной расходъ: въ меньшемъ числѣ нищіе постоянно, можно сказать, оказывались на пути государя, особенно при выходахъ его въ церкви, и объ этомъ мы узнаемъ также изъ приходорасходныхъ книгъ приказа. Иногда, впрочемъ, деньги „общимъ числомъ" выдаются лицамъ и другихъ состояній; напр., было пожаловано однажды 555 руб. сокольникамъ „за службу" [4]) солдатамъ выборнаго полка М. Кравкова 1149 ч. по рублю, чело-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1702.

[2]) Ib., ст. 1478, 1694, 1701; 23 т., ст. 995, 1014—1016 и мн. др.

[3]) Напр., Р. И. Б., т. 23, ст. 568—570, 584—587, 675—7, 1223—5 и мн. др.

[4]) Ib., ст. 1227.

вѣку—«для всемірные радости рожденія“ царевича Симеона [1]). Помимо денежной милостыни, для нищихъ устраивались, также въ опредѣленные дни, кормы, обыкновенно „въ деревянныхъ полатахъ“ на Аптекарскомъ дворѣ, въ болѣе важныхъ случаяхъ—въ Столовой и Золотой царицыной полатахъ, „по Передней и по Комнатѣ“, въ присутствіи государя [2]). Бывало даже, что во время пребыванія государя въ какомъ-нибудь изъ подмосковныхъ селъ, къ нему возили туда нищихъ изъ Москвы, вѣроятно—для корма [3]). Для подобныхъ расходовъ въ распоряженіи приказа всегда имѣлись запасы въ Москвѣ; въ случаѣ недостатка,—прикупали, чаще же требовали изъ селъ; напр. однажды взято было 10 чт. муки ржаной, 228 „куровъ русскихъ живыхъ“, 5 в. творогу—изъ Измайлова и 50 барановъ—изъ Домодѣдова [4]); въ другой разъ—изъ Домодѣдова 28 куръ индѣйскихъ и 30 утокъ, изъ Назарова—50 гусей, 22 курицы индѣйскихъ и 170 утокъ живыхъ, „а достальной кормъ, сказано, велено готовить изъ Дворца“ [5]).

Наконецъ, случалось, что лица всѣхъ разнообразныхъ категорій, для которыхъ касса и запасы Тайного приказа открывались, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, порознь, одѣлялись государемъ за одинъ разъ и одинаковымъ способомъ, только съ соблюденіемъ извѣстныхъ уже намъ пропорцій. Такой случай имѣлъ, напр., мѣсто въ февралѣ 1674 г.,—вѣроятно, на масляницѣ,—когда по государеву указу „развезена была“ въ качествѣ государева жалованья рыба только что полученной „присылки“ упоминавшагося раньше Яицкаго „промышленника“ С. Трофимова, и въ спискѣ пожалованныхъ оказались рядомъ: 4 митрополита, 3 архіерея, 1 протопопъ, 4 служилыхъ царевича, 15 бояръ, 10 окольничихъ, кравчій, казначей, постельничій, 16 думныхъ дворянъ, 8 думныхъ дьяковъ, ясельничій, 20 спальниковъ, 19 стольниковъ, 20 стрѣлецкихъ головъ и 19 полуголовъ, 2 „полуполковника“ и 2 „маеора“, 12 стряпчихъ, 7 дьяковъ, 16 пѣвчихъ дьяковъ, 41 стремянныхъ конюховъ и стадныхъ прикащиковъ, 4 „дохтура“, 6 аптекарей, 3 «алхимиста», 19 лекарей, 4 костоправа, разныхъ спеціальностей дворцовые „масте-

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 626.
[2]) ib., ст. 615, 644, 650 и др.
[3]) Ib., ст. 1239.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1605.
[5]) Ib,, ст. 1501, ср. 1578, 1592, 1594—5 и др.

ровые люди"—около 200 ч., истопники и сторожа—въ томъ же приблизительно числѣ, братія 20 мужскихъ монастырей и нѣсколько подворій—свыше 700 ч., сестры 11 женскихъ монастырей въ числѣ 1436 ч., нищіе 9 богадѣленъ—508 ч., причты нѣсколькихъ соборовъ и церквей и въ концѣ даже 3 крестьянина, «у которыхъ изволилъ великій государь стоять на дварехъ въ свои государские походы»,—можно сказать, почти вся придворно-чиновная и богомольно-нищая Москва, умѣщавшаяся въ полѣ непосредственнаго зрѣнія царя, всего свыше 4000 человѣкъ. Роздано было: 180 бѣлугъ, 754 осетра, 37 чалбышей, 8 стерлядей, $1^1/_2$ п. «лутчей» и 22—„росхожей" икры и (почему-то однимъ женскимъ монастырямъ) по 35 пудовъ меду и масла, 45 чт. проса [1]). Иногда же въ подобныхъ случаяхъ видимъ болѣе ограниченное по составу, но много тѣснѣе связанное съ вѣдомствомъ Тайного приказа сочетаніе,—это: дьяки Тайныхъ Дѣлъ, бывшій и настоящій, полковники, головы и полуголовы Московскихъ стрѣльцовъ, подъячіе приказа, сокольники и весь штатъ Потѣшнаго двора [2]).

Особой статьей, и по размѣрамъ и по значенію, представляется государево жалованье приказамъ Московскихъ стрѣльцовъ и двумъ выборнымъ полкамъ. На стрѣльцовъ и солдатъ милость государева распространялась, какъ видно отчасти уже изъ предыдущаго, въ различныхъ формахъ вмѣстѣ съ лицами прочихъ категорій. Болѣе того; если бы надо было обозначить, по общему впечатлѣнію, категорію лицъ, на которыхъ она падала особенно часто,—пришлось бы, несомнѣнно, прежде всего, назвать „начальныхъ людей" Московскихъ стрѣльцовъ, головъ и полуголовъ [3]). Но рядомъ съ начальниками, особымъ же вниманіемъ царя пользуются и рядовые стрѣльцы,—уже не въ качествѣ рабочихъ на этотъ разъ, а въ общемъ составѣ своихъ приказовъ. Въ примѣненіи къ нимъ наиболѣе обычной формой государева жалованья была „кормка". Кормки происходятъ или въ Москвѣ, на Аптекарскомъ дворѣ, или въ государевыхъ селахъ, часто—въ грандіозныхъ размѣрахъ. Такъ, по записи за 15 и 17 Янв. 1672 г. ве-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1705—1716.

[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 609—611.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1134—5, 1167, 1194, 1216, 1220, 1238, 1248, 1290, 1327, 1376, 1411, 1415, 1416, 1418—19, 1423, 1439, 1453, 1479, 1483, 1565, 1569, 1606, 1615, 1677, 1684, 1709, 1717, 1732, 1741 и др.; т. 23, ст. 41, 90, 434, 513, 517, 578, 666, 703, 1119, 1218, 1221, 1316, 1360 и др.

лѣно было „прислать“ для этой цѣли въ Москву изъ разныхъ селъ на одинъ только разъ: 25 куръ индѣйскихъ, 368—русскихъ, 25 гусей, 100 утокъ, 156 пуд. меду, 200 „животинъ быковъ и коровъ“, [1])—конечно, въ дополненіе къ тому, что имѣлось въ тотъ моментъ на Аптекарскомъ дворѣ; не менѣе внушителенъ реестръ, составленный на другой разъ—въ ноябрѣ того же года: 50 чт. муки ржаной, 20 чт.—пшеничной, 40 пол. ветчины, 1200 куръ, 35 пуд. меду, да изъ трехъ селъ—Измайлова, Степановскаго и Васильевскаго—«творогу, что въ скопе есть» [2]). Повидимому, для стрѣлецкихъ кормовъ также установлены были опредѣленные дни; въ записи подъ 28 сент. 1673 г. читаемъ: «на память святого Харитона Исповѣдника великій государь для своего государского многолѣтного здоровья указалъ кормить на Аптекарскомъ дворѣ Московскихъ всѣхъ приказовъ стрѣльцовъ, да выборного Матвѣева полку Кровкова салдатъ; а напередъ сего въ тотъ день кормки имъ не бывало для того, что онъ, великій государь, въ тѣ дни изволилъ быть въ своихъ государскихъ походахъ; а і впредь имъ та дача не въ образецъ» [3]): очевидно, прецеденты имѣли силу. Можно поэтому думать, что записныя книги отмѣчаютъ такой расходъ только въ исключительныхъ случаяхъ, а въ дѣйствительности его можно предполагать всякій разъ, какъ на Аптекарскій дворъ требовали изъ селъ запасовъ въ особенно большихъ количествахъ и въ экстренномъ порядкѣ [4]). Потому, вѣроятно, въ книгахъ нѣтъ ни одной записи о стрѣлецкихъ кормкахъ въ такіе праздники, какъ Рождество Христово или Пасха. Но стрѣльцы бываютъ при государѣ не только въ столицѣ; они неизмѣнно сопровождаютъ его, чаще—стремянные, рѣже—другихъ приказовъ, во всѣхъ его «походахъ» въ подмосковныя села, гдѣ также ихъ поили и кормили [5]). Вѣроятно, въ виду, главнымъ образомъ, этихъ потребителей государевыхъ запасовъ, въ селахъ обыкновенно заготовлялось огромное количество медовъ, квасовъ, пива и вина, причемъ государь самъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы его погреба исправно выполняли свое назначеніе. Онъ самъ, напр., просматривалъ «росписи» винамъ, пред-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1582—3.
[2]) Ib., ст. 1609.
[3]) Ib., ст. 1670. 1689.
[4]) Ib., 1620—3; ср, 1548—9, 1582—3.
[5]) Ib.. ст. 1672, 1688, 1689.

назначавшимся для разсылки по селамъ, собственноручно дѣлая поправки—обыкновенно увеличивая цифры [1]). Ему также представлялись доклады о состояніи медовъ и квасовъ, и на одномъ изъ такихъ докладовъ осталась резолюція, свидѣтельствующая объ его вниманіи къ гастрономическимъ интересамъ стрѣльцовъ: противъ предложенія докладчика оставить именно для нихъ прокисшіе меды царь написалъ: «самъ пей» [2]). Одни стрѣльцы провожаютъ царя, другіе, при возвращеніи его изъ „походовъ“, „встрѣчаютъ“,—и эти также не остаются безъ государева жалованья: „велено, читаемъ въ зап. книгахъ, напоить и накормить на Оптекарскомъ дворѣ стрѣльцовъ, которые встречали ево государя въ Стрѣтеньевъ день—Ларионова приказу Лопухина 100 человѣкъ» [3]). А царь, какъ мы знаемъ, бываетъ въ „походахъ“ очень часто,—весной и лѣтомъ иногда не одинъ разъ въ теченіе недѣли, и никогда—безъ стрѣльцовъ! [4]). И ѣздитъ онъ не только въ подвѣдомственныя Тайному приказу села, а и въ дворцовыя; однако, и въ этихъ случаяхъ стрѣльцы должны получать кормъ изъ собственныхъ его запасовъ: подъ 30 сент. 1670 г. въ приказѣ, напр., записали: «послано... для походу великого государя на кормъ стрельцомъ въ Воздвиженское... 8 четі. сухарей, осмина крупъ овсяныхъ, 12 вѣдръ вина, 7 вѣдръ кавардаку; въ Кленники... 14 четі сухарей, 2 четі крупъ, 16 вѣдръ вина, 10 вѣдръ кавардаку; а велено то все въ тѣхъ селахъ построить Івану Чепелеву отъ дворцовыхъ запасовъ особо“ [5]). Жаловали и просто—натурой: то хлѣбомъ—рожью и овсомъ [6]), то ветчиной и виномъ [7]), а по большимъ праздникамъ государь чуть-ли не считалъ себя обязаннымъ жаловать стрѣльцовъ виномъ, медомъ и пивомъ. Въ этомъ отношеніи интересна слѣд. запись (отъ 10 ноября 1674-го года): «велено отпустить государева жалованья Московскимъ стрельцомъ всѣхъ Приказовъ для торжественныхъ дней прошлого 181-го году съ Оптекарского двора вина: для праздника Алексѣя человѣка Божія марта 17-го числа пятидесятникомъ и десятникомъ 1147 ч. по 4 чарки,

---

[1]) Г. А., XXVII, № 319, л. 1—9.
[2]) С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи по русской исторіи, стр. 407. Изд. 8-е.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1741.
[4]) См. Дневальныя записки.
[5]) Р. И. Б, т. 21, ст. 1670.
[6]) Ib., ст. 1376.
[7]) Ib.. ст. 1377.

да за пиво и за медъ по 3 чарки....; рядовымъ 10378 ч. по 3 чарки, да за пиво и за медъ по 3 жъ чарки..... Имъ же для праздниковъ Цветоносные недѣли и Свѣтлого Христова Воскресения пятидесятникомъ и десятникомъ по 4, рядовымъ по 3 чарки человѣку. Да однимъ пятидесятникомъ и десятникомъ для праздника Благовѣщения Пресвятыя Богородицы марта 25-го, да для ангела государя царевича..... по 4 жъ чарки человѣку..... Да пятидесятникомъ жъ и десятникомъ и рядовымъ стрѣльцомъ 3-хъ Приказовъ 2334-мъ человѣкомъ, которые были для ево государского ходу въ монастырь Пресвятые Богородицы Донские Августа въ 19 день, пятидесятникомъ и десятникомъ по 4 жъ, рядовымъ по 3 чарки человѣку.... Всего.... по указнымъ статьямъ 659 вѣдръ безъ крушки“ [1]). Изъ записи не видно, почему были пропущены всѣ «вышеписанные праздники»; но важно, что пропущенное хорошо помнили.

Нѣсколько особый смыслъ государево жалованье Московскимъ стрѣльцамъ, какъ и солдатамъ выборныхъ полковъ, пріобрѣтало во время военныхъ походовъ. Назначеніе на службу являлось, прежде всего, поводомъ къ выдачѣ хлѣбныхъ запасовъ „въ приказъ“—одинаково и «начальнымъ людямъ» и рядовымъ. При отправкѣ, напр., въ 1668 г. въ Черкасскіе города, стрѣлецкіе головы получили съ Аптекарского двора по 50 в. вина и по 10 пол. ветчины, полуголовы—«противъ головъ въ полы», сотники—по 7 в. и по полтю ветчины [2]); и еще разъ—тогда же: головы—«по 2 спины белужьи, по 2 бѣлые рыбицы сухихъ, по 50 пучковъ везиги, по пуду икры, по 5 осетровъ, по 7 ведр збитню, по 20 четвертей сухарей, по 10 чет. муки»; полковники и полуголовы — обычно «вполы» [3]). Въ менѣе разнообразномъ составѣ, но въ такихъ же приблизительно размѣрахъ государево жалованье выдается имъ и въ другихъ случаяхъ—„для службы Астраханские посылки“ [4]), «для Сѣвской службы» [5]), Кіевской [6]), Путивльской [7]). Тоже—и рядовымъ, въ соотвѣтствующей ихъ положенію пропорціи: «для

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1682—3.
[2]) Ib., т. 21, ст. 1390.
[3]) А. М. Ю., Бѣлгор, ст., № 610, ст. 36—7.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1462.
[5]) Ib., ст. 1471.
[6]) Ib., ст. 1615.
[7]) Ib., ст. 1634.

Астраханской службы» 1667 г., напр., выдано было двумъ приказамъ по 300 в. вина, тѣмъ же двумъ и еще двумъ другимъ, всего 2600 ч.,—„вмѣсто муки по полуосмине ржи человѣку изъ струговъ..., которой хлѣбъ привезъ изъ Богородицкого, ис Скопина, ис Романова стольникъ Іванъ Хитрово" [1]). Мало того: и на мѣстѣ военныхъ дѣйствій Московскіе стрѣльцы должны были получать содержаніе изъ запасовъ вѣдомства Тайнаго приказа. Отправляя кн. И. С. Прозоровскаго съ стрѣльцами въ Астрахань для борьбы съ Разинымъ, государь одновременно предписываетъ указомъ въ Лысково и Мурашкино воеводамъ—„Лысковскими и Мурашкинскими крестьяны здѣлать изъ десятинного хлѣба 260 чети крупъ, 260 чети толокна тотчасъ безо всякого мотчанья....., на роздачю 4-хъ Приказовъ стрельцовъ 2600 человѣкомъ, которые посланы... съ Москвы", причемъ запасы должны быть отданы головамъ «по списку—на 10 ч. по чети крупъ, да по чети толокна» [2]). Какъ извѣстно, миссія Прозоровскаго оказалась не изъ легкихъ, и великому государю пришлось еще не разъ посылать «на низъ» подкрѣпленія изъ своихъ житницъ. Такъ, въ февралѣ 1669 г. велѣно было для Московскихъ же стрѣльцовъ, „которые на государеве службе въ Астарахани" „въ прибавку" къ имѣвшимся на лицо „Нижегородцкимъ запасомъ", „здѣлать" муки ржаной и сухарей „Нижегородцкого уѣзду въ селахъ въ Мурашкине, въ Лыскове, въ Терюшевской волости и Арзамаского уѣзду въ Мордовскихъ деревняхъ.... по 3000 чет." [3]). Въ дальнѣйшемъ расходъ государевыхъ запасовъ принимаетъ еще большіе размѣры. Въ февралѣ 1670 г. Хлѣбный приказъ долженъ, по памяти изъ Тайнаго, „изготовить... въ низовой отпускъ" уже 3000 чт. ржи и 10000 чт. овса „изъ селъ, которые вѣдомы въ томъ Приказе, кромѣ Лыскова и Мурашкина" [4]), а въ іюнѣ того же года къ этому прибавлено: изъ Скопинскаго хлѣба съ Рановской пристани—4500 чт. ржаной муки, 2300 чт. сухарей, 2200 чт. толокна; снова изъ Лыскова и Мурашкина—2050 чт. крупъ овсяныхъ; изъ житницъ, «что у Колусскихъ воротъ»,—500 чт. муки ржаной; привлечены и подмосковныя села: Домодѣдово, гдѣ велѣно взять „старыхъ, что...

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1333.
[2]) Ib., ст. 1332.
[3]) Ib., ст. 1453—4.
[4]) Ib., ст. 1503.

припасены были работникомъ 200 четі сухарей, да вновь муки смолоть и здѣлать 300 четі сухарей", и Измайлово, которое должно было поставить 250 чт. крупъ овсяныхъ [1]). Наконецъ, въ маѣ 1671 г. съ Аптекарскаго двора отсылается на Кормовой Дворецъ 400 пуд. ветчины и 100 пуд. коровьяго масла для кавардаку, все съ тѣмъ же назначеніемъ—„для низового отпуску ево государевымъ ратнымъ людемъ" [2]). И „Астраханскій отпускъ" не былъ въ хозяйственномъ оборотѣ Тайнаго приказа единичнымъ эпизодомъ, который можно было бы объяснять только личной заинтересованностью царя Алексѣя въ подавленіи Разинскаго мятежа. Для обезпеченія стрѣльцовъ же продовольствіемъ на другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій—юго-западномъ, предполагалось образовать хлѣбные магазины въ Брянскѣ: туда въ февралѣ 1669 г. посылался стряпчій И. Образцовъ „для починки, какъ записано въ приходо-расходныхъ книгахъ приказа, старыхъ и для дѣла новыхъ житницъ подъ хлѣбные запасы, которые станутъ привозить съ Москвы" [3]); а запись отъ 11 окт. того же года зап. книгъ даетъ понять, откуда и для кого, главнымъ образомъ, пойдутъ эти хлѣбные запасы: „в. г. указалъ, читаемъ здѣсь, стрѣлецкой хлѣбъ, которой иманъ во Брянскъ по наряду ис Сибирского Приказу, заплатить ис Хлѣбного Приказу" [4]). Московскихъ стрѣльцовъ государь не терялъ изъ виду и во время самаго движенія ихъ къ мѣсту назначенія и обратно, принимая особыя мѣры къ тому, чтобы они не терпѣли лишеній въ пути. Навстрѣчу, напр., Московскимъ стрѣльцамъ, которые шли изъ Астрахани (въ 1672 г.), высланы были подъячіе Тайнаго приказа—П. Оловениковъ, С. Казанецъ и М. Ватолинъ, одинъ въ Серпуховъ, другой во Владиміръ, третій въ Коломну, всѣ трое—„для кормки"; „а вина и запасовъ для той посылки, значится въ зап. книгѣ, дано... съ Оптекарского двора" [5]). Тотъ же М. Ватолинъ ѣздилъ потомъ въ Бѣлевъ „для стрелецкой кормки, которые стрельцы посланы въ Киевъ" [6]). Даже стрѣлецкія жены съ дѣтьми, въ отсутствіе мужей, а стрѣлецкія вдовы едва ли не постоянно, состоятъ на попеченіи государя, по-

[1]) Р. И. Б., т. 21 ст. 1524.
[2]) Ib., ст. 1557—8.
[3]) 23 т., ст. 1119.
[4]) 21 т., ст. 1487—8.
[5]) Ib., ст. 1607—8.
[6]) Ib., ст. 1618.

лучая отъ него вспомоществованіе хлѣбомъ и деньгами, пропорціонально рангу мужей. Такъ, однажды, «къ празднику Успенія Пресвятыя Богородицы» было выдано съ Аптекарскаго двора «головинымъ и полуголовинымъ и сотниковымъ женамъ»: первымъ по 5 ведеръ вина и по стягу (говядины), вторымъ—по $2^1/_2$ в. и «по полустягу», третьимъ по полуведру и „по чети стяга“ [1]). Это—заразъ 90 ч.; но бывало также, что государь жаловалъ стрѣлецкихъ дамъ и порознь—„ради пожарнаго разоренія“ или по какимъ-нибудь другимъ поводамъ, притомъ—съ большей щедростью, напр., по 50 чт. ржи и овса [2]). Жалованье рядовыхъ стрѣлецкихъ женъ скромнѣе: по части ветчины ($^1/_{10}$ полтя), дѣтямъ—по „получасти, или получетверику крупъ овсяныхъ, или соли; зато въ подобныхъ случаяхъ и количество лицъ выражается въ другихъ цифрахъ—отъ 5 до 10 т. [3]). А кромѣ того оказывалась помощь деньгами: въ описи отмѣчены даже особыя „тетрати, а в них записки стрѣлецкимъ розныхъ полковъ матерям и женам, у которых дѣти и мужья на службахъ побиты и померли и ранены, и побитых же и умерших стрелцов бабкам, теткам, сестрамъ, сыновьямъ и дочерямъ малымъ и матерямъ же, которые пострижены и живут по монастырем без мѣстъ, которым давано по рублю человѣку, а иным по разсмотрѣнью“ [4]).

Аналогичныя явленія, при несущественныхъ различіяхъ, мы наблюдаемъ также въ положеніи выборныхъ полковъ Шепелева и Кравкова, въ особенности—послѣдняго [5]).

Сравнительно незначительнымъ представляется расходъ на содержаніе государева двора въ тѣсномъ смыслѣ слова. Эта обязанность продолжала въ полномъ объемѣ лежать на Приказѣ Большого Дворца и съ учрежденіемъ хозяйственнаго вѣдомства Тайнаго приказа. Зап. книги отмѣтили всего нѣсколько случаевъ, когда запасы изъ государевыхъ селъ поступали «на государевъ обиходъ»: однажды, напр., «прислано» было изъ с. Алексѣевскаго «2 горшечка сливокъ, 3 горшечка варенцу, 3

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1565.

[2]) Ib., ст. 1411, 1419, 1453, 1730.

[3]) Ib., ст. 1460—2, 1541—2; ср. 23 т., ст. 1026—7, 1071, 1073, 1079, 1082—3 и др.

[4]) Г. А., XXVII, № 518, л. 44 и об.

[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1248, 1372, 1377, 1379, 1466, 1494, 1534, 1557, 1668, 1669; 1239, 1372, 1441, 1435, 1550, 1569 и др.

горшечка простокваши, горшекъ сметаны, да прѣсного молока кружекъ зъ 10, сыръ мяхкой»: сыръ прямо взятъ былъ „къ великому государю въ хоромы», а все остальное отослано на Хлѣбенный Дворецъ [1]); точно также государю «подаваны не въ одно время" были яблоки изъ подмосковныхъ садовъ [2]). Изрѣдка можно встрѣтить распоряженія и то лишь за первые годы, о передачѣ нѣкоторыхъ поступленій въ Большой Дворецъ, напр., барановъ, присланныхъ изъ Скопина и Романова [3]), туда же—арзамасскаго меду и маку изъ Богородицкаго [4]), или на Кормовой Дворецъ—«куровъ живыхъ» изъ Чашникова, или «барашковъ Ардынскихъ малыхъ», изъ Пахрина [5]). Можно, наконецъ, предполагать, что изъ продуктовъ, въ огромномъ количествѣ присылавшихся изъ селъ къ большимъ праздникамъ, Рождеству и Пасхѣ, только часть предназначалась на «кормы» [6]) и на жалованье «въ приказъ», а другая шла на нужды двора. Слѣдующій примѣръ даетъ представленіе о размѣрахъ расхода по всей этой статьѣ. На Пасху 1673 г. было потребовано: 70 чт. пшеницы «доброй» („подсѣять и отолочь и смолоть"), 20 гусей, 20 утокъ, 40 куръ индѣйскихъ, 1080—русскихъ, 2 «гнезда свиней", 5 поросятъ, 1 быкъ, 56 барановъ старыхъ, 64—молодыхъ, да изъ 4-хъ селъ «съ воловенныхъ дворовъ скопъ: сыры, яица, масло, творогъ и сметану всю что есть» [7]).

Въ покрытіи расходовъ перечисленныхъ видовъ должны были принимать участіе всѣ государевы владѣнія, и возникавшая отсюда задача распредѣленія являлась тѣмъ болѣе сложной, что одновременно приходилось имѣть въ виду потребности и болѣе или менѣе постоянныя, и совершенно случайныя,—послѣднія

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1700.

[2]) Ib., ст. 1537, 1539.

[3]) Ib., ст. 1206, 1243, 1254.

[4]) Ib., ст. 1107—8, 1154.

[5]) Ib., ст. 1254, 1457. Вообще „запасы" Тайнаго приказа строго отличаются отъ дворцовыхъ. Если Тайному приказу случается дѣлать позаимствованія въ Приказѣ Большого Дворца, то обыкновенно онъ беретъ «взаймы»; напр., берутся взаймы запасы для каменьщиковъ, работавшихъ въ Измайловѣ, даже съ указаніемъ срока возврата,—«до зимнего пути»; а заплачены будут тѣ запасы въ Приказъ Большого Дворца изъ Приказу Тайныхъ Дѣлъ нынешнею зимою 175 г.». Р. И. Б., т. 21, ст. 1194; ср. ib., 1173—4, 1272, 1369, 1582, 1658.

[6]) Ib., ст. 1548.

[7]) Ib., ст. 1643—4, ср. 1442, 1494—5, 1512, 1575—7, 1596 и др.

даже чаще, чѣмъ первыя. Какъ можно замѣтить по практикѣ приказа, съ самаго начала эта задача разрѣшалась въ его вѣдомствѣ съ помощью особаго аппарата, представленнаго двумя учрежденіями – Аптекарскимъ дворомъ и Хлѣбнымъ приказомъ.

Названіе — Аптекарскій дворъ встрѣчается на первыхъ же страницахъ приходо-расходныхъ и записныхъ книгъ приказа (послѣднихъ—во второй части), и уже не сходитъ съ нихъ до конца,—доказательство того, что этому учрежденію принадлежала важная и постоянная роль въ жизни царскаго хозяйства. Повидимому, его назначеніе, давшее ему и самое названіе, первоначально было очень спеціальное—изготовленіе водокъ высшихъ сортовъ, медовъ и всякихъ сластей [1]); но съ его переходомъ въ вѣдомство Тайнаго приказа расширилось и измѣнилось примѣнительно къ цѣлямъ вѣдомства: Аптекарскій дворъ сталъ складочнымъ мѣстомъ для „запасовъ“ опредѣленной категоріи, поступавшихъ въ Москву изъ государевыхъ владѣній. Здѣсь, именно, собирались съ территоріи обоихъ вѣдомствъ (Тайнаго и Хлѣбнаго приказовъ) такъ наз. столовые запасы: говяжье и свиное мясо—тушами и полтями, гуси, утки, куры—битыми и живыми, всякаго рода потроха, съ рыбныхъ промысловъ—рыба и икра, также—ягоды, орѣхи, грибы и, наконецъ, въ огромныхъ количествахъ вино и медъ. Иллюстраціи къ этому можетъ представить, кажется, любая страница записныхъ книгъ. Иногда на Аптекарскомъ дворѣ скапливалось, должно быть, черезчуръ много продуктовъ, и тогда излишекъ отсылали на храненіе въ другое мѣсто; напр., однажды отослали въ Измайлово „вывесить“ 3000 «полотъ свиныхъ соленыхъ», предварительно записавъ «имянно» и съ наказомъ—«въ росходъ безъ государева имянного указу... не держать» [2]). Но это случалось очень рѣдко, и понятно,—почему: собирая отовсюду запасы, Аптекарскій дворъ непрерывно ихъ расходуетъ разными способами, какіе укажетъ государь,—то на Потѣшный дворъ въ Семеновское, то на жалованье и награды разнымъ лицамъ, то на кормы стрѣльцамъ и нищимъ, въ послѣднемъ случаѣ принимая на себя функціи поварни и столовой. Впрочемъ, онъ имѣетъ возможность регулировать направляющіяся къ нему поступленія: если изъ отдаленныхъ областей запасы присылались въ болѣе

---

[1]) Гурляндъ, I. c., стр. 181; тамъ же и нѣкоторыя др. свѣдѣнія.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1590.

или менѣе опредѣленные сроки, то изъ ближайшихъ подмосковныхъ селъ они идутъ обыкновенно по памятямъ изъ приказа, принаровленнымъ къ нуждамъ Аптекарскаго двора, по-преимуществу къ праздникамъ и днямъ кормовъ. Управляющему дворомъ сокольнику Зоту Полозову былъ, какъ мы видѣли, открытъ доступъ „въ верхъ“, и онъ, а тѣмъ болѣе его преемникъ, одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ подъячихъ Тайнаго приказа, П. Кудрявцевъ могли путемъ личныхъ представленій освѣдомлять государя о положеніи дѣлъ и испрашивать соотвѣтствующія распоряженія. На Аптекарскомъ дворѣ держатъ также въ небольшомъ количествѣ живой скотъ—коровъ и, главнымъ образомъ, барановъ, предназначающихся «на убой», а „хлѣбные запасы“ для кормовъ присылаютъ сюда, по спеціальнымъ требованіямъ, или изъ каменныхъ житницъ, или изъ подмосковныхъ же селъ. Такое представленіе о роли этого учрежденія, внушаемое наблюденіями надъ ходомъ повседневной жизни въ хозяйственномъ вѣдомствѣ Тайнаго приказа, поддерживается и нѣкоторыми другими, правда—скудными, данными. Тѣ же самыя функціи заставляетъ предполагать, напр., опись, отмѣчая среди дѣлъ Тайнаго приказа, переданныхъ въ Большой Дворецъ, „книги приходные Оптекарского двора, сколько въ которомъ мѣсяце и числѣ принято изъ городовъ, і изъ волостей, и іс селъ і ис каменныхъ житницъ хлѣбныхъ и столовыхъ запасовъ на Оптекарской дворъ и что у промышленниковъ принято рыбы свѣжей и соленой и кавардаку» [1]). Съ другой стороны, въ томъ же направленіи даетъ указанія и внѣшняя исторія Аптекарскаго двора. Неизвѣстно, какой внѣшній видъ и составъ онъ имѣлъ въ первое время; но несомнѣнно, что съ переходомъ его въ вѣдѣніе Тайнаго приказа, т. е. вѣроятно, съ 1663-го года, принимаются мѣры къ его расширенію и происходитъ его приспособленіе къ новому назначенію. Приходо-расходная книга 1662—3 года застаетъ уже продолжающіяся строительныя работы на Аптекарскомъ дворѣ: строятся сначала двѣ „избы“, потомъ—третья „пятисаженная изба“ [2]). Въ 1669—70 году поставлены еще новыя зданія—„избы для кормки нищихъ и соленья свиныхъ мясъ и рыбы и сушило“ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разные годы къ тому

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 758, ср. 754—761.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 404, 429, 440, 450, 494.
[3]) Р. И. Б., т. 21, т. 21, ст. 307.

же двору было пріобрѣтено 6 частныхъ дворовъ, гдѣ также строились „полаты съ погребами для оптекарскихъ всякихъ запасовъ“ [1]). Наконецъ, въ виду все болѣе расширявшихся операцій учрежденія, пришлось обратиться къ радикальной мѣрѣ—постройкѣ Новаго Аптекарскаго двора, и уже въ 1672—3 году составлены были „смѣтныя росписи... на Новой Оптекарской дворъ“, а съ слѣд. года начались и самыя работы [2]). Новый дворъ, по размѣрамъ, былъ одинаковъ съ Старымъ—27 и 3 саж., но гораздо лучше приспособленъ былъ къ своему назначенію. Здѣсь, между прочимъ, рядомъ съ служебными строеніями—погребами, поварней, хлѣбней, пивоварней, разными „анбарами“, находимъ особенно характерное сооруженіе – „полату мѣрою въ длину 10 саженъ съ полуаршиномъ, поперегъ 7 саженъ, которое поставлено для кормокъ всякихъ чиновъ людей“, а въ той палатѣ „поставлено 30 столовъ по 6, і по 5, і по 4 і по 3 аршина столъ, да въ ту жъ мѣру 60 скамей“ [3]). Назначеніе Аптекарскаго двора хорошо иллюстрируется также и его инвентаремъ, въ составѣ котораго значатся, помимо всевозможныхъ мелкихъ „судовъ“, такія орудія кулинарнаго искусства, какъ поваренные мѣдные котлы по 28 и по 25 ведеръ, котлы пивоваренные въ 120, 70 и 60 ведеръ, горшки въ „пол-2“ ведра и въ ведро, „сковородки“ по ведру, а затѣмъ блюда, „торели“, „достаканы“, „чарки медвяные“, ковши золоченые, ендовы ведерные и полуведерные [6]). При составленіи описи комиссія нашла на Аптекарскомъ дворѣ еще довольно значительное количество запасовъ какъ мѣстнаго изготовленія, напр. 10 в. вина двойного, много всякихъ пивъ и медовъ, разныхъ видовъ пастилу, рыбу „Московской продѣлки“, такъ и „присыльныхъ“, напр., 715 в. вина Терюшевскаго, меду-сырцу и патоки 1077 пуд., 2219 полотъ ветчины, рыбы „Яитцкой“ и т. п. [4]).

Такую же роль, что Аптекарскій дворъ, но въ отношеніи хлѣбныхъ запасовъ игралъ Хлѣбный приказъ или, можетъ быть точнѣе, состоявшія въ его вѣдѣніи каменныя житницы. Эти житницы находились въ Кремлѣ у Троицкихъ воротъ, и, повидимому, строились въ 1658—9 г., какъ можно по крайней мѣрѣ заключать

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 759, ср. 201—205.
[2]) Ib., ст. 758; т. 23, ст. 234, 245, 1371, 1376 и др.
[3]) Р. И. Б., т. 21, т. 21, ст. 195—199.
[4]) Ib., ст. 206—214.

изъ указанія описи на вызовъ въ Москву въ 167 г. „каменьщиковъ и кирпищиковъ“ - „для строенія каменныхъ житницъ“ [1]). Въ 1665—6 г. ихъ перестраивали, а вѣрнѣе—къ старымъ прибавили нѣсколько новыхъ (всего было не менѣе 16-ти) [2]): къ тому времени, какъ мы знаемъ, подвѣдомственная Хлѣбному приказу территорія значительно расширилась, и новыя помѣщенія стали необходимы въ виду увеличившихся поступленій. Въ Троицкія житницы везли зерновые продукты—рожь, овесъ, пшеницу, ячмень, полбу, крупы, толокно, муку и сухари—обыкновенно изъ городовъ и селъ, подчиненныхъ Хлѣбному приказу, и едва ли не было единственнымъ случаемъ, когда „велѣно было привезть“ туда 10342 чт. ржи, овса, пшеницы и ячменя изъ Домодѣдова [3]). Казалось бы поэтому, что количество поступавшаго въ житницы хлѣба должно было соотвѣтствовать суммѣ сбора его въ предѣлахъ вѣдомства Хлѣбнаго приказа. На самомъ дѣлѣ было не совсѣмъ такъ: и въ этихъ предѣлахъ хлѣбъ шелъ въ большомъ количествѣ мимо каменныхъ житницъ—или непосредственно въ подмосковныя села, или, какъ мы имѣли случай видѣть, на мѣста военныхъ дѣйствій для Московскихъ стрѣльцовъ. Особенно много запасовъ получало этимъ путемъ Измайлово, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ—даже съ извѣстной правильностью. Такъ, по указу отъ 2 дек. 1668 г. велѣно было „въ городѣхъ і въ селехъ, которые вѣдомы въ Хлѣбномъ приказе, здѣлать із десятинного хлѣба къ нынѣшнему ко 177-му году на Измайловские росходы сухарей ржаныхъ противъ 176-го году 2000 четі, крупъ овсяныхъ 1000 четі“ [4]); изъ Юрьевскихъ селъ въ январѣ 1667 г. въ Измайлово доставлено было 534 чт. сухарей и 85 чт. крупъ овсяныхъ—„остаточныхъ“ отъ тѣхъ, которые „готовлены“ были для Измайлова въ 174-мъ году; оттуда же въ другой разъ должны были прислать 1000 чт. ржи и 2000 чт. овса „доброво“, и по 1000 чт. овса еще два раза [5]); съ Рановской пристани (т. е. изъ Романова или Скопина) потребовано было „для Измайловскихъ росходовъ“ въ 1670 году 2000 чт. сухарей, да изъ Лыскова и Мурашкина 500 чт. крупъ

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 617.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 744, 791, 803, 811.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1374.
[4]) Ib., ст. 1437.
[5]) Ib., ст. 1265, 1370, 1541.

овсяныхъ [1]). Иногда минуютъ каменныя житницы, пересылая, по распоряженію Тайнаго приказа, хлѣбные запасы прямо изъ одного владѣнія въ другое въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго же приказа; напр. изъ Терюшевской волости „дано“ было „на сѣмяна ярового хлѣба“—въ Мурашкино 1280 чт. овса и 4 чт. ячменя, въ Лысково—овса 937 чт. съ осминою [2]); изъ Терюшевской же волости 500 чт. овса—въ с. Сергачъ [3]). Съ другой стороны, вообще при всякихъ условіяхъ урожай шелъ съ мѣстъ въ Москву не сполна, а „по росписямъ“, составлявшимся въ Тайномъ приказѣ и передававшимся въ Хлѣбный приказъ для исполненія; такимъ образомъ, на мѣстахъ оставались значительные запасы хлѣба, а въ Лысковѣ даже велѣно было устроить дворъ, «гдѣ быть Хлѣбному приказу“ [4]). Назначеніе этихъ мѣстныхъ запасовъ мы уже знаемъ: отсюда доставлялся провіантъ Московскимъ стрѣльцамъ въ случаѣ походовъ.

Изъ каменныхъ житницъ хлѣбные запасы расходовались въ томъ же порядкѣ и по тѣмъ же статьямъ, какъ и столовые запасы—съ Аптекарскаго двора. Расписываетъ и распредѣляетъ Тайный приказъ, а Хлѣбный исполняетъ. Чаще всего выдачи производятся отдѣльнымъ лицамъ и на Аптекарскій дворъ, рѣже, но зато въ крупныхъ размѣрахъ—на Потѣшный дворъ и въ подмосковныя села, изъ которыхъ снова приходится на первомъ мѣстѣ назвать Измайлово. «На Измайловскіе росходы», помимо случайныхъ выдачъ, какъ будто существовала даже зафиксированная—1000 чт. ржи и овса ежегодно [5]). Изъ каменныхъ же житницъ раздавался хлѣбъ, иногда также въ большомъ количествѣ, крестьянамъ подмосковныхъ селъ—то «въ приказъ», то «въ займы до нови»; въ 1668 г, напр. расходъ по этой статьѣ превысилъ $2^1/_2$ т. четей [6]). Подмосковныя села и сами постоянно обмѣниваются между собой излишками своихъ продуктовъ, „на сѣмяна“ и на другія нужды; дѣлятся также и съ подвѣдомственными Хлѣбному приказу селами и городами, но все это происходитъ уже непосредственно по распоряженіямъ Тайнаго приказа и помимо каменныхъ житницъ.

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1552–3.
[2]) Ib., ст. 1079.
[3]) Ib., ст. 1403, ср. 1579.
[4]) Ib., ст. 1309.
[5]) Ib., ст. 1473, 1363.
[6]) Ib., ст. 1461, 1465, 1473.

Вѣроятно, въ связи съ разнообразіемъ назначенія запасовъ въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа установилась особая ихъ классификація, съ которой, повидимому, сообразовались при ихъ фактическомъ распредѣленіи и даже размѣщеніи для храненія. Кромѣ хлѣба, который шелъ на удовлетвореніе разнообразныхъ текущихъ нуждъ, нѣкоторые изъ государевыхъ указовъ въ общемъ составѣ запасовъ различаютъ еще въ качествѣ отдѣльныхъ подраздѣленій: „десятую часть“, «пятую часть» и стрѣлецкій хлѣбъ. Воспроизводя въ своихъ записяхъ указовъ эти термины, зап. книги, къ сожалѣнію, нигдѣ ихъ не поясняютъ, и также считаютъ ихъ понятными другіе, правда—очень немногіе, документы, въ которыхъ они встрѣчаются. Ясно во всякомъ случаѣ одно, что каждая часть имѣла, по крайней мѣрѣ—въ идеѣ, какое-то спеціальное назначеніе, и могла быть употреблена на что-нибудь другое только подъ условіемъ возмѣщенія изъ «присыльнаго» хлѣба или изъ каменныхъ житницъ. Впрочемъ, смыслъ термина „десятая часть“ или «десятый хлѣбъ» раскрывается безъ затрудненій съ помощью извѣстнаго намъ наказа Алексѣя Михайловича Елизарову и Насонову. Въ одной изъ статей наказа царь дѣлаетъ распоряженіе: «а сколько Богъ дастъ яровово хлѣба будетъ в умолоте, и первое, по святому евангелію 10-е взявъ, і класть особо в житницу вѣчному Творцу Господу і Спасителю нашему і Хлѣбопитателю і подавателю нам пищи на всякъ день» [1],—надо думать, что «десятая часть» зап. книгъ и есть это царское „10-е“ и что, слѣд., установленіе ея обусловливалось благочестивыми соображеніями. Въ краснорѣчивой формулировкѣ наказа остается только неяснымъ, выдѣлялась ли десятая доля изъ государева хлѣба, или она должна была стать душеспасительнымъ сборомъ съ населенія: этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ на основаніи приходо-расх. книги 176 года, которая въ числѣ доходныхъ статей показываетъ 970 руб., „что собраны въ томъ (Хлѣбномъ) приказе за хлѣбъ десятые доли» [2]. Очевидно, это былъ налогъ на населеніе, взимавшійся, подобно другимъ хлѣбнымъ сборамъ, то натурой, то деньгами. Практически, „десятая часть“ должна была, вѣроятно, служить цѣлямъ благотворительности. Въ дѣйствительности такое

---

[1]) Гос. Арх., № 339, л. 8; напечат., не совсѣмъ исправно, въ Зап. Озд. Р. и С. А., т. II, стр. 784.

[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 815.

назначеніе ея не выдерживается послѣдовательно: въ однихъ случаяхъ, правда, изъ «десятой части» выдается „бѣднымъ“ или салдацкимъ женамъ, „у которыхъ мужья на службѣ“, и салдацкимъ вдовамъ [1]), или, если по нуждѣ изъ нея дѣлаютъ неподходящее употребленіе, «въ то число» замѣняютъ потомъ изъ новыхъ поступленій [2]); но бывали случаи, когда послѣднее условіе отсутствуетъ, а между тѣмъ цѣль, ради которой выдается хлѣбъ изъ десятой доли, ни съ религіей, ни съ благотворительностью ничего общаго не имѣетъ, какъ, напр., жалованье пушкарямъ въ размѣрѣ 1500 чт. [3]). Употребленіе „пятой части“, насколько можно судить по отдѣльнымъ примѣрамъ, однородно съ предыдущимъ,—„на церковные расходы“, на жалованье «въ приказъ» матерямъ и женамъ стрѣлецкихъ сотниковъ [4]), и потому не представляется возможности понять, на чемъ держалось различеніе этой „части“ и «десятой», если только не предположить, что „пятая часть“ отчислялась государемъ изъ собственныхъ запасовъ по городамъ и селамъ вѣдомства Тайнаго приказа [5]):

Затрудненіе другого рода связывается съ терминомъ — «стрѣлецкій хлѣбъ». Эта часть съ такой же опредѣленностью отличается зап. книгами, какъ и первыя двѣ, отъ хлѣбныхъ запасовъ, хранившихся въ каменныхъ житницахъ, и подлежитъ расходованію на одинаковыхъ съ ними условіяхъ, «а будетъ въ каменныхъ житницахъ сѣменного хлѣба нѣтъ или чево не достанетъ, гласитъ, напр., память изъ Тайнаго приказа въ Хлѣбный объ отпускѣ сѣмянъ въ с. Соколово, и то число дать изъ десятой части, или купить, опричь овса; а овесъ дать ис стрелецкого хлѣба, а въ стрелецкой хлѣбъ заменить ис каменныхъ житницъ» [6]). Можно, казалось бы, заключить отсюда, что въ такихъ, сравнительно немногихъ, случаяхъ имѣется въ виду стрѣлецкій хлѣбъ, находившійся въ завѣдываніи Стрѣлецкаго приказа; но тогда трудно было бы понять, почему какъ въ приведенномъ случаѣ, такъ и въ другихъ, соотвѣтствующее распоряженіе адресуется въ Хлѣбный приказъ, и онъ же является

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1398.
[2]) Ib., ст. 1550.
[3]) Ib., ст. 1733, 1734.
[4]) Ib., ст. 1507.
[5]) Ib., ст. 1581.
[6]) Ib., ст. 1646—7.

непосредственнымъ исполнителемъ распоряженія. Недоумѣніе это тѣмъ болѣе законно, что въ записныхъ же книгахъ отмѣченъ случай обращенія изъ Тайнаго приказа съ памятью прямо въ Стрѣлецкій—о выдачѣ ржи для Потѣшнаго двора, также подъ условіемъ возврата, но по другой формулѣ: рожь берется «взаймы» и должна быть «заплачена», а не просто «замѣнена» [1], какъ всегда выражаются памяти аналогичнаго содержанія въ Хлѣбный приказъ. Такимъ образомъ, различались, повидимому, два стрѣлецкихъ хлѣба, и тотъ, о которомъ идетъ рѣчь сейчасъ, дѣйствительно находился въ завѣдываніи Хлѣбнаго приказа. Откуда онъ брался? Несомнѣнно,—не изъ каменныхъ житницъ или, что въ данномъ случаѣ—тоже, не изъ государева «присыльнаго» хлѣба. Изъ каменныхъ житницъ хлѣбные запасы расходуются на Московскихъ стрѣльцовъ своимъ порядкомъ, не выдѣляясь въ особую «часть», и потому остается допустить, что стрѣлецкій хлѣбъ вѣдомства Хлѣбнаго приказа составлялся путемъ обычныхъ сборовъ съ населенія государевыхъ владѣній, но въ Москвѣ хранился особо,—можетъ быть, вмѣстѣ съ „пятой“ и «десятой» частями, и, какъ кажется,—въ житницахъ у Калужскихъ воротъ [2]. Отсюда, вѣроятно,—отмѣченная въ дѣлахъ Тайнаго приказа описью „роспись, сколько въ Хлѣбномъ приказе въ приеме было стрѣлецкого хлѣба з городовъ и съ волостей, которые вѣдомы въ томъ Приказе, и что ис того числа дано Московскимъ стрельцомъ въ росходъ прошлыхъ лѣтъ» [3].

Какъ видимъ, отдѣльныя хозяйственныя единицы, совокупностью которыхъ являлось царское хозяйство, на самомъ дѣлѣ находятся въ тѣсномъ хозяйственномъ соприкосновеніи, частью путемъ взаимнаго обмѣна продуктами, частью благодаря совмѣстному участію въ осуществленіи общихъ задачъ. Заглянувъ въ приходо расходныя книги приказа, мы очень скоро убѣдимся, однако, что хозяйственныя операціи вѣдомства далеко не исчерпывались простымъ перемѣщеніемъ продуктовъ къ мѣсту непосредственнаго потребленія: сразу бросаются въ глаза денежныя суммы, крупныя и мелкія, ассигнуемыя изъ Тайнаго приказа на удовлетвореніе разнообразныхъ нуждъ и по тѣмъ даже статьямъ, которыя обслуживаются и натуральными поступленіями изъ об-

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1646.
[2]) Ib., ст. 1524.
[3]) Ib., ст. 734.

ластей. Покупаются, не говоря о строительныхъ матеріалахъ, такіе предметы, какъ рожь [1]), овесъ [2]), мука [3]), всякія мяса [4]), живой скотъ [5]), птица [6]), сало [7]), коровье масло [8]), рыба [9]), снятки [10]), даже сѣно [11]) и солома [12]). Въ частности, напр., только на нужды подмосковныхъ селъ израсходовано было, по приблизительному подсчету, за 10 мѣсяцевъ 1664—5 года 11734 р., за 1665—6 годъ—34644 р., за 8 мѣсяцевъ 1667—8 г.—24658 р., за 9 мѣсяцевъ 1668—9 года—19474 р., за 1669—70 годъ—24225 р. Изъ какого источника шли эти суммы? Получались ли онѣ въ результатѣ хозяйственныхъ операцій приказа, или притекали къ нему со стороны? Отвѣтить на этотъ вопросъ—значитъ раскрыть смыслъ всѣхъ записей приходныхъ книгъ приказа, и надо заранѣе сказать, что въ полномъ объемѣ такая задача врядъ ли вообще выполнима.

По первому впечатлѣнію, получаемому при ознакомленіи съ приходо-расходными книгами, денежныя средства, которыми располагалъ Тайный приказъ, носятъ совершенно случайный характеръ и не находятся въ связи съ его хозяйственными предпріятіями. Приказъ какъ будто живетъ изо дня въ день, заимствуя большія или меньшія суммы то изъ одного, то изъ другого учрежденія и, по видимости, не имѣя постоянныхъ собственныхъ источниковъ дохода. При томъ въ однихъ случаяхъ вовсе не указываются ни условія поступленій, ни назначеніе поступающихъ суммъ; въ другихъ—изъ записей видно, что деньги берутся по мѣрѣ возникновенія въ нихъ нужды и въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ случайно представившимся предметомъ расхода. Напримѣръ: умеръ д. дв. Ѳ. П. Нарышкинъ, и „на поминъ его души“ изъ Новгородскаго приказа даютъ въ Тайный

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1399.
[2]) Ib., ст 743.
[3]) Ib., ст. 1253.
[4]) Ib., ст. 96, 357, 374, 574, 1253 и др.
[5]) Ib., ст. 153—4, 545, 852, 649.
[6]) Ib., ст. 1291, 1294, 1295, 1 98.
[7]) Ib., ст. 1160, 1278.
[8]) Ib., ст. 257, 1216.
[9]) Ib., ст. 474, 555, 569, 700
[10]) Ib., ст. 1364,
[11]) Ib., ст. 745—6, 1166, 1271, 1283, 1291.
[12]) Ib., ст. 1288—9.

1250 р. [1]); изъ Печатнаго приказа присылаются сюда же 100 р. „на церковное строенье церкви Іоанна Воинственнаго, что за Москвою рекою“, и тутъ же передаются по назначенію [2]); понадобились государю „на тайные расходы“ въ Переяславль 100 р., и эта сумма проходитъ такой же путь: „взято, значится въ приходо-расходной книгѣ 1673—4 г., изъ Костромские Чети 100 рублевъ, изъ Новые Чети 50 руб., и тѣ денги, 100 рублей, посланы с маеоромъ с-Ываномъ Лунинымъ, а 50 рублевъ даны ему, Ивану» [3]). Иногда наблюдается бо̀льшая регулярность, но также мало связи съ собственнымъ хозяйствомъ приказа. Изъ Тайнаго приказа раздавались, какъ говорилось выше, „кормовые деньги“ солдатамъ полковъ Н. Бовмана и М. Кравкова, и ко дню раздачи въ приказъ доставлялись соотвѣтствующія суммы изъ другихъ разныхъ приказовъ; [4]); потомъ найдутъ болѣе удобнымъ выдавать солдатамъ названныхъ полковъ жалованье прямо изъ тѣхъ приказовъ, на счетъ которыхъ отнесено ихъ содержаніе,—Новой Чети и Устюжской Чети [5]), и ассигнуемая на нихъ сумма выпадетъ изъ доходовъ Тайнаго приказа, не вызвавъ никакой перестройки его бюджета. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Тайный приказъ—передаточная инстанція, черезъ которую деньги проходятъ, не задерживаясь, въ распоряженіе государя, и чѣмъ чаще будутъ представляться государю случаи къ подобнымъ расходамъ, тѣмъ больше, очевидно, окажется записаннымъ въ приказныхъ книгахъ „на приходъ“, и наоборотъ. Можетъ быть, отчасти потому денежныя поступленія въ приказъ за рядъ лѣтъ даютъ картину скачущихъ цифръ; напр., въ 1663—4-мъ году въ приходѣ было 72843 р., въ 1664—5-мъ—67142 р., въ 1665—6-мъ—80728, въ 1667—8-мъ—49834 р., въ—1668—9-мъ (неполномъ) 56145 р. [6]). Случалось, однако, и, повидимому, даже нерѣдко, что заимствуемыя изъ приказовъ суммы получали и другое назначеніе,—употреблялись на текущія нужды хозяйственнаго вѣдомства приказа. Соотвѣтствующія распоряженія встрѣчаются въ черновыхъ записяхъ государевыхъ указовъ по хозяйству и обыкновенно имѣютъ форму категори-

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1402.
[2]) Ib., ст. 1404.
[3]) Ib., ст. 1408.
[4]) Ib., ст. 396, 398, 401, 403, 531.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1118.
[6]) Пользуюсь сводкой, помѣщенной въ книгѣ Гурлянда; 1 с., стр. 155.

ческихъ требованій: «у Артемона Сергѣевича (т. е. въ Посольскомъ приказѣ) взять 4 т. рублевъ», [1]) «у Герасима Дохтурова взять 3 т. рублевъ» [2]). И нельзя быть увѣреннымъ, что въ такихъ случаяхъ деньги берутся непремѣнно на иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ предыдущихъ, т. е. чтобы взятыя суммы всегда возмѣщались. За с. Шишковердь, напр., заплачено было приказомъ 5 т. руб., изъ которыхъ 4 взяты были въ Хлѣбномъ приказѣ и 1—въ Приказѣ Большого Дворца; но когда, при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, рѣшено было Шишковердь возвратить прежнему владѣльцу, то уплаченныя ему въ свое время деньги государь указалъ вернуть по принадлежности, т. е. 4 т. руб.—въ Хлѣбный приказъ и 1 т. руб.—въ Приказъ Большого Дворца, даже безъ всякихъ справокъ о томъ, не были ли эти суммы тѣмъ или другимъ способомъ уже погашены Тайнымъ приказомъ [3]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряженія царя наводятъ на мысль, что приказы какъ бы облагались въ пользу Тайнаго круглой суммой, которая потомъ и выбиралась по частямъ въ теченіе года. «Изъ Новгородского приказу, значится, напр., въ одномъ изъ царскихъ меморандумовъ, взять в Тайный приказ изо 6 т. руб., которые остались от 10 т. рублев, пол—2 т. руб., а тѣ денги отдат в-Ызмайлово на хлѣбную покупку к винному куренью“ [4]). Или—другой случай: на расходы Ивана Гебдона велѣно было, по государеву указу, «взять» въ Тайный приказъ на 10 т. руб. „серебреныхъ мелкихъ денегъ“ изъ Приказа Новой Чети; но оказалось, что тамъ всѣ деньги въ тотъ моментъ были «в росходе», и потому послѣдовало распоряженіе—«взять в Приказъ Новые Чети взаймы ис Приказу великого государя Болшие Казны, а какъ въ Приказе Новые Чети денги будутъ в сборе, и тѣ денги десят тысячъ рублевъ... ис Приказу Новые Чети въ Приказъ великого государя Болшие Казны отослать“ [5]). Подобное же, надо думать, распоряженіе скрыто подъ слѣд. записью приходо-расходной книги 1675—6 г. «взято из Устюжские Чети, в указное число въ тысячу рублев, пятьсотъ рублевъ» [6]). Впрочемъ, имѣя въ виду, что Устюжской Чети самой

[1]) Г. А., XXVII, № 526, л. 15.
[2]) Ib., л. 17.
[3]) Ib., № 364, л. 40.
[4]) Ib., № 526, л. 21.
[5]) Ib., № 118, ч. II, л. 126.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1408.

могли понадобиться деньги, царь, повидимому, тогда же указалъ и источникъ, откуда взятая сумма могла быть ею на такой случай возмѣщена: „Ларіону Иванову (дьяку Стрѣлецкаго приказа и Устюжской Чети) поговорить, чтоб далъ 1000 руб. изъ Устюжские Чети, а за тѣ денги себѣ на росходы взялъ соболми“ [1]),— вѣроятно, изъ Сибирскаго приказа.

Несомнѣнно, однако, что подобнымъ образомъ Тайный приказъ пользовался кассами другихъ приказовъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые указывались, всего вѣроятнѣе, размѣрами остаточныхъ суммъ каждаго. Не потому ли среди «дѣлъ» приказа и оказались „смѣтныя росписи всѣхъ приказовъ“ за рядъ лѣтъ [2]), что они позволяли разглядѣть, гдѣ и сколько можно взять? Но это значитъ, что за предѣлами „свободной наличности“ приказовъ Тайный приказъ долженъ былъ вести съ ними дѣла уже на началахъ точнаго разсчета, и изъ приходо-расходныхъ книгъ мы дѣйствительно узнаемъ, что иногда онъ беретъ у нихъ деньги „взаймы“ [3]), рядомъ съ сотнями и тысячами рублей занося съ удивляющей изслѣдователя щепетильностью въ свой пассивъ и такія скромныя суммы, какъ, напр., 2 руб. 2 гр., занятые имъ въ Приказѣ Большого Дворца [4]). И это—не просто форма; приказъ платитъ свои долги: „дано, читаемъ, напр., въ приходо-расходной книгѣ, изъ Приказу Тайныхъ Дѣлъ въ Приказъ Казанского Дворца заемныхъ денегъ, которые даны въ Астрахани из приказные полаты насадному промышленнику Павлу Дубенскому на рыбный промыслъ, двѣсти рублевъ“ [5]). Иногда приказъ расплачивается своими «запасами»: «Принито, гласитъ, напр., одна изъ записей, изъ Новгородцкого Приказу 8000 рублевъ. А в тотъ приказъ вмѣсто тѣхъ денегъ, дать исъ Хлѣбного приказу поташомъ» [6]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ открывается изъ нѣкоторыхъ наблюденій, у Тайнаго приказа имѣются собственныя средства, и тамъ ихъ, повидимому, опредѣленно отличаютъ отъ стороннихъ поступленій. Подъячій приказа сообщаетъ, напр., «изъ похода», въ которомъ сопровождалъ государя, дьяку Тайныхъ Дѣлъ, что государь указалъ выдать «не замѣш-

[1]) Г. А., XXVII, № 526, л. 17.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 126.
[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 397, 400, 401, 529, 536, 654, 824, 962, 966.
[4]) Ib., ст. 302. Ср. т. 21, ст 1535—6.
[5]) Ib., ст. 315.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1371; ср. ib., ст. 816, 817—821, 962 и др.

кавъ» 70 руб. Балабановскому прикащику на устройство волчьяго двора, и дѣлаетъ характерное добавленіе: «а дать-тѣ деньгі ис которых ты, Данило Леонтьевичъ, вѣдаеш» [1]). Въ другой разъ самъ дьякъ, посылая—тоже „изъ походу"—распоряженіе подъячему П. Кудрявцеву о покупкѣ 50 пудовъ меду, даетъ указаніе, разъясняющее смыслъ предыдущаго: «а денгі возмі ис которого приказу нибудь, а чтоб не от себя» [2]). И, пожалуй, еще яснѣе: подъячій докладываетъ государю „письмомъ" о ходѣ работъ по перевозкѣ лѣса изъ Измайлова въ Алексѣевское и, между прочимъ, сообщаетъ: „извощикомъ по уговору денегъ половина дана изъ приказныхъ, а взамѣнъ тѣхъ денегъ и на достальную расплату по твоему великого государя указу взяты будутъ деньги у Герасима Дохтурова (въ Разрядѣ)" [3]). Какъ видимъ, въ приказѣ не только отличаютъ свои, „приказныя", деньги, а и берегутъ ихъ, предпочитая оплачивать свои расходы, когда это возможно, изъ сторонніхъ источниковъ; иногда же произведенный изъ своихъ средствъ расходъ даже запишутъ въ приходо-расходныхъ книгахъ, какъ долгъ, который поспѣшатъ поставить въ счетъ какому-нибудь изъ другихъ приказовъ: 6 декабря берутъ, напр, „взаемъ" 100 руб. у М. Воинова (прикащика с. Алексѣевскаго) „изъ Алексѣевскихъ денегъ", а подъ 7-мъ декабря уже читаемъ въ приходо-расходной книгѣ: „взято исъ Печатного Приказу 100 рублевъ и отданы Михаилу Воинову, что у него взято денегъ въ 6 день" [4]).

Въ извѣстныхъ намъ общихъ приходо-расходныхъ книгахъ имѣются только отрывочныя указанія на тѣ источники, откуда получались деньги, которыя въ приказѣ могли считать своими. Такъ, въ числѣ приходныхъ статей находимъ разные денежные сборы, одни—за годъ, нѣкоторые — за два, съ областей, подвѣдомственныхъ частью непосредственно Тайному приказу, частью—Хлѣбному; изъ доходовъ съ подмосковныхъ селъ записаны, напр., оброкъ за сѣнные покосы подъ с. Чашниковымъ и «вымольныя деньги» съ Глинковской мельницы; въ аналогичныхъ статьяхъ встрѣчаются изъ владѣній второй категоріи Лысково и Мурашкино, Городецкая волость, Скопинъ и Романовъ, Ни-

---

[1]) Г. А., XXVII. № 525, л. 4.
[2]) Ib., № 532, л. 132.
[3]) Ib., № 524, л. 5.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1396, 1398.

жегородская и Арзамасская мордва [1]). Неполнота записей приходо-расходныхъ книгъ въ этихъ статьяхъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что оброчные сборы заносились въ мѣстныя приходо-расходныя книги [2]) и въ составлявшіяся для приказа отчетныя вѣдомости. Были ли еще какіе-нибудь источники собственныхъ доходовъ приказа? Во всякомъ случаѣ ихъ надо было искать, потому что обращеніе къ помощи другихъ приказовъ фактически, по крайней мѣрѣ, допустимо было, какъ указывалось, только въ извѣстныхъ предѣлахъ и оставленный на одни свои средства приказъ оказывался иногда въ критическомъ положеніи. Посылая, напр., однажды, по требованію дьяка Тайныхъ Дѣлъ, въ Косткино разные запасы съ Аптекарскаго двора на кормъ рабочимъ, изъ приказа вмѣстѣ съ тѣмъ сообщали: „только снѣтковъ на Оптекарскомъ дворѣ нѣтъ, а купить нѣ на что“ [3]). Такимъ образомъ, передъ приказомъ ставилась задача—изысканіе и эксплоатація источниковъ спеціально денежныхъ доходовъ, и въ условіяхъ переживавшагося тогда общаго финансоваго кризиса эта задача дѣлалась особенно настоятельной.

Конечно, скорѣе и проще всего могли бы привести къ ея разрѣшенію залежи серебряной или золотой руды; но драгоцѣнная руда, какъ мы знаемъ, плохо давалась въ руки, и потому одновременно съ поисками ея приходилось искать выхода въ предѣлахъ хозяйственныхъ операцій. Отсюда прибыль становится однимъ изъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности въ вѣдомствѣ приказа, и требованіе—„какъ бы государевой казнѣ прибыльнѣе“—постояннымъ припѣвомъ сопровождаетъ выходящія изъ него распоряженія,—все равно, направлены ли они на крупные или на мелкіе предметы и имѣютъ въ виду явленія матеріальной ли среды или общественной жизни. Вопросомъ: „чего впредь к прибыли чаять?“—задаются, когда задумываютъ распространить пріемы болѣе интенсивной хозяйственной эксплоатаціи на новыя мѣста [4]); но и посылая прикащику предписаніе отдавать крестьянамъ солому и ухоботье съ государевыхъ полей, не забываютъ присоединить: «а деньги на нихъ имать какъ при-

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 529, 530, 538. 662.

[2]) Примѣръ такой книги представляетъ собой цитир. приходо-расходная книга с. Измайлова.

[3]) Г. А., XXVII, № 532, л. 115.

[4]) Ib., № 525, л. 13.

быльнѣе»[1]); устраивая мельницы, говорятъ не о нуждахъ собственнаго обихода, а выдвигаютъ соображеніе: „великая хлѣбная въ которых бы прибыль большая была“[2]), и ту же мѣрку примѣняютъ, оцѣнивая формы общественнаго состоянія: „рассмотрѣть... бобылей (въ Скопинѣ и Романовѣ),—будетъ в них дѣ(ла) і прибыли нѣтъ, и их бы учинить дѣловыми, і дать им денегъ і хлѣба, какъ даютъ дѣловым“[3]). Естественно, что указанной цѣли въ первую очередь должны были служить добывавшіеся въ царскомъ хосяйствѣ продукты и тѣми способами, какіе, въ условіяхъ тогдашней экономической обстановки, обѣщали наиболѣе выгодъ.

Важную роль играли, прежде всего, хлѣбные запасы. Продавали хлѣбъ зерномъ, можетъ быть, и мукой, если судить по числу мельницъ въ государевыхъ владѣніяхъ, но за отсутствіемъ сколько-нибудь точныхъ данныхъ, нельзя даже и приблизительно сказать,—въ какихъ размѣрахъ. Самая крупная,—правда, почти и единственная,—цифра дохода по этой статьѣ, записанная въ приходо-расходныхъ книгахъ,—400 руб.[4]). Можетъ быть, это и не случайность: въ зап. книгахъ отмѣченъ еще одинъ случай хлѣбной продажи, но по своеобразному мотиву: „в. г. указалъ ис каменной житницы, въ которой есть затхлой духъ, продать ржи 100 чети по 26 алтынъ 4 де(нги) чет по 2 чети (?); а будетъ впредь учнетъ быть такой же затхлой духъ, и о томъ известить великому государю“[5]).—очевидно, съ продажей не спѣшили. Все же въ приказѣ, несомнѣнно, интересовались и условіями сбыта, и состояніемъ цѣнъ на хлѣбные продукты. Въ приказномъ архивѣ остались, напр., выкладки, сколько стоятъ 72 т. четвертей ржи и овса и во что обойдется ихъ „подъемъ“ на стругахъ до Москвы,—документъ, составлявшійся, вѣроятно, въ виду намѣренія пустить въ оборотъ запасы, хранившіеся на Рановской и Поплевинской пристаняхъ[6]). Въ то-же время приказъ внимательно слѣдилъ за колебаніями цѣнъ на хлѣбъ, и ему доставлялись, повидимому аккуратно и по нѣскольку разъ въ годъ,

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1126.
[2]) Г. А., XXVII, № 339, л. 6; ф. Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 782.
[3]) Ib., л. 5.
[4]) Р. И. Б., т. 23, ст. 820—1. См. еще т. 21, ст. 1384, 1577.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1384.
[6]) Г. А., XXVII, № 526, л. 22.

спеціальныя справки, „почему ныне запасу купятъ на Москвѣ“ [1]). Во всякомъ случаѣ приказъ рѣшительно предпочиталъ другой способъ превращенія хлѣба въ деньги—винокуреніе. Вино курилось въ огромномъ количествѣ. Государевой грамотой Терюшевскому прикащику прямо предписывалось—„вино курить безпрестанно, чтобъ въ куренье вина было много“ [2]), и въ этомъ предписаніи развѣ только категоричность формы слѣдуетъ отнести спеціально по мѣстному адресу, сказавшаяся же въ немъ тенденція, несомнѣнно, приложима и къ другимъ мѣстамъ. Въ перегонку шли рожь, овесъ и пшеница, при чемъ не пренебрегали испорченнымъ зерномъ, даже старались использовать его такимъ способомъ; въ с. Порѣцкомъ, напр., велѣно было „пересидѣть въ вино“ 1887 чт. ржи и 446 чт. овса отъ прошлыхъ лѣтъ, „потомучто, какъ значилось въ государевой грамотѣ, по скаске того села крестьянъ тотъ хлѣбъ затхлъ и гнилью пахнетъ“ [3]). Самую операцію перегонки иногда возлагали на крестьянъ, заставляя ихъ, между прочимъ, пересиживать въ вино числящійся за ними „доимочный хлѣбъ“ [4]); иногда отдавали зерно кабацкимъ откупщикамъ на условіи—„у нихъ имать вино по уговору“ [5]); но охотнѣе заводили собственныя винокурни, на которыя старались „сыскивать вольныхъ русскихъ людей или поляковъ“, а за отсутствіемъ тѣхъ и другихъ мирились на мѣстныхъ крестьянахъ, которыхъ въ такомъ случаѣ государь указывалъ „обѣлить и устроить землями или годовымъ жалованьемъ“ [6]). Какъ во всякомъ другомъ, и въ этомъ производствѣ общее руководство оставалось за приказомъ. Терюшевскаго прикащика, напр., запрашивали оттуда: „поскольку ведръ ис четі ржи, да ис четі овса какова вина выходило, и почему съ тѣмъ хлѣбомъ и съ покупнымъ хмелемъ и з дровы и съ работники того доброво и росхожево вина ведро въ куренье стало“ [7]). Собравъ нужныя свѣдѣнія, потомъ установили сами норму выработки: «а сидѣть ис четверти ржи да изъ осмины овса по 2 ведра.

---

[1]) Г. А., XXVII, № 297.
[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1379.
[3]) Ib., ст. 1216—7; ср. 1138, 1182, 1189.
[4]) Ib., ст. 1022.
[5]) Ib., т. 21, ст. 1183.
[6]) Ib., ст. 1122.
[7]) Ib., ст. 1371.

вина доброго» [1]). Отсюда довольно легко опредѣляется и прибыльность винокуренія: при тогдашней стоимости ржи—20—25 алт. за четверть и овса—11—13 алт., ведро вина должно было обходиться въ 40—45 коп.; между тѣмъ указная цѣна ведра вина въ продажѣ была 1 рубль на серебро [2]),—разсчетъ, дѣлающій понятными хлопоты приказа.

Особенно обширные размѣры винокуреніе получило въ Терюшевской волости, въ Красносельской (Горохов. у.) и въ Измайловѣ. Конечно, для этой цѣли употреблялся, прежде всего, хлѣбъ изъ мѣстныхъ запасовъ; но, случалось, добавляли и привозный. Такъ, для Красносельской в. берутъ изъ Терюшева—однажды 700 чт. ржи, въ другой разъ—„чево не достанетъ“ противъ затребованнаго приказомъ количества вина [3]); туда же—въ третій разъ: изъ Терюшева 1 т. чт. овса и 1878 чт. ржи, изъ Арзамасскихъ селъ 1182 чт. и съ Алатыря 3 т. чт. [4]); изъ привознаго хлѣба, „которой привезенъ съ Рановской пристани в стругах“, дѣлается распоряженіе—„отпустить“ овса „на винное куреніе“ въ подмосковныя села: въ Измайлово 2000 чт., въ Домодѣдово 1111, въ Васильевское 555, въ Соколово 416, въ Степановское, Брынково и Алексѣевское по 416 чт. [5]). Выгоднымъ находили гнать вино даже изъ покупного хлѣба: по приходо-расходнымъ книгамъ, однажды выдано было изъ приказа въ Измайлово заразъ 1500 руб. «на покупку хлѣба к винному куренью» [6]); и въ числѣ описанныхъ при ликвидаціи вѣдомства приказа запасовъ оказалось въ Измайловѣ ржи «покупной, что куплена на винное сидѣнье» 2609 чт. и такого же овса—625 чт. [7]) Показательны, конечно, уже всѣ эти цифры; но для нѣкоторыхъ пунктовъ можетъ быть указано точно и самое количество вырабатывавшагося продукта: въ Терюшевѣ, напр., должны были выкуривать ежегодно сначала по 2. т ведръ вина „доброго“ и по 4 т. в. вина „расхожаго“; потомъ требованіе было увеличено до 3-хъ т. ведеръ перваго и до 6-ти т. второго [8]). Для

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1577.
[2]) П. С. З., № 311.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1577, 1612
[4]) Г. А., № 357, л. 13—14.
[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1747.
[6]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1399.
[7]) Р. И. Б., т 21, ст. 224—5.
[8]) Ib., ст. 1121—2, 1427.

Красносельской волости въ одномъ случаѣ соотвѣтствующія цифры: 1400 в. и 3000 в. [1]), въ другомъ—16 т. ведеръ [2]).

Такимъ образомъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что вино поступало въ распоряженіе приказа ежегодно десятками тысячъ ведеръ. Конечно, значительная часть всего запаса находила для себя потребителей въ кругу близкихъ къ царю лицъ и, главнымъ образомъ, среди людей, такъ или иначе занятыхъ въ царскомъ хозяйствѣ. Вино, какъ мы знаемъ, являлось обычнымъ предметомъ государева пожалованія, и имъ вознаграждались служба и радѣнье самыхъ различныхъ видовъ. Но еще въ большихъ размѣрахъ оно поступало въ продажу. Царь бралъ на себя крупные подряды по поставкѣ вина, какъ видно изъ зап. книгъ приказа. Такъ, по записи отъ 2-го іюня 1664 г., „указалъ в. г.

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1612.

[2]) Г. А., XXVII, № 357, л. 13. Въ цѣляхъ усиленія производства вина рѣшено было, кромѣ того, использовать упоминавшуюся уже не разъ дворцовую Верхоценскую волость, откуда Тайный приказъ черпалъ и рабочія руки. Указомъ отъ 29 окт. 1665 г. предписано было устроить тамъ винокурни, а хлѣбъ для нихъ взять „изъ государевыхъ тамбовскихъ запасовъ“ и, сверхъ того, «для того ж винного заводу собрать хлѣбных запасов Танбова города и танбовского уѣзду со всяких с пашенных людей со всякого двора по полуосмине ржи, овса потому ж». Приборы для куренья, «котлы» и «кубы», указывалось брать «на время» съ тамбовскаго кружечнаго двора и «у танбовцев у всяких людей, у ково сыщетца», а доставку матеріаловъ на винокурни возложить «по розвыткѣ» на всякихъ чиновъ грацкихъ и уѣздныхъ людей. Указъ заканчивался внушеніемъ—«какъ бы нашей в. г. казнѣ учинить прибыль и завести б то винное куренье вскоре безкорысно». Получивъ его, воевода немедленно мобилизовалъ все населеніе Верхоценской волости: «велѣлъ, какъ значится въ его отпискѣ, на винокурню, и на погребы, и на солодовни, и на овины, и на всякое винокуренное строенье лѣс возит всяких чинов служилымь людем і верхоценские волости крестьяномъ тотчас». На первый, однако, годъ «новый заводъ» не былъ приведенъ въ дѣйствіе: крестьяне били челомъ воеводѣ, чтобы имъ было позволено «для нынешнего зимнего времени для поспешенья сидѣть вино .. у себя по дворамъ... на своих проторех». Организовано было коллективное производство; крестьяне «варили винные браги, складываючись по пяти человѣкъ вмѣсте, а хлѣб сыпали з двора по полуосмине солоду ржанова, по полуосмине муки овсяной,... итого по 2 четверти с осминою в брагу, а вина выходило из браги по 5 ведръ полуаршинныхъ доброва вина». Въ 174 г. уже на винокурняхъ «высижено» было 5331 в., въ 178 г.—6569 в. А. М. Ю., Бѣлгор. ст. № 667, лл. 1—52. Это, безъ сомнѣнія,—то «танбовское вино», за которое Тайный приказъ получилъ однажды 2000 руб. изъ Новой Чети; см. Р. И. Б., т. 23, стр. 816.

уговоритца въ Новой Четверти поставить 1000 ведеръ вина, а денегъ взять нынѣ 5000 рублевъ въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ“ [1]); въ другой разъ велѣно было „ис Хлѣбного приказу отдать на Московскій Отдаточный дворъ... вина, которое по государеву указу велѣно было высидѣть въ Понизовыхъ городѣхъ изъ десятинного хлѣба 16000 вѣдр, а за то вино взять въ Приказъ своихъ государевыхъ Тайныхъ Дѣлъ изъ Новые Чети за ведро по полтине“ [2]). Случалось, царь бралъ съ Новой Чети и дороже, назначая цѣну даже выше указной; это было, напр., когда съ Потѣшнаго двора, который особенно обильно снабжался виномъ съ царскихъ винокуренъ, было отдано, по государеву указу, въ Новую Четь 1500 в., а за нихъ указано было „взять“ въ Тайный приказъ по 1 р. 3 а. 2 д. за ведро [3]). Въ этихъ поставкахъ и надо отчасти искать объясненія того факта, что въ кассу Тайнаго приказа поступаютъ, по приходо-расходнымъ книгамъ, съ наибольшимъ постоянствомъ и наиболѣе крупныя суммы именно изъ Новой Чети. Но вино давало значительный доходъ и на мѣстахъ. Кабакъ былъ важной статьей въ мѣстной экономіи, и открытіе его едва ли не являлось однимъ изъ первыхъ нововведеній, какими сопровождался переходъ частнаго владѣнія въ составъ государевыхъ земель. Такъ было, напр., въ селахъ Лысковѣ и Мурашкинѣ: при прежнемъ владѣльцѣ, боярынѣ Морозовѣ, здѣсь „винокурні и никакихъ заводовъ не было“, „вино продавалі, покупая отъѣзжая на иныхъ кабакахъ“, у себя же держали на откупу только „квасы съ хмелемъ, сусло и уксусъ» [4]); но послѣ того, какъ села эти поступили въ вѣдѣніе Тайнаго приказа, произведена была реформа: въ Мурашкинѣ и въ Лысковѣ велѣно было „завесть кружечный дворъ“. И, судя по отчетамъ воеводъ, реформа имѣла полный успѣхъ: съ Мурашкина стало присылаться въ Москву «кабацкаго збору» по 4 т. руб. на годъ, съ Лыскова — по 4200 руб., тогда какъ раньше квасъ и сусло давали всего: 350 руб. въ первомъ и 120 руб. во второмъ [5]).

Другой доходной статьей былъ ленъ. Мы знаемъ уже, какъ много вниманія удѣлялось этому продукту въ царскомъ хозяй-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1070.
[2]) Ib., ст. 1691.
[3]) Ib., ст. 1545.
[4]) Ib., ст. 1101.
[5]) Г. А., XXVII, № 213, л. 83—87.

ствѣ. Согласно государеву указу, ленъ сѣялся спеціально «на продажу» [1]), и, сколько можно судить по зап. книгамъ, въ расходъ шелъ единственно на «ѳетильное дѣло» для приказовъ Московскихъ стрѣльцовъ [2]). Въ Измайловѣ, въ первый годъ послѣ его перехода въ вѣдомство Большого Дворца, ленъ продавался или мѣстнымъ покупщикамъ изъ посадскихъ людей и даже изъ Измайловскихъ крестьянъ, или черезъ крестьянскихъ цѣловальниковъ, которые продавали его «на Запасномъ дворѣ всякихъ чинов людямъ порознь». Всего въ теченіе года было продано: «псковского чистого доброво» 552 тюка, по вѣсу 784 пуда, «за пудъ по полтинѣ», и псковского же «среднево и плохово» 439 тюковъ, по вѣсу 469 пудовъ, за пудъ—10 алт.: выручено отъ продажи 598 руб. [3]). По всей вѣроятности, это былъ порядокъ, заведенный раньше. Но при царѣ Алексѣѣ на мѣстный рынокъ предполагали сбывать ленъ второго сорта, который, какъ выражается память изъ Тайнаго приказа, «на Нѣмецкую руку не годитца» [4]), а лучшій предназначался, очевидно, для заграничной продажи. Одинъ, по крайней мѣрѣ, такой опытъ и былъ произведенъ: въ 1668-мъ году продано было Полоцкому бурмистру Кузьмѣ Наумову 200 берковцевъ Измайловскаго льну, цѣною по 17 ефимковъ „безъ чети ѳѳимка“ за берковецъ, и съ доставкой до с. Порѣчья (Смоленскаго у.) „на государевыхъ лошадяхъ“ [5]). Но опытъ окончился не совсѣмъ удачно: ленъ былъ проданъ Наумовымъ въ Ригѣ всего «по 12 ѳѳимковъ съ полуефимкомъ» за берковецъ, а между тѣмъ при продажѣ Таиный приказъ изъ слѣдуемыхъ съ него 3400 руб. получилъ только 1400, и „достальные“ вынужденъ былъ „править“ на покупателѣ [6]). Можетъ быть, подъ вліяніемъ неудачи, а вѣрнѣе—въ поискахъ болѣе прибыльныхъ способовъ, въ приказѣ является мысль утилизировать ленъ, вырабатывая полотно, и въ связи съ этимъ составляется тщательно разработанный планъ полотняного производства, съ точнымъ исчисленіемъ затратъ на каждой стадіи и примѣрной прибыли въ результатѣ. Планомъ предполагалось засѣвать льномъ (вѣроятно въ Измайловѣ или Домодѣдовѣ) 100 десятинъ По раз-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1185.
[2]) Ib., ст. 1619.
[3]) Приходо-расход. кн. с. Измайлова, лл. 58—64.
[4]) Р. И. Б., т., т. 21, ст. 1589.
[5]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1180
[6]) Р. И. Б., т. 21, ст. 379—80.

счету, при такихъ размѣрахъ посѣва, пришлось бы уплатить «работникамъ за пашню, и за бранье, и за сушенье, и за мятье» 405 руб.; льну, предполагается, получено было бы 1000 пудовъ, изъ которыхъ должно выйти полотна: узкаго—отъ 4 до 6 т. аршинъ и широкаго—отъ 2 до 3 т. арш. Самая выработка полотна, «полотно въ дѣлѣ», «стоитъ цѣною — уского 10 арш., а широкаго 5 арш. по 10 алт.», и если взять все количество полотна, въ минимальныхъ и максимальныхъ предѣлахъ, то будемъ имѣть въ расходѣ: за 4 т. арш. узкаго и за 2 т. арш. широкаго—1200 руб.; а за 6 т. арш. узкаго и за 3 т. арш. широкаго—1800 руб. Это—стоимость себѣ; «а продать тѣ полотна ценою было 20 алтынъ», и, значитъ, прибыль «по первой статьѣ» будетъ 1200 руб., по второй—1800 руб. Но можно взять и большую цѣну—23 и 25 алт., т. е. съ прибылью до 125% [1]). Какіе реальные результаты далъ этотъ планъ и въ какихъ размѣрахъ пробовали его осуществить, изъ документовъ не видно; но во всякомъ случаѣ упоминающіеся въ приходо-расходныхъ книгахъ среди состоявшихъ въ вѣдомствѣ приказа мастеровъ два ткача «Нѣмецкихъ полотенъ», сами оба нѣмчина (Андрей Гофманъ и Иванъ «Рыхтаръ»), не могли бы, думается, появиться въ Москвѣ и тѣмъ болѣе получать изъ Тайнаго приказа государево жалованье [2]), если бы въ вѣдомствѣ приказа не нашлось имъ дѣла по ихъ спеціальности.

Масло конопляное и, вѣроятно, льняное было также предметомъ продажи; по крайней мѣрѣ въ приходо-расходныхъ книгахъ отмѣченъ въ качествѣ покупателя этого продукта Приказъ Большого Дворца, уплатившій, напр., однажды въ Тайный приказъ 200 руб. „за конопляное масло, которое выбито изъ сѣмени Завидовскихъ луговъ“ [3]).

Свою долю дохода вносили въ кассу приказа и царскіе огороды. Въ приходо-расходныхъ книгахъ приказа, однако, соотвѣтствующія операціи не оставили слѣда; но о нихъ, какъ и объ ихъ размѣрахъ, можно заключить по даннымъ извѣстной намъ приходо-расходной книги с. Измайлова. Тамъ записана выручка за 1676-й и частью 1677-й года за „продажные государевы всякие садовые и огородные овощи“, въ размѣрѣ 104 р. 13 ал. 2 д.; изъ нихъ 32 р. 33 а. получено за капусту, остальные — „за

---

[1]) Г. А., № 532, лл. 93—105.
[2]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1222.
[3]) Ib., ст. 529.

крыжъ берсень", огурцы, дыни, морковь, рѣпу и „ягоды барбарисовые"; сюда можно присоединить 122 р. за хмель [1]). Весной и лѣтомъ 1677-го же года Измайловскимъ цѣловальникамъ было «дано продать» 11 четвериковъ гороху «волоского», 6 — луку «саженцу», 1 п. 2 грив. анису Муромскаго, 6 грядъ росады; ягодъ: смородины черной 66 ведеръ, красной—49 в., крыжовнику—10 в.; также 65400 огурцовъ и 1028 дынь [2]).

Сельско-хозяйственные продукты, за исключеніемъ развѣ льну, предназначались, главнымъ образомъ, для непосредственнаго потребленія, и только своими излишками могли содѣйствовать пополненію государевой денежной казны. Нѣсколько большее значеніе послѣдній моментъ имѣлъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ царя, хотя и не во всѣхъ—въ одинаковой мѣрѣ. Поташъ, напр., цѣликомъ шелъ на рынокъ. Правда, въ одномъ изъ царскихъ наказовъ давалось порученіе «розвѣдать про мылной завод и про прибыль простова мыла въ Ярославле, костромсково на Костромѣ» [3]); но дальше простой развѣдки интересъ царя къ мыловаренію, видимо, не пошелъ. И въ продажѣ поташъ приносилъ государю, въ общемъ, очень значительный доходъ, хотя и менѣе высокій, чѣмъ могло бы быть по условіямъ того времени. За четыре раза съ государевыхъ Сергацкихъ майдановъ было продано: въ 1670-мъ году—6633 берковцевъ за 68380 ефимковъ или 34190 р. 8 а. 2 д. [4]), въ 1671-мъ — 1363 берк. за 15002 еф. или $7^1/_2$ т. р. [5]); въ 1674-мъ — иноземцамъ черезъ Посольскій приказъ 4530 берк. и московскимъ гостямъ 6005 [6]); въ 1675-мъ изъ Новгородскаго приказа получено за поташъ 8 т. р. [7]). Наоборотъ, продукты рыбныхъ промысловъ въ огромной части своей поступали въ расходъ, и документы могли отмѣтить только одинъ случай ихъ появленія на рынкѣ—продажу армянской икры „промыслу Приказу Тайныхъ Дѣлъ" въ Архангельскѣ на 2321 ефимокъ съ полуефимкомъ „Любскихъ" [8]). То же самое можно сказать относительно государевыхъ заводовъ. Заводы сафьяновый и

---

[1]) Прих.-расход. книги с. Измайлова, л. 66.
[2]) Ib., л. 316 об., 319 об.
[3]) Г. А., XXVII, № 526, л. 5.
[4]) Доп. къ А. И., т. VI, № 18.
[5]) Ib., № 78.
[6]) Г. А., XXVII, № 957, л. 25.
[7]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1371.
[8]) Ib., ст. 1400.

кирпичные едва ли въ полной мѣрѣ удовлетворяли и собственнымъ нуждамъ государева хозяйства; только со стеклянныхъ издѣлія поступаютъ въ продажу. Въ Москвѣ „на гостиномъ большомъ дворѣ“ стоялъ особый „палашъ“, гдѣ выборный вѣрный цѣловальникъ продавалъ „государскіе стеклянные суды“. Еще въ 1680-мъ году, когда всѣ хозяйственные „заводы“ царя Алексѣя находились уже въ полномъ упадкѣ, въ этомъ царскомъ магазинѣ оставалось дов. много „судовъ“ [1]), а въ лучшую пору, безъ сомнѣнія, ихъ было тамъ значительно больше.

Существенно иную роль играли соляной промыселъ и соль. За полнымъ отсутствіемъ данныхъ, количество добывавшейся на государевыхъ соляныхъ заводахъ соли даже и приблизительно не опредѣлимо, и можно только сказать, что оно должно быть значительно, если судить хотя бы по крупнымъ затратамъ на ихъ устройство и содержаніе [2]). Но эта соль не вся доходила до Москвы. Завѣдующимъ заводами не разъ предписывалось, чтобы они продавали соль на мѣстѣ „по тамошней цѣнѣ и въ томъ бы дѣлали прибыль“ государю [3]). Въ государевомъ хозяйствѣ соль, помимо своего обычнаго назначенія, служила, какъ отчасти мы знаемъ, на ряду съ деньгами средствомъ расплаты за матеріалы и всякаго рода работу [4]), и собственные заводы даже оказывались не въ состояніи удовлетворить всего спроса на нее. Поэтому соль покупаютъ, въ большомъ количествѣ, на сторонѣ, главнымъ образомъ—въ Астрахани. Тамъ этимъ дѣломъ занятъ спеціальный агентъ приказа «соляной промышленникъ Петрушка Никоновъ», Астраханскій посадскій человѣкъ, которому впослѣдствіи «даютъ въ помочь» еще посадскаго человѣка Ивашку Трехбратенникова да стрѣльца Ваську Корсакова и «для письма подъячаго» [5]). Въ первый разъ, въ 1667-мъ году, велѣно было купить соли въ Астрахани «по тамошней настоящей цѣнѣ» 200 т. пудовъ [6]), а въ слѣдующемъ 1668-мъ уже «противъ 176-го года вдвое» [7]). Впрочемъ, нормой осталась, кажется, первая цифра; по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Опис. с. Измайлова, л. 233; Приход.-расх. кн. с. Измайлова, л. 407.

[2]) См. выше, стр. 141—2.

[3]) Ib., ст. 1403, 1492.

[4]) См., напр., Р. И. Б., т. 21, ст. 1297, 1401, 1426, 1474, 1506, 1547 1555, 1587.

[5]) Ib., ст. 1500.

[6]) Ib., ст. 1351.

[7]) Ib., ст. 1424.

въ наказѣ 1672 г. Астраханскому воеводѣ кн. Я. Н. Одоевскому, у котораго Петрушка Никоновъ состоялъ подъ контролемъ, царь лично писалъ, чтобы «онъ, бояринъ и воевода, помыслилъ всячески, чтобъ впредь было прочно и постоянно, и цѣною невысокою высылать по вся годы... до Синбирска или до Нижнево по двѣсти тысячъ пудовъ соли [1]). Исъ отписки самого «соляного промышленника» видно, что соль покупалась дѣйствительно «цѣною невысокою»—за пудъ «менши пол—2 денги» [2]), въ то время какъ указная цѣна соли въ Москвѣ колебалась между 4 а. 2 д. и 6 алт. [3]), т. е. была приблизительно въ 18—25 разъ выше. Это объясняетъ намъ, почему въ приказѣ такъ охотно расплачивались солью, не встрѣчая, впрочемъ, за рѣдкими развѣ случаями, неудовольствія и со стороны контрагентовъ, которые иногда даже предпочитали соль соболямъ [4]).

Въ Москвѣ соль, покупная и собственнаго «промыслу», поступала въ вѣдѣніе Приказа Большой Казны, изъ котораго выдавалась, по назначеніямъ Тайнаго приказа, «безденежно» на разныя нужды вѣдомства и который въ этой роли напоминаетъ собой Аптекарскій дворъ и Хлѣбный приказъ,—обстоятельство, не позволяющее точно разграничить операціи Тайнаго приказа и Большой Казны. Часть собиравшейся такими способами соли, несомнѣнно, поступала въ продажу, и бывало даже, что государь пробовалъ въ случаѣ истощенія ея наличныхъ запасовъ искать денегъ у торговыхъ людей подъ будущіе: «а про соль, читаемъ, напр., въ докладѣ подъячаго, которому было поручено царемъ «поговорить» въ этомъ смыслѣ съ однимъ изъ царскихъ „промышленниковъ“, говорилъ (т. е. промышленникъ), что такихъ людей, которые б денги дали напередъ, чаят не сыскать» [5]). Однако, опредѣлить размѣры операцій Тайнаго приказа въ этой области не представляется возможнымъ: изслѣдователь можетъ только гадать о нихъ по тѣмъ суммамъ, которыя время отъ времени передаются въ Тайный приказъ изъ Приказа Большой Казны. По одному документу можно, впрочемъ, придти къ за-

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 379

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1484.

[3]) Ib., ст. 307 и 1252.

[4]) Г. А., XXVII, № 357, л. 41: Лѣснику Ф. Анофріеву предлагали въ приказѣ за взятый у него лѣсъ «дать» соболями и солью, «и он соболми взять не похотѣл, а хочет взят солью по 6 а. пудъ».

[5]) Г. А., XXVII, № 524, л. 73.

ключенію, что въ вѣдомствѣ приказа соль становилась иногда предметомъ довольно сложныхъ оборотовъ, если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ—въ проектахъ. На такіе случаи въ распоряженіи приказа имѣлись также особые агенты, — какъ ихъ называютъ приходо расходныя книги, „купецкихъ товаровъ промышленники". Кадашевецъ Ѳ. Силинъ съ товарищи, получавшіе на ряду съ другими отъ государя жалованье („въ приказъ") за свои услуги [1]). Изъ упомянутаго документа узнаемъ, что съ этимъ Ѳ. Силинымъ однажды было „говорено" о соли,—какъ видно изъ послѣдующаго, рѣчь шла о мѣнѣ соли на пеньку,—и онъ, „поговоря со старостами", представилъ въ приказъ „вѣдомость" о томъ, какъ можно произвести предположенную операцію „съ прибылью для великаго государя". По составленному на основаніи „вѣдомости" докладу государю, имѣлось въ виду отправить 75 т. пуд. соли въ Смоленскъ, славившійся пенькой; соли же часть взять изъ Приказа Большой Казны, часть, а то и всю, купить на Старой Русѣ по 5 а. 2 д. за пудъ. Въ послѣднемъ случаѣ расходъ на покупку соли и на ея провозъ до Смоленска исчисленъ въ 10761 р. 8 а. 2 д. При этомъ приказъ не затрачивалъ своихъ денегъ: по условію, уплата за все должна быть произведена въ Вологдѣ поташомъ съ государевыхъ Сергацкихъ майдановъ въ количествѣ 1529 берковцевъ, „а на иные, значится въ докладѣ, ни на какие товары і на хлѣб, опричъ поташу, соли вымѣнит Ѳедор не имаетца, и иных людей к тому дѣлу не сыскивал". Выгоды для государя въ томъ, что поташъ будетъ взятъ по 14 ефимковъ или по 7 руб. за берковецъ, „а в прошломъ во 182-м году потащу берковец стал на Вологде ценою по 2 р. по 16 а. по 5 д." [2]). Въ то же время сумму прибыли могла увеличить и вымѣненная пенька, предназначавшаяся, по всей вѣроятности, въ продажу иноземцамъ.

Еще болѣе опредѣленно выраженный коммерческій характеръ имѣла экспедиція въ Персію, снаряженная изъ Тайнаго приказа подъ вліяніемъ тогдашняго увлеченія прибыльностью торга персидскими шелками. Во главѣ экспедиціи былъ поставленъ подъячій приказа К. Демидовъ; но вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно въ качествѣ его помощника, ѣздилъ еще другой подъячій того же

---

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1323.
[2]) Г. А., XXVII, № 524, л. 73.

приказа Арт. Аѳанасьевъ [1]). Въ ихъ распоряженіе уже въ Астрахани мѣстнымъ воеводой было предоставлено 6 ч. цѣловальниковъ, «самыхъ лучшихъ и знающихъ людей», какъ требовалось государевымъ указомъ, и «которые, какъ оказалось въ дѣйствительности, за моремъ не бывали і в товарех не знаютъ», по своимъ профессіямъ—двое «соленыхъ промышленниковъ», москательникъ, мясникъ, хлѣбникъ, да «конской барышникъ» [2]). Экспедиція присоединена была къ посольству, отправлявшемуся царемъ Алексѣемъ къ Персидскому шаху Аббасу, съ „великимъ и полномочнымъ посломъ“ окольничимъ и намѣстникомъ Новоторжскимъ Ѳ. Я. Милославскимъ во главѣ; и тутъ же ѣхалъ съ отобранными самимъ царемъ для шаха соколами и кречетами сокольникъ Парѳ. Тоболинъ, снабженный подробнѣйшей царской инструкціей, какъ подносить шаху птицъ и какъ ими „тѣшить шахъ аббасово величество“ [3]). Очень вѣроятно, что и самое посольство, и царскіе «поминки» своимъ главнымъ назначеніемъ имѣли обезпечить успѣхъ затѣянному предпріятію.

Торговыя операціи экспедиціи должны были носить по преимуществу мѣновой характеръ. К. Демидовъ везъ „для продажи и мены на товары“ деньги, золотыя и серебряныя, и разные товары—соболя, сукна „кармазинныя и Аглинскія“, стамѣды и мѣдь. Деньгами было дано ему 17200 руб.: изъ Приказа Большой Казны 3 т. р., изъ Тайнаго приказа 11700 р., изъ Государевой Мастерской Полаты 2500 р., изъ Новгородской Чети 2 т. р., изъ Приказа Сыскного Денежного Дѣла 1 т. р.; изъ нихъ, за вычетомъ на предварительные расходы, осталось 14 т. р. Царскихъ товаровъ было взято: соболей на 32800 р., суконъ и стамѣдовъ на 23949 р. и мѣди на 3 т. р.; всего—на 76949 р. (въ „Книгѣ Персидскихъ товаровъ“—76749 р.,—вѣроятно, ошибка редакціи) [4]). Такимъ образомъ, отъ себя Тайный приказъ внесъ

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1431, 1442.

[2]) Ib., ст. 1425.

[3]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, ст. 360—371.

[4]) Въ «Книгѣ Персидскихъ товаровъ» сказано: «соболей—у гостя. у Остафья Ѳеѳилатьева, принято»..., «у гостя у Ѳѳонасья Скорой Записи принято соболей», «гостиной сотни у Івана Климшина принято кармазинныхъ и Аглинскихъ суконъ и стамѣдовъ: галанские покупки иноземца Юстра Абрамова»... Р. И. Б., т. 23, ст. 1414, 1415, 1419. Отсюда Гурляндъ въ своей книгѣ вывелъ, что царь для персидской экспедиціи принялъ у разныхъ купцовъ товаръ «на продажу» (т. е. какъ бы на комиссію), и потому, по возвращеніи экспедиціи, часть привезенныхъ ею персидскихъ

въ общую сумму сравнительно небольшую часть. Въ Шемахѣ изъ имѣвшихся на лицо денегъ золотые были „проданы на Кизылбашские деньги“, по 1 р. 15 алт. за золотой цѣною въ 1 руб., а 7860 р. серебряныхъ промѣняны „Индѣйцамъ“ по разсчету 100 за 107. На эти вымѣнянныя деньги съ прибавкой «русскихъ» 6 т. р. куплено было товаровъ въ Кашани, съ прибылью по 8 р. на 100. Русскіе товары, развезенные, по порученію К. Демидова, по разнымъ городамъ цѣловальниками, частью обмѣнивались на персидскіе, частью продавались на мѣстныя деньги, которыя тутъ же пускались въ дальнѣйшій оборотъ. Въ результатѣ денегъ и товаровъ было „промѣнено и продано“ на 71459 р. 2 а. 5 д. „по Московской цѣнѣ“, а получено взамѣнъ деньгами и, главнымъ образомъ, товарами 76650 р. 6 а., съ прибылью въ 5196 р. 3 а. 2 д.[1]), т. е. въ обшемъ нѣсколько менѣе 7%. Привезенные Демидовымъ товары (зарбаѳы, атласы, камки, ковры, бархаты, парчи, дараги, киндяки, сафьяны, шелкъ и ладонъ) были сложены въ такъ наз. Палатѣ Кизыльбашскихъ товаровъ или въ Большой Товарной Палатѣ (она же, повидимому,

товаровъ «была отдана» этимъ купцамъ (стр. 194). Автора нисколько не смутило, что на ближайшихъ страницахъ источника всѣ перечисленные товары называются государевыми: «а тѣ великаго государя товары принималъ (у названныхъ выше гостей) на Москвѣ подъячей Кирюшко Демидовъ одинъ» (ст. 1425). Очевидно, Гурляндъ не подозрѣвалъ о той роли, какую гости играли на царской службѣ въ качествѣ головъ «у государевой соболиной казны» и у иной всякой «рухляди». Еще характернѣе дальнѣйшее изложеніе предмета. Издателю всѣхъ этихъ документовъ, думается, не могли остаться неизвѣстными крупныя суммы, вырученныя царемъ отъ продажи персидскихъ товаровъ; но въ его конструкціи предпріятія для нихъ не находилось мѣста: «принятые» у гостей товары составляли, вѣдь, 4/5 всего «капитала экспедиціи», и послѣ того какъ ихъ владѣльцамъ «отдана была» соотвѣтствующая доля привезенныхъ изъ Персіи товаровъ, могъ ли царь развить широкія операціи со скромнымъ остаткомъ? И Гурляндъ увѣряетъ читателя «въ незначительности оборотовъ отъ этой торговли» (т. е. царской) и «долженъ, по его словамъ, придти къ заключенію, что цѣль всей этой операціи была не торговля въ собственномъ смыслѣ, а возможность почти даромъ имѣть нужный для обихода товаръ» (стр. 195). Такимъ методомъ составлена вся книга Гурлянда: этотъ же эпизодъ выдѣляю единственно въ цѣляхъ облегчить читателю трудъ провѣрки, такъ какъ несложная сама по себѣ исторія Персидской экспедиціи и торговли персидскими товарами имѣетъ для себя сравнительно обширный матеріалъ въ изданныхъ Гурляндомъ документахъ (въ 23 томѣ Р. И. Б.).

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1449.

и Купецкая Полата [1]), откуда въ теченіе ряда лѣтъ и выбирались, по государевымъ указамъ, подъячими приказа. Повидимому, часть ихъ съ самаго начала была „отобрана на государевъ обиходъ“ и часть „оставлена на расходъ“,—категоріи, подъ которыми они описываются въ „Книгѣ переписной товаромъ Перъсицкимъ 183-го году“ [2]). Въ расходныхъ книгахъ персидскихъ товаровъ мы постоянно встрѣчаемъ тѣ же „статьи“, что и въ общихъ приходо-расходныхъ и записныхъ книгахъ: дорогія матеріи жалуются церквамъ и монастырямъ или „въ приказъ“ ближнимъ людямъ, болѣе дешевые предметы, какъ киндяки и сафьяны,—по преимуществу Московскимъ стрѣльцамъ, солдатамъ выборныхъ полковъ, сокольникамъ, иногда—тысячами заразъ: однажды, напр., „по сафьяну человѣку“, въ другой разъ—„по киндяку“ получили по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Алексѣевича 13936 ч. Московскихъ стрѣльцовъ, «которые всходили на дворецъ для поздравленія государя благовѣрнаго царевича» и 1259 ч. солдатъ выборнаго полка М. Кравкова, „которые были в строе на ево государеве дворѣ и ему, в. г., и сыну ево, государеву, здравствовали“ [3]). Значительное, несомнѣнно, количество товаровъ было продано. Сохранившіяся, однако, записныя и приходо-расходныя книги персидскихъ товаровъ содержатъ въ себѣ только записи расходовъ на государевъ обиходъ и на пожалованія, а „продажные товары“ принято было «в расходъ не класть, потомучто писана сия статья впереди в продажной статьѣ» [4]), и эта „продажная статья“ остается не разысканной. Все же нѣкоторые слѣды торговыхъ оборотовъ остались частью въ общихъ приходо-расходныхъ книгахъ, частью—спеціально персидскихъ товаровъ. Распродажа привезенныхъ Демидовымъ товаровъ началась еще при немъ (Демидовъ ум. въ мартѣ 1668 г.). Въ іюнѣ 1668 г. дьякъ Тайныхъ Дѣлъ Ѳ. Михайловъ, какъ значится въ приходо-расходной книгѣ, взялъ 400 р. „ис Товарной Полаты, отъ продажи Персидскихъ товаровъ остаточныхъ денегъ“ [5]), и съ того же мѣсяца начинаетъ приказъ собирать «долговые

---

[1]) Ib., ст. 965.

[2]) Ib., ст. 1580.

[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 1512—13 и 1522—3, также 1514, 1516, 1517, 1520 1524, 1528, 1560.

[4]) Ib., ст. 1505, ср. 1210.

[5]) Ib., ст. 823.

деньги» „за продажные Персидцкие товары, которые отдавалъ... К. Димидовъ всякихъ чиновъ людемъ в долгъ“ [1]). Тогда же часть товаровъ „отдана“ была гостю Ив. Панкратьеву, и „велено ему тѣ товары продавать на Гостиномъ дворѣ указною ценою всякихъ чиновъ людемъ“ [2]). Въ послѣдующіе годы видимъ и другихъ покупателей у Тайнаго приказа, берущихъ товары частью на наличныя, частью въ долгъ, тоже людей разныхъ чиновъ— отъ Московскаго гостя до пушкаря. По подсчету «приходной и росходной книги» 179-го и 180-го годовъ, въ 179 г. оставалось на всѣхъ нихъ „донять“ по «записямъ» 15863 р. съ полтиной [3]). Присоединивъ сюда собранныя раньше «долговыя деньги», получимъ въ итогѣ около 25 т. р. Всѣ эти операціи производились однимъ Тайнымъ приказомъ; но подѣлился ли онъ доходами съ тѣми учрежденіями, у которыхъ взяты были деньги для экспедиціи, въ документахъ указаній нѣтъ,—вѣроятно, не должно и быть.

Великое посольство, при которомъ отправлялась экспедиція Демидова, выѣхало изъ Москвы въ февралѣ или марта 1663-го года [4]); а вернулся Демидовъ съ товарами уже въ январѣ 1666-года [5]), потративши, такимъ образомъ, на путешествіе около 3-хъ лѣтъ. Въ послѣдующіе затѣмъ годы экспедиціи въ Персію не повторяются. Какъ извѣстно, въ маѣ 1667 г. заключенъ былъ торговый договоръ съ Армянской компаніей, который болѣе легкимъ способомъ обезпечивалъ на будущее время государеву казну шолкомъ и др. персидскимъ товарами; а наступившія вскорѣ, въ связи съ бунтомъ Разина, замѣшательства въ отношеніяхъ между Россіей и Персіей сдѣлали для русскихъ торговыя поѣздки въ Персію и совсѣмъ невозможными. На эти именно годы приходятся усиленныя хлопоты царя Алексѣя по разведенію шелководства подъ Москвой, и возможно, что это экзотическое предпріятіе стояло въ тѣсной связи съ изложенными обстоятельствами. Однако, въ концѣ царствованія, когда, между прочимъ, выяснилось, что собственное шелководство болѣе способно воспиты-

[1]) Ib., ст. 824, ср. 965, 1205—7, 1210.

[2]) Ib., ст. 824.

[3]) Ib., ст. 1561—3.

[4]) По крайней мѣрѣ «роспись» подарковъ шаху послана была изъ Тайнаго приказа въ Посольскій 4 февр. 170 г. См. Зап. Отд. Р. и С. А. т. II, стр. 360.

[5]) Р. И. Б. т. 21. ст. 1146—7.

вать иниціатора въ терпѣніи, чѣмъ радовать его своими результатами, а въ то же время наладились отношенія съ персидскимъ правительствомъ, въ приказѣ снова возвращаются къ мысли объ экспедиціи въ Персію. Можетъ быть, самая экспедиція и не осуществилась; но къ ней готовились, и, какъ повелось въ практикѣ приказа, составили для государя соотвѣтствующій планъ или «роспись». На этотъ разъ, сколько можно судить по росписи, торговая прибыль была уже единственнымъ мотивомъ, вдохновлявшимъ приказъ. Предполагалось отправить въ Персію, какъ и раньше, разные государевы товары, но теперь просто «съ купчиной» и для обмѣна на одинъ только шелкъ. Одни товары, предполагалось, будутъ для этой цѣли куплены: «будетъ в. г. укажетъ, купить товаровъ или подрядить иноземцов поставить у города (Архангельска), а на иные на Москвѣ і в городѣх торговых людей»; это—мѣдь, 3 т. пуд.; юѳть, 3 т. шт.; 20 т. иголъ; «20 сотъ тысячъ» (т. е. 2 мил.) булавокъ; 1000 зеркалъ большихъ и 4 т. меньшихъ. Вмѣстѣ съ ними должны пойти и предметы производства собственныхъ заводовъ: «2 т. кувшиновъ да 2 т. сулей зеленыхъ Измайловскаго дѣла» и 2 т. «мухоловных круглых судовъ». Всего—на сумму «по Московской цѣнѣ» въ 23.200 р. По разсчетамъ автора, затраченный капиталъ долженъ дать двойную прибыль: въ Персіи—при обмѣнѣ государевыхъ товаровъ на шелкъ въ количествѣ 11.380 руб., и въ Москвѣ—при продажѣ мѣстнымъ торговымъ людямъ шелку—отъ 5 до 10 т. руб., въ зависимости отъ того, брать ли на пудъ шелку прибыли 5 или 10 рублей. Вся прибыль, такимъ образомъ, составитъ или 16.380 или 21.380 руб. [1]).

---

[1]) Г. А., XXVII, № 355, л. 1—8. Въапр. 1676 г. Астраханецъ посадскій человѣкъ Симонко Савельевъ подалъ царю Ѳедору Алексѣевичу челобитную, изъ которой узнаемъ, что въ 183-мъ году «по указу блаженные памяти отца государева» отецъ его, Иванъ Савельевъ, «посланъ былъ... съ Москвы із Приказу Тайныкъ Дѣлъ за-море въ Персицкую землю для покупки Персицкихъ товаровъ і сѣмянъ про твой великаго государя обиходъ», при чемъ изъ приказа дано было ему «взаймы» 300 золотыхъ. Самъ Иванъ Савельевъ «ізволениемъ Божиімъ за моремъ умре», и государевы товары съ сѣменами привезъ и отдалъ въ Тайный Приказъ уже сынъ его, авторъ челобитной. Р. И. Б., т. 21, ст. 292—3. Судя по обстановкѣ и цѣли «посылки», какъ онѣ обрисованы въ челобитной, врядъ ли Савельевъ былъ исполнителемъ изложеннаго въ текстѣ проекта скорѣй всего, его главной задачей была доставка сѣмянъ для царскихъ садовъ и, слѣд., поѣздка его не является торговымъ предпріятіемъ.

Торговый путь изъ Россіи въ Персію былъ давно уже показанъ русскимъ людямъ иноземцами, и Тайный приказъ въ своихъ предпріятіяхъ съ наибольшей послѣдовательностью использовалъ полученный урокъ. Но приказъ обнаруживаетъ воспріимчивость и къ совершенно новымъ перспективамъ, встрѣчаясь съ другими примѣрами торговой предпріимчивости. Почти въ одно время съ тѣмъ, какъ готовилась экспедиція Д. Кириллова, а именно въ сентябрѣ 1663 г., послы Московскаго государя д. дв. И. Желябужскій и подъячій Тайнаго приказа Ю. Никифоровъ разспрашивали, согласно государеву указу, Курляндскаго канцлера, «в которые урочищи Курляндскаго князя ходятъ корабли для всяких пряных зелій и овощеі и для серебреные и иныхъ руд..., і какими мѣрами тѣми урочищами владѣет, и о мастерах к серебреным рудам, гдѣ их взят". Имъ отвѣчали, что Курляндскій князь «для пряных зелеі и овощеі» посылаетъ корабли «на Индѣйскую землю, мѣсто словетъ Гамбія», «а серебреноі де руды у Курляндского князя въ промыслу нѣтъ нигдѣ»... Слѣдуя данному имъ наказу, послы хотятъ имѣть болѣе точныя свѣдѣнія и просятъ для своего государя «роспись, в которые урочищи для промыслов князь корабли свои посылает, и чьѣ тѣ урочищи, и коими мѣрами владѣет, и с которыми государствы тѣ урочищи сошлис, і какие товары княз в тѣ мѣста отпущает, и с кѣм там торгует, и от тѣх промыслов оприч пряных зелеі и овощеі иные какие товары привозят ли, и какова от тѣх промыслов князю прибыл, и откуды к тому урочищу твоимъ великаго государя кораблямъ—обо всемъ этомъ послы пишутъ въ Тайный приказъ—пристойнее ходит» [1]). Итакъ, курляндцы должны были указать москвичамъ дорогу въ торговыя «урочища», которыя эксплоатировали сами, и по сосѣдской любезности посвятить ихъ во всѣ подробности своихъ торговыхъ операцій, даже содѣйствовать Московскому государю въ обзаведеніи торговымъ флотомъ въ „пристойномъ" мѣстѣ. „Индѣйская земля" не увидѣла, однако, у своихъ береговъ государевыхъ кораблей, и въ описанныхъ условіяхъ это, конечно, врядъ ли могло быть иначе. Но впослѣдствіи Тайный приказъ пробуетъ вмѣсто иноземныхъ «пряныхъ зелій и овощей» использовать, въ качествѣ предметовъ спекуляціи, отечественныя. Въ дѣлахъ приказа сохранился—къ сожалѣнію, только въ обрывкѣ черновика—проектъ скуп 1,

[1]) Г. А., XXVII, № 214, лл. 34—36.

въ цѣляхъ перепродажи, сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, свидѣтельствующій, какъ глубоко разсчетъ на прибыль проникалъ въ дѣятельность этого учрежденія. Документъ писанъ рукой дьяка Тайныхъ Дѣлъ Ѳ. Михайлова и при своей краткости можетъ быть приведенъ цѣликомъ:

...«Дрожин 3 ушата по 1 алт., итого за 111 ушатовъ 2 р. 7 а. 1 д.

Капусты сотницу купит по полуполтине, а продат соленую по 2 кочня на 2 д. Итого полтина.

Огурцов 1000 по 5 алтынъ, а продат по 10 на 1 д. Итого полтина.

Овса по чети на день, а купить по 10 а., а продать въ 4 гривны.

Сѣна по возу на день. Купить по полтине, итого за 365 возов 182 р. с полтиной; а продат по 20 алтынъ, итого 250 р.

Соломы на постилку по 2 воза на день. Итого 730 возов. Купить... итого... А продать... итого...».

Операціи, какъ видимъ,—очень скромныя по масштабу, за то разсчитаны на чрезвычайно методическое выполненіе. Въ концѣ подведены итоги,—сколько „всего на тѣ вышеписанные харчи на покупку надобно дат“, сколько должно быть выручено отъ продажи, и что въ результатѣ «прибыли будетъ». Самыя цифры изображены были на той части документа, которая погибла [1]).

Все это было въ духѣ времени. Въ теченіе предшествующаго періода Россія медленно, но неуклонно втягивалась въ общую экономическую жизнь Европы, и къ половинѣ 17-го вѣка, можно сказать, уже опредѣляется ея роль въ процессѣ международнаго обмѣна, какъ поставщицы нѣкоторыхъ видовъ сырья и посредницы между Западомъ и Востокомъ. Въ то же время, примѣнительно къ новой роли, постепенно перестраивается и ея внутренній экономическій бытъ. Все разнообразнѣе становятся соблазны, которыми манитъ покупателя наполняемый иноземными товарами рынокъ, и подталкиваемый новыми потребностями русскій человѣкъ,—теперь не только торговецъ по профессіи, а и всякій, кто хочетъ пользоваться жизнью наравнѣ съ другими,—настойчиво ищетъ вокругъ себя предметовъ, которые можно было бы сбывать за деньги. Современники иностранцы увѣряютъ, что страстью къ торговлѣ охвачены въ Московскомъ государствѣ всѣ, безъ различія общественныхъ состояній, и они

---

[1]) Г. А., XXVII, № 297, л. 32.

готовы считать ее отличительной національной чертой Московитовъ [1]). Но то же говорятъ, по своему, и свидѣтели изъ русскихъ современниковъ. „Изстари въ прежнихъ лѣтѣхъ, жалуются, напр., въ 1663 г. въ своихъ „сказкахъ“ гости и гостиной сотни торговые люди, всякими торгами и промыслами торговали... одни торговые люди..., а нынѣ всякими большими и лутчими промыслами и торгами владѣютъ и промышляютъ духовный и воинскій и судебный чинъ, оставя и презрѣвъ всякое государственное правленіе“ [2]). За общимъ теченіемъ и въ извѣстномъ смыслѣ даже обгоняя его, шелъ, очевидно, и Московскій государь, обращаясь къ торгамъ и промысламъ въ изысканіи средствъ для своего приказа. Но въ хозяйственной жизни вѣдомства Тайнаго приказа торгово-промышленныя операціи играли все же, какъ мы видѣли, только вспомогательную роль,—по крайней мѣрѣ поскольку тамъ онѣ вызывались необходимостью поддерживать равновѣсіе бюджета. Основной чертой, опредѣляющей самый типъ хозяйственной организаціи, оставалось, безъ сомнѣнія, производство для непосредственнаго потребленія, прежде и больше всего, конечно,—въ области сельскаго хозяйства, и былъ, какъ мы знаемъ, болѣе или менѣе опредѣленный и постоянный кругъ лицъ, которыя являлись потребителями государевыхъ запасовъ. Такимъ образомъ, передъ нами—тотъ же строй жизни, какой наблюдается въ каждой, не исключая и наиболѣе передовыхъ въ хозяйственномъ отношеніи, вотчинѣ того времени (напр., Морозовской), гдѣ главная масса добываемыхъ продуктовъ продолжала идти на содержаніе боярскаго двора, насчитывавшаго въ себѣ нерѣдко не одну сотню всякихъ чиновъ людей и откуда только излишки, а цѣликомъ—продукты развѣ спеціальныхъ промысловъ, какъ поташъ, поступали въ продажу. Отсюда, поскольку въ практическомъ примѣненіи той или другой организаціи сказывается ея назначеніе, вытекаетъ, что хозяйственное вѣдомство Тайнаго приказа имѣло по крайней мѣрѣ одной изъ цѣлей обслуживать матеріальныя нужды нѣкоторыхъ лицъ и общественныхъ группъ частью въ формѣ постояннаго содержанія, частью—чрезвычайнаго государева „жалованья“.

Но почему понадобилась особая и такая необычная хозяйственная организація для цѣли, которой, казалось бы, вполнѣ

[1]) Напр., Родесъ, Кильбургеръ, Олеарій; см. ихъ сочиненія.

[2]) Зерцаловъ: О мятежахъ въ г. Москвѣ и въ с. Коломенскомъ стр. 259.

могла служить другая, дѣйствовавшая въ томъ же направленіи издавна, организація—вѣдомство Большого Дворца? Въ рѣшеніи этого вопроса аналогія съ боярской вотчиной уже едва ли можетъ сказать намъ многое. Въ 17-мъ вѣкѣ бояринъ тратитъ свои вотчинные доходы на многочисленную дворню потому, что она—показатель его общественнаго вѣса и является необходимымъ признакомъ въ самомъ понятіи его соціальной личности. Но тотъ кругъ лицъ, для котораго предназначались доходы отъ предпріятій Тайнаго приказа, по своему составу имѣетъ сравнительно отдаленное сходство съ дворней, и во всякомъ случаѣ гораздо ближе къ послѣдней стоитъ государевъ дворъ въ традиціонномъ его составѣ, вовсе не имѣвшій, однако, постоянной связи съ хозяйственнымъ вѣдомствомъ приказа. Значитъ, нельзя сказать, чтобы запасы Тайнаго приказа открывались въ силу офиціальной близости къ государю, какой характеризуется положеніе придворныхъ чиновъ. Повидимому, здѣсь больше значенія имѣли другія особенности общественнаго положенія людей. Припомнимъ, кого обычно жалуетъ государь изъ доходовъ съ своихъ владѣній. Если оставить въ сторонѣ отдѣльныхъ лицъ, которыхъ могъ часто выдвигать и простой случай, это были: братія мужскихъ и женскихъ монастырей, нищіе, сокольники, Московскіе стрѣльцы и солдаты выборныхъ полковъ съ своими „начальными людьми“. Могъ ли быть, если не одинаковый, то по крайней мѣрѣ однородный мотивъ, которымъ объединялись бы въ глазахъ царя Алексѣя столь различные элементы и который, слѣд., объяснялъ бы занятое ими положеніе въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа? Для первыхъ двухъ категорій мотивъ могъ быть, очевидно, только одинъ—забота о душѣ, и не было бы ничего страннаго въ томъ, если бы въ виду чисто личнаго характера цѣли у благочестиваго царя явилось желаніе имѣть въ своемъ распоряженіи такія средства, которыя онъ былъ бы въ правѣ считать по-преимуществу своими, личными. Можно, думается, безъ натяжки объяснить аналогичнымъ способомъ включеніе въ тотъ же кругъ и сокольниковъ. Страстный любитель соколиной охоты, Алексѣй Михайловичъ видѣлъ въ ней не просто офиціальную царскую забаву: «сею доброю потѣхою» утѣшаются, по его убѣжденію, сердца и отвлекаются мысли „отъ скорбей и печалей“, т. е. она служитъ также личной душевной потребности человѣка, и возможно, что, тратя на нее

очень большія суммы [1]), царь не считалъ удобнымъ возлагать всѣ расходы по ея содержанію на общегосударственныя учрежденія. Но могъ ли быть мотивъ тоже личнаго характера, который бы заставилъ царя взять подъ особое попеченіе своего приказа Московскихъ стрѣльцовъ и выборныхъ солдатъ, поставивъ ихъ въ одинъ рядъ съ монахами и нищими? Думается, что, оставаясь въ сферѣ чисто индивидуальной психологіи царя Алексѣя, мы не найдемъ рѣшенія для этого вопроса. Съ этимъ вопросомъ мы вступаемъ въ кругъ такихъ настроеній царя, которыя создавались уже всей обстановкой его царствованія и отраженіемъ которыхъ былъ до извѣстной степени и самый Приказъ Тайныхъ Дѣлъ.

---

[1]) По разсчетамъ Кутепова, можетъ быть нѣсколько преувеличеннымъ, содержаніе только ловчихъ птицъ обходилось въ годъ до 75 т. руб. Царская охота, т. 2, стр. 91—2.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ говорилось раньше, самостоятельное хозяйственное вѣдомство въ составѣ компетенціи Тайнаго приказа появляется только въ 1662—3 г.[1]), слѣд. въ этой формѣ хозяйственная дѣятельность не была задачей приказа съ самаго начала. Но, возникши позднѣе, хозяйственная организація въ предѣлахъ опредѣленной территоріи стала не простымъ придаткомъ въ кругу предметовъ его вѣдѣнія, а обозначила собой существенную перемѣну въ характерѣ и направленіи его дѣятельности вообще, хотя, можетъ быть, вполнѣ и не обнаружившуюся сразу.

Можно считать за несомнѣнное, что Тайный приказъ сложился въ обстановкѣ военнаго времени и военныхъ потребностей. Въ походной росписи 1654 г., помѣщенной въ Дворц. Разрядахъ, подъ 18 мая этого года, среди разныхъ чиновъ, которые должны были сопровождать царя въ первомъ его походѣ противъ „недруга“ его, польскаго короля, значится въ числѣ простыхъ дьяковъ „въ государеве имени дьякъ“ Томило Перфильевъ[2]). Впослѣдствіи это — обычный титулъ дьяка Тайныхъ Дѣлъ и исключительно—его одного. Но Томило Перфильевъ въ описываемый моментъ дьякомъ Тайныхъ Дѣлъ не называется и, повидимому, не случайно: другая роспись, относящаяся къ тому же походу, отмѣчаетъ служебное его положеніе по другому приказу, присоединяя въ концѣ перечня думныхъ и простыхъ дьяковъ, отправлявшихся съ государемъ: «да діакъ въ государеве имени Казанского Дворца Томило Перфильевъ, да 2 человѣка подъячихъ»[3]). Изъ Дворц. Разрядовъ, однако

---

[1]) См. выше, стр. 15—17.

[2]) Дворц. Разр., т. III, ст. 414.

[3]) Г. А., XXVII, № 86, ч. I, л. 247.

узнаемъ далѣе, что 18-го августа того же 1654 года государь посылалъ изъ-подъ Смоленска, гдѣ стоялъ „станомъ“, въ Могилевъ съ своимъ государевымъ жалованьемъ стольника Шеина „да дьяка тайныхъ дѣлъ Томила Перѳильева“ [1]). Такъ впервые появляется въ источникахъ терминъ «тайныя дѣла» въ составѣ особаго титула, и вмѣстѣ съ тѣмъ карьера Т. Перфильева получаетъ значеніе отправного пункта при выясненіи начальныхъ моментовъ въ жизни Тайнаго приказа.

Титулъ „въ государеве имени дьякъ“ можно встрѣтить въ источникахъ очень не часто,—въ тѣхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, когда такъ подписывается подъ государевымъ указомъ тотъ или другой дьякъ Тайныхъ Дѣлъ и всего развѣ нѣсколько разъ—просто въ качествѣ эпитета при имени кого-нибудь изъ тѣхъ же дьяковъ. Отсюда можно, конечно, сказать: это—дьякъ, имѣвшій полномочіе ставить на указахъ свое имя вмѣсто имени государева; но ясно, что съ такимъ опредѣленіемъ мы не подвигаемся въ уясненіи самаго института. Очевидно, съ подписью дьяка „въ государеве имени“ соединялось особое значеніе, разъ соотвѣтствующей функціей опредѣлялось вначалѣ, именно въ положеніи Т. Перфильева, даже его профессіональное званіе, и, слѣд., вопросъ долженъ быть въ томъ, что значила эта подпись и почему съ теченіемъ времени она становится функціей исключительно дьяка Тайныхъ Дѣлъ.

Извѣстно, что московскіе государи сами не подписывались подъ издававшимися отъ ихъ имени актами. Алексѣй Михайловичъ начинаетъ, однако, дѣлать отступленіе отъ этого правила—по отношенію къ актамъ исключительной важности. Такъ, онъ „приписывалъ“, какъ значится въ одной его подписи, „своею царскою самодержавною рукою“ грамоты, адресованныя иноземнымъ правительствамъ [2]); изъ актовъ внутренняго управленія его же „рукой“ закрѣплено было, напр., въ разрядной книгѣ 1655 г. распоряженіе „быть безъ мѣстъ“ передъ высту-

---

[1]) Дворц. Разр., т. III, ст. 445. Т. Перфильева знаетъ, въ качествѣ дьяка Тайныхъ Дѣлъ, и опись, отмѣчая «дела, которые были въ Приказе великого государя Тайныхъ Дѣлъ при... Дементье Миниче (Башмакове), какъ онъ былъ въ томъ Приказе во дьяцехъ, и при дьякѣ при Тамиле Перфильеве». Р. И. Б., т. 21, ст. 819.

[2]) Г. А., XXVII, № 106. Такую подпись находимъ на проектѣ полномочій кн. Мышецкому, отправлявшемуся посломъ въ Копенгагенъ.

пленіемъ въ походъ [1]). Можно ли сказать, что и подписью „въ государеве имени дьяка“ отмѣчались указы также въ виду ихъ важности? Если исходить изъ наблюденій надъ содержаніемъ подписанныхъ имъ актовъ —отвѣтъ долженъ быть отрицательный: какъ легко убѣдиться по извѣстнымъ сейчасъ ихъ образцамъ, нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно даже—многіе, имѣли своимъ предметомъ распоряженія совсѣмъ второстепеннаго характера [2]). Остается, слѣд., предположить, не выдѣлялись ли такіе указы особымъ порядкомъ ихъ происхожденія, и это предположеніе, можно думать, находитъ для себя подтвержденіе въ особенностяхъ положенія именно дьяка Тайныхъ Дѣлъ. Въ обычномъ порядкѣ указы, мы знаемъ, давались государемъ, въ формѣ резолюцій, думнымъ дьякамъ по ихъ докладамъ—одному ли государю или въ боярской думѣ. Но дьякъ Тайныхъ Дѣлъ не былъ думнымъ и даже получалъ другое назначеніе, когда для него приходило время стать думнымъ, хотя онъ и могъ потомъ не терять съ Тайнымъ приказомъ фактической связи. Зато онъ былъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ уже помѣщеніе приказа во дворцѣ, всегда по близости отъ государя, и, значитъ, послѣдній черезъ него имѣлъ возможность съ наибольшимъ удобствомъ осуществлять свои распоряженія, не проводившіяся обычнымъ путемъ. Другими словами, существуетъ, предполагается, въ дѣятельности царя какъ бы особая сфера, предѣлы или объемъ которой формально обозначаются полномочіями дьяка «въ государеве имени» или—что въ данномъ случаѣ то же—дьяка Тайныхъ Дѣлъ. Въ болѣе конкретныхъ очертаніяхъ эта сфера выступаетъ передъ нами, когда мы разсматриваемъ изложенныя наблюденія формальнаго свойства въ связи съ привычками и взглядами царя Алексѣя.

Алексѣй Михайловичъ извѣстенъ, какъ авторъ многочисленныхъ писаній. По манерѣ изложенія, витіеватой и многорѣчивой, можно заподозрить въ немъ влеченіе къ литературному творчеству; въ дѣйствительности же писанія его имѣютъ дѣловой, практическій характеръ, и въ нихъ гораздо больше, чѣмъ игра воображенія, сказывается дѣятельная и вмѣстѣ—экспансивная

[1]) Ib., № 94, л. 4 об.: «а затѣмъ наша царская рука въ разрядной книгѣ будетъ потому, что в нынѣшней службе мѣст нѣт и быт всѣмъ безъ мѣстъ».

[2]) Нѣкоторые примѣры такихъ указовъ см. у Гурлянда, l. c., стр. 126, прим.

натура царя, которая требовала немедленной реализаціи переживаній и зачастую должна была дѣлать для него тягостнымъ обращеніе къ средствамъ офиціальнаго посредничества. Въ извѣстныхъ случаяхъ трудно представить себѣ, чтобы царь могъ спокойно дожидаться, пока овладѣвшую его вниманіемъ мысль обработаютъ по всѣмъ правиламъ искусства въ какомъ-нибудь изъ приказовъ; наоборотъ, чувствуется именно его темпераментъ, не допускающій отсрочекъ, когда онъ требуетъ, чтобы около него, по-близости, всегда были наготовѣ письменныя принадлежности и секретарь. Сопровождавшій царя въ одномъ изъ его „походовъ“ въ подмосковныя села подъячій пишетъ въ Тайный приказъ, чтобы оттуда прислали „3 ножницы, 2 ножа чистыхъ, да пять дестей бумаги, да воску чернаго (для печати)“, поясняя, что „ножницъ і ножиков ничего нѣтъ, да бумаги с полдести въ остатке“, и заканчиваетъ свою „памятцу“ просьбой къ одному изъ коллегъ по приказу: „пожалуй, государь, ізволь прислат поскорѣе, чтоб покамѣстъ не спросили“ [1]). Царь можетъ писать или диктовать и въ очень неподходящихъ, казалось бы, условіяхъ. Дьяка Дементья Башмакова онъ бралъ иногда съ собой въ церковь,—на случай, что понадобятся услуги секретаря. Одна изъ царскихъ грамотъ кн. Ю. А. Долгорукому дописывалась, напр., за всенощной, о чемъ писавшему ее дьяку даже было велѣно поставить адресата въ извѣстность: „писана сия припис на всенощном у Пресвятыя Богородицы Честного ея Покрова во время, егда воспѣли первый припѣв: Величаем тя Пресвятая Дѣво“... [2]). Сохранилось много писемъ Алексѣя Михайловича совершенно частнаго характера; но обширнѣе и содержательнѣе грамоты его къ разнымъ лицамъ, касающіяся предметовъ государственнаго управленія,—„указные письма“, какъ они иногда называются въ источникахъ [3]); имѣются также собственноручно составленные царемъ указы (черновики), которые, кстати сказать, онъ и начинаетъ, какъ полагалось по тогдашнему стилю, формулой: „указалъ государь“... [4]). Къ редакціи всѣхъ такихъ актовъ царь относился съ чрезвычайною тщательностью, почти всегда по нѣсколько разъ лично переписывая текстъ, или, что бывало чаще, заставляя другихъ переписывать

[1]) Г. А., XXVII, № 525, л. 7.
[2]) Ib., № 99, л. 38.
[3]) Ib., № 93, л. 28.
[4]) ib., № 86, ч. 1, л. 260.

его, всякій разъ—по новымъ передѣлкамъ, обыкновенно очень незначительнымъ. Была ли это только литературная щепетильность? Едва ли. У Алексѣя Михайловича было особое высокое представленіе о значеніи „царской руки". „Повелѣніемъ Всесильного, торжественно начинаетъ царь посланіе свое къ кн. Г. Г. Ромодановскому, і великаго і бесмертнаго і Милостиваго царя Царемъ і Государя Государемъ і всѣхъ всякихъ силъ Повелителя Господа Нашего Іисуса Христа писахъ сие письмо все многогрѣшный царь Алексѣй рукою своею" [1]), и потомъ, напоминая о собственноручномъ своемъ письмѣ, какъ о чрезвычайномъ выраженіи своего царскаго благоволенія, онъ укоряетъ Ромодановскаго, не оправдавшаго оказанной ему милости: „писаны къ тебѣ и посыланы наши государевы грамоты съ милостивымъ словомъ такіе, какихъ и къ господамъ твоимъ не бывало" [2]). По той же причинѣ царскія грамоты, хотя бы и переписанныя другими, требуютъ особаго вниманія къ себѣ и не должны быть предметомъ празднаго любопытства сторонніхъ людей: лица, ихъ получающіе, обыкновенно возвращаютъ ихъ, иногда по прямому предписанію царя—„прочетчи", прислать назадъ. И опять только какъ знакъ особаго благоволенія, дается иногда обѣщаніе: „аще дастъ Богъ да живи будемъ, впредъ отдадимъ" (т. е. возвращенную адресатамъ грамоту) [3]).

Во всемъ этомъ сказывается, безъ сомнѣнія, столько же темпераментъ царя, сколько и его общее политическое міровозрѣніе, въ развитомъ видѣ уже достаточно выясненное и извѣстное; но описываемый моментъ былъ, можно думать, рѣшающимъ въ самомъ процессѣ образованія этого міровоззрѣнія. До того времени, въ теченіе довольно долгаго періода, молодой царь проходилъ школу политическаго воспитанія подъ руководствомъ двухъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ (правда, и единственныхъ, способныхъ на такую роль)— Б. И. Морозова, который по волѣ обстоятельствъ долженъ былъ прятать свое дѣйствительное значеніе въ государственныхъ дѣлахъ подъ покровомъ личной дружбы съ царемъ, и п. Никона, который, нельзя въ этомъ сомнѣваться, въ частыхъ бесѣдахъ посвящалъ своего царственнаго друга въ свои теоре-

[1]) Г. А., XXVII, № 305, л. 27. Напеч. въ Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 770—771.

[2]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 774.

[3]) Ib., стр. 762; см. также 758, 771.

тическіе взгляды на положеніе верховной власти въ государствѣ, какъ и въ церкви. Въ согласіи съ живыми руководителями оказывали, повидимому, свое вліяніе на Алексѣя Михайловича и историческіе образцы. Объ опредѣленныхъ симпатіяхъ царя въ области русскаго прошлаго съ полной категоричностью сообщаетъ одинъ изъ иностранныхъ агентовъ, бывшій въ Москвѣ какъ разъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. «Царь, писалъ онъ, такъ увлекается чтеніемъ сочиненій по исторіи Грознаго и его войнъ, что навѣрное захочетъ идти по его стопамъ“ [1]). Это—въ области внѣшней политики; а вотъ наблюденія того же лица относительно политики внутренней: «царь, по натурѣ самолюбивый и по-варварски жестокій, слѣд. на все способный, долженъ находить наслажденіе въ повѣствованіяхъ изъ исторіи Ивана Васильевича и его тиранніи» [2]). Оставляя въ сторонѣ мнѣніе автора о моральныхъ свойствахъ Алексѣя Михайловича [3]), надо признать, что указанія его на отношеніе царя къ личности Грознаго имѣетъ подъ собой дѣйствительную почву. У царя Алексѣя, несомнѣнно, было живое чувство почтенія къ творцу идеологіи Московскаго самодержавія. Конечно, это чувство, а не просто желаніе замолить чужіе грѣхи, побуждало его время отъ времени служить паннихиды по своемъ далекомъ предшественникѣ [4]), и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлало его чувствительнымъ къ проявленіямъ неуважительнаго, хотя бы и заслуженнаго, отношенія къ памяти Ивана Васильевича. Когда на соборѣ, судившемъ Никона, читалась его грамота къ Константинопольскому патріарху Діонисію, царя задѣло употребленное въ ней выраженіе, что Грозный «неправедно» мучилъ митрополита Филиппа, и онъ съ возмущеніемъ говорилъ: „для чего онъ, Никонъ, такое безчестіе и укоризну блаженные памяти великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи написалъ“ [5]). Разумѣется, не моральная личность привлекала

---

[1]) Форстенъ: Сношенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII в. Ж. М. Н, Пр., 1898 г., май, стр. 341.

[2]) Ib., стр. 345.

[3]) Впрочемъ, о жестокости Алексѣя Михайловича говорятъ и другіе иностранцы, напр. см. у Пирлинга: Историческіе очерки и замѣтки.

[4]) Дневальныя записки Тайнаго приказа. Чтенія, 1908 г., кн. I, стр. 11.

[5]) Н. Ѳ. Каптеревъ: Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. II, стр. 340.

царя Алексѣя въ Иванѣ Васильевичѣ и скрашивала въ его глазахъ темныя дѣянія Грознаго царя: при всемъ различіи характеровъ, обоихъ сближало родство политическаго міровоззрѣнія и политическихъ задачъ. Не случайно поэтому изъ историческихъ документовъ въ архивѣ Тайнаго приказа оказались почти одни, относящіеся къ эпохѣ Грознаго; среди нихъ, въ частности, находимъ записку, „какъ великій государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ съ сыномъ своимъ Іоанномъ Іоанновичемъ изо Пскова изволили итти войною и полки отпустить подъ Нѣмецкіе городы..., и тѣ городы имали и ково въ тѣхъ городѣхъ воеводъ оставляли“ [1]); и еще, быть можетъ, больше скажутъ намъ своими заглавіями два другіе, внутренно связанные между собою, документа: „списокъ съ грамоты отъ Цареградскаго патріарха съ соборомъ ко царю Іоанну Васильевичу, что зватися ему царемъ“ [2]), и «столпикъ», въ которомъ «писаны государские титла, какъ писалі къ Полскимъ королемъ блаженные памяти г. ц. и в. к. Іванъ Васильевичъ и сынъ ево царь Ѳедоръ Іоанновичъ, і г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ» [3]). Въ 1657 г. царемъ Алексѣемъ учреждается такъ наз. Записной приказъ, назначеніемъ котораго было—«записывать степени и грани царственные» [4]); это та же самая идея, которая положена была въ основу составленной при Грозномъ же „Степенной книги царскаго родословія“.

Какъ видимъ, иноземный агентъ располагалъ довольно точными свѣдѣніями о политическомъ настроеніи царя. Съ началомъ войны и въ созданныхъ ею исключительныхъ условіяхъ, когда на царя сразу легла огромная и совершенно конкретно воспринимаемая отвѣтственность, его политическое міровоззрѣніе, до тѣхъ поръ слагавшееся подъ разными вліяніями и путемъ разрозненныхъ впечатлѣній, должно было пріобрѣсти цѣльность, и поведеніе—бо́льшую послѣдовательность. Еще въ 1653 г., въ виду выяснившейся неизбѣжности разрыва съ Польшей, царь готовился къ ожидавшей его роли и даже началъ было въ сдѣланной нарочно для того маленькой тетрадкѣ записывать свои мысли „о ратномъ дѣлѣ“, о томъ, „какъ оберегать истинную

---

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 15.

[2]) Ib., стр. 8.

[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 869.

[4]) О Зап. приказѣ у С. А. Бѣлокурова: Чтенія въ О. И. и Д., 1900 г. кн. 3.

и православную христианскую и непорочную вѣру и святую соборную и апостольскую церковь и всѣхъ православныхъ христіянъ и недругу бы быть страшну и объявить бы себя, великого государя, помощию всещедраго Бога и пресвятыя Богородицы и молитвами всѣхъ святыхъ, поспѣшением в храбрстве и в мужествѣ к ополчению ратному, такоже бы и людей своихъ объявить в ополчении ратном храбрствено и мужественно». Изъ тетрадки узнаемъ далѣе, что государь сталъ «сие благое дѣло мыслити и совѣтовать с бояры» съ понедѣльника первой недѣли великаго поста, а «соверьшися его государева мысль в семъ дѣле» въ понедѣльникъ третьей недѣли: въ этотъ день «призвавъ къ себѣ» «разрядныхъ» И. А. Гавренева и д. д. С. И. Заборовскаго, онъ „приказалъ“ имъ «сказать всему своему царскому синклиту свое государское повелѣніе—бояром и окольничим и думным людем и стольником и стряпчим и дворяном московским и жильцом и дияком и всему своему государеву двору, чтоб были готовы къ его государеву смотру со всею службою» [1]). Царь, безъ сомнѣнія, думалъ не только объ этомъ, и лишь не захотѣлъ или не сумѣлъ высказать всего, что надумалъ за эти двѣ недѣли; впрочемъ, то, что не сказалось словами, договариваетъ тонъ, въ какомъ ведется повѣствованіе. Послѣдній штрихъ къ картинѣ дается событіемъ, которое имѣло мѣсто уже во время похода и въ особенности заставляетъ вспомнить объ урокахъ изъ исторіи Грознаго: „іюля въ 1 день (1654 г.) государь царь и великіе князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіі указалъ, читаемъ въ походномъ дневникѣ, свое государское именованье во всяких дѣлех писати—всея великия и малыя Росіі самодержцемъ“ [2]), т. е. царь произвелъ формальную реставрацію самодержавія.

Фактически это было единственнымъ напоминаніемъ объ ограниченіи, принятомъ первымъ представителемъ династіи, что царь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ «писался самодержцемъ». Но имѣлось на лицо ограниченіе другого рода, налагавшееся на царя не политическими правами боярской ли думы, или всякихъ «чиновъ Московскаго государства», а инерціей законченнаго правительственнаго механизма. Этотъ механизмъ, внося въ управленіе затвердѣлый порядокъ прохожденія дѣлъ, несомнѣнно,

---

[1]) Г. А., XXVII, № 85, л. 1—4.
[2]) Ib., № 86, ч. I, л. 365.

былъ во многомъ стѣснителенъ для государя, который обладалъ бы темпераментомъ, какъ у Алексѣя Михайловича, и захотѣлъ бы, если говорить языкомъ Ивана Васильевича Грознаго, «самъ строить». При такихъ условіяхъ и свойства личнаго характера царя Алексѣя и усвоенныя имъ политическія предрасположенія дѣлаютъ вполнѣ естественнымъ появленіе органа, съ помощью котораго онъ могъ бы проявлять свою иниціативу какъ бы въ обходъ дѣйствовавшей системѣ. И зарожденіе такого органа мы наблюдаемъ въ первые же годы царствованія. Въ „Книгѣ, глаголемой урядникъ“, составлявшейся при участіи царя въ 1649—50 г., нѣсколько разъ упоминается „верьховый подъячій соколинаго пути“ или просто «верьховый подъячій» В. Ботвиньевъ [1]; судя по роли, какая ему здѣсь отведена, это—подъячій, постоянно состоящій при царѣ, на что указываетъ также и эпитетъ—«верьховый». Любившій, повидимому, съ молодыхъ лѣтъ окружать въ нѣкоторыхъ случаяхъ свои дѣйствія таинственностью [2]), царь тогда же сообщилъ Ботвиньеву «тайную азбуку» для секретныхъ порученій,—можетъ быть, первую изъ цѣлаго ряда изобрѣтенныхъ имъ впослѣдствіи. «Вотвиньеву, записано, напр., рукой царя въ «походной смотренной тетради 162-го году», велѣть роспись написать в помѣсном при(казѣ) не по руски» [3]). А съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, только что передъ выступленіемъ въ походъ возвратившійся изъ дипломатической поѣздки въ Малороссію Т. Перфильевъ получаетъ, какъ мы знаемъ, званіе „въ государеве имени дьяка“, и въ то же время въ его распоряженіе даются два подъячихъ, изъ которыхъ одинъ—знакомый намъ В. Ботвиньевъ. Другими словами, въ соотвѣтствіе съ новыми обстоятельствами вмѣсто полуофиціальнаго, можно бы сказать—домашняго, секретаря возникаетъ при государѣ уже цѣлое учрежденіе. Пока назначеніе этого учрежденія только намѣчается и, главнымъ образомъ,—титуломъ дьяка, а самая сфера дѣятельности еще не опредѣляется. Скоро, однако, кругъ проходящихъ чрезъ него дѣлъ получаетъ, просто путемъ практики, бо́льшую опредѣленность: спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Т. Перфильевъ надѣляется новымъ титуломъ—дьяка

[1]) Бартеневъ. Собраніе писемъ ц. Алексѣя Михайловича, стр. 102 104, 108 и др.

[2]) См. напр. таинственныя формулы въ «Урядникѣ», или «тарабарскія» письма А. М. У Бартенева, 1 с.

[3]) Г. А., XXVII, № 86, ч. I, л. 200.

Тайныхъ Дѣлъ, и теперь эта категорія—„тайныя дѣла“—по преимуществу начинаетъ обозначать собой сферу дѣятельности учрежденія, сообщая ему и соотвѣтствующее названіе.

Государевы тайныя дѣла, по непосредственному смыслу термина, прежде всего—дѣла, которыя вѣдаетъ лично государь. Въ случаѣ, если обнаруживался документъ, въ которомъ предполагалось „тайное государево дѣло“, требовалось „донести (его) до самого великого государя, не распечатавъ“ [1]). Конечно, тайныя дѣла могли стать извѣстными и другимъ лицамъ, но только по довѣрію государя: „въ нынешнемъ, государь, во 166-мъ году, пишетъ, напр., царю одинъ изъ воеводъ, пріѣхалъ, государь, на заставу с Волока-Ламскаго отъ тайныхъ дѣлъ подъячей Кирило Демидовъ, а привезъ съ собою твои, великого государя (т.), тайныя дѣла ис Царевича Дмитрѣева (т. е. отъ Ордина—Нащокина)..., а я, холопъ твой, принят и переписыват не смѣю, и о томъ мнѣ, холопу своему, какъ ты, великій государь, укажешь?“ [2]) Посылая грамоту изъ Тайнаго прикака кн. Ю. А. Долгорукому, царь наказываетъ: «и ты б, бояринъ нашъ і воевода, держалъ у себя тайно, чтобъ ее нихто б не вѣдалъ“ [3]). Но конечно, самыя типичныя изъ тайныхъ дѣлъ—тѣ, о которыхъ пишутъ съ помощью тайной азбуки, и къ нимъ въ особенности приложимы указанные признаки. Царь нарочно отправилъ къ Ордину-Нащокину тайную азбуку съ подъячимъ Тайного приказа Ю. Никифоровымъ, сопровождая посылку слѣд. наставленіемъ: «и ты бъ тоѣ азбуку и писмо за нашею государевою печатью у подъячего у Юрья принялъ і вѣдалъ одинъ тайно, и по той азбуке о нашихъ великого государя о тайныхъ о всякихъ дѣлехъ писалъ къ намъ, великому государю, въ приказъ Тайныхъ Дѣдъ потому жъ одинъ“ [4]). Какъ заполнялась конкретно эта сфера вѣдомства, очерчиваемая понятіемъ тайныхъ дѣлъ, на примѣрѣ перваго дьяка Тайного приказа мы не видимъ; но передъ нами открыта происходившая въ такихъ же условіяхъ дѣятельность его преемника, Дементья Башмакова, который, подобно Т. Перфильеву, сопровождалъ царя въ его третьемъ походѣ (1656 г.) и также—съ двумя подъячими. [5]).

---

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 684.
[2]) Г. А., XXVII, № 119, л 9.
[3]) Ib., № 127, л. 99.
[4]) Чтенія въ О. И. и Д Р., 1901 г., кн., I: смѣсь, стр. 15.
[5]) А. М. Ю., Моск. ст., № 745, столпикъ 2, л. 38.

Руку Башмакова мы постоянно находимъ въ дѣлахъ третьяго похода: имъ частью написаны, частью правлены походныя „дневальныя записки", списки служилыхъ людей, доклады изъ отписокъ разныхъ лицъ о ходѣ военныхъ дѣйствій, походный маршрутъ, журналъ похода изъ подъ Риги въ Москву и т. п. [1]). Нѣкоторые изъ перечисленныхъ документовъ, относясь къ внѣшнему распорядку въ походной жизни царя, если могутъ быть названы тайными, то исключительно развѣ въ формальномъ смыслѣ,—какъ вышедшіе изъ личной канцеляріи царя; наоборотъ, другіе, характеризуя своимъ содержаніемъ общій планъ и высшее руководство военными дѣйствіями, являются «тайными дѣлами» по-существу, и, несомнѣнно, по-преимуществу въ нихъ заключается разъясненіе, почему дьякъ «въ государеве имени» получилъ свой второй титулъ—дьяка Тайныхъ Дѣлъ.

Итакъ, Тайный приказъ явился, чтобы содѣйствовать царю въ непосредственномъ осуществленіи его личной иниціативы въ управленіи и въ дальнѣйшемъ будетъ, очевидно, имѣть дѣло преимущественно съ той областью государственной жизни, на которой въ тотъ или другой моментъ сосредоточено активное вниманіе государя. Сформировавшись въ условіяхъ, созданныхъ войной, онъ съ самаго начала и заявляетъ о себѣ, главнымъ образомъ, въ области военнаго управленія. Въ этой роли онъ рисуется на первыхъ порахъ очень скромнымъ по составу учрежденіемъ,—коллегіей изъ дьяка и двухъ подъячихъ; скоро, однако, мы находимъ его на пути къ превращенію въ болѣе сложную организацію. Среди разныхъ дѣлъ опись отмѣтила, между прочимъ, „столпъ, а въ немъ писма, каковы посыланы изъ приказу тайныхъ дѣлъ къ великому государю въ походъ въ Полшу, и выписки исъ челобитенъ, записки памятные, бѣлые и черные, и подъяческіе грамотки изъ походовъ и въ походъ изъ приказу тайныхъ дѣлъ о всякихъ дѣлѣхъ» [2]). Значитъ, въ походѣ съ государемъ—только уже часть приказнаго состава, другая остается въ Москвѣ, и черезъ нее государь, занятый войной, какъ бы поддерживаетъ непосредственное соприкосновеніе съ остальными областями управленія [3]). Въ приведенномъ

---

[1]) Г. А., XXVII, № 86, ч. I и II; лл. 1—9, 10—46, 47—55, 59—88, 89—104 и др.

[2]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 15.

[3]) Иногда въ первые годы, можетъ быть на время своего отсутствія, государь оставляетъ въ приказѣ, въ качествѣ довѣреннаго лица, кого-

документѣ только въ очень общихъ чертахъ намѣчается кругъ дѣлъ, которыя шли изъ приказа къ государю въ походъ, и другіе источники не позволяютъ сколько-нибудь раскрыть ихъ содержаніе. Но ясно все же, что въ первые годы дѣятельность его, даже и въ сферѣ военной, остается еще въ довольно тѣсныхъ рамкахъ: объ этомъ говоритъ, съ одной стороны, незначительность приказнаго штата—въ 1656 г., кромѣ дьяка, въ приказѣ не больше 5 подъячихъ (В. Ботвиньевъ, Ѳ. Козанецъ, А. Аѳанасьевъ, Ю. Никифоровъ [3]) и, можетъ быть, Т. Истоминъ), такъ что дьякъ Тайныхъ дѣлъ вынужденъ иногда самъ принимать участіе въ веденіи приходо-расходныхъ книгъ [4]); съ другой стороны, руководящая роль въ организаціи тыла (продовольствіе и наборъ войскъ), такъ тѣсно связанной съ ходомъ войны, возложена, повидимому, не на приказъ (т. е. не на оставшуюся въ Москвѣ часть приказа), а на „собиннаго друга» царя, п. Никона [5]).

нибудь изъ ближнихъ людей, указывая передавать направлявшіяся сюда отписки этому лицу вмѣстѣ съ дьякомъ Тайныхъ Дѣлъ. Въ такой роли, въ одни и тѣ же годы—1657 и 1658-й, встрѣчаемъ Ѳ. М. Ртищева (Доп. къ А. И., т. IV, ст. 399—400) и Ю. И. Ромодановскаго (Г. А. XXVII, № 119, л. 118, и С. А. Бѣлокуровъ, Чтенія въ О. И. и Д. Р., 1900 г., кн. 3, стр. 65). Имя Ю. И. Ромодановскаго, не имѣвшаго отношенія къ Приказу Большого Дворца, какъ и Томилы Перфильева, бывшаго раньше дьякомъ Приказа Казанскаго Дворца, служитъ, между прочимъ, доказательствомъ того, что между Тайнымъ приказомъ и Приказомъ Большого Дворца нельзя установить внутренней связи,—по крайней мѣрѣ тѣмъ путемъ, какимъ идетъ Гурляндъ, приходя къ своему выводу, что Тайный приказъ былъ «какъ бы новымъ отдѣленіемъ Приказа Большого Дворца» (I. с. стр. 65).

[3]) Юрій Никифоровъ и Протасій Никифоровъ—не разныя лица, какъ принимаетъ Гурляндъ, а одно и то же лицо. См. Р. И. Б., т. 21, ст. 695

[4]) Р. И Б., т. 21, ст. 180.

[5]) См., напр., Зап. Отд. Р. и С А., т. II, стр. 591—3. Гурляндъ находилъ возможнымъ опредѣлять компетенцію Тайнаго приказа даже за одинъ первый годъ (1655 г.) его существованія съ большей подробностью, выбирая для этой цѣли изъ Зотовской описи всѣ документы съ начала царствованія Алексѣя Михайловича, а изъ полной (по его терминологіи—центральной), напечатанной въ 21-мъ т. Р. И. Б.,—«различные смотрѣнные списки и описанія похода“, «документы, касающіеся приготовленій царя къ первому большому походу» («малыми» авторъ, повидимому, считаетъ потѣшные походы), „всякаго рода указы царя по вопросамъ дворцоваго хозяйства», «переписку» съ кн. Б. А. Репнинымъ за 160—2 г. и др. боярами, наконецъ, какъ заслуживающія «особаго вни-

Съ прекращеніемъ военныхъ походовъ государя, когда онъ начинаетъ руководить ходомъ событій изъ Москвы, т. е. приблизительно съ 1657 г., компетенція приказа все болѣе розростается и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ пріобрѣтаетъ чрезвычайно широкіе размѣры. Однако, и за это время кругъ подлиннаго его вѣдомства съ трудомъ поддается точному опредѣленію. Тотъ источникъ, который, казалось бы, долженъ былъ съ наибольшей точностью воспроизвести его,—первоначальная опись, и создаетъ прежде всего затрудненіе. Составители описи подвергли найденный ими въ архивѣ приказа матеріалъ классификаціи, распредѣливъ дѣла по приказамъ, и среди полученныхъ такимъ путемъ нѣсколькихъ категорій („дѣла“ приказовъ: Посольскаго, Малороссійскихъ городовъ, Хлѣбнаго, Разряда, Стрѣлецкаго, Рейтарскаго, Иноземскаго и, «Сыскныя дѣла») выдѣлили, какъ мы уже знаемъ [1]), въ особую категорію «дела Приказу Тайныхъ Дѣлъ“, тѣмъ самымъ сдѣлавъ, на первый взглядъ, ненужными дальнѣйшіе розыски по вопросу о компетенціи приказа. Въ дѣйствительности значеніе ихъ классификаціи не столь рѣшительное. По первому впечатлѣнію, основаніемъ для нея служила принадлежность дѣлъ учрежденіямъ по производству, откуда должно бы слѣдовать, что всѣ тѣ документы, которые не вошли въ категорію Тайнаго приказа, въ немъ не производились и попали сюда изъ другихъ приказовъ. Правда, и въ этомъ случаѣ компетенція приказа отличалась бы значительнымъ разнообразіемъ: подъ указанной рубрикой находимъ документы, касающіеся частью личныхъ отношеній царя, частью—дѣлъ военныхъ, финансовыхъ и помѣстныхъ; но безусловно подавляющее большинство ихъ—документы хозяйственнаго характера, а потому, опираясь на классификацію описи, пришлось бы признать вѣдомство Тайнаго приказа по-преиму-

---

манія», 16 «сыскныхъ дѣлъ“, относящихся „къ 155—162“. Пріемъ—очень характерный для автора: для характеристики компетенціи учрежденія за опредѣленный періодъ времени привлекаются документы, или вышедшіе за нѣсколько лѣтъ до появленія этого учрежденія и неизвѣстно когда и по какому поводу сюда попавшіе, или вымышленныя авторомъ („всякаго рода указы царя по вопросамъ дворцоваго хозяйства»). Въ то же время почему-то или совершенно игнорируются важныя и многочисленныя дѣла другихъ категорій отъ тѣхъ же лѣтъ (посольскія и малороссійскія), также отмѣчаемыя описью, или изъ многихъ дѣлъ опредѣленной категоріи отбирается незначительная часть (дѣла разрядныя).

[1]) См. выше, стр. 11.

ществу хозяйственной организаціей, и, исходя отсюда, можно-бы даже ставить вопросъ, почему и какимъ образомъ въ его архивѣ оказались дѣла остальныхъ категорій. Другія наблюденія вносятъ, однако, существенную поправку въ этотъ выводъ. Среди документовъ Посольскаго приказа и Разряда, перечисленныхъ подъ этими рубриками описью и въ настоящее время хранящихся въ разныхъ архивахъ, въ очень большомъ количествѣ разбросаны подлинные же документы соотвѣтствующаго содержанія, вышедшіе, несомнѣнно, изъ Тайнаго приказа. Значитъ, опись значительную часть дѣлъ Тайнаго приказа отнесла,—уже не по производству, а по содержанію,—къ другимъ приказамъ и, суживая такимъ образомъ дѣйствительные предѣлы его вѣдомства, не можетъ потому служить безусловнымъ основаніемъ при ихъ возстановленіи. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ, въ качествѣ источника, записныя книги приказа.

Какъ раньше говорилось, записныя книги 1663-мъ годомъ рѣзко дѣлятся на двѣ, несходныя по содержанію, части, изъ которыхъ послѣдняя, въ полномъ согласіи съ описью, выдвигаетъ на первый планъ хозяйственную дѣятельность приказа въ предѣлахъ извѣстной намъ территоріи. Дѣла, съ которыми знакомитъ насъ первая часть, носятъ, наоборотъ, общегосударственный характеръ и, за небольшими исключеніями, могутъ быть сведены въ двѣ группы: дѣла военно-административныя и дипломатическія. По условіямъ времени, первыя, естественно преобладаютъ. При всей краткости и несомнѣнной неполнотѣ относящихся сюда записей, ихъ общій смыслъ совершенно ясенъ: передъ нами—картина высшаго и при томъ систематически осуществляющагося руководства въ различныхъ отрасляхъ управленія, захваченныхъ войной. Сборы и передвиженія войскъ, закупка и производство боевыхъ запасовъ, организація продовольствія войскъ, изысканіе средствъ и раздача денежнаго жалованья, отдѣльныя военныя операціи и общее настроеніе ратныхъ людей, наказы посламъ и переписка съ ними—таковы постоянные предметы исходящихъ изъ приказа государевыхъ грамотъ и указовъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, сказать: записныя книги даютъ намъ не картину всей этой сложной дѣятельности, а схему, которая конкретнымъ содержаніемъ и въ какой угодно мѣрѣ можетъ

п лнена уже по подлиннымъ документамъ (частью напечатаннымъ во 2 и 3 томахъ Акт. Моск. Государства). Съ другой стороны, въ источникахъ этого періода достаточно ясно

обозначаются и тѣ внутреннія условія, которыя содѣйствуютъ расширенію круга дѣятельности приказа, и самые пріемы его дѣйствій, вырабатывавшіеся въ соотвѣтствіи съ этими условіями, и, наконецъ, то положеніе, въ какое онъ, выполняя означенныя функціи, сталъ по отношенію къ учрежденіямъ съ аналогичной спеціальной компетенціей.

Война, прежде всего, привила царю интересъ къ военному дѣлу, хотя, можетъ быть, интересъ этотъ и не выросъ у него до размѣровъ пристрастія. Царь, несомнѣнно, хотѣлъ быть понастоящему освѣдомленнымъ въ военномъ искусствѣ, и теоретически и практически. Такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ, и въ этомъ, недовольствуясь домашней техникой, онъ разсчитываетъ на Западъ, этотъ неистощимый источникъ всякихъ хитростей. Здѣсь снова мы встрѣчаемся съ Гебдономъ, въ роли исполнителя царскихъ порученій,—узнаемъ, напр., что въ 166-мъ году царь наказывалъ ему привезти изъ-за границы среди другихъ предметовъ „книгу ратную“, которая должна была раскрыть передъ ея будущимъ высокимъ читателемъ всѣ тайны военнаго искусства. По соображеніямъ царя, она должна заключать въ себѣ 4 части: „по которой суды воинскіе держатъ — первую часть; другую часть,—по которой всякие огненные хитрости дѣлать, какъ город имат и из города, в осаде будучи, боронитца; третью часть,—какие пушки надобно ко всякой войнѣ к походной і в обозе і в полкѣхъ и о гордовом взятьѣ, и какими лехкими снастми ихъ возить; четвертую часть, — образцовъ обозовъ мудрых и осторожных какъ ставить“; для большей наглядности царь вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ бы, чтобы „всѣ четыре части со всѣмъ указом были б в лицах, какъ что дѣлать“; а сверхъ того, при книгѣ долженъ быть, разумѣется, и особый мастеръ, „чтоб умѣл по тѣм книгамъ всякие составы составливать и дѣлать“ [1]). Неизвѣстно, разыскалъ ли Гебдонъ въ Европѣ такую книгу, какую заказывалъ ему царь; но въ приказномъ архивѣ комиссіей, было найдено нѣсколько сочиненій военнаго содержанія: „книга судебная и о ратномъ ополченіи и о всякихъ урядствахъ, 114 году; переведена съ немецкого языку на Руской языкъ при царѣ і в. к. Василье Ивановиче всеа Росиі“; „книга о селитреномъ варенье и о пороховомъ дѣле 161-го году, что поднесъ

[1]) Г. А., XXVII, № 118, ч. II, лл. 70—71.

великому государю бояринъ Юрьи Алексѣевичъ Долгоруково“ [1]; „книга о наряде и о огнестрѣльной хитрости“ [2]) и „роспись образцовымъ артолорейскимъ пушкамъ со всякими запасы, что к такому строенью надобно“ [3]). Царь, повидимому, думалъ даже о распространеніи теоретическихъ свѣдѣній по военному искусству въ войскахъ, для чего надо, думать, въ Тайный приказъ доставлено было, по спеціальному государеву указу (отъ 16 сент. 1658 г.), изъ Патріаршаго приказа „тысяча книгъ печатных ратново строю“ [4]),—вѣроятно переведеннаго въ 1647 г. нѣмецкаго военнаго устава подъ названіемъ „Ученіе и хитрость ратнаго строенія“. Царь и практически знакомился съ пріемами ратнаго строя и огнестрѣльной хитрости. Нерѣдко то на „государевомъ дворѣ“, то на Дѣвичьемъ полѣ устраивались смотры, когда передъ государемъ должны были проходить „военнымъ строемъ“ салдацкіе полки и стрѣлецкіе приказы. На смотрахъ же производились опыты съ огнестрѣльными орудіями и снарядами, и для этой цѣли иногда экстренно царь требовалъ съ заводовъ тѣхъ или другихъ „припасовъ“; такъ, однажды, напр., въ Тулу отправленъ былъ нарочный—съ указомъ изъ Тайнаго приказа (7 марта 1658 г.): „взяти с Тулы от желѣзново дѣла сто гранатовъ ручныхъ, да пятдесят середних, что ногами пихаютъ, и привесть тѣ гранаты к Москве марта к 12-му числу, а на Москвѣ отдат Приказу наших в. г. тайных дѣлъ дьяку Дементью Башмакову“ [5]). Усиленно рекрутируютъ руководителей-иноземцевъ, желая имѣть спеціалистовъ непремѣнно перваго сорта. Еще въ 1646 г. царскій тесть И. Д. Милославскій ѣздилъ въ Голландію нанимать опытныхъ „капитановъ“ и солдатъ 20 человѣкъ „добрыхъ самыхъ ученыхъ“ [6]), а въ 1658 г. тотъ же Милославскій старается раздобыть для царя и тамъ же—въ Голландіи „инженеровъ такихъ, что во всей Европіи другихъ такихъ не буд(етъ)“ [7]). Въ росписи, данной Гебдону въ томъ же году, самъ царь высказываетъ свои пожеланія по этой части, формулируя ихъ съ отличающими его мышленіе конкретностью и нѣкоторой

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 179.
[2]) Ib., ст. 681.
[3]) Ib., ст. 128.
[4]) Г. А., XXVII, № 119, л. 8.
[5]) Ib., № 512, дѣло 1, л. 82; ср. лл. 84, 93—4, 147—8.
[6]) Доп. къ А. И., т. III, № 49.
[7]) Ib., т. IV, № 49.

затѣйливостью. Гебдонъ долженъ „призвать изъ нѣмецкихъ земель“: „полковниковъ самыхъ добрыхъ и ученыхъ ратному строю“, „огнестрѣльныхъ мастеровъ разумныхъ, которые б умѣли стрелять из верховова и ис полковова наряду далеко и целно“, „гранатныхъ мастеров отзывных (т. е. съ аттестатами?), которые составляютъ составы, какъ стрелять изъ верховых и ис полковых пушек и чтоб пинарды (петарды?) мудрые і прыткие составливали, также бы и под корабли приверчивать умѣли“, „городовыхъ промышленниковъ, чтоб могли не во многие дни городъ взять“ [1]). Царь хотѣлъ бы вооружить свои войска и всякими другими техническими изобрѣтеніями Запада, о какихъ зналъ по наслышкѣ или какія подсказывало ему его живое воображеніе: Гебдону же поручаетъ онъ, напр., привезти „снастей подкопныхъ таких, которыми б мошно итти крѣпкими самыми мѣсты на день человѣку по две сажени, а в просторных мѣстех сажен по 10 в сутки“; еще: „стекло такое, какъ под городъ пришел і чтоб в городе мочно высмотрить все: станет тот город головою вниз, и человѣка мочно поставит вниз головою“, или: «трубочекъ маленкихъ смотрилныхъ: какъ смотрит ис шанец, и еѣ зажать в руку, чтоб не знат было» [2]). Его интересуютъ даже такія детали военнаго обихода на Западѣ, какъ „платье салдацкое, в чемъ шпанские салдаты ходятъ“ [3]). По его же иниціативѣ, можемъ думать, составлялась оказавшаяся также въ архивѣ Тайнаго приказа „книга... о Оружейномъ дому, въ чемъ быти устроеннымъ наряду і всякимъ ратнымъ припасамъ“ [4]), и знаемъ навѣрное, что „по наряду“ изъ того же приказа строился Гранатный дворъ [5]). Послѣ того естественно, что царь считаетъ себя, въ той или другой мѣрѣ, спеціалистомъ въ военномъ дѣлѣ. Остался, напр., памятникъ его упражненій въ стратегіи—тетрадь, на страницахъ которой онъ старался изобразить расположеніе военныхъ таборовъ [6]). Ему представлялись росписи „зелью и инымъ припасомъ, которые надлежат к пороховому дѣлу“, и въ этихъ росписяхъ находимъ измѣненія или

[1]) Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 1.
[2]) Ib., № 118, ч. IV, л. 43—4.
[3]) Ib., № 118, ч. II, л. 2.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 681.
[5]) Ib., ст. 1011.
[6]) Г. А., XXVII. № 82.

поправки, сдѣланныя его рукою [1]). Онъ можетъ даже, при случаѣ написать разсужденіе о пріемахъ стрѣльбы въ поученіе ратнымъ людямъ: „и полковникомъ и головамъ стрѣлецкимъ, читаемъ, напр., въ царской грамотѣ Ю. А. Долгорукому, надобно крѣпко знать тоѣ мѣру, какъ велѣть запалить, а что палятъ въ двадцати саженяхъ, и то самая худая, боязливая стрѣлба, по конечной мѣрѣ пристойно въ десять сажень, а прямая въ пяти и въ трехъ саженяхъ, да стрелять надобно ниско, а не по аеру“ [2]).

Отзываясь на спеціальныя нужды, выдвигавшіяся войной, царь Алексѣй обнаруживаетъ въ то же время достаточно чуткости въ воспріятіи тѣхъ тенденцій, въ направленіи которыхъ складывались тогдашнія международныя отношенія и по мѣрѣ осуществленія которыхъ Россія все замѣтнѣе дѣлалась активнымъ членомъ въ семьѣ европейскихъ государствъ. Онъ въ полной мѣрѣ давалъ себѣ отчетъ въ значеніи вопросовъ, фактически уже при немъ ставшихъ основными въ русской политикѣ,—балтійскаго и малороссійскаго, и учитывалъ создававшіяся одновременной постановкой обоихъ условія ихъ практическаго разрѣшенія. Поставленный передъ двумя одинаково важными, но несовмѣстимыми задачами, онъ совершенно сознательно и въ согласіи съ усвоенными имъ взглядами и симпатіями выбралъ для себя одну, предоставивъ времени другую, при чемъ выраженіемъ заключающагося въ нихъ конфликта и принятой царемъ линіи поведенія явилась произведенная имъ въ рѣшительный моментъ смѣна, въ роли руководителей русской дипломатіи, яркаго западника, какъ Ординъ-Нащокинъ, менѣе яркимъ, но не менѣе стойкимъ націоналистомъ, какъ Матвѣевъ. Съ другой стороны, въ сферѣ мирныхъ сношеній, выходя изъ рамокъ отдѣльныхъ культурныхъ заимствованій, примѣрами какихъ богато и предыдущее царствованіе, Алексѣй Михайловичъ проявляетъ уже не исчерпывающійся потребностями текущей минуты интересъ къ Западному быту и несомнѣнное тяготѣніе, хотя еще и остающееся подъ контролемъ мнительной осторожности, къ болѣе тѣсному и постоянному культурному общенію съ Западнымъ міромъ. Убѣжденный теоретикъ Московскаго самодержавія, принимаемаго имъ въ специфической окраскѣ націоналистическихъ традицій, царь Алексѣй не прочь, однако, усвоить себѣ нѣкоторые

[1]) Ib., № 83.
[2]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 764.

изъ внѣшнихъ аттрибутовъ Западнаго монарха и воспроизводить въ обстановкѣ своего дворца этотъ образецъ. По росписи, посланной изъ Тайнаго приказа Гебдону, тотъ долженъ былъ, напр., достать царю „кружив, в каких ходит шпанской корол і французской і цесарь, протозанов, с какими перед ними и около их ходят", также—„рукавицъ хороших нитяных королевских" и „королевских попон (одѣялъ) бархатных і тканых и простын хороших"; онъ хотѣлъ бы имѣть трубы и литавры—тоже королевскіе, „мѣста (троны) королевские розных государей", всю „убойку полатную королевскую", наконецъ, „кореты дорогие королевские" [1]). Не довольствуясь заграничными впечатлѣніями пословъ, излагавшимися въ ихъ статейныхъ спискахъ, царь принимаетъ мѣры, чтобы получить точныя свѣдѣнія о западной жизни, собранныя систематически и надежнымъ человѣкомъ. Подъячему Тайнаго приказа Юрію Никифорову, отправлявшемуся при „полномочныхъ послахъ" въ Англію, въ приказѣ, между прочимъ, дана была „книга космографія в лицах и разцвѣчена красками розными, и на печатных листах на других страницах подписано по руски, которые тѣ государствы и тѣх земель людей к чему обыкновение и что каких плодов в тѣх землях и иных вещей есть",—такая книга была дана «для того, чтоб ему, будучи въ государствах, в которых он будет, тово, что в той космографіи описует, в тѣх государствах досмотрѣть» [2]). И изъ событій политической жизни Западной Европы царь реагируетъ не только на тѣ, которыя непосредственно затрагиваютъ интересы Россіи, а и на тѣ, которыя имѣютъ мѣстное значеніе. Извѣстно, какъ сурово отнеслось Московское правительство къ англичанамъ въ связи съ событіями англійской революціи, и мы можемъ догадываться, что эти событія сильно захватили прежде всего царя: недаромъ именно въ Тайномъ приказѣ впослѣдствіи оказалось сказаніе «о казни короля Аглинскаго, какъ ему свои люди голову отсѣкли въ 157 году» [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ царь очень чувствителенъ и къ тому, какъ воспринимаются за-границей событія изъ русской жизни, даже пробуетъ пользоваться заграничной прессой, чтобы путемъ фальсифицированныхъ извѣстій воздѣйствовать на общественное мнѣніе Европы въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ. Онъ предвидитъ, напр., что тамъ бу-

[1]) Г. А., XXVII, № 118, ч. II, лл. 1—6.
[2]) М. А. М. И, Д., Англійскія дѣла, 1662 г., № 5.
[3]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 20.

дутъ много говорить о разгромѣ Шереметева подъ Чудновымъ, и въ цѣляхъ разсѣянія нежелательныхъ толковъ все тому же Гебдону посылается изъ Тайнаго приказа государева грамота, на этотъ разъ—съ порученіемъ совсѣмъ не коммерческаго характера: «какъ к тебѣ ся наша грамота придетъ, а авизы печатные в немецких государствахъ і в ыных городѣхъ о побое боярина нашего і воеводы Василья Борисовича Шереметева с товарищи и нашихъ великаго государя ратныхъ людей их полковъ учнут выходит, и ты б тѣ авизы покупал и после тѣх авиз велѣл напечатат авизы другие по образцовому писму, каково к тебѣ послано подъ сею... грамотою». Онъ знаетъ, что за новые авизы «доведетца и дать», но идетъ на это, лишь бы «во всѣхъ государствахъ то было явно» [1]).

Всѣ эти и другія подобныя наблюденія позволяютъ думать, что царь Алексѣй и по степени политическаго чутья, и по направленію своихъ практическихъ интересовъ стоялъ, въ извѣстной мѣрѣ, на уровнѣ тѣхъ требованій, какія предъявлялись правителю государства внѣшними обстоятельствами описываемаго періода. Зато среда, при посредствѣ которой ему приходилось править, Московское боярство, рѣшительно не оказывалась, повидимому, на должной высотѣ. Принципіально, въ системѣ политическаго міровоззрѣнія царя, боярство является естественной средой, черезъ которую дѣйствуетъ царская власть. Боярская «честь» или званіе боярское, конечно, обусловливается «отечествомъ», но это—только одно изъ условій: царь настаиваетъ, что честь боярская существуетъ «не просто», т. е. имѣетъ оправданіе не сама въ себѣ, а „дается произволеніемъ... Небесного Владыки и нашимъ тлѣннымъ призываньемъ“ подъ нравственнымъ обязательствомъ—«дѣло Божіе исправляти съ радостію и разсуждати люди Ево святые въ правду». Онъ убѣжденъ, что, „нарицая и обѣщевая честь“, государь дѣйствуетъ не произвольно: въ этомъ случаѣ самъ Богъ обращаетъ „сердце государское ко всякой милости“ и, слѣд., въ „призываніи“ тлѣннаго царя проявляется въ собственномъ смыслѣ Божественное „произволеніе“. Такимъ образомъ, традиціонный порядокъ, согласно которому „думные и родословные люди“ образуютъ кругъ постоянныхъ сотрудниковъ царя, получалъ божественную санкцію, и обѣ стороны оказываются настолько тѣсно связанными въ воззрѣніяхъ

[1]) См. Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 16; напеч. у Гурлянда: Иванъ Гебдонъ

Алексѣя Михайловича, что, пытаясь уяснить себѣ принципы собственнаго поведенія, онъ не можетъ не думать о своихъ боярахъ,—думаетъ за одно, „какъ надо, по его выраженію, жить намъ, государю, и вамъ, бояромъ“. По обязанностямъ, какія налагаются на бояръ ихъ „призываньемъ“ или, иначе, ихъ честью, они—холопы государя и обязаны ему „послушаніемъ и покореніемъ“; онъ можетъ наказывать ихъ «за неразсмотрѣнье и нерадѣніе»; но честь боярская—„вѣчная“, т. е. самый институтъ боярства долженъ сохранять свое мѣсто въ государственной жизни всегда [1]). А между тѣмъ реальныя впечатлѣнія, полученныя царемъ во время походовъ, совсѣмъ не сходились съ этими его отвлеченными представленіями. Уже вскорѣ по выступленіи въ первый свой походъ царь, присмотрѣвшись къ настроенію сопровождавшихъ его бояръ, писалъ кн. А. Н. Трубецкому: „а у насъ ѣдутъ с нами отнюдъ не единодушіем, наипаче двоедушіем, какъ есть оболока, овогда благопотребнымъ воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда паче же зноемъ и яростью и ненастьем, всяким злохитренным обычьем Московским явятся, овогда злымъ отчаяніем и погибелью прорицают, овогда тихостію и блѣдностію лица своего отходятъ лукавым сердцем“ [2]). Впослѣдствіи бояре представили царю не мало доказательствъ правильности этой характеристики, и ему много разъ приходилось отмѣчать въ ихъ поведеніи черты, гибельныя для государственныхъ интересовъ [3]). Застывшая въ своей сослов-

---

[1]) См. Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, главнымъ образомъ, письма царя къ И. И, Лобанову-Ростовскому, В. Б. Шереметеву и Ю. А. Долгорукому.

[2]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 716.

[3]) Вотъ еще общій отзывъ о боярствѣ, принадлежащій, судя по стилю и нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, также царю и относящійся, по всей вѣроятности, къ 1656—7 г.: «Не просто, что промышленники являютъ удержательным ратем, то суду Праведному Божию предлежитъ. Одново помазанника Божия промыслъ и счастие пути явно в мірѣ. Блажен слуга тот, иже заповѣди Господа своего Христа, крѣпкихъ запоров отворения дверей ключи счастія (?) объявил Бог боярину князю Алексѣю Никитичу (т. е. Трубецкому), носит. Даятел милосердъ всѣм равно хощет, да не всякъ приемлетъ, по апостолу: кто каково сердце в себѣ имѣетъ, такову и службу относит. Тайное радѣние открываетца явно дѣлом. Велико неразсмотрение! Сами блиско быт не хотят, гдѣ мѣсто скорому промыслу, а перед собою иного ненавидя, до конца промыслъ разрушаютъ. Только то правда назвать без хитрости и поставлены не на то, что неразсмотрительнымъ быть, что истине не вѣрят; явная злость и дѣлом прямым обличатча можетъ». А. М. Ю., Моск. ст., № 279, л. 3.

ной исключительности и въ мелочныхъ взаимныхъ счетахъ, эта среда не блистала государственными дарованіями и на служебномъ поприщѣ, въ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ, заявляла себя близорукостью или пустымъ тщеславіемъ гораздо чаще, чѣмъ проницательностью и чувствомъ долга. Такимъ боярство Алексѣевскаго времени представляется и стороннимъ наблюдателямъ русской жизни. «Вся бѣда Московскаго государства, писалъ въ 1660 г. шведскій посланникъ Эберсъ, въ томъ, что у царя нѣтъ умныхъ и понимающихъ что-нибудь совѣтниковъ, кромѣ одного только Бориса Ивановича Морозова; остальные пренебрегаютъ всѣмъ этимъ и проводятъ свое время въ питьѣ и ѣдѣ» [1]). По сообщенію Эберса, когда въ Москвѣ начались новыя приготовленія къ войнѣ съ Польшей, «царь находилъ мало поддержки въ дворянствѣ и духовенствѣ. Общіе интересы государства, продолжаетъ онъ, мало кого вдохновляютъ, и царь остается одинокимъ» [2]).

Согласно своимъ принципіальнымъ взглядамъ, царь, однако, оставляетъ за боярствомъ его официальное положеніе: попрежнему, за немногими лишь исключеніями, «прирожденные» бояре заполняютъ высшія государственныя должности, и также собирается боярская дума,—правда, для обсужденія чрезвычайныхъ вопросовъ теперь обыкновенно въ составѣ избранныхъ «ближнихъ» людей. Зато царь постепенно все усиливаетъ свое личное участіе въ управленіи государствомъ, осуществляя его поверхъ обычныхъ путей, и въ соотвѣтствіи съ этимъ все шире раздвигаются рамки вѣдомства Тайнаго приказа. Дѣйствія воеводъ и посланниковъ берутся подъ очень бдительный и систематическій надзоръ. Царю должно быть извѣстно все, на театрѣ ли военныхъ дѣйствій или на дипломатическихъ съѣздахъ. Всякій, кому дается болѣе или менѣе отвѣтственное порученіе, получаетъ непремѣнно и наказъ—«писать великому государю почасту» и «съ нарочными гонцы»; а сверхъ того, отъ царя могутъ явиться къ воеводѣ, спеціальные гонцы съ требованіемъ, чтобы «отписалъ» въ Тайный приказъ «на спѣхъ», „что у него дѣлаетца“ [3]).

Документъ представляетъ изъ себя отрывокъ, тщательно переписанный рукой одного изъ подъячихъ Тайнаго приказа, и находится среди дѣлъ приказа.

[1]) Форстенъ, l. c. Ж. М. Н. П., 1898 г., май, стр. 74.

[2]) Ib., Ж. М. Н. П., 1898 г., іюнь, стр. 316.

[3]) А. М. Ю., Моск. ст.. № 279, лл. 40—41, 72; Бѣлг. ст., № 602; л. 95; Г. А, XXVII, № 92 bis, л. 202 и др.

Неаккуратность въ донесеніяхъ—важный проступокъ въ глазахъ царя. «Писалъ ты къ нам прежь сего, а нынѣ ты, страдникъ, худяк, ни къ чему не надобенъ, не пишешь ни одной строки, выговариваетъ царь Черкасскому-Косому, и грозитъ: «отвѣдаешь, какъ пріѣдешь и увидишь наши очи; мы тебя, страдника, не велимъ и въ городъ пустить»[1]). Мягче, но съ глубокой обидой, онъ дѣлаетъ выговоръ по такому же поводу кн. Ю. А. Долгорукому: „если бъ не жалуючи, и я бы съ тобою Спасова образа (на театрахъ военныхъ дѣйствій) не отпускалъ, и ты за мою, просто молыть, милость и всю любовь ни единые строки не писывал ни о чем“[2]). Еще сильнѣе возмущаетъ царя желаніе воеводы скрыть правду въ донесеніяхъ. Кн. И. И. Лобанову-Ростовскому, который «писалъ ложно» государю о понесенныхъ войсками потеряхъ, пришлось потомъ читать суровое внушеніе въ присланной изъ Тайнаго приказа царской грамотѣ: „и такъ дѣлаютъ недумные и худые люди, писалъ царь, а думнымъ нашимъ великого государя людемъ ложно писать не довелось. От вѣка того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему въ ратном дѣле, в находкахъ и въ потеркахъ, писали неправдою и лъгали“[3]). Обязанный извѣщать государя о ходѣ дѣлъ, воевода, также и полномочный посолъ, не можетъ принять ни одного важнаго рѣшенія безъ спеціальнаго государева указа. Упомянутый выше кн. Лобановъ-Ростовскій, дѣйствуя противъ поляковъ, «приступалъ» къ г. Мстиславлю, «не отписався объ указѣ... до того приступу», а ему слѣдовало дѣлать иначе: сначала произвести необходимыя развѣдки и „изготовя все, что надобно, объ указе отписать... съ нарочнымъ гонцомъ на спѣхъ“; и указывая самовольному воеводѣ на печальныя послѣдствія его поступка («на томъ приступѣ наши великого государя ратные люди побиты и переранены многіе»), царь напоминаетъ: „а какъ, по указу насъ, великого государя, велѣно тебѣ, окольничему нашему и воеводѣ, быть на нашей великого государя службѣ, и мы, великій государь, тебѣ, окольничему и воеводѣ, приказывали изустно о Божіи и о нашемъ великого государя дѣлѣ промышлять со всякимъ радѣньемъ, отложа всякую гордость, и спѣсь, и объ указѣхъ писати къ намъ, великому государю»[4]).

---

[1]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 731.
[2]) Ib., стр. 757.
[3]) Ib., стр. 743.
[4]) Ib., стр. 744, 746.

Исключенія не допускается и для лучшаго полководца, какимъ считался тогда кн. Ю. А. Долгорукій. Когда тотъ отступилъ отъ Вильны безъ государева указу и написалъ «объ указѣ», придя уже къ Смоленску, царь и ему послалъ грамоту съ укоромъ: «помысли самъ себѣ, спрашиваетъ онъ, по какому указу пошелъ, какая тебѣ честь будетъ, какъ возьмутъ Ковну или Гродню?... И то какъ и помыслить, что пришедши въ Смоленскъ безъ нашего государева указу, и писать объ указѣ?.. Жаль конечно тебя: впрямь Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привесть и совершенную честь на вѣки неподвижну учинить, да самъ ты отъ себя потерялъ“ [1]). Но всего хуже, когда прямо нарушаютъ государевъ указъ: въ подобныхъ случаяхъ царь не жалѣетъ крѣпкихъ словъ, чтобы выразить свое негодованіе: «Врагу креста Христова и новому Ахитоѳелу, княз Григорью Ромодановскому“—начинается государева грамота къ Ромодановскому, отступившему въ своихъ распоряженіяхъ отъ государева указа. „Воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою к намъ, великому государю, прямую сатанинъскую службу... Якоже Іюда продалъ Христа на хлѣбѣ, а ты Божіе повелѣніе и нашъ государевъ указъ и нашу милость продалъ же лжею... И самъ ты, треокаянной и безглавной ненавистникъ рода христіанскаго... и нашъ вѣрной измѣнникъ и самово истинново сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю, изъ нея же нихто возвращался“ и т. д. [2]). Въ попыткахъ воеводъ дѣйствовать самостоятельно царь видитъ только ихъ „возношеніе“ и «упрямство басурманское», а то и просто глупость: кн. Ѳ. Н. Одоевскій „лѣтось ходилъ дуростью, а нынѣ, хвалитъ царь исправившагося воеводу, во всемъ желаетъ отъ насъ указу“ [3]). Порицая непослушаніе, царь въ то же время ловитъ всякій подходящій предлогъ, чтобы сказать воеводамъ свое «милостивое слово» и тѣмъ побудить ихъ къ исправной службѣ. Но милость, какъ и наказаніе,—чисто внѣшніе мотивы, а царь хотѣлъ бы, чтобы его родословные холопы служили по совѣсти, прониклись бы сознательнымъ отношеніемъ къ своему назначенію, и въ этомъ—источникъ разсужденій, иногда очень длинныхъ и довольно темныхъ, о правахъ государя и объ обязан-

---

[1]) Ib., стр. 757—8.
[2]) Ib., стр 771—2.
[3]) Ib., стр. 731—2.

ностяхъ бояръ, которыми онъ нерѣдко сопровождаетъ свою похвалу или порицаніе.

Все это излагалось въ государевыхъ грамотахъ и указахъ изъ Тайнаго приказа. Но письменная форма сношеній была удобна, когда надо было передать несложныя распоряженія или вполнѣ опредѣленныя рѣшенія, а между тѣмъ руководство военными операціями или дипломатическими переговорами часто требовало извѣстной гибкости руководящихъ указаній. Отсюда въ практикѣ приказа широкое примѣненіе нашла другая форма сообщенія государевой воли на мѣста—«статьи» и «наказы». Въ нихъ ясно обнаруживается стремленіе составителей предусмотрѣть разныя возможныя комбинаціи и вопросы, при чемъ на каждый возможный случай предлагаются и рѣшенія, чаще всего излагающіяся болѣе или менѣе кратко. Послѣдняя особенность находится въ связи съ тѣмъ, что «статьи» предназначались не столько для адресата непосредственно, сколько для довѣреннаго лица, которое посылалось съ ними изъ приказа и должно было по нимъ „говорить“ государевы указы. Иногда самое рѣшеніе лишь слегка намѣчено, и формулируются почти однѣ темы. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ «статей», посланныхъ въ 164-мъ году къ воеводамъ разныхъ городовъ съ подъячимъ Тайнаго приказа Ю. Никифоровымъ:

„В Переаславле:

О здоровье (т. е. спросить).

О обнадеживанье милости, что выданы не будут, а обережены будут ратнымі людми, и о повороте в Переаславль Семенова полку Змеева, у котораго быт Івану Чаадаеву, і вѣрному б быт надежну во всем, і впред о вѣрной службе безо всякого сомнѣния, о побое Чернецкого и о очищенье Быхова.

О писмѣ, о болшомъ кораблѣ (?) с обнадеживаньем, о званіи и о укрѣпленіи стороны и о другой.

О розлитіи негодной крови ни за что и о унятіи разрешением Днепром и Киевом.

О миру полском (вписано слово тайнописью), о третьихъ о томъ же, и такъ никогда учинено не будет, хотя розлитие будет...

О житье в подданстве, о могилевских поборахъ.

О жалованной присылке паче иных, и о сохраненіи того“ [1]).

---

[1]) Г. А., XXVII, № 92 bis, лл. 3—5.

И т. д. Очевидно, надо было состоять подъячимъ Тайнаго приказа или получить от государя «изусно» разъясненія, чтобы «говорить» на поставленныя такимъ образомъ темы. Такъ и было въ дѣйствительности. Въ грамотѣ кн. Ю. А. Долгорукову, исправлявшейся царемъ, приписано, напр.: «а подлинно о том и об иных наших великого государя дѣлех наказано словесно з Денисомъ Остафьевымъ (съ которымъ послана грамота)[1]; или царь пишетъ Ордину-Нащокину: „и ты б Божие и наше великого государя дѣло дѣлал по нашему великого государя ізустному наказу и какъ тебѣ от нас, великого государя, приказано з головою Московских стрелцов съ Юрьем Лутохиным“[2]. Статьи по существу являлись секретными, „тайными“, инструкціями. Иногда онѣ адресуются „боярину и воеводѣ съ товарыщи“[3], иногда же въ нихъ содержится предписаніе: «говорить наодинѣ» или—„одному сказать тайно“ или—„наодинѣ будучи“[4]; въ одномъ случаѣ надъ статьями надписано: „Боярину і воеводе князю Ивану Андреевичу Хованскому се тайной наказъ и статьі; роспечатать и по них дѣлать в то время, какъ у него, боярина і воеводы, с полскими и литовскими гетманы или с комисары учнет быт о миру сходство, и договор и докончанье; а до того времяни не роспечатывать и самому не честь и товарищамъ своимъ не сказывать“[5]. Наказы, отличающіеся отъ статей связностью изложенія, чаще примѣнялись въ дипломатическихъ дѣлахъ. Повидимому, было правиломъ, о которомъ знаетъ и Котошихинъ[6]), что послы, кромѣ «большого» наказа изъ Посольскаго приказа или, какъ иногда говорится въ документахъ, „сверхъ приказу і наказу и статейного (списка)“, получали особый «тайный» наказъ,—при Алексѣѣ Михайловичѣ обыкновенно изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ. Въ этой формѣ непосредственное руководство государя можно прослѣдить во многихъ случаяхъ дипломатическихъ переговоровъ со шведами и поляками, начиная съ 1656-го года («грамоты и наказы» полномоч-

---

[1]) Г. А., XXVII, № 93, лл. 32—7; А. М. Ю., Бѣлг. ст., № 518, лл. 55, 82.

[2]) М. А. М. И. Д., Польскія д., 1666 г., № 3; ср. ib. 1660 г., Шведскія д., № 3.

[3]) Ib., л. 36; № 92, л. 1; № 109.

[4]) Ib. № 92 bis, л. 49—50; № 166, лл. 85, 87, 100, 192, 202 и др.

[5]) Ib., № 166, л. 245.

[6]) О Россіи въ царствованіе А. М., изд. 4-е, стр. 52.

нымъ посламъ Н. И. Одоевскому „съ товарищи“, писанные, какъ помѣчено на нихъ, «въ нашихъ царскихъ шатрахъ» и отъ того же года—„наказъ и запись присяжная, на какихъ статьяхъ привесть гетмановъ к вѣре“, данные изъ Тайнаго приказа стрѣлецкому головѣ А. С. Матвѣеву)[1]).

Конечно, матеріаломъ, на основаніи котораго составлялись тайные статьи и наказы, служили свѣдѣнія, поступавшія отъ воеводъ и пословъ или непосредственно въ Тайный приказъ, или черезъ Разрядъ и Посольскій приказъ. Случалось, что эти лица обращались въ Тайный приказъ также со статьями, въ которыхъ излагали свои предположенія или ставили вопросы, пользуясь иногда тѣми же гонцами, которые привозили къ нимъ государевы указы. Присланныя, напр., В. Б. Шереметевымъ донесенія въ формѣ статей даже и начинаются словами: «извѣстить великому государю»[2]). Не разъ представлялъ свои соображенія въ Тайный приказъ въ той же формѣ Ординъ-Нащокинъ, получая примѣнительно къ своимъ статьямъ и отвѣты государя: «статьи прочтены, пишетъ, напр., государь въ отвѣтъ Ордину-Нащокину съ извѣстнымъ намъ подъячимъ приказа Ю. Никифоровымъ, и зѣло благополучны и угодны Богу на небесѣх, а от создания руку Его и намъ грѣшным, кромѣ 33-й статьи, а 33-ю статью отложилі і велѣли вынять»[3]). Или въ грамотѣ изъ Тайнаго приказа тому же Ордину-Нащокину читаемъ: «писал ты к нам, великому государю, и по нашему великого государя указу против тѣх статей посланы к тебѣ указные статьі, под сею нашею великаго государя грамотою»[4]). Приказъ былъ открытъ и для мнѣній добровольныхъ совѣтниковъ. Такъ, прислали сюда, въ сентябрѣ 1659 г., съ театра военныхъ дѣйствій

---

[1]) М. А. М. И. Д., Польскія дѣла, 1656 г., №№ 26 и 43; ср. Г. А., XXVII, № 109, лл. 1—32 и № 110, лл. 50—51, 168—170; отъ 1658 г.—Г. А., XXVII, № 110 лл. 112—151, 165—172; М. А. М. И. Д., Польскія дѣла, 1658 г., № 7; отъ 1659 г.—М. А. М. И. Д., Шведскія д., № 5; отъ 1660 г.—Г. А., XXVII, № 166, лл. 245—250; М. А. М. И. Д., Шведскія д., 1660 г., № 3; отъ 1662 г.,—М. А. М. И. Д., Польскія д., 1662 г. № 27; отъ 1664 г.—Ib., Польскія д., 1664 г., № 11; отъ 1665 г.—Ib., Польскія д., 1665 г. № 8; отъ 1666 г.—ib., Польскія д., 1666 г., № 2; отъ 1667 г.—ib., Польскія д. 1667 г., № 2: отъ 1669 г.—ib., Польскія д., 1669 г., № 8; отъ 1670 г.— ib., Польскія д., 1670 г., № 4 и др.

[2]) Г. А., XXVII, № 92 bis., лл. 276—280.

[3]) М. А. М. И Д., Польскія д., 1664 г.; № 4; ср. ib. 1662 г., № 7.

[4]) М. А. М. И. Д., Шведскія д., 1659 г., № 5.

генералъ-поручикъ Томасъ-Даніэль и два полковника, «Индрикъ» Гулецъ и Робертъ Дугласъ, „приговорные статьи“, числомъ 9, въ которыхъ обсуждали затруднительное положеніе арміи Хованскаго и предлагали свой планъ, какъ найти выходъ. Изъ 9 статей 8 были одобрены государемъ и съ соотвѣтствующими резолюціями отправлены для руководства Хованскому. По адресу авторовъ въ одной изъ резолюцій сказано: „и великій государь за ту ихъ службу и радѣнье жалуетъ и милостиво похваляетъ“, а сверхъ того въ особой грамотѣ Хованскому изъ Тайнаго же приказа предписывалось, чтобы онъ отъ „генерала и поручика“ Томаса Даніэля „о делех не скрывался, а онъ безо всякой прозяби вѣрной слуга, и приластил бы ево ты, бояринъ і воевода, к себѣ гораздо“ [1]). Очень важнымъ источникомъ свѣдѣній служили, наконецъ, и тѣ довѣренныя лица, которыя посылались изъ приказа съ государевыми грамотами и наказами. Это были чаще всего подъячіе Тайнаго приказа, нерѣдко—головы Московскихъ стрѣльцовъ и стремянные конюхи, также—нѣкоторые изъ стольниковъ и стряпчихъ (М. Головинъ, К. Яковлевъ). Роль этихъ посредниковъ далеко не ограничивается простой передачей царскихъ указовъ или отвѣтныхъ донесеній. Иногда они довольно долго остаются на мѣстѣ ихъ командировки, получая изъ приказа дальнѣйшія распоряженія и отъ себя посылая туда донесенія съ гонцами. Тому же, напр., Ю. Никифорову посылается изъ Тайнаго приказа грамота уже по пріѣздѣ его къ Ордину-Нащокину. Царю „вѣдомо учинилось“, что Аѳанасій Лаврентьевичъ, считая себя скомпрометтированнымъ отъѣздомъ сына за границу, о государевыхъ дѣлахъ съ шведскими комиссарами „сѣъзжатца втайнѣ не смѣетъ“, и подъячему поручается „говорить“ Ордину-Нащокину, „чтоб он... с свейскими комиссарами съѣзжался явно і в таі, и о совершеніі вѣчного миру радѣл“. Съ этой же грамотой посылается Ю. Никифорову изъ приказа „письмо“: „и тебѣ, говорится дальше, про то писмо ему сказат, а писмо привесть к Москве с собою“. Въ дѣлѣ находимъ еще двѣ отписки подъячаго въ приказъ — одну объ исполненіи порученія, другую—о томъ, что говорилъ ему Ординъ-Нащокинъ по разнымъ пунктамъ наказа [2]). Въ 1662—3 г. Гр. Б. Нащокина, ѣздившаго съ дипломатической миссіей къ Дат-

[1]) Г. А., XXVII, № 166, лл. 112—118 и 102.
[2]) М. А. М. И. Д., Шведскія д.. 1660 г., № 3.

скому королю въ „Капнагавъ“, сопровождалъ, какъ бывало и въ др. подобныхъ случаяхъ, подъячій Тайнаго приказа Ѳ. Казанецъ. Состоя при послѣ, онъ находится въ то же время въ самостоятельныхъ сношеніяхъ съ приказомъ, посылаетъ, напр., въ приказъ подробное описаніе путешествія и пріема посольства. Между прочимъ, подъячій сообщаетъ, что послы были у короля и „рѣчь, что послана ис приказу Тайных Дѣл, говорили“; „и к тебѣ ж, великому государю, разсказывается дальше, дацкой король послал з Григорьемъ (Нащокинымъ) двѣ ж грамоты, и с тѣхъ, государь, грамот королевской секретарь дал мнѣ, холопу твоему, списки, и тѣ, государь, списки к тебѣ, великому государю, послал я, холопъ твой, с сею отпискою“ [1]). Очевидно, государь считалъ не лишними при офиціальныхъ представителяхъ глаза и уши человѣка изъ своего приказа, Какъ мы знаемъ, своимъ человѣкомъ въ приказѣ былъ стрѣлецкій голова Ю. Лутохинъ, и этимъ объясняется щекотливое порученіе, данное ему въ 1669 г. по отношенію къ Ордину-Нащокину. Тогда уже вполнѣ обозначилось расхожденіе во взглядахъ между царемъ и знаменитымъ дипломатомъ, и Ю. Лутохинъ долженъ былъ допросить послѣдняго по нѣкоторымъ пунктамъ его дипломатической дѣятельности, въ результатѣ чего была представлена въ Тайный приказъ „тетрадь“ подъ слѣд. заголовкомъ: „по государеву цареву (т.) указу о его царскаго величества дѣлехъ спрашивалъ Аѳанасья стряпчей и голова Московскихъ стрѣлцовъ Юрья Петровичъ Лутохинъ, и тѣ вопросы писаны статьями, а против всякие статьи под тѣми ж числами писан отвѣт“ [2]). Помимо спеціальныхъ порученій, какъ въ приведенныхъ случаяхъ, государевымъ „посланникамъ“ иногда прямо ставилось въ обязанность собирать свѣдѣнія болѣе общаго характера — о положеніи дѣлъ въ томъ раіонѣ, куда они командировались. „Статьи“, по которымъ подъячій Кирилъ (Демидовъ) долженъ былъ излагать волю государя кн. Б. А. Репнину въ Смоленскѣ, заканчиваются, напр., слѣд. общимъ наставленіемъ: „Кирилу ж, ѣдучи дорогою и будучи в полку боярина і воеводы, про зборъ полскихъ и литовскихъ людей и про всякие вѣсти провѣдывать, и порохъ, который послан из Смоленска в Полоцкъ, а ис Полоцка в полкъ к боярину и воеводам, гдѣ ныне? и чтоб тот

---

[1]) Г. А., XXVII, № 214, лл. 29—33.

[2]) М. А. М. И. Д., Польскія д., 1669 г., № 8.

порохъ к боярину і воеводамъ везли на спехъ“ [1]). Посылавшійся съ „статьями“ къ Ордину-Нащокину въ Царевичевъ-Дмитріевъ подъячій Тайнаго приказа Артемій (Степановъ) долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ „солдатовъ, которые присланы изъ Псковского уѣзду (и среди которыхъ происходили волненія) роспросить изо всякого села и деревни по одному лутчему человѣку, для чего они из Лиѳлянтъ бѣгают и чѣмъ то укрѣпит, чтоб имъ впред не бѣгат“ [2]). Иногда подобныя порученія обставлялись согласно требованіямъ строгой конспираціи. Однажды „взяли в Верхъ“ стадныхъ (конюховъ) Мишку Алексѣева, Зинку Григорьева, Ваську Мясоѣдова, и тамъ объявили имъ, что они должны ѣхать, во главѣ съ задворнымъ конюхомъ Максимомъ Голиковымъ, въ Астрахань. Голикову даны были затѣмъ статьи, въ которыхъ разъяснялась цѣль поѣздки и преподавались пріемы дѣйствій:

„1, Приѣхав в Астрахань сказатца, что прислан для провѣдыванья Кизылбаских купчин и для всяких покупок. И быт в Астарахани, покамѣста Яков Безобразов с ратными людми на Яикъ пойдет.

2, А какъ Яковъ Безобразов с ратными людми на Яикъ пойдетъ, и ему быт у него ж, Якова, в полку, и провѣдат подлинно, сколко с ним, Яковом, послано будет ратных людей и которого число из Астарахани пойдут, а провѣдав, о том отписат тотчас, а с отпискою прислат стадного конюха наскоро.

3, А какъ учнут с казаками сходитца и что у них какова промыслу будет, о том отписат и с отпискою прислат другого стадного конюха.

4, А какъ на веснѣ учинятца боі и после боев что объявитца, о том отписат и отписка прислат с третьим стадным конюхом...

5, А писати б отписки тайно, чтоб нихто не вѣдал, и спросят, и ему сказыват, что пишет про Кизылбаских купчин и о покупке товаров.

6, А самому ему ѣхат к Москве с послѣдними самыми вѣстьми, что учнетца у государевых ратных людей с воровскими казаками, (рукой д. Ѳ. Михайлова:) і не дождався подлинных послѣдних вестей, не ѣздит“ [3]). Одновременно съ тѣмъ

[1]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 497, л. 133.
[2]) Г. А., XXVII, № 166, л. 167.
[3]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 610. лл. 18—19-й.

Астраханскому воеводѣ боярину И. А. Хилкову послана была изъ Тайнаго приказа государева грамота, въ которой писалось: „По нашему, великого государя, указу послан с Москвы в Астарахань для провѣдыванья Кизылбаских купчинъ и для всяких покупокъ задворной конюх Максим Голиков, да с ним стадных конюхов три человѣка. И... как ты, бояринъ нашъ, учнеш посылат на Яикъ товарыща своего Якова Безобразова с ратными людми, и задворному конюху Максиму Голикову велѣти быти у него, Якова, в полку і дат ему подводы по расмотрѣнью, а Якову Безобразову приказати б тебѣ, чтоб он, Яков, и ратные наши люди с казаками билис всякими вымыслы...“ [1]). Повидимому, у государевыхъ воеводъ появленіе посланца изъ приказа со свитой изъ конюховъ вызывало подозрѣнія, и потому желаніе замаскировать подлинный смыслъ того, зачѣмъ они ѣздятъ, замѣтно и въ другихъ случаяхъ. Такъ, подъячему Тайнаго приказа Артемону (Аѳанасьеву), посылавшемуся со статьями къ кн. И. И. Лобанову-Ростовскому и ст. С. Змѣеву, предписывалось: „а недоѣзжая полков, оставить стряпчево конюха, гдѣ мочно, и, учетчи дни, велѣть ему за собою пригнать, бутто с Москвы гонец к нему, Артемону“ [2]). Свои наблюденія всѣ эти лица сообщали не только въ формѣ отписокъ, а и устно въ Тайномъ приказѣ,—вѣроятно, такъ даже чаще. Сохранились, напр., показанія стряпчаго конюха, возившаго государеву грамоту въ Царевичевъ-Дмитріевъ къ Ордину-Нащокину; записаны они дьякомъ Д. Башмаковымъ и были, безъ сомнѣнія, представлены государю. Вотъ начало и нѣсколько статей изъ документа: „166-го апрѣля въ 9 де(нь) стряпчій конюх Любим Ерохов в роспросе сказалъ: которая де государева грамота послана была с ним в Царевичевъ-Дмитреевъ к воеводе к Ѳѳонасью Нащокину, и он ему отдал і в Царевичеве-Димитрееве был толко два дни... А вестей-де никаких не слыхалъ. А ратных людей много, а сколко числом, о том не вѣдает. Да ис Полоцка де и из Витебска мещаня есть ж, а пришли де при нем, Любиме. И Ѳѳонасей де Нащокин говорит, что пріcланы тѣ люди поздо; а толко де пріcланы бы они были по зимѣ, и над Ригою б де промыслу было чаят, а ныне де им дѣлат нечево. А хлѣбом де и сѣном въ Царевиче-Дмитрееве не скудно, толко

---

[1]) Ib., л. 25 и 29.

[2]) Г. А., XXVII, № 166, л. 202.

соли нѣт“ [1]). И т. д. Свѣдѣнія, сообщенныя въ приказѣ какимъ-то Кирилломъ (вѣроятно, — Демидовымъ, подъячимъ Тайнаго приказа) [2]), должны были дать характеристику боевого состоянія нѣсколькихъ непріятельскихъ городовъ — Ковны, Гродны и Бреста — и записаны въ такой формѣ: „В Ковне ратных людей зъ 200 ч. А хлѣбных запасов, сказывалі, много, а сколко,— того не вѣдает. А город крѣпок,—сказывают, приступом здѣлат нѣчево, а иного ничево про тот город не вѣдает...“ Въ концѣ— новый предметъ наблюденій: „какъ де он, Кирило, был в посылке, і в тамошних городѣх і в уѣздех хлѣб покупалі чет ржи в московскую мѣру в 2 рубли и менши“ [3]).

Не трудно видѣть, какъ близко все это подходитъ къ той картинѣ, которая въ общихъ чертахъ набросана Котошихинымъ, когда онъ характеризуетъ Тайный приказъ: «а посылаются того приказу подъячие съ послами въ государства, и на посолские съѣзды, і въ войну съ воеводамі, для того, что послы, въ своихъ посолствахъ, много чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣзде і въ розговорныхъ рѣчахъ,... а воеводы въ полкѣхъ много неправды чинятъ надъ ратнымі людмі, и тѣ подъячие надъ послы и надъ воеводамі подсматріваютъ и царю, пріѣхавъ, сказываютъ» [4]).

По мѣрѣ расширенія дѣятельности государя, осуществляемой черезъ Тайный приказъ, понятіе—«тайныя дѣла» получаетъ все болѣе формальный характеръ. Дѣла, которыя могли быть названы тайными и по существу, т. е. по ихъ значенію въ государственной жизни, зачастую оказывались, въ силу связности послѣдней, переплетенными съ дѣлами совершенно второстепенными, которыя должны были подлежать вѣдѣнію подчиненныхъ учрежденій и тѣмъ не менѣе, становясь по указанной причинѣ предметомъ вниманія государя, втягивались въ вѣдомство Тайнаго приказа. Этимъ неизбѣжно создавались особыя, съ трудомъ поддающіяся уясненію, отношенія между Тайнымъ и остальными приказами, въ особенности тѣми, сфера компетенціи которыхъ затрагивалась имъ чаще и шире, т. е. Посольскимъ приказомъ и военными приказами, изъ послѣднихъ— прежде всего, конечно, Разрядомъ.

---

[1]) А. М. Ю., Моск. ст., № 279, л. 22.
[2]) См., напр., Р. И. Б., т. 21. ст. 471; ср. также выше стр. 292.
[3]) А. М. Ю., Моск. ст., № 323, л. 120.
[4]) Котошихинъ, l. c., стр. 85.

Сравнительно яснѣе представляются отношенія Тайнаго приказа къ Посольскому. Повидимому, въ области посольскихъ дѣлъ существовало извѣстное, болѣе или менѣе выдерживавшееся, разграниченіе сферы дѣйствія того и другого учрежденія. Черезъ Тайный приказъ государь осуществляетъ свою руководящую роль только въ важнѣйшихъ моментахъ дипломатическихъ переговоровъ, давая указанія по преимуществу для окончательныхъ рѣшеній. Къ такому заключенію можно придти, сравнивая «большой» и «тайный» наказы, когда оба сохранились: обыкновенно въ наказѣ изъ Тайнаго приказа (тайномъ) излагаются статьи, на которыхъ договоръ могъ быть заключенъ въ крайнемъ случаѣ, «по конечной мѣрѣ», когда исчерпаны всѣ средства добиться болѣе выгодныхъ условій и оставалось, по выраженію одного изъ наказовъ, «за тѣмъ чаять разъѣзду на обе стороны без совершения доброго дѣла» [1]). Такое именно соотношеніе иногда формулируется и въ самыхъ наказахъ изъ Тайнаго приказа: прямое предписаніе въ этомъ смыслѣ содержитъ, напр., наказъ Ордину-Нащокину, данный въ 1662 г.,—„в посольскихъ дѣлехъ дѣлать по большому наказу, каков ему дан ис Посолского приказу, а по послѣднему намѣрению дѣлать ему по сему тайному наказу» [2]). Сложнѣе создавалось положеніе въ области военнаго управленія,—той самой, гдѣ зародился и съ наибольшимъ постоянствомъ дѣйствовалъ Тайный приказъ. Здѣсь съ особой принудительностью связь событій приводила къ расширенію его вѣдомства, и, независимо отъ того, именно въ примѣненіи къ военнымъ распоряженіямъ наибольшую цѣлесообразность имѣла авторитетность, какую обезпечивала имъ подпись дьяка Тайныхъ Дѣлъ. Формально Разрядъ дѣйствуетъ на прежнихъ основаніяхъ: какъ всегда, къ нему поступаютъ отписки воеводъ, и разрядной думный дьякъ докладываетъ по нимъ, когда находитъ это нужнымъ, государя, кладя тутъ же на докладахъ и помѣты; въ Разрядъ же время отъ времени передаются къ исполненію на мѣстахъ именные царскіе указы. Неприкосновенность компетенціи Разряда иногда даже подчеркивается государемъ. Когда бояринъ В. Б. Шереметевъ просилъ (въ 1660 г.), чтобы государь пожаловалъ его—указалъ «о всяких дѣлех писат мимо Разряду» въ Тайный приказъ, ссылаясь

---

[1]) М. А. М. И. Д., Польскія д., 1658 г., № 7.
[2]) Ib., Польскія д., 1662 г., № 27.

на то, что разрядной дьякъ „его отписки под стол мечет, а великого государя по них не докладываетъ“, ему отвѣтили, что «для вѣрной и многой службы» его государь указалъ ему «писат в Приказ Тайных Дѣл, і в Разряд о том писат же». Смыслъ просьбы Шереметева—не въ томъ, чтобы ему вообще позволено было писать въ Тайный приказъ,—на этотъ счетъ онъ еще въ іюнѣ 1658 г. имѣлъ прямое предписаніе: «а что у тебя учнет дѣлатца, и ты б о том писал к нам, великому государю, в Приказ наших тайных Дѣлъ» [1]); но, извѣстный своимъ высокомѣріемъ, бояринъ хотѣлъ бы „о всяких делех“ писать въ Тайный приказъ и только туда, чтобы совсѣмъ выйти изъ подчиненія Разряду, и въ отвѣтъ получилъ отъ государя въ милостивой формѣ отпоръ. Уже этотъ случай показываетъ, однако, что Тайный приказъ, усвоивъ себѣ иниціативу, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ текущихъ дѣлахъ становился какъ бы въ конкурирующее положеніе по отношенію къ Разряду. Шереметевъ былъ не единственный воевода, которому приходилось имѣть дѣло одновременно и съ Разрядомъ и съ Тайнымъ приказомъ. „А что учнетца дѣлат, и о том писат к великому государю в Розряд і в Приказ Тайных Дѣлъ почасту“ [2]), — такъ формулируется и въ другихъ государевыхъ наказахъ соотношеніе обоихъ учрежденій, и среди подлинныхъ документовъ, дѣйствительно, не рѣдкость встрѣтить воеводскія отписки, или совсѣмъ одинаковыя или близкія по содержанію, направляемыя одновременно и въ Разрядъ и въ Тайный приказъ [3]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ государь требуетъ только извѣщеній, не указывая, по какому адресу слѣдуетъ ихъ посылать и какъ будто предоставляя выборъ воеводѣ: «а что у тебя учнетъ дѣлатца, или что отъ кого какихъ вѣстей объявится, и вы бъ писали о томъ к намъ“ [4]). Извѣстное ограниченіе въ кругу—не лицъ, которыя могли писать въ Тайный приказъ, а—предметовъ, съ которыми слѣдовало туда обращаться, несомнѣнно всегда предполагалось въ принципѣ, хотя устанавливалось, повидимому, не указомъ, а тактомъ воеводъ. Кругъ самихъ корреспондентовъ Тайнаго приказа на протяженіи описываемаго періода во всякомъ случаѣ

[1]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 602, л, 54.

[2]) Ib., Моск. ст., № 352 лл. 14, 22; ср. А. М. Г., т. III, №№ 133, 183, 491.

[3]) Напр. А. М. Г., т. III, №№ 54, 55, 68, 112, 144, 552 и др.

[4]) Ib., № 385; А. М. Ю., Моск. ст., № 352, л.л. 46, 62—3, 66.

остается очень разнообразнымъ: сюда пишутъ и лица знатныя, какъ Ю. А. Долгорукій, И. А. Хованскій, Н. и Г. Гагарины, И. И. Лобановъ-Ростовскій, Гр. и Ѳ. Куракинъ, П. А. Долгорукій, Б. А. Репнинъ, Г. Г. Ромодановскій, Ю. Н. Барятинскій, И. П. Пронскій, А. Л. Ординъ-Нащокинъ, А. Бутурлинъ, Д. Мышецкій, Д. С. Великаго-Гагинъ, С. Вельяминовъ и рядовые служилые люди, какъ Н. Львовъ, Д. Давыдовъ, Т. Сафоновъ, И. Ржевскій, И. Захаровъ, К. Хлоповъ, И. Батюшковъ, И. Коробьинъ, И. Чаадаевъ, М. Боучаровъ, Д. Хомяковъ, С. Карцевъ, И. Козловскій, С. Пальчиковъ и др. Свобода обращенія къ государю черезъ Тайный приказъ не разстраиваетъ, однако, порядка въ дѣятельности Разряда, потому что между обоими учрежденіями производится своего рода обмѣнъ свѣдѣніями. Очень часто, если только не всегда, отписка съ театра военныхъ дѣйствій, поступающая въ Тайный приказъ, передается въ Разрядъ, гдѣ снимаютъ съ нея копію („списокъ“) или дѣлаютъ «выписку»,—и обратно. На отпискахъ же или «спискахъ» дѣлались обыкновенно и соотвѣтствующія помѣтки, напр.: «списать ту отписку въ Розрядѣ, а подлинную взять въ столпъ», такого то числа «принесъ в Розрядъ Приказу Тайныхъ Дѣлъ подъячей» такой то, «отдана изъ Тайного приказу», «прислана въ Розрядъ сверху», или: «таковъ списокъ взятъ изъ Розряду», „списана“, «списана и чтена» [1]) и т. п. Отсюда понятно, какимъ образомъ на отписки, адресованныя въ Тайный приказъ, могли отвѣчать изъ Разряда, или вмѣсто Разряда шлетъ государеву грамоту Тайный приказъ [2]). Часто, можетъ быть въ большинствѣ случаевъ, Разряду сообщаются и государевы указы, посылаемые на мѣста изъ Тайнаго приказа. Такъ, подъ черновикомъ государева указа Б. А. Репнину о заготовкѣ хлѣбныхъ запасовъ къ приходу Хованскаго помѣчено: «таково писмо для вѣдома дано в Розряд, а отдал Артемей Степановъ (подъячій Т. П.), а сказалъ, что отдал Федору Никитичу“ [3]), или въ другомъ подобномъ случаѣ: „такова великого государя грамота ис Приказу Тайных Дѣл апрѣля в 5 д. нынѣшнего 172-го году снесена іс Приказу Тайныхъ Дѣлъ и списана с чорной для ведома, а под-

[1]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 468, л. 301; Новгор. ст., № 165, л. 17; № 304, л. 304; А. М. Г., т. II, № 1145; т. III, №№ 79, 104, 112, 204, 216, 220, 222, 223, 230, 233, 234, 236, 266, 470, 492 и др.

[2]) А. М. Г., т. III, №№ 59, 558.

[3]) Г. А., XXVII, № 166, л. 244.

линную черную взял в верх подъячей Семенъ Мѣдвѣдев“ [1]). Иногда государевъ указъ объявляется въ Разрядѣ кѣмъ-нибудь изъ подъячихъ Тайнаго приказа словесно: «такова государева грамота, читаемъ, напр., въ помѣтѣ, послана по указу думного дьяка Семена Заборовскаго, а съ тѣмъ указомъ приходил изъ Приказу Тайных Дѣл подъячей Артемей... словесно“ [2]) или же, случалось, грамота приносилась въ Разрядъ изъ Тайнаго приказа уже написанной [3]); но и наоборотъ: грамоту, составленную въ первомъ, посылаетъ второй, отмѣчая ее въ своихъ записныхъ книгахъ [4]). При такихъ условіяхъ Разрядъ сохраняетъ свою компетенцію, но стѣсненъ въ ея осуществленіи и вынужденъ въ своей дѣятельности сообразоваться съ тѣмъ, что дѣлается Тайнымъ приказомъ; въ Разрядъ присланъ, напр., именной государевъ указъ, и разрядной дьякъ помѣчаетъ на немъ: „169-го октября въ 11 де(нь). Справясь о томъ съ Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ, будетъ таковъ государевъ указъ въ Смоленскъ о томъ посланъ, и сей государевъ указъ записать въ Розрядѣ въ записную книгу нынешнего 169-го году, а будетъ не посланъ, и о томъ по сему великого государя указу послать грамоты тотчасъ безъ мотчанья“ [5]).

Какіе указы будутъ посланы изъ Тайнаго приказа и какіе изъ Разряда, это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшаетъ, можетъ быть, самъ государь. Черезъ Тайный приказъ государь руководитъ иногда обширными и при томъ совершенно нейтральными операціями. Такъ, командированные въ 1658 г. на театръ военныхъ дѣйствій съ цѣлью организовать снабженіе войскъ хлѣбными и боевыми запасами, стольникъ К. Щербатовъ и подъячій Тайнаго приказа Ѳ. Казанецъ все время находятся въ сношеніяхъ съ Тайнымъ приказомъ, и въ сохранившейся обширной перепискѣ ихъ съ послѣднимъ по этому дѣлу мы лишь изрѣдка встрѣчаемъ упоминаніе о Разрядѣ [6]). Точно также приказъ исключительно одинъ ведетъ другое сложное предпріятіе — организацію десятинной пашни въ трехъ пунктахъ, близкихъ къ военной окраинѣ — на Веневѣ, въ Дѣдиловѣ

---

[1]) А. М. Ю., Новгор. ст., № 297, л. 78.
[2]) А. М. Г., т. III, № 664; ср. №№ 213, 332, 529, 663.
[3]) Ib., №№ 159, 183, 292, 339, 396.
[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 979, 994, 1005.
[5]) А. М. Г., т. III, № 191.
[6]) А. М. Ю., Моск. ст., № 1091, столпикъ 3, л.л. 1—237.

и Богородицкомъ, и также — въ цѣляхъ снабженія арміи [1]). Изъ операцій второстепеннаго значенія, производившихся

[1]) Попытка завести казенное пашенное хозяйство въ районѣ «польскихъ» городовъ, въ цѣляхъ образованія постоянныхъ запасовъ для арміи, сдѣлана была впервые, какъ извѣстно, Борисомъ Годуновымъ, и съ извѣстнымъ успѣхомъ: десятинная пашня заведена была въ Ельцѣ, на Воронежѣ, въ Бѣлгородѣ, Курскѣ, Осколѣ и др. г., при чемъ пахали «тутошние жилецкие всякие люди». Съ того, однако, времени, какъ «почела быть от Ростриги смута», нѣкоторые изъ городовъ «по многие годы были в смуте и в непослушанье», и казенная запашка здѣсь почти прекратилась. Съ 1615—6 г. правительство Михаила Ѳедоровича принимаетъ мѣры къ ея возстановленію, но встрѣчается съ упорнымъ «непослушаньемъ» мѣстныхъ жителей, хотя размѣры пашни были уменьшены вполовину (вмѣсто 200 д. въ полѣ—по 100 на городъ). Осколяне, напр., писали государю въ челобитной, что они «от той десятинной пашни въ конец погибли», и просили вмѣсто пашни «имать отсыпной хлѣбъ». Въ то же время государевой грамотой на Бѣлгородъ констатируется (въ 1635—6 г.), что «рож и яровой всякой хлѣб у белогородцов родитца и умолотом не малои, а на наших десятинах рож и овес родитца с малым умолотом; и то, догадываются въ грамотѣ, знатно, что белогородцы... десятинною пашню пашутъ не во время..., испустя пашенную пору, да и десятинной хлѣбъ жнутъ не во время». Въ результатѣ, пришлось въ нѣкоторыхъ городахъ замѣнить десятинную пашню отсыпнымъ хлѣбомъ, но отъ того положеніе стало немногимъ лучше: въ Курскѣ, напр., не собиралось и половины назначеннаго количества хлѣба, а въ Бѣлгородѣ—и того хуже: тамъ, какъ доносилъ мѣстный воевода, «десятинного хлѣба не пашутъ и отсыпного хлѣба за десятинную пашню не отсыпаютъ». А. М. Ю., Бѣлгор. ст. № 693, лл. 1—27, 240—250, 305—9, 436—441. О печальномъ состояніи хлѣбныхъ запасовъ, составлявшихся путемъ сбора отсыпного хлѣба, во многихъ др. городахъ также имѣются очень выразительные документы, часть которыхъ опубликована г. Новомбергскимъ (Очерки внутренняго управленія Московской Руси XVII в.). Организація пашеннаго хозяйства въ Дѣдиловѣ, на Веневѣ и въ Богородицкомъ вызвана была, надо думать, желаніемъ Алексѣя Михайловича улучшить самую постановку дѣла. Неудовлетворительность предыдущихъ опытовъ объяснялась частью «нерадѣніемъ и оплошкой» мѣстной администраціи, частью—особенностями хозяйственныхъ пріемовъ, основанныхъ на принудительномъ привлеченіи мѣстныхъ служилыхъ людей разныхъ видовъ къ работамъ. Первую причину царь думалъ, очевидно, устранить, лично руководя предпріятіемъ черезъ Тайный приказъ, а вторую—путемъ примѣненія иной хозяйственной организаціи. Назначенный въ Дѣдиловъ воеводой С. Карцевъ долженъ былъ, согласно наказу изъ Тайнаго приказа (отъ 14 мая 1659 г.), „будучи на Дѣдилове, разсмотрѣть порозжих и угожих земель и сенных покосов и рыбных ловель і всяких угодей, и обыскат, гдѣ б мочно поселит крестьянъ 200 семей дворами» и «на угодной порозжей землѣ посѣять яровова хлѣба 200 десятин нынешнимъ лѣтомъ»... Устроивши все на Дѣдиловѣ, Карцевъ долженъ былъ тоже са-

аналогичнымъ способомъ, можно указать командировку стольника Алфимова (въ 1658 г.) въ Костромской уѣздъ для сбора хлѣбныхъ запасовъ съ монастырскихъ владѣній [1]). Но нерѣдко слѣдомъ за указомъ изъ Разряда, даже одновременно съ нимъ и по тому же поводу, посылается указъ изъ Тайнаго приказа. Изъ сопоставленія такихъ указовъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чѣмъ вызывалось подобное удвоеніе одного и того же акта. Въ однихъ случаяхъ грамоты изъ Тайнаго приказа содержатъ въ себѣ добавленія или разъясненія секретнаго характера. Кн. Г. Г. Ромодановскому сообщается, напр., приказомъ, что согласно посылаемой одновременно государевой грамотѣ изъ Разряда онъ долженъ будетъ отправить изъ Бѣлгорода въ Гродно 500 рейтаръ съ полуполковникомъ, и дѣлается предположеніе, котораго въ разрядной грамотѣ нѣтъ: „будетъ онъ, полуполковникъ, добръ и с полкъ ево будетъ и будетъ онъ не полской породы; а будетъ онъ, полуполковникъ, природы полской, и ты б въ ево мѣсто послал полковника ис пѣших полков“ [2]). Или другой примѣръ: тому же Ромодановскому велѣно было, по государеву указу и наказу изъ Разряда, идти съ ратными людьми въ Гродно, гдѣ въ то время происходили мирные переговоры съ поляками,—очевидно, для приданія боль-

---

мое сдѣлать на Веневѣ. А. М. Ю., Моск. ст., столпикъ 2, лл. 8—73. Г. Богородицкой основывается съ той же цѣлью нѣсколько позднѣе, начиная съ 1662 г. Объ его устройствѣ—см. А. М. Ю., Бѣлг. ст., №№ 512, 531, 536, 678. Это предпріятіе въ разныхъ мѣстахъ имѣло не одинаковый исходъ. Отъ Венева пришлось отказаться; на Дѣдиловѣ работы шли вяло. Причина—одна и та же: хотя наказомъ и предписывалось Карцеву «поселить крестьянъ 200 семей» тамъ и здѣсь, однако, пока ихъ искали, приходилось пользоваться принудительнымъ трудомъ служилыхъ людей. Реакція получалась обычная: „и веневцы, государь, всякихъ чинов люди, доносилъ, напр., въ Тайный приказъ Веневскій воевода М. Боучаровъ, не хотя твоего великого государя хлѣба ржи и овса молотить... пришли ко мнѣ, холопу твоему, на гумно гилем и з болшим шумом и в хлѣбной молотьбѣ отказали». А. М. Ю. Изъ неоп. столб. Преображ. приказа. Яркая картина такого же «непослушанія» служилыхъ людей изъ городовъ—Епифани, Данкова, Ефремова, Михайлова, Кропивны и др., привлекавшихся на работы въ Дѣдиловъ и Богородицкой, рисуется въ отпискахъ Дѣдиловскаго воеводы Д. Хомякова; напр. А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 512, лл. 1—11. Дѣдиловъ въ 1662 г. отошелъ къ Разряду, а Богородицкой остался за Тайнымъ приказомъ.

[1]) Чтенія въ О. И. и Д. Р., 1894 г., кн. 3.

[2]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 602, лл. 156—160.

шаго вѣса рѣчамъ московскихъ пословъ; но потомъ рѣшеніе было измѣнено, и новой грамотой изъ Разряда Ромодановскому предписывалось, чтобы онъ „ту Гродненскую статью отставилъ, и по ней ничего не дѣлалъ". Однако, вмѣстѣ съ этой грамотой воевода получилъ еще указъ изъ Тайнаго приказа, содержавшій дополнительныя распоряженія: „какъ к тебѣ ся наша великаго государя грамота придет, значилось тамъ, и ты б отписалъ от себя в Гродно и послал станицу наскоро, что бутто велено тебѣ с нашими великого государя ратными людми и с черкасы итти в Гродно... для обереганья нашихъ великих и полномочных послов". Конечно, этотъ маневръ имѣлъ смыслъ только при строгомъ соблюденіи секрета, и отсюда—дальнѣйшее требованіе указа: „а прочет бы еси сию нашу великого государя грамоту, и зжех самъ, чтоб окромѣ тебя никому про то не вѣдать" [1]). Иногда Тайный приказъ своимъ указомъ подтверждаетъ распоряженіе, уже посланное изъ Розряда, въ разсчетѣ побудить воеводу къ скорѣйшему исполненію: „боярину і воеводе князю Ивану Борисовичу Репнину говорить, чтобы по указу великого государя и по грамотѣ из Разряду... он хлѣбные запасы... отпускалъ ис Полоцка тотчас безо всякого мотчанья" [2]). Можно, наконецъ, встрѣтить въ грамотахъ изъ Тайнаго приказа общія, принципіальныя разъясненія, какъ воеводы должны понимать это двойное руководство; напр., въ грамотѣ И. А. Хованскому читаемъ: „посланы к тебѣ, боярину нашему і воеводам, наши великаго государя грамоты—одна изъ Розряду, а другая ис Приказу наших великого государя тайных дѣл. И... ты б Божие и наше великого государя дѣло дѣлалъ по нашей великаго государя грамоте из Розряду, а болши смотрѣл по нашей великого государя грамоте из Приказу наших великого государя тайных дѣл" [3]).

Такъ объясняется множество спеціально разрядныхъ, дѣлъ, найденныхъ ликвидаціонной комиссіей въ архивѣ Тайнаго приказа. Въ большинствѣ, по своему содержанію, они не подходятъ подъ понятіе тайныхъ дѣлъ, почему комиссія, можетъ быть, и не рѣшилась описать ихъ подъ рубрикой „дела Приказу Тайныхъ Дѣлъ" [4]); но они должны были проходить черезъ приказъ по свойству поставленной ему задачи, какъ она практически опре-

[1]) Ib., лл. 105—6.
[2]) Г. А., XXVII, № 166, л. 9.
[3]) М. А. М. И. Д., Шведскія д., 1659 г., № 5.
[4]) См. выше, стр.

дѣлялась. Благодаря имъ, работа приказа, конечно, осложнялась; однако, самые пріемы ея, кажется, въ существенномъ не измѣнились. Правда, относящіеся къ этой категоріи грамоты и указы лишены того индивидуальнаго отпечатка, по которому въ другихъ случаяхъ легко угадывается рука царя; тѣмъ не менѣе, излагающіяся въ нихъ распоряженія всегда, можно думать, исходили отъ него. Это позволяютъ видѣть распоряженія, дѣлавшіяся во время потѣшныхъ походовъ царя. Напримѣръ, подъячій Ю. Никифоровъ пишетъ изъ с. Покровскаго, куда онъ сопровождалъ государя, дьяку Д. Башмакову: „Дементей, государь, Минич! Указал великиі государь послатї в Бѣлгород пороху 1000 пуд ручново, да 500 пуд пушечново. А положитї тот порох на подводу по 15 пуд. А которые, государь, бочки по 12 и по 13 и по 14 пуд, и к тѣмъ, государь, бочкам докладыват въ 15 пуд порохом же в мѣлких бочках или в мехах коженых“,—излагаются дальнѣйшія личныя указанія государя о нагрузкѣ пороха и числѣ подводъ, т. е. о такихъ предметахъ, которыми во всякомъ другомъ приказѣ, безъ сомнѣнія, распорядились бы, вовсе и не докладывая государю. Въ томъ же письмѣ подъячаго рисуется и тотъ офиціальный путь, который проходили государевы грамоты въ подобныхъ случаяхъ, прежде чѣмъ выйти изъ приказа по своему назначенію. «А вмѣсто, государь, Данилы Войнова, продолжаетъ подъячій, указал государь боярину князю Б. А. Репнину с товарищи послатї с казною в Бѣлгород, ково пригож, и о том ево государева грамота послана к тебѣ, и ты, государь, извол тоѣ государеву грамоту высмотря отпустит». Такимъ образомъ, грамота, составленная подъячимъ въ с. Покровскомъ по непосредственнымъ указаніямъ царя, окончательно редактируется дьякомъ Тайныхъ Дѣлъ въ приказѣ и отсюда отправляется къ мѣсту назначенія; однако, сдѣланная въ концѣ ея помѣтка должна свидѣтельствовать объ ея дѣйствительномъ источникѣ: «писан в нашем великого государя селѣ Покровскомъ в наших царскихъ хоромехъ» [1].

Аналогичныя отношенія устанавливаются между Тайнымъ приказомъ и другими военными приказами—Стрѣлецкимъ, Рейтарскимъ и Иноземскимъ, съ тѣмъ, можетъ быть, различіемъ, что опредѣляются они не столько его распорядительной ролью, сколько освѣдомительными цѣлями. Какъ видно изъ описи, въ

[1]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 602, лл. 125—7.

Тайный приказъ довольно регулярно представлялись изъ перечисленныхъ приказовъ списки ратныхъ людей соотвѣтствующихъ разрядовъ, поручныя записи по нимъ, книги «о сыску» бѣглыхъ, послѣднія—особенно въ большомъ количествѣ. А въ той мѣрѣ, въ какой организація военныхъ силъ требуетъ особой энергіи или выдвигаетъ новыя потребности въ военномъ дѣлѣ, приказъ, оставаясь вѣрнымъ своему основному назначенію, выполняетъ и активную роль. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ производятся иногда, отъ начала до конца, сыски бѣглыхъ салдатъ и стрѣльцовъ [1]), а также розыски о злоупотребленіяхъ «начальныхъ людей» при наборахъ [2]); наиболѣе же обычная его функція въ этой области—систематическая вербовка иностранныхъ ратныхъ людей, начальныхъ и рядовыхъ, иногда цѣлыми полками, черезъ спеціальныхъ комиссіонеровъ, какъ Гебдонъ и Ѳанъ-Горнъ, и производимыя черезъ нихъ же закупки у иностранныхъ коммерсантовъ, часто въ огромныхъ количествахъ, «зелья пищальнаго» и разныхъ видовъ оружія—пушекъ, мушкетовъ, «списъ, і ольстръ, і банделеровъ» [3]). Близкимъ участіемъ приказа въ этихъ операціяхъ объясняется и тотъ, уже извѣстный намъ фактъ, что изъ его средствъ, а вѣрнѣе сказать—черезъ него, получаютъ въ теченіе извѣстнаго времени денежное жалованье нѣкоторые салдацкіе полки и мастера Гранатнаго двора.

Рядомъ съ военными и дипломатическими дѣлами въ архивѣ Тайнаго приказа оказались въ довольно значительномъ количествѣ дѣла по общему управленію, о которыхъ (за описываемый періодъ) мы узнаемъ уже не изъ записныхъ книгъ, а изъ описи. Среди нихъ самой крупной является группа дѣлъ по челобитьямъ. Значитъ надо предполагать, что черезъ Тайный приказъ царь осуществлялъ свое участіе и въ области правосудія мимо другихъ учрежденій, какъ въ области военнаго управленія и дипломатіи. Вообще мы знаемъ, что этой сторонѣ государственной жизни Алексѣй Михайловичъ удѣлялъ много вниманія. Правда, С. Б. Веселовскому извѣстны случаи, когда челобитчикъ „подавалъ безрезультатно 30—40 челобитныхъ“ [4]); но можетъ быть

---

[1]) Напр., М. А. М. И, Д., Прик. д. ст. л., 1658 г., № 24, лл. 81—6, 110, 136, 129—137.

[2]) Ib., № 98; ср. Р. И. Б., т. 11, ст. 119—120, 699.

[3]) Г. А., XXVII, № 118, ч. I, лл. 55, 154—164, 243—261; Р. И. Б., т. 21, ст. 144, 178, 675 и др.

[4]) С. Б. Веселовскій: Приказный строй Московскаго государства, стр. 9.

эти факты относятся къ ранней порѣ царствованія? Тогда у царя, проводившаго большую часть времени въ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ, было, дѣйствительно, мало охоты близко входить въ дѣла управленія, и имъ изобрѣтена была даже особая тактика съ цѣлью избавиться отъ докуки челобитчиковъ, — какъ писалъ своему игумену стряпчій Прилуцкаго монастыря, котораго приказная волокита цѣлые годы держала въ Москвѣ: «да нынѣ (въ 1645 г.) Государь все в походех (разумѣется, потѣшныхъ) и на мало живет (т. е. въ Москвѣ), какъ і зоцарился; а се будетъ поход в Можайскъ; а гдѣ походъ ни скажутъ государевъ, и он, Государь, не въ ту сторону поідетъ» [1]). Но перемѣна обозначилась, повидимому, довольно скоро, и—любопытное совпаденіе съ біографіей Грознаго!—современники связывали ее съ женитьбой царя: «здѣсь говорятъ, сообщалъ, напр., своему правительству Шведскій агентъ Поммерингъ въ 1648 г., что его царское величество послѣ своей свадьбы сталъ самъ выслушивать челобитья и давать по нимъ резолюціи и посвящаетъ этому одинъ часъ передъ обѣдомъ» [2]). Мятежи 48-го года, показавшіе, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ приводить злоупотребленія бояръ и приказныхъ въ судахъ, разумѣется, должны были соотвѣтственно усилить личную дѣятельность царя. И былъ на лицо готовый органъ, черезъ который эта дѣятельность могла осуществляться, — Челобитенный приказъ, куда поступали подававшіяся государю при его выходахъ челобитныя. Если принимать сообщеніе Поммеринга въ полномъ объемѣ,—можно допускать, что челобитенный дьякъ съ докладами по челобитьямъ сталъ являться лично къ государю.

Но какую роль въ подобныхъ дѣлахъ могъ играть Тайный приказъ? Онъ не замѣнилъ собою Челобитеннаго приказа. И при немъ послѣдній остается органомъ непосредственнаго участія верховной власти въ отправленіи суда, даже становится, видимо, ближе къ царю: челобитенный дьякъ сопровождаетъ (нельзя только сказать, какъ часто) государя въ потѣшныхъ походахъ [3]), а еще характернѣе, что въ этой должности мы

---

[1]) Описаніе собр. свитковъ, находящихся въ Вологодскомъ Епарх. Древлехранилищѣ, в. VI, стр. 100.

[2]) Якубовъ: Россія и Швеція въ первой половинѣ 17 в. Чтенія въ О. И. Д., 1898 г., кн. I, стр. 412.

[3]) Дворц. Разр., т. III, ст. 1410.

находимъ, по росписи 1675 г.,[1]) лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ государя,—Никиту Насонова, бывшаго ранѣе дьякомъ Хлѣбнаго приказа, и Дементья Башмакова, остававшагося всегда въ близкихъ отношеніяхъ къ Тайному приказу. Нельзя также сказать, чтобы Тайный приказъ занялъ положеніе, формально аналогичное съ Челобитеннымъ приказомъ. Сюда не было тѣхъ путей, какими челобитныя попадали въ тотъ приказъ. Какъ бывало всегда и раньше, поданныя царю челобитныя и теперь принимали отъ него сопровождавшіе его при выходахъ челобитенный или думный дьяки, и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы привлекался къ этому же, въ обычныхъ условіяхъ, дьякъ Тайныхъ Дѣлъ. Съ другой стороны, челобитчикамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые принадлежали къ населенію подвѣдомственныхъ Тайному приказу владѣній, былъ закрытъ и непосредственный доступъ въ приказъ. Изъ записныхъ книгъ узнаемъ, напр., что «челобитчики вятчане 4 человѣка», пробовавшіе, повидимому, подать челобитную въ приказъ, были, по государеву указу, посажены въ тюрьму[2]); и соотвѣтствующія инструкціи имѣли, можно думать, приказные сторожа: коломенскаго ямщика, при подобной же попыткѣ, сторожъ Айгустовъ,—правда, уже нѣсколько превышая, вѣроятно, свои полномочія,—«металъ, по словамъ челобитчика, изъ приказа на земь и билъ смертнымъ боемъ»[3]). Тотъ же выводъ слѣдуетъ изъ одной отписки Ордина-Нащокина. Посылая однажды въ Тайный приказъ челобитную псковичей, Ординъ-Нащокинъ писалъ царю: „Великій государь! своего царскаго величества праведного гнѣву на меня, холопа своего, не вели положить, что челобитная съ памятми и со статьями не въ Новгородскую Четь, но въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ послана, для того: во Псковѣ, государь, велико настроеніе межъ людми во многихъ дѣлех, изъ Новогородские Чети даютъ имъ грамоты, кто о чемъ бьетъ, а по прежнимъ ихъ челобитнымъ за отпуски въ приказе не стоятъ“[4]). Со стороны человѣка, имѣвшаго прямое предписаніе отъ царя писать въ Тайный приказъ „о всякихъ дѣлѣхъ“[5]), извиненія и оговорки въ

---

[1]) Ib., ст. 1411.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 984.

[3]) Цит. у Гурлянда, l. c., стр. 219.

[4]) Доп. къ А. И., т. V, № 1, VI; цит. у Гурлянда, который придаетъ документу совсѣмъ другой смыслъ.

[5]) См. выше, стр. 273.

настоящемъ случаѣ могутъ означать одно: онъ зналъ, что, посылая прямо въ приказъ челобитныя, позволяетъ себѣ нарушеніе порядка.

Очевидно, что Тайный приказъ не предназначался къ тому, чтобы служить, подобно Челобитенному, органомъ непосредственнаго соприкосновенія между верховной властью и населеніемъ въ осуществленіи правосудія, и слѣд., не былъ конкурентомъ для Челобитеннаго приказа. Но царь могъ и по собственной иниціативѣ брать на свое разсмотрѣніе челобитныя, какъ и судныя дѣла, до того момента производившіяся въ обычномъ порядкѣ, и давать имъ дальнѣйшее движеніе черезъ Тайный приказъ. Сохранившіеся въ самыхъ документахъ слѣды того дѣйствительнаго пути, которымъ они попадали въ приказъ, подтверждаютъ это предположеніе: повидимому, дѣла поступали въ приказъ, по общему правилу, изъ другихъ приказовъ, въ томъ числѣ и Челобитеннаго, а иногда—пройдя уже боярскую думу. Отсюда на нѣкоторыхъ челобитныхъ остались по двѣ дьяческихъ помѣты, одна—думнаго дьяка, другая—дьяка Тайныхъ Дѣлъ. Такъ, на челобитной Новгородскаго митрополита Макарія о возвращеніи въ Домовую Софійскую Казну взятыхъ оттуда въ Новгородскую съѣзжую избу 700 руб., вверху (на оборотѣ) помѣчено: «168-го марта въ 25 д. Государь пожаловалъ, велѣл те денги в домовую казну Великого Новгорода отдат боярину князю Григорью Семеновичу Куракину и о том послат грамоту к боярину»; а подъ этой помѣтой—другая, сдѣланная Д. Башмаковымъ: „учинит по помѣте думного дьяка“ [1]). Точно также на челобитной братіи Саввина-Сторожевскаго монастыря о запрещеніи поборовъ съ ихъ монастырскихъ «крестьянишекъ» первая помѣта: „государя пожаловал, велѣл“, вторая (тоже Д. Б.): „166-го марта въ 9 д. Учинит по сему государеву указу тотчас“ [2]). Ясно, что подтвержденіемъ уже состоявшагося рѣшенія имѣлось въ виду только обезпечить болѣе правильное и скорое теченіе дѣла въ дальнѣйшемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ моментъ выступаетъ съ особенной ясностью. Псковскіе стрѣльцы, „выходцы“ изъ шведскаго плѣна, бьютъ государю челомъ о жалованьѣ „за полонное терпѣнье“; на ихъ челобитной сначала рукой неизвѣстнаго (вѣроятно, думнаго) дьяка положена резолюція: „166-го

[1]) Г. А., XXVII, № 175.
[2]) Ib., № 119, л. 85.

іюля въ 29 де (нь). Государь пожаловал, велѣл выписат и указ учинит в Розряде околничему Івану Ѳѳонасьевичу Гавреневу", потомъ уже Д. Башмаковымъ помѣчено: „выписать"; тутъ же, въ дѣлѣ, находим и «выписку» (справку о челобитчикахъ), и послѣдовавшую затѣмъ память изъ Тайнаго приказа въ Разрядъ о выдачѣ „жалованья" просителямъ [1]). Сохранилось нѣсколько челобитныхъ, помѣченныхъ и однимъ Д. Башмаковымъ. Какъ видно изъ соотвѣтствующихъ указовъ (или памятей) изъ Тайнаго приказа объ исполненіи, всѣ эти челобитныя поданы были государю въ с. Покровскомъ [2]) и, возможно, въ этой обстановкѣ переданы были имъ, вмѣсто челобитеннаго дьяка, дьяку Тайныхъ Дѣлъ, который затѣмъ и дѣлалъ докладъ [3]). Изъ показаній описи мы знаемъ, съ другой стороны, что во время походовъ Алексѣя Михайловича въ Польшу къ нему посылались изъ Тайнаго приказа «выписки исъ челобитенъ" [4]),—какихъ? Безъ сомнѣнія, тѣхъ, которыя слѣдовало взносить изъ приказовъ въ думу или къ государю и которыя, въ данныхъ условіяхъ, иначе оставались бы безъ рѣшенія. Подобныя же «выписки» доставлялись государю во время его потѣшныхъ походовъ, и онъ иногда собственноручно подписывалъ подъ ними резолюціи [5]). Значитъ, въ этихъ случаяхъ продолжалъ дѣйствовать порядокъ, установившійся съ самаго начала существованія приказа.

Не инымъ путемъ поступали въ Тайный приказъ и судныя дѣла. Въ одномъ случаѣ самъ челобитчикъ, гостиной сотни тяглецъ Ѳедоръ Аврамовъ, разсказалъ намъ исторію своего дѣла въ челобитной, поданной имъ уже при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ въ 1676 г. По его словамъ, въ 169-мъ году искалъ онъ въ Патріаршемъ Разрядѣ на своемъ зятѣ Х. Рыльскомъ приданаго сестры своей, которая умерла бездѣтной, и по приказному приговору зять его „былъ ему, Ѳедору, обвиненъ". Аврамовъ, однако, своего не получилъ, потому что Рыльскій, «не розделався съ нимъ умре», а «душевные прикащики» умершаго путемъ челобитья добились разрѣшенія продать его имущество, при чемъ «въ челобитье своемъ і искъ ево (Ѳ. Аврамова) утаили». Тогда

---

[1]) Г. А., XXVII, № 119, лл. 190—192.

[2]) Іb., лл. 144—5, 151—2, 156—7, 158—9, 160—161.

[3]) О подачѣ челобитенъ во время походовъ см. Котошихинъ, I. с., стр. 104, ср. 101. См. также выше, стр. 169, прим.

[4]) См. выше, стр. 274.

[5]) Гурляндъ, I. с., приложеніе 4.

Аврамовъ снова билъ челомъ въ Патріаршемъ Разрядѣ, который произвелъ сыскъ и потребовалъ отъ душеприкащиковъ представленія „духовной“ Рыльскаго, при чемъ поданную ими духовную Аврамовъ объявилъ «непрямой», и поставленный «для свидѣтельства той неправой духовной» «отецъ духовной» завѣщателя призналъ подлогъ. Это было въ 174-мъ году. «И по указу великого государя, сообщается далѣе, то ево судное вершеное дѣло взято въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, и по се число (по 184 г.) указу по тому дѣлу не учинено». Челобитчикъ теперь въ третій разъ обращается въ Патріаршій Разрядъ и проситъ, чтобы «святѣйшіі патріархъ пожаловалъ бы ево, велѣлъ то судное вершеное дѣло ис Приказу Тайныхъ Дѣлъ взять въ Патріаршъ Розрядъ» [1]). Изъ разсказа ясно, что дѣло было перенесено въ Тайный приказъ по усмотрѣнію государя, которому оно стало извѣстно, по всей вѣроятности, изъ соотвѣтствующаго доклада въ Боярской думѣ, куда, въ виду спорнаго характера могло быть внесено Патріаршимъ Разрядомъ, а, можетъ быть, и изъ личнаго доклада, но во всякомъ случаѣ — не по челобитью истца. [2]) Имѣя въ виду описанный случай, можно

---

[1]) Р. И. В., т. 21, ст. 807—810, также ст. 527.

[2]) Гурляндъ, наоборотъ, приводитъ это дѣло въ доказательство того, что челобитныя подавались прямо въ Тайный приказъ и что послѣдній состоялъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ населеніемъ, которое «рвалось къ царю» и этимъ своимъ напоромъ вызвало превращеніе приказа въ «органъ высшей справедливости». Вотъ образцы аргументаціи автора. Изложенное въ текстѣ дѣло Ѳ. Аврамова передается слѣд. образомъ въ его послѣднемъ рѣшающемъ моментѣ: «душеприказчики же, путемъ разныхъ подлоговъ, доказывали, что разсчетъ былъ давно законченъ; доказательства эти были признаны судомъ, и Аврамову отказали въ искѣ; Аврамовъ подалъ тогда челобитную въ Тайный приказъ; царь указалъ: «то судное вершеное дѣло взять въ приказъ Тайныхъ Дѣлъ» (L. c., стр. 268). Изъ сопоставленія съ подлинникомъ легко убѣдиться что въ этомъ изложеніи дѣло извращено почти до неузнаваемости. Душеприказчики просто «утаили» искъ Аврамова, почему понадобилась и подложная духовная, а главное—въ дѣлѣ нѣтъ даже намека на то, что Аврамовъ подалъ челобитную именно въ Тайный приказъ, и вводить въ изложеніе этотъ моментъ безъ всякихъ оговорокъ значитъ, со стороны автора, творить нужные ему историческіе факты. Съ помощью подобныхъ пріемовъ переработывается текстъ описи и въ др. случаяхъ; ср. напр. изложенныя на 268 стр.) дѣло Скарятина съ Стрѣшневымъ (Р. И. Б., т. 21, ст. 669) и М. Воропановой съ Невежинымъ (ib., ст. 778—9). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляемый Гурляндомъ пріемъ менѣе

аналогичный ходъ дѣлъ подозрѣвать и вообще тамъ, гдѣ опись отмѣчаетъ участіе того или другого приказа въ ихъ производствѣ, напр.: „дѣло было въ Розряде во 164-мъ і во 165-мъ году“, или: „судное дѣло... взято ис Приказу Холопья Суда во 165-мъ году“; въ одномъ случаѣ находимъ замѣтку: „в—ысподи подъ дѣломъ подписано: подлинное отдано въ Розрядъ“ [1]),— выходитъ, въ Тайномъ приказѣ оставленъ только списокъ. Значитъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣло велось помимо Тайнаго приказа и поступало сюда уже вершенымъ,—можетъ быть, для провѣрки рѣшенія, вѣрнѣе же—для справокъ при разсмотрѣніи аналогичныхъ дѣлъ въ самомъ приказѣ. Въ другихъ случаяхъ дѣло начиналось въ какомъ-нибудь изъ приказовъ или на мѣстѣ у воеводы простой или извѣтной челобитной, а „сыскивать“ по нему государь указывалъ изъ Тайнаго приказа или, какъ отмѣчаетъ опись: „отпускъ ему (сыщику) былъ изъ Приказу Тайныхъ Дѣлъ“ [2]). Чаще всего, однако, опись обходитъ этотъ пунктъ молчаніемъ, потомучто не находитъ соотвѣтствующихъ указаній въ дѣлахъ: „а ис которого приказу ему (сыщику) отпускъ былъ, того въ дѣлѣ не написано“ [3]), и по этой, вѣроятно, причинѣ она уклонилась отъ классификаціи оказавшихся въ приказномъ архивѣ судныхъ дѣлъ, просто выдѣливъ ихъ въ самостоятельную категорію „сыскныхъ дѣлъ“ [4])—не по мѣсту

сложенъ и сводится къ тому, что авторъ вставляетъ, гдѣ ему нужно, въ изложеніи документа терминъ Тайный приказъ и получаетъ т. о. требуемый аргументъ. Излагая (по архивному матеріалу) дѣло Ѳ. Рахманинова съ А. Рахманиновой и ея зятемъ И. Блудовымъ, авторъ— снова беру рѣшающій моментъ — пишетъ: «вдова Рахманинова, а главное (!)— зять ея, Игнатій Блудовъ, не стали, однако дожидаться, чѣмъ кончится дѣло у воеводы, и подали въ Тайный приказъ челобитную на Рахманинова» (стр. 267). Въ документѣ о подачѣ челобитной въ Тайный приказъ нѣтъ ни слова, а только сказано въ приказной «выпискѣ», что «по челобитью» Блудова (и еще одного лица—по другому уже дѣлу) былъ «посланъ сыскивать» стрѣлецкій голова Шишкинъ (А. М. Ю., Моск. ст. № 290, столпикъ 4, л. 141). Шишкинъ посланъ былъ, какъ дѣлалось довольно часто, «по наряду» изъ Тайнаго приказа, но отсюда, конечно, совершенно не слѣдуетъ, что истецъ и челобитную свою подавалъ въ Тайный приказъ. Между тѣмъ авторъ говоритъ объ этомъ такъ рѣшительно, какъ будто точно воспроизводитъ данныя источника, явно вводя читателя въ заблужденіе.

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 91, 100, 101, 105.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 72, 74, 97—8.

[3]) ib., ст. 73, 75, 86.

[4]) Ib., ст. 66.

производства, а по содержанію. Но производился ли сыскъ изъ Тайнаго приказа или изъ какого другого,—отъ этого могла еще зависѣть быстрота движенія дѣла, и едва ли мѣнялся въ существенномъ самый результатъ, такъ какъ и въ распоряженіе Тайнаго приказа давалось то же самое средство, что и всякому другому приказу,—сыщикъ, вооруженный государевымъ наказомъ. Отсюда, участіе государя въ судныхъ дѣлахъ, поскольку оно осуществлялось черезъ Тайный приказъ, можетъ быть, въ большей степени выражаетъ собой личный его интересъ къ тому или другому конкретному дѣлу, чѣмъ объективную мѣру къ обезпеченію правосудія.

Въ описанныхъ формахъ дѣятельности Тайный приказъ рѣзко отличается отъ приказовъ обычнаго типа. У каждаго приказа былъ опредѣленный, отстоявшійся кругъ дѣлъ, въ предѣлахъ котораго онъ могъ дѣйствовать съ большей или меньшей самостоятельностью. Между тѣмъ Тайный приказъ ни въ одной изъ областей управленія, куда шелъ за государемъ, не могъ бы обозначить твердой границы своей компетенціи, и въ то же время внутри этой, всегда колеблющейся, сферы былъ лишенъ самостоятельности, поскольку въ каждомъ его актѣ могла проявляться личная воля государя. Если принципіально каждый приказъ есть органъ личнаго управленія государя, то по отношенію къ Тайному это опредѣленіе можетъ быть признано и фактически исчерпывающимъ. Отсюда—чрезвычайная разносторонность его вѣдомства и своеобразіе пріемовъ, соотвѣтствующія стремленію царя къ непосредственности въ управленіи. Но по мѣрѣ того, какъ кругъ дѣлъ, вовлекавшихся въ сферу вѣдомства приказа, въ силу логической необходимости расширялся все болѣе и болѣе, должна была возрастать и трудность для государя—охватывать все ихъ разнообразіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ создавались условія, при которыхъ дѣятельность Тайнаго приказа могла пріобрѣсти типичный механическій характеръ. Этого не случилось или, вѣрнѣе, не случилось въ полной мѣрѣ, потомучто въ критическій моментъ въ постановкѣ дѣятельности приказа произведена была важная перемѣна.

Какъ отмѣчалось уже, если судить по записнымъ книгамъ, главнымъ предметомъ, на которомъ сосредоточивается вниманіе приказа, становится, начиная приблизительно съ 1663-го года, хозяйство. Перемѣна эта значитъ не просто то, что въ составѣ компетенціи приказа появляется новая отрасль или организуется

особое вѣдомство. Важно еще, что одновременно начинаютъ сокращаться другія его функціи и ослабѣваетъ непрерывный притокъ разнообразныхъ дѣлъ, которыми онъ загромождался въ предыдущемъ періодѣ. Такое наблюденіе, помимо записныхъ книгъ, поддерживается и описью, которой извѣстно уже сравнительно немного такихъ дѣлъ послѣ 172-го года. Это разгруженіе приказа происходитъ въ разныхъ областяхъ его компетенціи не въ одно и то же время и начинается съ той, гдѣ онъ долженъ былъ чувствовать себя наиболѣе обремененнымъ, — въ дѣлахъ по военному управленію. Согласно записи отъ 15 февр. 173 года въ записныхъ книгахъ, въ этотъ день были посланы государевы грамоты въ Смоленскъ „къ боярину і воеводамъ ко князю Ѳедору Ѳедоровичу Куракину, чтобъ впредь о всяких дѣлехъ кромѣ тайныхъ, писалі въ Приказы, а въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ велено писать о самыхъ тайныхъ дѣлехъ и которые въ томъ Приказе вѣдомы“ [1]). Можно не сомнѣваться, что подобныя же грамоты получили и другіе самостоятельные воеводы, и мы, вѣроятно, могли бы читать соотвѣтствующія записи, если бы записныя книги сохранились за весь 173-й годъ. Самая формула, которой долженъ былъ на будущее время опредѣляться кругъ подвѣдомственныхъ приказу дѣлъ, остается какъ будто прежней; въ дѣйствительности же она звучитъ по-новому, благодаря усиленному подчеркиванью: „самыя тайныя дѣла“. Но грамота Куракину выражаетъ собой, повидимому, только наиболѣе рѣшительный моментъ въ поворотѣ, начавшемся нѣсколько раньше. Такъ, мы знаемъ, что среди разныхъ не-тайныхъ дѣлъ Тайный приказъ бралъ по-преимуществу на себя организацію продовольствія войскъ; а въ августѣ 1663-го года, вѣроятно, на смѣну ему, государь указалъ „учинит в Розряде хлѣбной стол, а в немъ подъячих особо..., и с кого тѣ хлѣбные запасы збират велено, и зборные списки собрать в тот стол, и с того со всего здѣлат окладные книги приходу и росходу“ [2]). Въ то же приблизительно время обнаруживается и устраненіе приказа отъ сношеній съ воеводами по „всякимъ дѣламъ“, и непосредственное руководство начинаетъ замѣняться систематическимъ контролемъ. Такъ, думается, слѣдуетъ понимать происхожденіе указа отъ 18 ноября 1664 г., которымъ требовалось переписывать въ Разрядѣ всѣ

---

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1032.

[2]) А. М. Ю., Бѣлгор, ст., № 545, лл. 1—3.

вѣстовыя отписки „въ тетрати“ и присылать эти тетради въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ [1]); то же требованіе повторено въ указѣ отъ 28 февр. 1665 г., съ добавленіемъ—«повсядневно“ [2]). Мало того: военно-административная дѣятельность Разряда, стѣснявшаяся раньше постояннымъ вмѣшательствомъ Тайнаго приказа, теперь не только возстановляется въ прежнемъ объемѣ, но рамки ея даже расширяются на счетъ компетенціи нѣкоторыхъ другихъ приказовъ, въ той, главнымъ образомъ, части послѣдней, въ какой близко соприкасался съ ними Тайный приказъ: указомъ отъ 8 февр. 1665 г. велѣно было „Бѣлгоротцкого, Сѣвского, Новгоротцково полковъ гусарского, рейтарского, драгунского, салдатцкого строевъ полковниковъ и ихъ полковъ начальныхъ людей всѣхъ вѣдать въ Розряде, и имянамъ ихъ и что имъ ево государева жалованья кормовыхъ денегъ списки въ тетратехъ... из-Ыноземского Приказу послать въ Розрядъ“, т. е. вмѣсто Тайнаго приказа, куда, мы знаемъ, посылались эти списки раньше. Согласно тому же указу, въ Разрядѣ сосредоточивались денежные сборы по таможеннымъ и кабацкимъ откупамъ въ городахъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, вѣдавшіеся до того времени въ Приказѣ Большого Прихода и въ Новой Чети. „И послать о томъ, заканчивался указъ, ево государевы указы въ Большой Приходъ и въ Новую Четь..., до о всемъ о томъ въ Розрядъ къ думному дьяку Дементью Башмакову“ [3]).

Дементій Башмаковъ появляется въ это время въ Разрядѣ не случайно: при его, главнымъ образомъ, участіи и произошла совершившаяся перемѣна. Несомнѣнно, это—одинъ изъ наиболѣе крупныхъ приказныхъ дѣятелей второй половины 17-го вѣка, съ которымъ тѣсно связаны политическіе опыты царя Алексѣя. Простое происхожденіе и приказная профессія скрыли отъ насъ его личность, въ ея индивидуальной цѣльности; но какъ дѣлецъ, онъ хорошо видѣнъ изъ-за той перегородки, которой открытая политическая сцена отдѣлялась отъ приказныхъ кулисъ. Изучая дѣла Тайнаго приказа и Разряда, изслѣдователь все время, тамъ или здѣсь, имѣетъ передъ глазами эту, всегда отчетливо дѣйствующую и вмѣстѣ молчаливую, фигуру. Черезъ руки Башмакова прошло невѣроятное количество всякихъ бумагъ, и мы

---

[1]) Ib., № 520, л. 50.
[2]) Ib., Новгор. ст., № 184, л. 34.
[3]) Р. И. Б, т. 21, ст. 1029—1032.

напрасно стали бы искать въ нихъ слѣдовъ его личныхъ взглядовъ и интересовъ; зато массой своей онѣ свидѣтельствуютъ, что тутъ дѣйствовала огромная рабочая сила. По твердому размашистому почерку, какимъ онъ кладетъ свои помѣты или пишетъ указы, угадывается рѣшительный характеръ; а въ той легкости, съ какой имъ исправляются черновики подъячихъ, чувствуется великій мастеръ приказнаго стиля, умѣющій сразу найти даже для чужой мысли безукоризненно точное выраженіе. Для царя Алексѣя, которому рѣдко удавалось написать фразу, не настроивши надъ ней въ нѣсколько этажей поправокъ, это былъ настоящій кладъ въ качествѣ личнаго секретаря. Но Дементій Миничъ былъ не просто царскій секретарь, а и довѣренное лицо, котораго царь жаловалъ близостью, насколько то возможно для приказнаго. «Отъ царя і великаго князя Алексѣя Михайловича (т.) в нашемъ государеве имени дьяку Дементью Миничу Башмакову от нас, великого государя, милостивое слово»,—начинается не обычнымъ въ примѣненіи къ приказному обращеніемъ царская грамота Башмакову; и тотъ въ отвѣтъ изображаетъ свое отношеніе къ государю: „Въ твоей, великого государя (т.), грамоте ко мнѣ, холопу твоему, писано твое, великого государя, милостивое слово. И я, убогой холопъ твой, за вашу государскую премногую и пресвѣтлую милость о вашемъ государеве многолѣтном здоровье молю Всемилостивого и Человѣколюбиваго Бога, и долженъ молити и работати и до исходу убогой души своей, и по Бозе, опричь Васъ, Великихъ государей, помощи и надежды себѣ никого не имѣю“ [1]). Убогій холопъ, работающій на господина до исхода души своей, былъ, однако, увѣреннымъ въ себѣ и властнымъ человѣкомъ. Завѣдывавшій Записнымъ приказомъ Т. Кудрявцевъ однажды просилъ Башмакова доложить государю о необходимости оставить въ приказѣ подъячаго, котораго назначили было „въ посылку“ съ кн. А. Н. Трубецкимъ,—„и Дементей, записано на докладной выпискѣ Кудрявцева, мнѣ отказалъ: нѣ о чемъ де мнѣ о томъ докладывать, и велѣл ево (подъячаго) взять“ [2]). Когда въ Ферапонтовомъ монастырѣ получено было изъ Москвы одно, обидѣвшее Никона, распоряженіе, бывшій патріархъ съ раздраженіемъ

---

[1]) А. М. Ю., Моск. ст., № 365, лл. 40 и 65.

[2]) С. А. Бѣлокуровъ. О Записномъ приказѣ. Чтенія въ О. И. и Д. Р. 1900 г., кн. 3, стр. 56.

кричалъ: „это все дѣлаетъ Дементей Башмаковъ безъ государева указу!“ [1]). „Отъ Тайныхъ дѣлъ шишъ антихристовъ“,—аттестуетъ Башмакова на своемъ энергичномъ языкѣ протопопъ Аввакумъ [2]), очевидно, чувствовавшій въ трезвомъ и дѣловомъ дьякѣ опаснаго врага для экспансивныхъ ревнителей древняго благочестія. Дементья Минича знаютъ и иностранцы: «Канцелярія секретныхъ дѣлъ,—писалъ, напр., Кунрадъ фонъ-Кленкъ, когда еще Д. Башмаковъ не былъ думнымъ дьякомъ,—находится на верху у его царскаго величества; въ ней предсѣдательствуетъ дьякъ или вице-канцлеръ, имѣющій почти столько же значенія, какъ канцлеръ совѣта (т. е. боярской думы)—Дементій Башмаковъ» [3]).

Съ точностью не извѣстно, когда Д. Башмаковъ сталъ разряднымъ дьякомъ; въ маѣ 1664 г. онъ, несомнѣнно, былъ уже въ Разрядѣ [4]). Вѣроятно, вмѣстѣ съ новымъ назначеніемъ онъ получилъ и званіе думнаго дьяка. Въ Разрядѣ Башмаковъ сразу занялъ исключительное положеніе. По записнымъ книгамъ Московскаго стола за 1664—6 г.г., являющимся, кстати сказать, иллюстраціей его изумительной работоспособности, онъ дѣйствуетъ, какъ полный хозяинъ въ этомъ учрежденіи, самостоятельно разрѣшая самыя разнообразныя дѣла по отпискамъ воеводъ и совершенно заслоняя собой остальныхъ разрядныхъ дьяковъ [5]). По документамъ не замѣтно, съ другой стороны, чтобы при немъ долго удерживался и контроль надъ Разрядомъ со стороны Тайнаго приказа: регулярно представлявшіяся въ теченіе нѣкотораго времени тетради съ копіями разрядныхъ дѣлъ довольно скоро потомъ перестаютъ упоминаться, если только не ихъ разумѣетъ опись подъ глухимъ заголовкомъ: „столпъ разрядной о всякихъ полковыхъ и о вестовыхъ дѣлехъ“—170—177 и 164—181 г.г. [6]). Зато послѣ того, какъ Башмаковъ въ іюлѣ 1671 г. ушелъ изъ Разряда [7]), въ архивѣ Тайнаго приказа разрядныя дѣла снова появляются въ довольно значительномъ ко-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. III, стр. 271.

[2]) Я. Л. Барсковъ: Памятники первыхъ лѣтъ рус. старообрядчества, стр. 197.

[3]) Посольство Кунрада фонъ-Кленка. Изд. Арх. Ком., стр. 491.

[4]) Воронежскіе Акты, т. III, стр. 72; цит. у Гурлянда.

[5]) Р. И. Б., т. XI.

[6]) Р. И. Б., т. 21, ст. 60—62.

[7]) Др. Рос. Вивл., т. 20, стр. 370.

личествѣ, а въ 1672 г., по связи съ назрѣвавшей тогда войной съ крымцами, приказъ даже возвращается къ знакомой ему роли организатора продовольствія войскъ, командируя съ этой цѣлью на югъ своихъ агентовъ — двухъ своихъ подъячихъ, одного (П. Оловеникова) бывшаго, другого (А. Озерова) настоящаго [1]). Состоя дьякомъ въ Разрядѣ, Башмаковъ не порываетъ, однако, связи съ Тайнымъ приказомъ. Онъ «сказываетъ» иногда государевы указы, т. е. лично ему переданные государемъ, въ приказѣ и продолжаетъ получать государево жалованье то вмѣстѣ съ своимъ преемникомъ по дьячеству Ѳ. Михайловымъ, то въ общемъ составѣ приказнаго штата, при чемъ въ росписяхъ его имя ставится обыкновенно на первомъ мѣстѣ и его доля размѣрами превышаетъ остальныя [2]). Такимъ образомъ, можно бы сказать, что съ переводомъ Башмакова въ Разрядъ изъ Тайнаго приказа государь начиналъ руководить военными дѣлами по-новому—черезъ управляющаго этой частью, надѣленнаго широкими полномочіями и выдвинутаго личнымъ довѣріемъ къ нему царя.

Черезъ Башмакова осуществляется разгрузка Тайнаго приказа и еще въ одномъ направленіи—въ области сыскныхъ дѣлъ. Направлявшіяся раньше непосредственно въ Тайный приказъ, сыскныя дѣла, начиная приблизительно съ 1667—8 г., поступаютъ въ особый Сыскной приказъ, находящійся въ завѣдываніи Башмакова. Такъ, въ указѣ отъ 10 февр. 1669 г. стряпчему И. Волохову, производившему сыскъ надъ старцами Соловецкаго монастыря въ Сумскомъ острогѣ, предписано „отписку подать“ и одного изъ старцевъ „объявить въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ думному нашему дьяку Дементью Башмакову“ [3]). Но этотъ Сыскной и Тайный приказы находятся между собою въ очень тѣсной связи. Только что названный И. Волоховъ въ своей отпискѣ государю отъ 28 февр. того же года пишетъ, измѣняя указанный ему адресъ: „а отписку велѣлъ подать въ приказѣ Тайныхъ дѣлъ думскому (?) дьяку Дементью Башмакову“ [4]). Это, несомнѣнно,—не ошибка: и въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ той же терминологіей. Въ январѣ 1670 г., разряд-

---

[1]) А. М. Ю., Бѣлгор. ст., № 1212, лл. 16—68; ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 1565, 1614, 1618.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1134—5, 1141, 1151, 1179, 1254—5, 1274, 1283, и др.

[3]) Я. Л. Барсковъ, I. с., стр. 122.

[4]) Ib., стр. 129.

ному подъячему И. Костоусову велѣно было, по государеву указу, ѣхать въ Важскій уѣздъ, гдѣ, въ одной изъ деревень, онъ долженъ былъ «взять... бабу вдову Улиту Кирилову дочь Щипакова и обыскать у ней на дворѣ, в хоромех во всѣх мѣстех коренья и травы и каменья и заговоровъ на писмах, чѣм она помогает болным людем от порчи и от уроков и от притокъ и... ее роспросит, что из нихъ и от какой болѣзни годно і все ль у ней в дому, или что сверхъ того в-ыных мѣстех положено и у ково имяны, и гдѣ она то все имала и у кого училас или сама ково учила и сколь давно». Это было «царственное» дѣло (политическое), такъ какъ государи московскіе—и Алексѣй Михайловичъ не меньше остальныхъ—крайне подозрительно относились ко всякимъ травамъ и кореньямъ въ рукахъ самородныхъ лекарей и знахарей,—оттого имъ и заинтересовались «на Верху». И въ памяти, данной изъ Тайнаго приказа Костоусову, сказано: „а приѣхав к Москве, явитца и отписку подать і вынятое объявит в Приказе Тайных Дѣлъ думному дьяку Дементью Башмакову"; самая память—за приписью того же Башмакова [1]). Точно также «сыщикъ» Евсигнѣй Неѣловъ, посылавшійся въ 1669 г. «доискатца про воровстово» нѣсколькихъ „оговорныхъ" лицъ, велитъ свои «отписки и оговорным людемъ росписи» подавать „у твоихъ великого государя тайных дѣл дьяку Дементью Башмакову" [2]). Наконецъ, судя по нѣкоторымъ дѣламъ, Башмаковъ самымъ производствомъ сыска въ отдѣльныхъ случаяхъ руководилъ изъ Тайнаго приказа. Когда въ Дмитровѣ нѣсколько человѣкъ «тюремныхъ сидѣльцевъ» сказали за собой «великого государя царственные и земские дѣла», то былъ посланъ (въ окт. 1670 г.) туда „доискиватца в тѣхъ дѣлехъ правды всякими мѣрами" тотъ же Евсигнѣй Неѣловъ, при чемъ память ему писана Башмаковымъ и въ памяти предписывается распросныя рѣчи «подать в приказ тайных дѣлъ». Почему то въ Дмитровъ тогда же прислано было «с Москвы» все къ тому же сыщику еще 7 ч. „колодниковъ". для допроса въ разныхъ „воровствахъ", и изъ наказа Неѣлову, писаннаго также Башмаковымъ, узнаемъ, что эти колодники уже были «распрашиваны и пытаны в Семеновском» (вѣроятно, въ присутствіи царя) и что отписки изъ Дмитрова о дальнѣйшемъ движеніи

---

[1]) А. М. Ю., Прик. ст., № 426, лл. 77—148.
[2]) Іь., лл. 39, 40 и 68; ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 1491—2, 1545—6.

розыска должны подаваться „в приказе... великого государя тайныхъ дѣл... государеву думному дьяку Дементью Башмакову“ [1]). Такимъ образомъ, состоявшій въ вѣдѣніи Башмакова Сыскной приказъ представляется какъ бы отдѣленіемъ Тайнаго приказа, и въ виду этой связи не удивительно, что онъ закрытъ послѣднимъ и въ глазахъ современниковъ и даже въ офиціальныхъ документахъ. Московскій стрѣлецъ Матюшка Михайловъ объявилъ за собой (въ окт. 1670 г.) «великаго государя царственное дѣло» и въ Дмитровской съѣзжей избѣ показалъ, будто знакомый его Бѣлгородецъ гулящій человѣкъ Ивашко Филиповъ „говорил... про государыню царевну неистовые рѣчи недобрые“; но когда воевода хотѣлъ допросить извѣтчика, какія именно,—послѣдній заявилъ, что „про то он, Матюшка, скажет на Москве в Приказе тайных дѣлъ“ [2]). И такіе-же примѣры даютъ въ своихъ записяхъ записныя книги: 6 авг. 1667 г. „послана, читаемъ въ одномъ случаѣ, государева грамота въ Ряской х Карпу Сацыпорову, а велено ему въ Ряскомъ оговорного человѣка Конона Шунина въ государеве дѣле роспрашивать и пытать накрѣпко; и будетъ въ томъ дѣле учнетъ на кого говорить, и тѣхъ людей потому жъ роспрашивать; и будетъ дойдетъ до пытки, и ихъ пытать; да что станутъ говорить, о томъ писать въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ [3]).

Выдѣленіе сыскныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе Д. Башмакова должно было пріобрѣсти особое значеніе послѣ того, какъ онъ сталъ челобитеннымъ дьякомъ. Это назначеніе могло состояться только послѣ 1668 г. [4]); но оно до нѣкоторой степени намѣчено уже въ положеніи дьяка Сыскного приказа, и Башмаковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактически выполнялъ соотвѣтствующую функцію. Въ янв. 1669 г. холмогорскіе и архангельскіе стрѣльцы, «играючи на реке», какъ писалъ игуменъ Соловецкаго монастыря въ Москву „московские службы строителю“ Иринарху, столкнулись съ сумскими монастырскими крестьянами, и съ того времени у нихъ на монастырь „почала и злоба большая бысть“. Архимандритъ слышалъ, что стрѣльцы написали на него заручную челобитную, будто онъ ихъ «з голоду моритъ и жалованья не даетъ», и, желая предупредить непріятныя послѣдствія

[1]) Г. А., XXVII, № 290, лл. 4—13.
[2]) Ib., лл. 1—3.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1340—1341.
[4]) Дворц. Разр., т. III, ст. 840.

жалобы, пишетъ Иринарху: „и тебѣ бъ бити челомъ Дементью Миничю и милости у него просить, чтобъ онъ пожаловалъ, великого государя доложилъ о московскихъ сотникахъ и стрѣльцахъ, чтобъ великій государь указалъ хлѣбъ и на съѣстные всякіе мелкіе запасы давать урочное денежное жалованье помѣсячно“ [1]). Соловецкія власти обращаются къ Башмакову, конечно, прежде всего потому, что, какъ имъ хорошо было извѣстно, онъ завѣдывалъ сыскными дѣлами въ Тайномъ приказѣ и былъ близокъ къ государю [2]). Когда Башмаковъ сталъ дьякомъ Челобитеннаго приказа, сыскныя и челобитчиковы дѣла образовали какъ бы одно вѣдомство, во главѣ котораго стоялъ довѣренный человѣкъ государя; однако, политическій сыскъ, привлекающій къ себѣ все больше вниманія Алексѣя Михайловича, повидимому, начинаетъ теперь переходить въ другія руки.

Съ начала 70-хъ годовъ въ дѣлахъ Тайнаго приказа появляется имя дьяка Стрѣлецкаго приказа Ларіона Иванова. Въ 1664 г. онъ еще только начиналъ приказную карьеру—дьякомъ Оружейной палаты [3]); вслѣдъ затѣмъ мы встрѣчаемъ его среди дьяковъ Приказа Большого Дворца –послѣднимъ между другими; [4]), но уже вскорѣ по назначеніи въ Стрѣлецкій приказъ, не позднѣе 1670 г., онъ получаетъ званіе думнаго дьяка [5]), Если документами скудно освѣщена личность Д. Башмакова, то Л. Иванова, помимо приказной его службы, они какъ будто и совсѣмъ не знаютъ. Только С. Медвѣдевъ отзывается о немъ мимоходомъ,—правда, довольно вѣско,—въ своихъ запискахъ: „мужъ въ дѣлахъ гражданскихъ и посольскихъ былъ разуменъ“ [6]), и такой отзывъ заставляетъ думать, что молчаніе о немъ другихъ памятниковъ не есть еще свидѣтельство его незначительности. Въ качествѣ стрѣлецкаго дьяка Л. Ивановъ становится довольно рано близокъ къ Тайному приказу; въ мартѣ 1670 г. ему дается, напр., государева жалованья осмина грецкаго гороху,—жалованье,

---

[1]) Я. Л. Барсковъ, l. c., стр. 138—143.

[2]) Сюда, можетъ быть, слѣдуетъ отнести также случаи подачи челобитныхъ чрезъ Д. Башмакова, указанные на стр. 308.

[3]) А. М. Г., т. III, № 660, 667.

[4]) Дворц. Разр., т. III, ст. 839.

[5]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1535.

[6]) Записки Медвѣдева, стр. 13. Въ изд. Сахарова: «Записки русскихъ людей».

конечно, не великое, но знаменательна комбинація, въ которой выступаетъ въ этомъ случаѣ это новое лицо: горохъ получили патріархъ, 2 митрополита, епископъ, Б. М. Хитрово, Р. М. Стрѣшневъ, А. И. Матюшкинъ, бл. ст. И. Б. Троекуровъ, дьяки Д. Башмаковъ, Л. Ивановъ и Ѳ. Михайловъ, нѣсколько человѣкъ наиболѣе видныхъ стрѣлецкихъ головъ,—все очень близкіе къ государю люди [1]); въ другой разъ государь жалуетъ Иванова рыбой—стерлядями и, можетъ быть, въ еще болѣе выразительной компаніи,—вмѣстѣ съ А. С. Матвѣевымъ и Д. Полянскимъ, только троихъ [2]). Изъ Тайнаго приказа Иванову выдается и денежное жалованье „въ приказъ“,—согласно записямъ приходо-расходныхъ книгъ, 500 руб. „противъ прошлыхъ лѣтъ“, тогда какъ дьяку Тайныхъ Дѣлъ (Д. Полянскому) одновременно съ нимъ назначается только 300 руб. [3]). Несомнѣнно, что въ близости Л. Иванова къ Тайному приказу сказалось возраставшее значеніе того учрежденія, въ которомъ онъ былъ дьякомъ. Установленное указомъ изъ Тайнаго приказа отъ 1 янв. 1672 г. сосредоточеніе въ Стрѣлецкомъ приказѣ сбора главнѣйшей по тому времени стрѣлецкой подати [4]), являясь выраженіемъ опредѣленной тенденціи финансовой политики Московскаго правительства, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ важной политической роли, какую въ царствованіе Алексѣя Михайловича играетъ Стрѣлецкій приказъ, и въ этомъ отношеніи указанная реформа имѣетъ для себя аналогію въ состоявшейся нѣсколько раньше передачѣ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ изъ Большого Прихода и Новой Чети въ Разрядъ. Равнымъ образомъ самое положеніе Л. Иванова въ Стрѣлецкомъ приказѣ представляется аналогичнымъ тому, какое въ Разрядѣ занималъ Д. Башмаковъ. Онъ также—офиціальный глава учрежденія, которымъ, кстати сказать, раньше всегда управлялъ кто-нибудь изъ наиболѣе близкихъ къ царю бояръ (напр., Б. И. Морозовъ, послѣ него И. Д. Милославскій). Конечно, внутреннія отношенія въ Стрѣлецкомъ приказѣ, какъ и во всякомъ другомъ, отразились въ документахъ очень слабо; но вотъ, напр., какъ описывается въ Дворц. Разрядахъ командировка одного изъ стрѣлецкихъ

[1]) Ib., ст. 1509.

[2]) Ib., ст. 1689.

[3]) Р. И. Б., т. 23, ст. 191, 1392.

[4]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1579—1580; ср. П. Н. Милюковъ: Государственное хозяйство въ Россіи, стр. 60.

дьяковъ: „того жъ (1675-го) году посланъ, по указу Великаго государя, въ Боровескъ изъ стрѣлецкаго приказу отъ думного дьяка Ларивона Иванова стрѣлецкого же приказу дьякъ Ѳедоръ Кузмищевъ... А велено ему, Ѳедору, обо всемъ отписываться къ Москвѣ..., за своею рукою, къ думному дьяку Ларивону Иванову съ товарищи“ [1], — какъ видимъ, формулировка, явно предполагающая субординацію въ отношеніяхъ между Ивановымъ, съ одной стороны, и остальными дьяками приказа—съ другой. По росписи 1675 г., ему же подчинены: Приказъ Великого Княжества Литовскаго, Устюжская Четь и Хлѣбный приказъ [2]. Къ концу царствованія Л. Ивановъ все чаще начинаетъ упоминаться въ связи съ Тайнымъ приказомъ или—просто—съ тайными дѣлами, а въ дѣлахъ политическаго сыска совсѣмъ, какъ сказано, заслоняетъ собой Д. Башмакова. Онъ ведетъ, напр., сыскъ въ двухъ самыхъ крупныхъ дѣлахъ послѣднихъ лѣтъ—Арины Мусиной-Пушкиной и слѣпой Ѳеньки [3]; онъ же посылается, въ мартѣ 1675 г., изъ Тайнаго приказа „для его Великого государя тайнаго дѣла“ въ Ѳерапонтовъ монастырь [4].

Все это подготовляетъ насъ къ тому акту, которымъ окончательно опредѣляется положеніе обоихъ приказныхъ дѣльцовъ, Башмакова и Иванова, при царѣ Алексѣѣ и который вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ собой послѣднюю стадію въ эволюціи Тайнаго приказа: „того же числа, читаемъ въ Дворц. Разрядахъ подъ 23 мая 1675 г., сказано, по указу Великаго государя, сидѣть и вѣдать тайные дѣла *приказу*: думнымъ дьякомъ челобитеннаго приказу Дементью Башмакову, да стрѣлецкого приказу Ларивону Иванову, да тайныхъ дѣлъ дьяку Ивану Леонтьеву сыну Полянскому, прозвище Данилу“. По смыслу записи, указомъ не просто вводятся въ составъ Тайнаго приказа два новыхъ дьяка, а путемъ этой комбинаціи надъ прежнимъ учрежденіемъ какъ бы надстраивается другое, уже самостоятельное и по предмету и по формѣ дѣятельности, учрежденіе, спеціально для завѣдыванія тайными дѣлами,—иначе какой былъ бы смыслъ рядомъ съ дьяками, которымъ, предположимъ, впервые „сказано“ присутствовать въ Тайномъ приказѣ, ставить въ указѣ и дьяка Тайныхъ Дѣлъ? Самый терминъ „тайныя дѣла“

[1] Дворц. Разр., т. III, ст. 1528—9.
[2] Ib., ст. 1412.
[3] Ib., ст. 1288, 1428—9, 1443, 1452—3.
[4] Ib., ст. 1289.

въ этомъ случаѣ употребленъ, повидимому, въ спеціальномъ смыслѣ „царственныхъ“, т. е. политическихъ дѣлъ, но ими функціи новаго „приказа“ указъ не ограничиваетъ: „да ему жъ, думному дьяку Ларивону Иванову, продолжаетъ запись, приказано приказные всякіе дѣла по имянному Великаго Государя указу вѣдать, да съ нимъ дьяку челобитенного приказу“ [1],— другими словами, къ тайнымъ присоединяются всякія чрезвычайныя дѣла и такимъ образомъ до извѣстной степени возстановляется, только въ существенно иной постановкѣ, первоначальная компетенція Тайнаго приказа. Параллельно съ этимъ и въ томъ же направленіи происходятъ перемѣны въ управленіи посольскимъ дѣломъ.

Извѣстно, что послѣ заключенія Андрусовскаго перемирія виновникъ его А. Л. Ординъ-Нащокинъ становится во главѣ Посольскаго приказа съ громкимъ титуломъ „царственной большой печати и государственныхъ дѣлъ оберегателя“. Можно думать, что новый для Москвы титулъ не былъ только личнымъ почетнымъ отличіемъ знаменитаго дипломата, а обозначалъ собою новый строй внутренней жизни самаго учрежденія. Посольскій приказъ, состоявшій до тѣхъ поръ всегда въ завѣдываніи дьяковъ и дѣйствовавшій въ тѣсной зависимости отъ боярской думы, получалъ въ лицѣ Ордина-Нащокина начальника, болѣе самостоятельнаго въ силу личнаго довѣрія къ нему государя и фактически являвшагося отвѣтственнымъ передъ нимъ за все направленіе посольскаго дѣла. На этой, вѣроятно, почвѣ возникла и борьба посольскихъ дьяковъ противъ Ордина-Нащокина, лишь обострявшаяся благодаря строптивому характеру „Лаврентьевича“. При такихъ условіяхъ и Тайный приказъ могъ служить царю, оставлявшему за собой послѣднее слово въ руководствѣ дипломатіей, по существу только канцелярскими своими средствами. Когда между государемъ и Ординымъ-Нащокинымъ выяснилась безнадежная разница во взглядахъ, — дьякомъ въ Посольскій приказъ переводится изъ Разряда (въ 1670 г.) — ясно, съ какой цѣлью — Д. Башмаковъ, и онъ же потомъ (въ маѣ 1671 г.) назначается въ „товарищи“ къ Ордину-Нащокину на предполагавшійся тогда съѣздъ въ Андрусовѣ [2]; въ то время какъ начальникомъ

[1]) Дворц. Разр., т. III, ст. 1398—9.

[2]) Объ этомъ у Эйнгорна: Отставка А. Л. Ордина-Нащокина, Ж М. Н. Пр., 1877 г., іюнь.

Посольскаго приказа становится А. С. Матвѣевъ, „вѣрный и избранный голова“ Московскихъ стрѣльцовъ, только съ новымъ назначеніемъ получившій чинъ думнаго дворянина и сдѣлавшій дальнѣйшее пребываніе Башмакова въ Посольскомъ приказѣ излишнимъ. Въ примѣненіи къ Матвѣеву эта позиція, строющаяся на принципѣ личнаго довѣрія, получила особенно яркое выраженіе. Вотъ одинъ изъ очень характерныхъ случаевъ. Однажды, еще за много раньше до того, какъ Матвѣевъ сталъ во главѣ дипломатическаго вѣдомства, именно въ октябрѣ 1663 г., происходило засѣданіе ближней думы: „великій государь (т.), какъ записано въ протоколѣ засѣданія, говорилъ з бояры в комнате о дѣлехъ, что писать в тайной наказ думному дворянину Аѳанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, а ему, будучи у полского короля Яна Казимера, о тѣхъ дѣлехъ говорить при королѣ или с паны радою“... Въ „комнатѣ“ присутствовали виднѣйшіе члены думы: Я. К. Черкасскій, И. Д. Милославскій, С. Л. Стрѣшневъ, П. М. Салтыковъ, Б. М. Хитрово, Ѳ. М. Ртищевъ, самъ Ординъ-Нащокинъ и д. д. Ларіонъ Лопухинъ, а протоколъ писалъ Д. Башмаковъ. Принятыя рѣшенія, „что о дѣлех каких статей постановлено“, были изложены тутъ же въ рядѣ пунктовъ. Однако, въ дѣлѣ же находимъ собственноручную записку государя, по всей вѣроятности, именно къ Матвѣеву, по поводу того, что было на засѣданіи. Посылая вмѣстѣ и «статьи», царь знакомитъ адресата съ обнаружившимися разногласіями и предлагаетъ:

„Вычесть прилѣжно і выразумѣть на 10-ю, на 11-ю и 12-ю статьі о Киеве:

Бояря говорятъ: будет под Киевом быть съѣздомъ, и полякомъ будетъ на руку,

А Ѳѳонасей говоритъ, что поляки тому съѣзду, чтоб быт под Киевом, не будут ради, а ради будут Черкасы“ и т. д.

Изложивъ по такой же схемѣ еще одинъ пунктъ разногласія между боярами и „Ѳѳонасьемъ“, царь заключаетъ: „И тебѣ б помысля о том отписать, что ис тово лутче: будетъ о Киевѣ написано будет такъ, какъ в отвѣтном письмѣ объявлено і на сейме то отвѣтное письмо закрѣпятъ, и не будетъ ли сомнѣнія у черкасъ“ [1]) и т. д. Значитъ, царь приметъ окончательное рѣшеніе послѣ того, какъ узнаетъ мнѣніе человѣка,

[1]) Г. А., XXVII, № 128.

котораго цѣнитъ, хотя бы оно и разошлось съ „постановленными статьями“ въ думѣ. Въ качествѣ начальника Посольскаго приказа, Матвѣевъ, какъ и Ординъ-Нащокинъ, стоитъ между государемъ и коллегіей дьяковъ: „Того жъ году, записываютъ, напр., въ Дворц. Разрядахъ подъ 19 мая 1675 г., пригналъ гонецъ изъ Кіева, начальной человѣкъ, отъ боярина отъ князь Алексѣя Андреевича Голицына... съ отписки къ Великому государю къ Москвѣ; а на Москвѣ велено ему явиться въ посольскомъ приказѣ боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву да думному дьяку Григорью Богданову съ товарищи. И думной дьякъ посольскаго приказу Григорей Богдановъ докладывалъ по отпискамъ боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, и онъ, бояринъ, о томъ того гонца и съ отписками къ Великому государю въ Островъ послалъ“ [1]); или въ подобномъ же случаѣ: „и бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ указалъ думному дьяку Григорью Богданову того гонца послать“ къ государю [2]).

Въ виду всего сказаннаго, не кажется неожиданностью, что иногда мы застаемъ Матвѣева въ составѣ той коллегіи или, какъ бы, можетъ быть, сказали въ слѣдующемъ столѣтіи, — консиліи господъ министровъ по тайнымъ и чрезвычайнымъ дѣламъ, которая составилась изъ трехъ знакомыхъ намъ дьяковъ. И такой случай описанъ въ тѣхъ же Дворц. Разрядахъ, гдѣ подъ 1 іюня 1675 г. читаемъ: „Присланъ былъ изъ походу, нарочно, конюхъ къ Москвѣ, къ боярину къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву да къ думному дьяку стрѣлецкаго приказу къ Ларивону Иванову съ тѣмъ, что указалъ имъ Великій государь быть къ себѣ, Великому государю, въ походъ на Воробьеву гору тотчасъ, не мѣшкавъ; а посылалъ по нихъ, по указу Великаго государя, тайныхъ дѣлъ дьякъ Иванъ Леонтьевъ сынъ, прозвище Данило, Полянскій. И бояринъ (имя), да думный дьякъ (имя) тотчасъ поѣхали въ походъ къ нему, Великому государю, и которые отписки прислалъ изъ Кіева бояринъ князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ съ товарыщи, и тѣ отписки бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ повезъ съ собой въ походъ къ Великому государю въ докладъ“ [3]). Но при государѣ, какъ видно изъ Дворцовыхъ же Разрядовъ, безотлучно находился въ походѣ, кромѣ Д. Полянскаго, и

[1]) Дворц. Разр., т. III, ст. 1392.
[2]) Ib., ст. 1486—7. 1505.
[3]) Ib., ст. 1429 1430.

Д. Башмаковъ, такъ что обыкновенно поступавшія въ Посольскій приказъ отписки посылались изъ Москвы на имя или того, или другого [1]); слѣд. вызванные къ государю Матвѣевъ и Ивановъ должны были встрѣтиться съ обоими на докладѣ. Не случайно, думается, Матвѣевъ, Ивановъ и Полянскій назначаются иногда государемъ—также вмѣстѣ для участія въ розыскахъ по важнѣйшимъ дѣламъ [2]).

Можно думать все же, что передъ нами учрежденіе, еще не вышедшее изъ періода формированія, хотя и имѣвшее въ себѣ данныя для развитія въ будущемъ. Бросается, напр., въ глаза, что всѣ подъячіе Тайнаго приказа, пользовавшіеся наибольшимъ довѣріемъ царя, въ концѣ царствованія начинаютъ распредѣляться по другимъ приказамъ въ качествѣ дьяковъ, не теряя въ то же время связи съ тѣмъ гнѣздомъ, откуда вышли; такъ, по росписи 1675 г., состояли дьяками: Ю. Никифоровъ—въ приказѣ Большого Дворца, П. Оловениковъ въ Сибирскомъ приказѣ, Ѳ. Казанецъ—въ Мастерской палатѣ, А. Степановъ—въ Приказѣ Большой Казны, А. Черной—въ Конюшенномъ приказѣ; но и теперь временами они исполняютъ порученія изъ Тайнаго приказа и оттуда получаютъ иногда государево жалованье [3]). Конечно, для подъячаго Тайнаго приказа званіе дьяка было естественной ступенью; однако, независимо отъ того, проникновеніе бывшихъ агентовъ тайныхъ дѣлъ въ другія учрежденія могло явиться особымъ моментомъ въ развитіи намѣчавшейся системы. Съ другой стороны, появленіе при государѣ совѣта чисто бюрократическаго характера дѣлало еще болѣе неяснымъ и даже фальшивымъ положеніе аристократической думы, по-прежнему привлекавшейся въ составѣ „ближнихъ людей" къ участію въ важныхъ государственнюхъ вопросахъ, а въ то же время по дѣйствительному значенію близкой къ превращенію въ историческую декорацію. И здѣсь ближайшему будущему предстояло выработать, можетъ быть, болѣе опредѣленныя отношенія. Наступившая со смертью царя Алексѣя боярская реакція, выдвинувшая въ извѣстномъ проектѣ учрежденія намѣстничествъ въ противовѣсъ бюрократизаціи управленія принципъ почти удѣльной децентрализаціи, оборвала или, точнѣе, отсрочила осуществленіе этихъ возможностей.

[1]) Ib., ст. 1459—1462, 1465, 1477, 1483, 1487, 1500, 1505, 1523 и др.
[2]) Ib., т. III, ст. 1428—9.
[3]) Р. И. Б., т. 21, ст. 1625, 1629, 1710, 1720.

По мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ описаннаго процесса все дальше отходитъ отъ Тайнаго приказа роль проводника личной иниціативы государя въ области общаго управленія, все шире зато становится, какъ мы уже знаемъ, сфера его хозяйственной дѣятельности. Значитъ ли это, что хозяйственныя функціи приказа явились на смѣну политическимъ, и приказъ превратился просто въ хозяйственную контору царя, сохраняя только въ названіи память о прежнемъ своемъ значеніи? Очевидно, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ такъ или иначе въ зависимости отъ того, какъ будутъ оцѣниваться тѣ цѣли, которымъ служила состоявшая въ вѣдѣніи приказа хозяйственная организаціи.

Совершенно ясна экономическая обстановка, въ которой у царя Алексѣя зародилась мысль организовать съ помощью Тайнаго приказа самостоятельное хозяйство. Это было, какъ мы знаемъ, въ 1662-мъ году, т. е. въ моментъ наибольшаго напряженія того хозяйственнаго кризиса, который Москва переживала съ конца 50-хъ годовъ, частью вслѣдствіе недорода, частью въ связи съ монетными операціями правительства. Непомѣрная „хлѣбная дороговь“, какіе бы размѣры она ни принимала, конечно, не могла сдѣлать затруднительнымъ положеніе царскаго двора, обезпеченнаго доходами дворцоваго вѣдомства; но она очень больно отзывалась на положеніи служилыхъ людей, поселенныхъ „на вѣчное житье“ въ Москвѣ и жившихъ по преимуществу государевымъ жалованьемъ. Среди нихъ, можетъ быть, особенно сильно страдали отъ нея Московскіе стрѣльцы, которымъ съ 1649 г., вмѣсто положенныхъ въ придачу къ денежному жалованью (5—6 руб.) ржи и овса, стали выдавать деньгами же, по расчету—12 а. 4 д. за четь ржи[1]). Легко представить себѣ, въ какое состояніе долженъ былъ придти бюджетъ Московскаго стрѣльца, когда цѣна ржи поднялась въ Москвѣ до 16 руб. за четв. на мѣдныя или до 4 руб. на серебряныя деньги[2]). А между тѣмъ были обстоятельства, которыя заставляли царя съ особенной чуткостью отзываться на стрѣлецкія нужды и которыя именно въ 1662 г. дали почувствовать себя съ наибольшей силой.

Выше говорилось, что Алексѣй Михайловичъ начиналъ свое

---

[1]) Г. А., XXVII, № 63, лл. 1—2.

[2]) Бриккнеръ: Мѣдныя деньги въ Россіи, стр. 42.

царствованіе очень весело и въ первое время держался далеко отъ сѣрыхъ будней Московской жизни [1]). Въ 1648 г. Московская дѣйствительность, однако, грубо нарушила счастливое состояніе молодого царя, съ укоромъ и угрозами прорвавшись къ нему сквозь ряды его охранителей. А за первымъ урокомъ послѣдовалъ вскорѣ рядъ другихъ. Это „закачался“ міръ, выведенный изъ терпѣнія произволомъ власти и тяжкимъ гнетомъ московской государственности. Подъ дѣйствіемъ пережитыхъ впечатлѣній, царь проявилъ потомъ не мало доброй воли въ борьбѣ съ первымъ, но онъ и не пробовалъ измѣнять основъ второй, даже способствовалъ, въ качествѣ ея теоретика и отчасти по внѣшнимъ условіямъ, ихъ закрѣпленію, только въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ стараясь, путемъ изъявленія личной милости, смягчать участь ея жертвъ. Типичный примѣръ въ этомъ смыслѣ— отношеніе Алексѣя Михайловича къ преступникамъ: по государеву указу, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній имъ рубили руки и ноги, вырѣзали языки, а послѣ царь обходилъ „кажненыхъ“ и одѣлялъ ихъ своимъ жалованьемъ. И міръ, не получая облегченія въ цѣломъ, продолжалъ „качаться“ на протяженіи всего царствованія этого, по личной добротѣ, лучшаго изъ Московскихъ государей. Недовольство было разлито всюду: служилые люди тяготились походами, посадскіе — своимъ тягломъ, крестьяне—крѣпостной неволей, всѣ—растущими платежами и разнообразными натуральными повинностями. „Въ Москвѣ общественное настроеніе дурное, писалъ шведскій агентъ Эберсъ въ 1663 году, тамъ недовольны новыми налогами,... слышится повсемѣстно ропотъ“ [2]). Авторъ спеціальнаго трактата о войнѣ съ Россіей, вышедшаго въ Швеціи нѣсколько раньше, находилъ, что „у царя руки всегда будутъ связаны внутренними безпорядками и мятежами“ [3]), и почти тѣми же словами характеризовалъ положеніе дѣлъ въ Москвѣ де-Родесъ въ 1651 г.: „мнѣ

[1]) См. выше, стр. 305. По словамъ де-Родеса, «Царское величество совершенно рѣдко засѣдаютъ», и онъ долго не могъ добиться аудиенціи у царя, потомучто «Ихъ Царское Величество до сихъ поръ не въ городѣ, а большею частью развлекаются внѣ его, въ нѣсколькихъ верстахъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, со своей супругой». Курцъ. Донесенія де-Родеса, стр. 50; также 36,57. Ср. отзывы Поммеринга: Якубовъ, Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII в.; Чтенія въ О. И. и Д. Р. 1898 г., кн I, стр. 449.

[2]) Форстенъ, I. с. Ж. М. Н. П., 1898 г., іюнь, стр. 317.

[3]) Ib., 1898 г., май, стр. 340.

кажется, что имъ (Московскому правительству) не легко было бы что-нибудь предпринять, что могло бы вызвать войну, и это я вывожу изъ того, что (здѣсь) безпрерывно боятся внутренняго возстанія и безпорядка“ [1]) Всѣмъ извѣстные факты изъ времени царствованія Алексѣя Михайловича подтверждаютъ, что иностранцы не преувеличивали, рисуя настроеніе страны.

Проявляясь то бурными вспышками, то систематическимъ ослушаніемъ государевымъ указамъ, народное недовольство заключало въ себѣ угрозу не только для общаго порядка, а и лично для царя. По большому количеству сыскныхъ дѣлъ по политическимъ преступленіямъ, собранныхъ въ одномъ только архивѣ Тайнаго приказа[2]), можно судить, какъ часто въ то „бунташное“ время раздавались въ народѣ „неистовыя“ и „непригожія“ рѣчи про государя. Правда, такими считались и рѣчи, по существу совершенно безобидныя, свидѣтельствовавшія больше о наивности говорившихъ, чѣмъ о какихъ-либо злыхъ умыслахъ; конечно, не былъ опаснымъ мятежникомъ Козлитинъ сынъ боярскій Шепелевъ, который у себя дома позволилъ себѣ сказать, положа ногу на столъ: „у меня де много лучше государя“, [3]) хотя и за то былъ битъ въ Разрядѣ батогами; но уже существенно инымъ рисуется настроеніе старца Пахомія и псковского пушкаря Ульяшки Гаврилова, называвшихъ „великаго государя... и святѣйшаго патріарха... ворами“ [4]), или Смоленскаго мѣщанина Мишки Шершова, увѣрявшаго своихъ собесѣдниковъ въ кружалѣ, „что де есть на великаго государя висѣлица!“ [5]). Оживала и забытая было форма, въ которой Московская Русь когда-то выражала свою неудовлетворенность настоящимъ и свои чаянія лучшаго будущаго,—самозванство. Извѣстно, какъ много хлопотъ надѣлалъ Московскому правительству самозванецъ Тимошка Акундиновъ въ 1651 г., выдававшій себя за сына Царя Василья Шуйскаго и подъ этимъ именемъ побывавшій въ нѣсколькихъ сосѣднихъ государствахъ; Тимошку послѣ долгихъ и настойчивыхъ поисковъ залучили и казнили; но его участь не остановила другихъ: тотъ же опытъ

---

[1]) Курцъ, l. c., стр. 93.

[2]) Р. И. Б., т. 21, ст. 70—2 и др.

[3]) А. М. Ю., Прик. ст., № 162, лл. 223—4.

[4]) В. И. Веретенниковъ. Исторія Тайной Канцеляріи Петровскаго времени, стр. 14.

[5]) Г. А., XXVII, № 512, ч. III, л. 8.

повторили Ив. Клеопинъ и Лже-Симеонъ [1]). Правительству становились извѣстными также случаи, которые, при ихъ совершенной фактической безопасности, приходилось учитывать по ихъ психологическому значенію. Въ Ефремовѣ нѣкоей „молодицѣ Агапейцѣ“ явился (въ 1648 г.), „въ сновидѣньѣ“ мученикъ Христовъ Никита и сказалъ, чтобы пріемный ея отецъ Степанъ Корпачовъ „переставилъ избу и поставилъ ее съ сѣньми, и въ тѣхъ сѣнехъ сидѣть ей, Агапейцѣ, а ему бъ де, Стенькѣ, быть на царствѣ». „И онъ, Степанко, значится въ государевой грамотѣ, тому бѣсовскому мечтанію повѣрилъ и избу свою переставливалъ“. На яву, однако, обоимъ вышло другое: Степанъ былъ посаженъ въ тюрьму и потомъ „бить нещадно батоги“, а молодица „дана за пристава“, чтобы, какъ пояснялось въ грамотѣ, „инымъ такимъ неповадно было въ сонъ вѣрить“ [2]). Не меньше наивности, но вмѣстѣ и такая же близость къ дѣйствію, – въ фактѣ, о которомъ доносилъ въ Москву стряпчій Блохинъ: онъ видѣлъ, какъ крестьяне селъ Васильевскаго и Михайловскаго, Тверского уѣзда, „расхаживали съ топорами, пищалями и красными фатами, привязанными на шесты, носили на носилкахъ человѣка, у котораго надѣта была воронка, и называли его царемъ“ [3]). Самозванцы могли появляться тѣмъ легче, что очень рано была заподозрѣна подлинность царскаго происхожденія самого Алексѣя Михайловича. Еще въ 1635 г. архимандритъ Хутынскаго монастыря Ѳеодоритъ высказывалъ сомнѣніе: „Богъ де то вѣдаетъ, что прямой ли царевичъ, на удачу де не подметной ли?“ [4]). Нѣкоторые опирались въ своихъ сомнѣніяхъ на примѣры въ прошломъ: „знаемъ де мы такія подмѣны!“ [5]); а иные могли представить даже физіологическіе комментаріи къ подобнымъ предположеніямъ. Курскій разсыльщикъ Стенька Нѣгинъ, извѣщая ложно „на черную старицу“ Марѳу, приписывалъ ей слѣд. соображеніе, задолго, вѣроятно, передъ тѣмъ успѣвшее потерять своего настоящаго автора гдѣ-нибудь „на торгу“: „Глупые де мужики, которые быковъ припущаютъ къ коровамъ объ молоду, и тѣ де коровы рожаютъ быки; а какъ де бы припущали объ исходѣ, ино бъ рожали все

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи.
[2]) Новомбергскій. Слово и дѣло государевы, т. I, № 135.
[3]) Опис. док. и бум., хран. въ М. А. М. Ю., т. 15, л. 502.
[4]) Новомбергскій. I. с., № 61.
[5]) В. И. Веретенниковъ. I. с., стр. 9.

телицы. Государь де царь (т. е. Михаилъ Ѳеодоровичъ) женился объ исходѣ, и государыня де царица рожаетъ царевны; а какъ бы де государь царь женился объ молоду, и государыня де бы царица рожала все царевичи. И государь де царь хотѣлъ царицу постричь въ черницы, а что де государь царевичъ Алексѣй Михайловичъ, и тотъ де царевичъ подмѣнный“ [1]). Когда Алексѣй Михайловичъ объявленъ былъ царемъ, нашлись люди, которые уклонились отъ присяги ему, а нѣкоторые тогда прямо заявляли, что его „напрасно де на государство посадили“ и что „посадилъ де его на царство Морозовъ“ [2]). Тѣ же рѣчи во время московскаго бунта въ 1648 г.: „царствующій государь“—„не прямой государь“ [3]). Въ свою очередь правительственная политика, направляемая своекорыстными интересами верховъ, могла, конечно, только усиливать эти выводы въ сознаніи мелкаго люда: ефремовецъ сынъ боярскій Ивашка Ефановъ говорилъ, напр., про государя „неистовое слово“ такое, что, по признанію воеводы, „того написать не можно“; а причина—та: „о чемъ де они ему, государю, не бьютъ челомъ, и онъ де, государь, за нихъ не стоитъ“ [4]). Такъ царское имя становилось предметомъ всякаго рода слуховъ, подозрѣній, раздраженія, и отсюда—возможность слѣдующихъ фактовъ: два дьячка, Мирошка Симоновъ и Софронка Кириловъ, дядя да племянникъ, „межъ себя бранились“ на бесѣдѣ, и первый въ пылу ссоры сказалъ второму: „ни князь ты, ни бояринъ, только де назвать тебя царемъ“ [5]). Говорившій хотѣлъ этимъ словомъ оскорбить своего противника.

Подобные случаи сами по себѣ, въ отдѣльности, врядъ ли могли напугать; но рядомъ съ другими выраженіями недовольства, какъ коллективныя челобитныя и—еще болѣе—открытыя мятежи, они являлись уже внушительными показателями народнаго настроенія, и, при впечатлительности царя, естественно, должны были вызывать въ немъ тревогу. Въ этой связи становится особенно ясно, почему Уложеніе съ такимъ вниманіемъ останавливается на преступленіяхъ противъ государскаго здо-

---

[1]) Новомбергскій, I. c., № 57.

[2]) П. П. Смирновъ. Челобитныя дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ. Прилож. VIII; см. стр. 20.

[3]) Зерцаловъ. О мятежахъ въ г. Москвѣ и въ с. Коломенскомъ, стр. 196.

[4]) Новомбергскій. I. c., № 116.

[5]) Ib., № 98.

ровья и „государской чести“ (2 гл.), подъ формой „указа по разсмотрѣнію“ снова вводя въ область политическаго суда отвергнутое предшествующей практикой начало произвольной расправы [1]). И по разнымъ другимъ признакамъ видно, что царь не былъ покоенъ, обнаруживая, несомнѣнно, преувеличенную подозрительность. Было въ порядкѣ вещей, если старались по возможности внушительнѣе обставить казнь самозванца [2]), или въ случаяхъ возстаній, явно расходясь съ истиной, увѣряли населеніе, что мятежъ учинили „худые людишки“, а „всякихъ чиновъ ратные и торговые и земскіе люди къ тому ихъ воровству никто не пристали“—[3]), такіе пріемы подсказывались характеромъ событій; но вотъ случаи, требующіе другого объясненія. Добрый и внимательный въ отношеніи къ людямъ, когда ничто не будило въ немъ подозрительности, царь дѣлался несправедливъ и жестокъ при столкновеніи съ поступками, имѣвшими хотя бы только отдаленное сходство съ коллективнымъ протестомъ или, по тогдашнему, съ «заговоромъ», особенно въ окружавшей его средѣ. Однажды Алексѣю Михайловичу подали челобитную съ жалобой на неуплату жалованья царскіе сокольники. Царь увидѣлъ въ этомъ заговоръ и написалъ въ отвѣтъ цѣлое посланіе. Онъ самъ, говорилось тамъ, собираясь въ Семеновское „на потѣху“, хотѣлъ „пожаловать их (сокольниковъ) своим государевымъ денежным жалованьемъ многимъ, чего у них и на умѣ не бывало, и деньги были приготовлены». «И вы, обращается царь къ челобитчикамъ, тово не дождалися и завели воровски челобитье». Но заслуживаютъ осужденія и «начальные люди», которые на то и поставлены, чтобы «надъ своими статьи смотрѣть и от воровства и от всякаго дурна ихъ унимать»: „вспомяните, говорится по ихъ адресу, кто каков былъ и каковъ пришел, и каков ныне сталъ...,—за милость Божию и за ево государево жалованье можно бы и унять“. Резолюція: главному „заводчику“ Ѳедькѣ Кошелову указалъ государь отсѣчь лѣвую руку, положивъ „на столбецъ, къ которому руки прикладываны“, остальныхъ—«бить кнутомъ и батоги» [4]).

---

[1]) Г. Г. Тельбергъ. Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Моск. госуд., стр. 31—3.

[2]) См. напр., Форстенъ, I с., Ж. М. Н. Пр., 1898 г., февраль, стр. 227—8,

[3]) Зерцаловъ, I с., стр. 294, 324; ср. А. М. Г., т. III, № 595.

[4]) Г. А., XXVII, № 549.

А страхъ царя передъ колдовствомъ и вѣдовствомъ принимаетъ, можно сказать, прямо болѣзненный характеръ. Коновалъ Левка Сергѣевъ «давалъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго человѣку Мишке Серебренину питье сосать хмелевую шишку, завязавъ въ платъ, чтобъ ему запретить отъ питья; и тотъ Левка пытанъ, что тотъ платъ съ хмелемъ давалъ пить не для ль порчи, и онъ съ пытки говорилъ, что давалъ съ пьянства, и за то сосланъ въ Астрахань» [1]). Дѣло это было въ Тайномъ приказѣ, и можно не сомнѣваться, что строгія мѣры по отношенію къ Левкѣ были приняты въ предупрежденіе того, какъ бы у него не явилось охоты искать кліентовъ, но уже невольныхъ, выше. Особенно же наглядно размѣры подозрительности царя рисуются по упоминавшемуся ранѣе дѣлу слѣпой Ѳеньки. Это была «вѣдомая вориха и ворожея». Жила она во дворѣ кн. Ѳ. Ѳ. Куракина, и когда объ этомъ «вѣдомо учинилось» государю, послѣдовалъ указъ «взять» ее и «пытать жестокою пыткою», а кн. Куракину съ своего двора не съѣзжать. Пытка производилась сначала въ присутствіи комнатныхъ бояръ и дьяка Тайныхъ Дѣлъ, потомъ образованъ былъ спеціально «приказъ» въ составѣ Н. И. Одоевскаго, А. С. Матвѣева, Л. Иванова и Д. Полянскаго, а подъ конецъ къ нему „въ прибавку“ присоединили еще нѣсколькихъ комнатныхъ бояръ. Слѣдователи разспрашивали обвиняемую, «гдѣ она ѣздила и по которымъ боярскимъ дворамъ, и поскольку жила въ которомъ дворѣ..., и бояринъ про то князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ вѣдалъ ли и княгиня его, какъ она, Ѳенька, ѣздила съ людми его и съ дѣвками». Очевидно, искали какихъ то далеко идущихъ слѣдовъ; но нашли немного: «и она, заканчивается протоколъ, въ томъ во всемъ въ роспросѣ и съ пытки вину свою Великому Государю принесла, а велѣли ее Ѳеньку, по указу Великаго Государя, погрести въ убогомъ дому»: страшная ворожея «жестокой» пытки не выдержала и «съ тѣхъ пытокъ умерла» [2]). Но таково свойство напуганнаго воображенія: въ 1664 г., можетъ быть, ближайшимъ образомъ подъ впечатлѣніемъ событій 1662 г., государь, по разсказу Сильвестра Медвѣдева, самъ обратился «съ вопрошеніемъ... о хотящихъ быти во гражданствѣ» къ некоему „мужу мудру“, который угадывалъ будущее «отъ великого слу-

[1]) Р. И. Б., т. 21, ст. 106.
[2]) Дворц. Разр., т. III, ст. 1428—9.

ченія высочаïшихъ небесныхъ планидъ» и въ глазахъ благочестиваго русскаго человѣка едва ли былъ много праведнѣе слѣпой Ѳеньки. И царь отъ него узналъ, что «во гражданствѣ имутъ быти тайная скипетровъ похищенія, смерти, яко естественныя, тако напрасные людей вельможныхъ, имъ же послѣдуютъ великія молвы и смущенія и различныя постановленія уряду гражданскаго...; и для того великія будутъ сеймы многонародныя и частительная,—Богъ да избавитъ, да нѣкое злое опредѣленное оттуду выскочитъ...; подданные востанутъ противъ правителей своихъ за то, что сердца ихъ суть опечалена и тоскою наполнена, хотя велможи нѣцыи о успокоеніи уставительномъ и помыслятъ и всяку жилу натянутъ, чѣмъ колеблемый онъ народъ успокоитися моглъ бы, обаче мало помогутъ» [1]). Картина, какъ видимъ, менѣе всего успокоительная. Мирское «шатаніе», дѣлая будущее невѣрнымъ, естественно, вызываетъ въ царѣ династическія опасенія и заставляетъ его, въ цѣляхъ упроченія династіи, рано вывести своего наслѣдника на политическую сцену. Уѣзжая въ 1655 г. во второй Польскій походъ царь оставилъ на Москвѣ „у сына“ своего царевича Алексѣя (съ небольшимъ одного году) и у царицы боярина Г. С. Куракина «съ товарищи», которые и были настоящимъ правительствомъ, а грамоты „о всякихъ дѣлехъ“ указалъ писать отъ имени царевича. Сдѣлавъ такое распоряженіе, онъ предвидитъ, что этотъ пріемъ не на всѣхъ произведетъ желаемое дѣйствіе и считаетъ нужнымъ предупредить: «хто станетъ про тѣ грамоты говорить непристойные слова, и вамъ бы чинить имъ, по сыску, жестокое наказанье» [2]). Не безъ намѣренія, конечно, онъ ставитъ иногда царевича въ такое положеніе, которое могло обезпечивать ему симпатіи начальныхъ людей. Выражая свое недовольство кн. Лобанову-Ростовскому (въ 1658—9 г.) по поводу его ложныхъ донесеній и самовольныхъ распоряженій, царь пишетъ, что онъ указалъ было виновнаго боярина «со службы перемѣнить», но, говорится далѣе, „для прошенія сына нашего государева благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича... съ нашей великого государя службы, за опалу, тебя, околничево нашего и воеводу перемѣнить не велѣли“ [3]). Въ другой разъ

[1]) С. Медвѣдевъ. Созерцаніе краткое. Подъ ред. А. Прозоровскаго стр. 38—9,

[2]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 717.

[3]) Ib, стр. 747.

„для нашего и сына нашего... многолѣтного здоровья государь милуетъ „измѣнниковъ", салдацкого строю начальныхъ людей, приговоренныхъ за сдачу Гродны къ смертной казни [1]). Имя царевича выдвигалось, какъ мы знаемъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда раздавалось государево жалованье солдатамъ и стрѣльцамъ.

Чувство разобщенности съ народной массой заставляло искать искусственной опоры въ видѣ вооруженной силы, на которую бы можно было всегда положиться. Такой силой не могло служить дворянское ополченіе, ни по своимъ боевымъ качествамъ, ни по настроенію класса, и царь имѣлъ не одинъ случай убѣдиться въ этомъ. Безконечные списки нѣтчиковъ и бѣглецовъ, поступавшіе, между прочимъ, и въ Тайный приказъ, съ одной стороны, упорное ослушаніе государевымъ указамъ и жалобы на свое положеніе—съ другой, были плохимъ аттестатомъ служебнаго усердія дворянъ [2]). Но всего важнѣе было,

[1]) А. М. Г., т. III, № 37.

[2]) Отношеніе дворянства въ лицѣ его лучшихъ элементовъ—столичныхъ чиновъ—къ обязанностямъ военной службы чрезвычайно ярко характеризуется въ слѣд. указѣ (отъ 1655 г.), редактировавшемся самимъ Алексѣемъ Михайловичемъ: „Стольники і стряпчие и дворяне московские жильцы! В нынѣшнем во 163-м году октября въ 6 д. государь царь і великій князь (п. т.) у своего государева смотру под Смоленском повелил свой государевъ указ вамъ всѣмъ сказать, чтобы всѣ со всею службою и з запасы і с конскими кормы на ево государеву службу в Смоленескъ былі нынешняго 163-году по послѣднему зимнему бы пути, сами стали в Вязме, а которое число стат, и о том пришлют грамоты. І в городы к воеводам і к приказным людем, по государеву указу, посланы ево государевы многие грамоты, а велено в городех вамъ всѣмъ государевъ указ сказыват, что по государеву указу велено вамъ со всею службою и з запасы і с конскими кормы на ево государеве службе ево государева полку в Вязме стать на указной срокъ, марта в 17 дек. нынешняго 163-го году. І вы, забыв головы свои і преслушавъ ево государевых многихъ указных грамот, на ево государеву службу в Вязму на указной срокъ не приѣхали і за ту вашу вину довелис вы болшого наказанья: и помѣстьи и вотчины отнять.

І государь царь і великіи княз (т) для нынешния службы і для своего ангела на милость положил, пожаловал васъ наказанья вам за ту вину учинить і помѣстья і вотчинъ отнять не велѣл. А впред хотя едино хто слово молыт і поставитъ ни во што нашу государскую милость превыше вины нашея іли, на нашу государскую милость надѣючись, болши тово дуровать начнет і в оплошку поставитъ нашъ государевъ указъ, і тѣмъ людем быть разоренымъ бесповоротно і самим быть в нашей государеве опале в Сибири. Да в вас же врагъ всѣялъ такие рѣчи: гово-

конечно, то, что именно служилые люди явились главными дѣятелями въ событіяхъ 1648 г. [1]), въ первый разъ со всей наглядностью раскрывшихъ передъ царемъ рознь между населеніемъ и властью, а между тѣмъ самый вопросъ конкретно и поставленъ былъ какъ разъ подъ впечатлѣніемъ этихъ событій. Бывшій въ 1648—9 г. въ Москвѣ шведскій резидентъ Поммерингъ имѣлъ свѣдѣнія, что правительство собиралось тогда «вербовать» сильную гвардію «для безопасности его царскаго величества». «Теперь, сообщалъ Поммерингъ въ февралѣ 1649 г., (объ этомъ) не такъ много слышно»,—значитъ, раньше говорилось много [2]). Спустя мѣсяцъ, онъ, правда, пишетъ: «о сильной лейбъ гвардіи его ц. в., которою долженъ былъ командовать голландскій полковникъ Исаакъ Бухгофенъ, теперь ничего не слышно» [3]); однако, еще черезъ мѣсяцъ онъ узналъ, что на мѣсто сосланныхъ въ Сибирь стрѣльцовъ «будетъ навербована тысяча всадниковъ и 2400 мушкетеровъ»; согласно же позднѣйшему его сообщенію—6000 всадниковъ, которые и составятъ «гвардію великаго князя» [4]). Эти свѣдѣнія Поммерингъ, несомнѣнно, почерпнулъ изъ ходившихъ тогда въ Москвѣ слуховъ, и, повидимому, былъ близокъ къ предположеніямъ правительства, только осуществившимся на самомъ дѣлѣ въ иномъ видѣ.

Въ донесеніяхъ Поммеринга о смутѣ 1648 г. мелькаютъ также извѣстія о роли стрѣльцовъ. Она рисуется до извѣстной степени двойственной; но совершенно ясно, что стрѣльцы—сила въ Москвѣ. Во время безпорядковъ столкнулись двѣ придворныя партіи—Б. И. Морозова, за которой стоялъ, повидимому, и царь, и—Н. И. Романова, рядомъ съ которымъ держится князь Я. К. Черкасскій. Обѣ партіи ухаживаютъ за стрѣльцами. Князь Яковъ не разъ угощаетъ ихъ у себя въ домѣ [5]). Ихъ же содѣйствіемъ старается заручиться и противная партія. «Патріархъ

рите—лошеди стали, одинъ прибежал; і от ково то сталось? Посыланы многие грамоты по васъ, за што іподовол не ѣхали? І в васъ бы таких рѣчей не было, а покрывать службою і кровью с радостию, памятуя ево государеву милость». Г. А., XXVII, № 101.

[1]) П. П. Смирновъ, l. c.; ср. того же автора: О началѣ Соборнаго Уложенія и Земскаго Собора 1648—9 г, Ж, М, Н, П., 1913 г., кн, 9,

[2]) Якубовъ. Россія и Швеція. Чт. въ О. И. и Д. Р., 1898, кн. стр. 442.

[3]) Ib., стр. 445.

[4]) Ib., стр. 447—8.

[5]) Ib., стр. 427, 430.

сообщаетъ Поммерингъ, обѣщалъ каждому стрѣльцу, который подпишетъ (прошеніе) о томъ, чтобы Морозовъ пріѣхалъ въ Москву, 4 рубля», а самъ царь—по 10 р. [1]). Онъ передаетъ далѣе, что стрѣльцы «вмѣсто прежняго своего жалованья въ 4 или 5 руб. теперь недавно получили отъ его царскаго величества 25 руб., а нѣкоторые полагаютъ, и болѣе» [2]). И стрѣльцы чувствуютъ свою силу: «его царское величество, пишетъ Поммерингъ, обѣщалъ стрѣльцамъ улучшеніе; но чью сторону они будутъ держать, еще неизвѣстно» [3]). Дѣло, однако, уладилось: челобитная была подписана, и Морозовъ возвратился въ Москву. Позднѣе, въ челобитной, поданной 17 ноября 1649 г., стрѣльцы стремянного приказа напоминали государю о своихъ заслугахъ передъ нимъ въ тѣ тревожные дни: «Въ прошломъ, государь, въ 156-мъ году, какъ было шумное время, и въ то время мы, холопи твои, помня твое государево крестное цѣлованье, были у тебя государя на Постельномъ крыльцѣ, оберегали твоего царскаго величества; и въ то время безъ насъ, холопей твоихъ, домишка наши со всѣми животишки и статки пригорѣли, а у иныхъ у насъ, холопей твоихъ, и женишки згорѣли. И въ нынѣшнемъ же, государь, во 157-мъ году, дипломатично изображаютъ челобитчики главную свою заслугу, какъ просили милости у тебя, праведнаго государя, всѣми Приказы о бояринѣ о Борисѣ Ивановичѣ Морозовѣ, чтобъ ты, государь, насъ, холопей своихъ, пожаловалъ велѣлъ Боярина Бориса Ивановича Морозова взять къ своему царскому Величеству, и къ той челобитной мы, холопи твои, Стремяннымъ приказомъ прежъ всѣхъ Приказовъ безо всякіе задержки руки свои приложили". Мало того: стремянные стрѣльцы „сверхъ той челобитной... съ великимъ радѣніемъ написали особную челобитную о Бояринѣ Борисѣ Ивановичѣ Морозовѣ". Изъ того же документа узнаемъ, что дѣйствительно государь „для всемірные пресвѣтлые радости рождения... благовѣрнаго царевича" указалъ стрѣльцамъ всѣхъ московскихъ приказовъ дать „въ прибавку... по рублю человѣку въ окладъ" денежнаго жалованья, при соотвѣтствующей „хлѣбной додачѣ" [4]). Конечно, поведеніе стрѣльцовъ въ 48 г., не только двусмысленное, на что намекаютъ даже стремянные

[1]) Ib., стр. 429, 430.
[2]) Ib., стр. 433.
[3]) Ib., стр. 427—8.
[4]) Чтенія въ О. И. и Д. Р., 1881 г., кн. 1., стр. 1—4.

стрѣльцы въ своей челобитной („задержка“ со стороны другихъ стрѣльцовъ въ подписаніи челобитной о возвращеніи Морозова), а и вызывающее, если принимать сообщеніе Поммеринга, что стрѣльцы тогда осмѣливались „дерзко выступать противъ его величества“ [1]), не могло внушать къ нимъ довѣрія, и возможно, что въ этомъ была причина, почему предполагалось сначала образовать особую лейбъ-гвардію [2]). Благодаря послѣдующему ихъ поведенію, впечатлѣніе, однако, сгладилось, и стрѣльцы постепенно заняли мѣсто, указывавшееся имъ и всей совокупностью условій момента, и положеніемъ ихъ, какъ постояннаго, прикрѣпленнаго къ Москвѣ, войска. Значеніе ихъ быстро растетъ, и это сказывается прежде всего увеличеніемъ ихъ числа. Самый указъ объ учрежденіи новыхъ приказовъ Московскихъ стрѣльцовъ до насъ не дошелъ, но указанія на него содержатся въ памяти А. С. Матвѣеву отъ 29 ноября 1672 г., которая начинается слѣд. торжественнымъ воспоминаніемъ: „Въ прошлыхъ годѣхъ, за помощію Божіею и крѣпкой возбранной воеводы Пресвятыя Богородицы, всего христіанскаго рода хранительницы, по указу Великого государя (т.), на оборону въ прошлые военные времена и въ приходъ Крымского хана и татаръ на Украинные и сѣверные городы, и для разныхъ непріятелей, прибавлены сверхъ прежняго Московскіе Стрѣлецкіе приказы“ [3]). „Прошлые годы“, о которыхъ здѣсь говорится, по всей вѣроятности,—средина пятидесятыхъ годовъ: уже въ 1657 г. по смѣнамъ стрѣлецкихъ карауловъ, записывавшихся въ „Дневальныхъ запискахъ“ Тайнаго приказа, можно насчитать до 17 московскихъ приказовъ, т.-е. вдвое больше противъ прежняго [4]). Съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться, что „прибавляли“ Московскихъ стрѣльцовъ не только „для разныхъ непріятелей“: еще въ декабрѣ 1655 г. самимъ государемъ частью составлялся, частью редактировался указъ, согласно которому тогдашній начальникъ Стрѣлецкаго приказа И. Д. Милославскій долженъ былъ „приверстать“ новыхъ стрѣльцовъ въ три приказа—С. Полтева, А. С. Матвѣева и Якова Соловцова (стремянной) такъ, чтобы въ каждомъ вмѣсто обычныхъ 600 ч. было по

[1]) Якубовъ, I. с., стр. 427—8.
[2]) Такъ именно смотритъ Поммерингъ, I с. стр. 439.
[3]) А. А. Э., т. IV, № 189.
[4]) Чт. въ О. И. и Д. Р., 1908 г., кн. I, стр. 1—3.

1000 ч. [1]), а эти три приказа, какъ будетъ видно, по преимуществу составляли личную охрану царя.

Теперь стрѣльцы всегда вблизи царя, остается ли онъ въ Москвѣ, или ѣдетъ тѣшиться въ поле, или отправляется въ походъ. Самые наборы стрѣлецкихъ приказовъ чуть ли не всегда производятся по указамъ изъ Тайнаго приказа, иногда даже—по росписямъ, составляющимся лично государемъ [2]). Царь самъ просматриваетъ росписи стрѣлецкихъ карауловъ, наряжающихся ко дворцу; случается,—измѣняетъ ихъ [3]). Онъ придумалъ и собственноручно записалъ пароли для стрѣлецкихъ головъ [4]). Стрѣльцы передъ всѣми другими людьми пользуются довѣріемъ государя; только они одни могли, по словамъ Котошихина, проходить царскимъ дворомъ „съ ружьемъ і въ япанчахъ“ [5]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда Московскіе стрѣльцы посылаются на театръ военныхъ дѣйствій, они какъ будто оказываются подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Тайнаго приказа: отсюда даются имъ указы о выступленіи въ походъ и сообщаются маршруты, а стрѣлецкіе головы шлютъ отъ себя туда же отписки о движеніи своихъ приказовъ, по крайней мѣрѣ съ дороги [6]). Во время военныхъ походовъ государя размѣщеніе Московскихъ стрѣльцовъ—предметъ совсѣмъ особаго вниманія. Когда въ 1675 г. Алексѣй Михайловичъ готовился лично принять участіе въ войнѣ съ крымцами, на югъ были, какъ говорилось уже, посланы бывшій подъячій Тайнаго приказа, а въ тотъ моментъ—дьякъ Пушкарскаго приказа, П. Оловениковъ и подъячій (настоящій) приказа А. Озеровъ, которые должны были заготовить продовольствіе для ратныхъ людей и, между прочимъ, приготовить въ Путивлѣ, гдѣ намѣченъ былъ государевъ станъ, дворы для сопровождавшихъ государя придворныхъ чиновъ и Московскихъ стрѣльцовъ. Вотъ какъ извѣщали государя названныя лица объ исполненіи послѣдняго порученія: „А под стрѣлецкие, государь, приказы, которые за тобою, великимъ государемъ,

[1]) Г. А., XXVII, № 102.

[2]) Напр., Ib. № 57.

[3]) Чт. въ О. И. и Д. Р., 1908 г., кн. I, стр. 176; Г. А., XXVII, № 102.

[4]) Г. А., XXVII, № 338. Напр.: «Яковъ Павловъ сынъ Соловцовъ—ясакъ: махай, махай; Семенъ Ѳедоровъ сынъ Полтева—ясакъ: Полтевъ, Полтевъ; Артамонъ (т. е. Матвѣевъ)—ясакъ: божедомъ, божедомъ» и т. д.

[5]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, стр. 30. Изд. 4.

[6]) Напр. А. М. Ю.. Бѣлгор. ст., № 610, лл. 26, 34, 51—2, 58, 61—3, 67—8, 86, 86—7.

будутъ въ походе, росписано дворовъ на 15 тысячъ человѣкъ 600 дворов, по 20 и по 5 человѣкъ на дворъ, и тѣмъ дворам учиня имянную роспись в тетратех, отдали мы, холопи твои, полуголовѣ Московских стрѣлцовъ Петру Полукнязеву; а затѣмъ, государь, в остатке в Путивле бояромъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ людемъ и столникомъ, и стряпчимъ и дворянамъ и жилцомъ і всякихъ чинов людем 700 дворовъ". Итакъ, думаютъ сначала о Московскихъ стрѣльцахъ, а затѣмъ уже—о прочихъ „всякихъ чиновъ людѣхъ", въ томъ числѣ—и думныхъ и ближнихъ. „А въ которыхъ мѣстех, государь, снова возвращаются авторы къ стрѣльцамъ, под стрелецкие приказы дворы росписаны, и тому мы, холопы твои, учиня чертеж, послали к тебѣ. великому государю, с сею отпискою, а отписку и чертеж велѣли подать твоихъ великого государя тайныхъ дѣл дьяку Данилу Полянскому" [1]). Но Московскіе стрѣльцы не только тѣлохранители царя, а и его довѣренные агенты въ управленіи. Стрѣлецкіе начальные люди постоянно, какъ мы знаемъ, исполняютъ разнообразныя хозяйственныя порученія и назначаются въ отвѣтственныя „посылки" военнаго и дипломатическаго характера. Они же, по преимуществу, производятъ „по наряду" изъ Тайнаго приказа сыски, получая иногда при этомъ полномочіе—„по роспросу и сыску" и „указъ учинить по... государеву указу и Уложенью" [2]). Стрѣлецкій голова правитъ пеню на мѣстномъ воеводѣ, если тотъ окажется „ослушнымъ" государеву указу [3]). Въ подобныхъ роляхъ нѣкоторые изъ стрѣлецкихъ головъ выступаютъ такъ часто, что какъ бы примыкаютъ къ составу Тайнаго приказа. Всѣ эти отличія съ несущественными отклоненіями, раздѣляютъ, подъ конецъ, съ Московскими стрѣльцами и солдаты двухъ выборныхъ полковъ, изъ которыхъ полкъ М. Кравкова представляетъ еще ту любопытную особенность, что набирается, повидимому, преимущественно съ наслѣдственныхъ романовскихъ земель [4]).

Значеніемъ Московскихъ стрѣльцовъ опредѣляется и мѣра благоволенія къ нимъ государя. Они больше всѣхъ другихъ служилыхъ людей, разумѣется—въ соотвѣтствующихъ рангахъ, взысканы и близостью, и милостью. Стрѣлецкіе головы и полу-

[1]) А. М. Ю., Бѣлг. ст., № 1212, л.л. 38—9.
[2]) Г. А., XXVII, № 119, л.л. 100—103.
[3]) А. М. Ю., Бѣлг. ст., № 659, л. 39.
[4]) А. М. Ю., Бѣлг. ст., № 610, лл. 41—2; ср. Р. И. Б., т. 21, ст. 518.

головы—обычные гости за царскимъ столомъ, и нерѣдко—въ числѣ самыхъ избранныхъ людей [1]). Царь очень бережетъ свою гвардію. Посылая стряпчаго Яковлева съ выговоромъ Хованскому по поводу неудачнаго приступа къ Ляховичамъ, онъ наказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ: „ему ж, бояріну і воеводе, говорить, чтоб онъ головъ Московскихъ стрелцовъ и ихъ приказов стрелцов берегъ, и кромѣ полевых боев к городамъ на приступъ не посылалъ“ [2]). Повидимому, онъ не находилъ нужнымъ и скрывать предпочтенія, отдававшагося имъ стрѣльцамъ. Въ 1664 г. ѣздилъ въ Астрахань съ порученіями отъ царя къ воеводѣ Г. С. Куракину стольникъ Каѳтыревъ, который везъ съ собой также и царское милостивое слово находившимся тамъ на службѣ ратнымъ людямъ. По наказу, Каѳтыревъ долженъ былъ сказать солдатамъ М. Кровкова и стрѣльцамъ трехъ Московскихъ приказовъ (Т. Полтева, А. Лопухина и И. Бестужева) „особо“, что „великій государь службу ихъ похваляетъ: будучи они на ево государеве службе, служат ему, великому государю, с великим радѣньем;... да и то салдатом сказать, что женамъ ихъ даютъ хлѣбное жалованье, сверхъ поденного корму (что по отношенію къ стрѣльцамъ вошло въ обычай), и они б о том не печалилис, жены их и дѣти сыті; да им же, салдатом і стрельцом, указал великій государь дат своего великого государя жалованья по рублю человѣку на каѳтаны; и они б, видя к себѣ такую государскую премногую милость, і впредь ему во всем служили с великим радѣньем и на ево государскую милость во всем были надежны, а служба ихъ у нево, великого государя, і впред забвена не будетъ“. Остальнымъ ратнымъ людямъ сказано было много меньше,—только то, что „великій государь службу их похваляет“, и к этому присоединено увѣщаніе, по размѣрамъ „милости“ уже слабо мотивированное,—чтобы они, „видя к себѣ такую ево государскую милость“ [3]), служили и т. д. Если, случалось, награждались заразъ, по одному и тому же поводу, „начальные люди“ служилыхъ полковъ и Московскихъ стрѣлецкихъ приказовъ, то награды послѣднихъ бывали по меньшей

---

[1]) Напр., 17 марта 1662 г. «у стола были»: власти, кн. А. Н. Трубецкой, Ю. А. Долгорукій, Б. М. Хитрово, д. д. И. Лопухинъ, Д. Башмаковъ и головы стрѣлецкіе; Чт. въ О. И. и Д. Р... 1908 г., кн. I, стр. 130; ср. стр. 41, 52, 57, 66, 97 и др.; см. также Дворц. Разр., т. III.

[2]) Г. А. XXVII, № 166, л. 41.

[3]) ib., № 216, л.л. 21—2.

мѣрѣ вдвое значительнѣе [1]). А когда однажды двое служилыхъ людей, прося „о подмогѣ и запасахъ", указывали въ своей челобитной „во всем на московскихъ головъ", государь велѣлъ разъяснить челобитчикамъ, что ихъ „с московскими головами сверстать не мочно, потомучто многие із них кровию обагрилися ему, государю, а которые и не обагрилися, і онѣ ему, великому государю, во многих службах і во всяких дѣлахъ объявилися вѣрны і постоятельны, безо всякие лести". Рѣшеніе было: „і довелося было дат четвертное і годовое жалованье, а за то, что бьете челом с указом і невѣжливо, отказать во всем", [2]) — мотивировка, въ которой московское самовластье проявило преувеличенную чувствительность столько же въ отношеніи своихъ прерогативъ, сколько и въ отношеніи престижа своихъ вѣрныхъ слугъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выносишь впечатлѣніе, что обиды, причиненныя стрѣльцамъ, государь готовъ былъ принять на собственный счетъ. Всѣмъ извѣстный казначей Саввина-Сторожевскаго монастыря вызвалъ негодованіе царя Алексѣя не просто пьянымъ буйствомъ, а, можетъ быть, главнымъ образомъ тѣмъ, что оно направлено было противъ поставленныхъ въ монастырѣ Московскихъ стрѣльцовъ. Въ этомъ царь усмотрѣлъ, если воспользоваться его пышной фразеологіей, „высокопроклятые и гордостные и вымышленные тайные дѣла", или, какъ иначе еще онъ выразился, „грозы" по своему адресу со стороны буйнаго монаха. Потому такъ строго и былъ поставленъ сыскъ по этому, казалось бы, просто пьяному дѣлу, и такой суровой карѣ подвергнутъ былъ обвиняемый: царь распорядился „выслать (казначея) в—ную келью за стрѣльцами и не велѣть от нево пяди отходить, и чернилъ и бумаги отнюдь не давать и не пропускать къ нему никаково человѣка", а послѣ того—„положя чеп на шею, на ноги желѣза, и весть къ Москвѣ" [3]).

Все изложенное позволяетъ не считать фальшивымъ освѣщеніе, въ какомъ наблюдавшіе внутреннія отношенія въ Московскомъ государствѣ или собиравшіе объ нихъ свѣдѣнія иностранцы изображаютъ роль Московскихъ стрѣльцовъ. Современникъ царя Алексѣя Коллинсъ отожествляетъ стрѣльцовъ

---

[1]) Напр. А. М. Г., т. III, № 151.
[2]) Г. А., XXVII, № 338; напеч. у Гурляда.
[3]) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 685 и сл.

съ янычарами [1]); но съ полной ясностью политическая роль ихъ обрисована у болѣе позднихъ авторовъ—Фокеродта и Манштейна, вообще отличающихся значительной освѣдомленностью въ русскомъ прошломъ. По свѣдѣніямъ Фокеродта, стрѣльцовъ «утвердилъ» въ качествѣ тѣлохранителей п. Филаретъ «въ помощь самовластію», надѣливъ ихъ льготами и правами, но поставивъ подъ начальство не знатныхъ дворянъ, а «выслужен-цевъ»; оттого дворянство «донельзя презирало этотъ отрядъ и считало для себя позорнымъ и унизительнымъ служить въ немъ», а въ свою очередь и стрѣльцы ненавидѣли «знатные роды» и всегда были «въ готовности исполнять царскія приказанія противъ нихъ». Царь Алексѣй Михайловичъ, утверждаетъ Фокеродтъ, въ полнотѣ и независимости своей власти «зашелъ... такъ далеко съ такими пособниками, что не имѣлъ больше надобности щадить дворянскіе роды, а отважился уменьшить ихъ льготы», разъ нашелъ это нужнымъ «для блага государства» [2]). Манштейнъ, сравнивая подобно Коллинсу, стрѣльцовъ съ янычарами, думаетъ, расходясь—и не къ выгодѣ для себя—съ Фокеродтомъ, что стрѣлецкое войско было «образовано» п. Филаретомъ, и уже въ согласіи съ нимъ,—что съ помощью стрѣльцовъ имѣлось въ виду «держать въ повиновеніи вельможъ и дворянство» и что они внушали къ себѣ дворянству «настоящую ненависть» [3]). Очень близки къ названнымъ иностранцамъ въ своихъ представленіяхъ о роли Московскихъ стрѣльцовъ нѣкоторые изъ русскихъ писателей 18-го вѣка. Такъ, тоже сближеніе стрѣльцовъ съ янычарами находимъ у Матвѣева [4]). Голиковъ, признавая, что стрѣлецкое войско одно только и было способно стать настоящей вооруженной силой, оговаривается, однако, что въ дѣйствительности «сіе самое войско было болѣе государству вредно, нежели непріятелямъ, и всѣ истинные Россіяне ненавидѣли оное за его развратность и наглость». Учрежденіе стрѣлецкой пѣхоты онъ приписываетъ, повторяя Татищева, Ивану IV, но присоединяетъ къ этому, можетъ быть, слѣдуя автору статьи «о старинныхъ чинахъ въ Россіи», что стрѣльцы составляли «тѣлохранительную стражу» Грознаго, «из-

[1]) Коллинсъ. Нынѣшнее состояніе Россіи, стр. 34.

[2]) Фокеродтъ. Россія при Петрѣ Великомъ, стр. 22—3.

[3]) Записки Манштейна о Россіи, стр. 309. Изд. 1875 г.

[4]) Записки Матвѣева, стр. 3. Въ изд. Сахарова «Записки русскихъ людей».

вѣстную подъ названіемъ опричинной» [1]). Конечно, съ такой опредѣленностью политическая роль Московскихъ стрѣльцовъ могла быть формулирована только уже въ 18 в., когда передъ глазами писавшихъ стояли событія 1682 года, какъ воспоминаніями объ этихъ событіяхъ отчасти объясняется и раздраженіе, которое слышится въ отзывахъ Матвѣева и Голикова. Но въ 1682 г., безъ сомнѣнія, лишь въ рѣзкой формѣ проявилось политическое самочувствіе стрѣльцовъ, которое стало складываться много раньше, подъ вліяніемъ того исключительнаго положенія, въ какое они были поставлены при царѣ Алексѣѣ. Они, несомнѣнно, уже вошли во вкусъ своей роли, прежде чѣмъ потребовали по поводу событій 1682 года, чтобы за ними офиціально былъ признанъ титулъ «надворной пѣхоты». А объективнымъ показателемъ ихъ значенія служитъ судьба Стрѣлецкаго приказа: послѣдній сохранялъ свое выдающееся положеніе въ системѣ управленія, пока и стрѣльцы удерживали данное имъ положеніе; но съ ихъ пораженіемъ, еще при Софьѣ, происходитъ перемѣна: вскорѣ послѣ того, какъ они принесли повинную, признавъ себя побѣжденными, сборъ стрѣлецкой подати отбирается у Стрѣлецкаго приказа и передается въ чети [2]).

Особенно прочнымъ довѣріе царя Алексѣя къ своей гвардіи должно было стать послѣ событій 1662 г. въ с. Коломенскомъ, гдѣ стрѣльцы повели себя совсѣмъ иначе, чѣмъ въ 1648 г. въ Москвѣ. Стрѣльцы поспѣли въ Коломенское какъ разъ во-время, къ тому критическому моменту, когда на слова Алексѣя Михайловича, что онъ идетъ самъ въ Москву «для сыску» надъ лицами, вызвавшими народное возмущеніе, мятежники «учали говорить царю сердито и невѣжливо, съ грозами», требуя немедленной выдачи бояръ «добромъ». И царь, разсказываетъ Котошихинъ, «провѣдавъ, что стрелцы къ нему на помочь въ село пришли, закричалъ і велѣлъ» всѣмъ, «которые при немъ были, тѣхъ людей биті и рубиті до смерти и живыхъ ловити» [3]). На стрѣльцовъ, слѣд., выпала при этомъ рѣшающая роль. Такъ представляли себѣ ходъ событій и другіе современники,—между прочимъ, и нѣкоторые изъ участниковъ событій. Сосланные тогда

[1]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, т. XIII, стр. 235—9; ср. Др. Р. Вивл., т. XX, стр. 232—3.

[2]) П. Н. Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст., стр. 65.

[3]) Котошихинъ, l. c., стр. 103.

въ Казань «воры и бунтовщики», какъ узнаемъ изъ доставленаго въ Тайный приказъ сыскного дѣла, говорили, когда ихъ на мѣстѣ стали расписывать по полкамъ: «волен де великиі государь, а имъ де свое взять, опят бунтоват на Москвѣ, бояр побиват и домы на Москвѣ грабит и розбиват и разорят». Бывшіе тамъ же нѣсколько солдатъ изъ полка М. Кравкова поддерживали бунтовщиковъ, говоря, что «они де, салдаты, их, бунтовщиков, не покинут, станут с ними вмѣсте бояр побиват и домы разорят». Но не одни бояре вызываютъ ненависть тѣхъ и другихъ: «да тѣ же воры бунтовщики и салдаты, разсказывается дальше въ дѣлѣ, грозятца на московских стрѣлцовъ и хотят побиват до смерти Яковлева приказу Соловцова, Семенова приказу Полтева, Артемонова приказу Матвѣева [1]) за то, что они их, бунтовщиков, ималі и до смерти их побивалі, а бояр побит им и домовъ разорят и грабить не далі». Отмѣчено и исключительно благоволеніе царя къ стрѣльцамъ, какъ лишняя причина ненависти къ нимъ: «да и за то на тѣх стрелцов грозятца, говорится въ донесеніи о солдатахъ, что их (стрѣльцовъ) великій государь жалуетъ, даетъ имъ свое государево жалованье многое, а имъ, салдатом, даютъ государево жалованье малое і их де салдатов великіи государь ставит ни во что» [2]). Бунтъ въ Коломенскомъ, когда возбужденная толпа вплотную подступила «зъ грозами» къ царю, на Алексѣя Михайловича произвелъ, можно думать, чрезвычайно сильное впечатлѣніе: не даромъ же «роспись» Коломенскимъ бунтовщикамъ, «которыхъ велено повѣсить і въ которыхъ мѣстех, а иныхъ... сослать въ сылку», составлена была «за помѣтою дьяка Дементья Башмакова», т. е. въ Тайномъ приказѣ; но, съ другой стороны, тѣмъ лучше запомнилъ государь и услугу, оказанную стрѣльцами. Годъ спустя послѣ того, царь въ извѣстномъ намъ наказѣ ст. Каѳтыреву «похваляетъ» Московскихъ стрѣльцовъ и салдатъ полка Кравкова, не примкнувшихъ къ бунтовщикамъ [3]), не только за «нынешнюю», а и «за прежнюю (ихъ) службу, какъ они ему, вели-

---

[1]) Т. е. извѣстныхъ намъ, наиболѣе приближенныхъ къ царю, стрѣлецкихъ приказовъ: см. выше стр. 337—8.

[2]) А. М. Ю. Прик. ст., № 990, л.л. 4—53.

[3]) Часть салдатъ М. Кравкова, несомнѣнно, принимали участіе въ бунтѣ. См. Зерцаловъ, l. c., стр. 294, 323. Не невѣроятно, что послѣ тог и стали приниматься мѣры къ уравненію салдатъ этого полка съ Московскими стрѣльцами.

кому государю, в смутное время служилі и к бунтовщиком и к измѣнником и ни х каким воровскимъ людемъ не приставалі». Прошло 3 года съ тѣхъ поръ, а царь временами все еще возвращается въ своихъ мысляхъ къ этому моменту: въ 1665 г., напр., онъ указываетъ выдать, какъ записано въ приходо-расходныхъ книгахъ, салдатамъ М. Кравкова (1082 ч.) по рублю своего государева жалованья, «да по кумачю человѣку» и опять за то же,—«что они во 170 году на Москвѣ і в Коломенскомъ к воромъ бунтовщикомъ не пристали» [1]). Въ высшей степени вѣроятно, что Коломенскій бунтъ, усиливъ вниманіе государя къ стрѣльцамъ, явился также толчкомъ къ изысканію способовъ лучшаго матеріальнаго ихъ обезпеченія.

Какъ говорилось уже, въ годы хозяйственнаго кризиса жалованье Московскихъ стрѣльцовъ въ установленныхъ ранѣе размѣрахъ должно было оказываться недостаточнымъ, и—особенно тягостной становилась для нихъ въ этихъ условіяхъ замѣна хлѣбнаго жалованья денежнымъ. Врсменами государь приходилъ къ нимъ на помощь, то удѣляя въ ихъ пользу часть изъ случайныхъ натуральныхъ поступленій, какъ было, напр., при переходѣ къ нему имущества Н. И. Романова [2]), то жалуя хлѣбомъ по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ лицъ, изъ запасовъ Приказа Казанскаго Дворца [3]). Это, конечно, не было рѣшеніемъ вопроса, а между тѣмъ послѣдній съ увеличеніемъ числа стрѣлецкихъ приказовъ пріобрѣталъ еще большую остроту, особенно въ виду того, что съ самаго начала на содержаніе новыхъ приказовъ, какъ сказано въ извѣстномъ намъ указѣ 1672 г., «хлѣбных запасовъ, къ прежнему окладу, въ Стрѣлецкомъ приказе не положено» [4]). Но въ вопросѣ о содержаніи Московскихъ стрѣльцовъ условія момента выдвинули еще другую сторону. Созванные правительствомъ въ октябрѣ 1660 г. съ цѣлью выясненія причинъ хозяйственнаго кризиса, Московскіе торговые люди разныхъ категорій согласно указывали въ своихъ сказкахъ въ качествѣ главной причины «хлѣбной дорогови» слѣдующую: «прежъ сего было Великого Государя хлѣбное жалованье ружнымъ попамъ и всѣмъ церковникамъ и стрѣльцамъ и государевымъ дворовымъ людямъ; а нынѣ даютъ тѣмъ всѣмъ лю-

[1]) Р. И. Б., т. 23, ст. 628.
[2]) См. выше, стр. 43.
[3]) Р. И. Б., т. 21, 1001, 1004, 1008.
[4]) См. выше, стр. 337.

дямъ государево жалованье за хлѣбъ деньгами, и тѣ всѣ люди на Москвѣ и въ городѣхъ стали хлѣбу купцы». Тутъ же эксперты намѣтили и возможный выходъ изъ затрудненія: гости, гостиной и суконной сотни торговые люди высказали пожеланіе, чтобы государь указалъ «хлѣбъ на свое Государево жалованье стрѣльцамъ взять у Патріарха и у властей и въ монастырѣхъ который у нихъ будетъ хлѣбъ в лишкѣ за обиходомъ», а сотскіе и старосты черныхъ сотенъ намекнули и еще на одинъ возможный источникъ: «прежъ сего, говорили они, изъ дворцовыхъ селъ и изъ волостей хлѣбъ Государевъ привозили къ Москвѣ на Житный дворецъ; а нынѣ съ тѣхъ селъ и съ волостей емлютъ за хлѣбъ оброчный деньгами» [1]). Какъ извѣстно, на 1662-й годъ правительство рѣшило сбирать стрѣлецкую подать не деньгами, а хлѣбомъ со всѣхъ областей, осуществляя, такимъ образомъ, мысль торговыхъ людей въ болѣе широкомъ примѣненіи, но тѣмъ самымъ вызвало со стороны населенія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, «рѣшительное сопротивленіе», и на 1663-й годъ вынуждено было остаться при прежнемъ способѣ сбора—деньгами [2]). Можно сомнѣваться, чтобы при тѣхъ условіяхъ бо́льшую готовность къ замѣнѣ денежнаго оброка хлѣбнымъ оно встрѣтило и среди населенія дворцовыхъ владѣній, если бы сдѣлало подобную попытку. Во всякомъ случаѣ окончательный выходъ былъ найденъ, мы знаемъ, другой: создана была, подъ непосредственнымъ руководствомъ царя, хозяйственная организація, посредствомъ которой одновременно и обезпечивались матеріальныя нужды Московскихъ стрѣльцовъ, а изъ «дворовыхъ людей»—сокольниковъ, и еще болѣе скрѣплялась связь между царемъ и его лейбъ-гвардіей.

Итакъ, хозяйственное вѣдомство Тайнаго приказа не было только хозяйственнымъ предпріятіемъ. По формѣ оно, несомнѣнно, подсказано было личными хозяйственными наклонностями царя Алексѣя и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, строилось во

[1]) П. С. З., № 286.

[2]) П. Н. Милюковъ, l. c., стр. 58—60. Въ 1662 г. правительство, повидимому, не отступилось отъ своего рѣшенія, и трудности, съ которыми ему приходилось бороться при сборѣ стрѣлецкаго хлѣба за этотъ годъ, хорошо рисуются царской грамотой къ Ростовскому воеводѣ Пустошкину отъ 6 марта 1663 г. А. И., т. IV, № 171.

многомъ по типу частныхъ владѣній; но основной задачей своей оно отвѣчало политическимъ соображеніямъ своего организатора и объясняется въ своемъ возникновеніи общимъ складомъ политическихъ отношеній въ Московскомъ государствѣ того времени. Въ этомъ—внутренняя логика обращенія Тайнаго приказа въ органъ хозяйственнаго управленія, и отсюда—особое положеніе захватывавшихся его вѣдомствомъ общественныхъ группъ, которыя въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей призываются къ исполненію разнообразныхъ чрезвычайныхъ порученій царя въ области общаго управленія такъ же, какъ и въ спеціально хозяйственной администраціи. Останавливаясь на всѣхъ этихъ особенностяхъ подвѣдомственной Тайному приказу хозяйственной организаціи, можно придти къ мысли, не имѣлъ ли и здѣсь, въ образованіи этой организаціи, своей доли вліянія тотъ же самый историческій образецъ, съ которымъ царь Алексѣй справлялся, какъ мы знаемъ, въ другихъ, представлявшихъ для него принципіальное значеніе, случаяхъ? Въ архивѣ Тайнаго приказа оказалось, между прочимъ, всѣмъ извѣстное «прошеніе князь Ивана Васильевича Московскаго и дѣтей ево къ государю и великому князю Семіону Бекбулатовичу всеа Россіи о свободѣ людемъ» [1]),— какъ могъ бы попасть сюда этотъ единственный въ своемъ родѣ документъ изъ исторіи опричнины, если бы Алексѣй Михайловичъ не былъ заинтересованъ и этимъ предпріятіемъ Грознаго? Конечно, принимая такое сближеніе, надо имѣть въ виду всю совокупность различій, обусловливавшихся особенностями и личныхъ характеровъ обоихъ самодержцевъ, и стоявшихъ передъ ними конкретныхъ задачъ, и общихъ историческихъ условій. А съ другой стороны, черезъ ту же организацію царь Алексѣй подаетъ руку своему знаменитому сыну: Петровская гвардія, въ ея политическомъ значеніи, была несомнѣнной преемницей Стрѣлецкой надворной пѣхоты, и при наличности послѣдней, можетъ быть, и явилась только потому, что Голицынъ, другъ царевны Софьи, предупредилъ другого Голицына, воспитателя Петра. Интересно отмѣтить, что эту общность роли между гвардейцами 18-го вѣка и Московскими стрѣльцами второй половины 17-го подчеркнулъ одинъ изъ носителей верховной власти въ Россіи, называя первыхъ такъ, какъ современники звали послѣднихъ,—янычарами.

---

1) Зап. Отд. Р. и С. А., т. II, стр. 5.

Хозяйство Алексѣя Михайловича, само по себѣ, было предпріятіемъ недолговременнымъ: не многимъ пережило своего организатора; все же оно существовало достаточно для того, чтобы чрезъ него успѣли проявиться общія, хозяйственныя и политическія, тенденціи того времени.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе . . . . . .

Предметъ изслѣдованія. — Постановка задачи.— Источники 13

Глава первая.

Образованіе территоріи. Время возникновенія хозяйственнаго вѣдомства Тайнаго приказа. Составъ владѣній и способы ихъ освоенія; земли казенныя и частновладѣльческія. Административное распредѣленіе владѣній между Тайнымъ и Хлѣбнымъ приказами. Хлѣбный приказъ и его вѣдомство. Отношеніе Хлѣбнаго приказа къ Тайному. Территоріальное вѣдомство Тайнаго приказа, какъ форма владѣнія 47

Глава вторая.

Административный строй въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа. Общее положеніе владѣній вѣдомства. Административное дѣленіе. Воеводы и прикащики; условія и постановка ихъ дѣятельности; отношеніе къ крестьянскому міру. Чрезвычайные агенты приказа на мѣстахъ; ихъ составъ; виды исполняемыхъ ими порученій; ихъ положеніе рядомъ съ постоянными представителями администраціи 78

Глава третья.

Царь и Тайный приказъ. Приказъ, какъ официальный представитель вѣдомства. Дьяки и подъячіе; предѣлы ихъ полномочій. Царь—хозяинъ. Формы и пріемы его руководства хозяйствомъ; доклады и указы. . . 107

Глава четвертая.

Организація хозяйства. Земледѣльческое хозяйство. Общіе размѣры пашни; система земледѣлія; пріемы обработки; доходность. Скотоводство и пчеловодство. Садоводстао и огородничество; шелководство. Промыслы; рыбныя ловли; солевареніе; поташное дѣло. Заводы: стеклянные; сафьянный, кожевенный, кирпичный. Поиски руды. 167

Глава пятая.

Населеніе государевыхъ владѣній. Крестьяне; ихъ юридическое положеніе; подати и влалѣльческіе сборы; повинности; побѣги и волненія среди крестьянъ. Рабочіе въ государевыхъ селахъ; „работные люди“, какъ форма повинности населенія; ихъ положеніе на работахъ; наемные работники; форма и условія ихъ найма; рабочіе по „подряду“; мастера. Московскіе стрѣльцы и солдаты выборныхъ полковъ 209

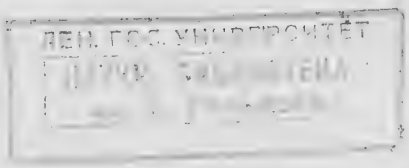
Глава шестая.

Хозяйственный оборотъ въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа. Дальнія и подмосковныя села въ общемъ оборотѣ; Измайлово и его роль въ бюджетѣ. Общіе расходы на пожалованія разныхъ видовъ. Расходы на содержаніе московскихъ стрѣльцовъ и солдатъ выборныхъ полковъ. Расходы на нужды двора. Органы распредѣленія въ вѣдомствѣ Тайнаго приказа; Аптекарскій дворъ; Хлѣбный приказъ и каменныя житницы; „десятая“ и „пятая“ части; „стрѣлецкій хлѣбъ“. Финансы. Составъ приказнаго бюджета по приходо-расходнымъ книгамъ. Промышленныя и торговыя операціи приказа. Вопросъ объ общемъ назначеніи царскаго хозяйства. 263

Глава седьмая.

Тайный приказъ и царское хозяйство. Первоначальное назначеніе приказа въ связи съ личными привычками и политическимъ міровоззрѣніемъ Алексѣя Михайловича. Тайныя дѣла, какъ сфера вѣдомства

приказа, и послѣдующее ея расширеніе. Боярство, какъ правительственный классъ, въ воззрѣніяхъ царя и въ практикѣ управленія. Руководящая роль царя въ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ; отношеніе Тайнаго приказа къ Посольскому и военнымъ приказамъ. Челобитенный приказъ и сыскныя дѣла. Новые пріемы руководства. Возникновеніе хозяйственнаго вѣдомства приказа и условія, которыми оно было вызвано. Политическія настроенія въ Московскомъ государствѣ и роль Московскихъ стрѣльцовъ. Заключеніе 348

Недосмотры и опечатки.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
5	2 снизу	667	67
56	24 сверху	беречь	беречь»
63	21 » »	холѣлъ	хотѣлъ
92	7 » »	манаховъ	монаховъ
94	24 » »	сентябрь	«сентября
97	13 » »	Сокольскому	Соколовскому
121	21 » »	182	за 183
122	12 » »	182	за 183
154	1 снизу	значитеельно	значительно
157	7 сверху	Сорокино	Строкино
159	1 снизу	А. М. Д.	А. М. И. Д.
193	3 сверху	Долгоруковъ	Долгорукій
194	17 » »	500	50
244	7 » »	отнсо	относить
276	4 » »	шестидесятыхъ	пятидесятыхъ
304	7 » »	вы	выполняетъ